

# ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**Коллективная безопасность в Азии —  
насушная проблема**

**Азиатский банк развития: ревизия  
конструктивной цели**

**Советско-японские отношения  
на новом этапе**

**В обстановке секретности и разногласий  
(о X съезде КПК)**

**24 года КНР: итоги и проблемы**

**Как Мао Цзэ-дун шел к власти**

**4**  
**1973**

## СОДЕРЖАНИЕ

- Коллективная безопасность в Азии — насущная проблема  
3 *А. А. Мартынов*

## «КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

- Пекин против смягчения международной напряженности  
11

## ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- СССР и Япония: полезный диалог  
31 *Ю. Д. Дмитриев*
- Новое подтверждение антисоциалистического курса китайского руководства (о X съезде КПК)  
37 *К. В. Кукушкин, В. Г. Тимошин*
- 24 года КНР: итоги и проблемы  
47 *С. Г. Юрков*
- XXIX Конгресс востоковедов: дискуссия о современном Китае  
60 *М. И. Сладковский*
- Подрывная деятельность маонстов в международном молодежном движении  
67 *Г. И. Янаев*
- Особенности положения «переходного социального слоя» в Китае  
74 *Л. Пфеффер, А. Эбер (ГДР)*
- Политическая картография на службе великодержавного национализма  
85 *Е. Д. Костиков*
- Великоханьский шовинизм и судьбы Внутренней Монголии  
94 *Д. Базаргарьд (МНР)*
- Азиатский банк развития: ревизия конструктивной цели  
107 *М. А. Андреев*

## ИДЕОЛОГИЯ

- Мелкобуржуазная сущность маонстских концепций социального равенства  
119 *А. М. Арзамасцев*

## ИСТОРИЯ

- Отто Браун: Как Мао Цзэ-дун шел к власти*

## КОММЕНТАРИИ

- 152 Китай и западноевропейская интеграция  
*Ю. И. Михайлов*
- 160 Неприсоединившиеся страны и гегемонизм Пекина  
*В. С. Котляров*

## КУЛЬТУРА

- 168 Вьетнамская литература: наследие и традиции  
*Н. И. Никулин*

## ПУБЛИКАЦИИ

- 175 Кодзики — Записи о делах древности
- К вопросу об изучении в СССР истории японской национальной культуры

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 187 Развитие стран Востока: общее и особенное  
*Л. С. Переломов*
- 190 Дальний Восток во второй мировой войне  
*К. М. Попов*
- 192 Сингэки — знаменосцы нового японского театра  
*Д. М. Дубровский*

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

- 196 На Всемирном конгрессе миролюбивых сил  
*Г. Г. Кадымов*
- 198 XXIX Международный конгресс востоковедов  
*В. Н. Игнатов*
- 201 Пятая конференция писателей стран Азии и Африки  
*Р. С. Белоусов*

## 203 НОВЫЕ КНИГИ

## 206 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1973 ГОД.

Адрес редакции: Москва, 117218  
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,  
тел. 127-08-49

© «Проблемы  
Дальнего Востока»,  
1973

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),  
В. А. АРХИПОВ (отл. секретарь), Г. В. АСТАФЬЕВ,  
Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,  
В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМАНИН, В. М. СОЛН-  
ЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,  
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО.

## Коллективная безопасность в Азии — насущая проблема

---

*А. А. Мартынов*

**В** последние годы в международной обстановке происходят важные исторические по своему значению изменения. В результате активной целенаправленной политики КПСС и Советского государства по осуществлению Программы мира, а также больших усилий социалистических стран и других миролюбивых государств и народов начался процесс перестройки международных отношений от длительного периода холодной войны и конфронтации к разрядке международной напряженности, к утверждению принципов мирного сосуществования в качестве основной международной нормы.

В этом направлении уже достигнуты серьезные успехи. Значительный шаг к нормализации отношений и развитию делового сотрудничества проделан во взаимоотношениях между Советским Союзом, другими социалистическими странами и основными капиталистическими государствами. Вступило во второй этап Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, имеющее большое значение для судеб мира. Впервые в истории все европейские государства, США и Канада собрались вместе, чтобы договориться о мерах, способных обеспечить на длительное время мир, коллективную безопасность и международное сотрудничество на континенте, где в прошлом возникли две мировые войны и с особой силой бушевала холодная война. В процесс перестройки международных отношений вовлекается все большее число государств и на других континентах.

Положено доброе начало, но это только начало. Сейчас в центр внешнеполитической деятельности Советского Союза, братских социалистических стран, всех других миролюбивых государств и сил выдвигается задача углубления начавшихся позитивных процессов, придания им необратимого и всемирного характера, неуклонного движения вперед к главной цели — обеспечению прочного мира во всем мире.

### **Роль Азиатского континента**

Особое значение приобретает Азия, где проживает свыше половины населения земли и в которой в послевоенный период проходило большинство локальных войн и вооруженных конфликтов. «Ставя задачу распространить зону разрядки на весь мир,— подчеркивал в своей речи в Алма-Ате в августе с. г. тов. Л. И. Брежнев,— мы считаем важным, чтобы в этот процесс широким фронтом включилась Азия. При этом мы исходим не только из интересов своей страны, две трети территории которой расположены в Азии. Мы учитываем место этого континента в жизни человечества, роль азиатских государств в мировой политике, интересы самой Азии, ее народов».

Советский Союз твердо убежден, что Азия может и должна жить по законам мира и что реальным путем к этому является коллективная безопасность. Именно в силу такой убежденности Советским Союзом и была выдвинута идея создания системы коллективной безопасности в Азии.

Поясняя цели выдвигаемой идеи, тов. Л. И. Брежнев указывал: «Почему мы выступаем в пользу коллективной безопасности в Азии? Потому, что мы стремимся исключить войны и вооруженные конфликты, империалистическую агрессию на Азиатском континенте; хотим, чтобы каждой стране и народу были гарантированы условия для свободного развития и национального возрождения, чтобы в отношениях между азиатскими странами воцарился дух доверия и взаимопонимания»<sup>1</sup>.

По мнению Советского правительства, основной задачей коллективной безопасности является содействие тому, чтобы принципы мирного сосуществования и добрососедства стали постоянной и неизменной основой отношений между всеми государствами Азии. К ним прежде всего относятся: отказ от применения силы в отношениях между государствами; уважение суверенитета и неприкосновенность границ; невмешательство во внутренние дела; широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды. Коллективная безопасность должна также опираться на признание и строгое соблюдение и таких принципов, как право каждого народа распоряжаться своей судьбой; недопустимость территориальных захватов путем агрессии; урегулирование всех международных споров мирными средствами; право каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

Многие из этих принципов были провозглашены в исторических решениях конференции стран Азии и Африки в Бандунге, отражены в ряде международных документов, касающихся азиатских стран. Главное же заключается в том, что исторический опыт развития двусторонних межгосударственных отношений в Азии, и в частности развития отношений между СССР и азиатскими странами, показывает, что там, где государства твердо и неуклонно придерживались этих принципов, между ними возникала атмосфера взаимного уважения и добрососедства, никогда не возникало каких-либо серьезных конфликтов и возникавшие спорные вопросы улаживались мирным путем.

Советский Союз понимает, что создание коллективной безопасности в Азии — дело новое и непростое. Здесь все еще сохраняется напряженность в отдельных районах и в отношениях между отдельными государствами. Чтобы преодолеть препятствия и создать надежную систему коллективного мира и безопасности, потребуются большие усилия азиатских стран, активное участие их в разработке основных положений системы. Что касается Советского Союза, то он готов сотрудничать в этом большом и жизненно необходимом деле и выступает за то, чтобы двери азиатской коллективной безопасности были открыты для всех государств района и всем им была предоставлена возможность внести свой творческий вклад.

Советский Союз рассматривает создание системы коллективной безопасности как мероприятие реальное и осуществимое, несмотря на имеющиеся многочисленные трудности. Для положительного решения этого вопроса имеются важные предпосылки.

<sup>1</sup> «Правда», 16.VIII.1973.

Главной среди них является воля и устремление азиатских народов. Большинство их, освободившись в ходе и после второй мировой войны от колониального ига и создав национальные государства, полны твердой решимости отстаивать свою самостоятельность, идти по пути национальной независимости и экономического и социального прогресса. Все они выступают за укрепление мира, за обеспечение безопасности и эффективный отпор посягательствам на их свободу и независимость.

Накопленный за прошедшие десятилетия политический опыт убеждает азиатские народы и правительства, что для достижения их благородных и справедливых целей недостаточно усилий одной или группы стран. Все большее влияние на формирование отношения азиатских стран к идее коллективной безопасности оказывает успешное продвижение по пути утверждения коллективной безопасности Европы. Пример Европы наносит сокрушительный удар по скептикам и маловерам, находящимся в плену старых мерок и понятий, не понимающих новых коренных сдвигов, которые произошли и происходят в мире, в том числе в международных отношениях. Опыт европейских стран, где на пути к миру и коллективной безопасности лежали не меньшие, а большие, чем в Азии, завалы, показывает, что при наличии искреннего желания правительств можно преодолеть все преграды.

Благоприятные возможности для утверждения коллективной безопасности в Азии намного расширились в связи с разрядкой напряженности в ряде районов Азии. Положен конец войне во Вьетнаме. Героическая многолетняя борьба вьетнамского народа завершилась его победой. Потушен очаг войны в Лаосе. Совместными усилиями правительств Индии, Пакистана и Бангладеш продолжает смягчаться напряженность в Южной Азии, которая в прошлом не раз приводила к вооруженным конфликтам. Благодаря усилиям Корейской Народно-Демократической Республики наметились позитивные сдвиги в обстановке на Корейском полуострове.

Предложенная Советским Союзом конструктивная идея азиатской коллективной безопасности, четко и ясно показывающая наилучший путь будущего развития политической жизни континента, выдвинулась в центр внимания народов и правительств азиатских государств. Как и следовало ожидать, вокруг этой идеи разгорелась ожесточенная борьба между силами мира и прогресса, с одной стороны, и силами войны и реакции, с другой. В развернувшейся дискуссии особенно шумно и крикливо выступают представители лагеря войны и реакции, справедливо увидевшие в советском предложении большую для себя угрозу.

Основными противниками коллективной безопасности выступают наиболее агрессивные круги империалистических стран и тесно связанные с ними группы местных реакционеров. Обращает на себя внимание то, что все выступления этих представителей сводятся в основном к ругани в адрес Советского Союза, которому «нельзя доверять», к запугиваниям «коммунистической угрозой», беспочвенным утверждениям, что «в Азии много особенностей и поэтому идея коллективной безопасности здесь неосуществима», и т. д. В то же время они старательно обходят и замалчивают главный вопрос, какой же путь для будущего Азии они предлагают? При внимательном анализе политики и действий этих кругов, о чем они стыдятся вслух говорить, их усилия сводятся к тому, чтобы в Азии и в будущем сохранялись уже обанкротившиеся старые и насаждались новые проимпериалистические

военно-политические блоки и двусторонние военно-политические договоры, беспрепятственно и бесконтрольно допускались в азиатские страны капиталистические монополии, сохранялись и расширялись иностранные военные базы и постоянное присутствие иностранных войск, свергались национально-патриотические правительства и заменялись проимпериалистическими режимами и т. д. Можно заранее сказать, что такое «будущее», превращающее азиатские страны под вывеской «независимости» в вотчины безраздельного или совместного империалистического господства и грабежа, не встретит никакой поддержки у народов стран Азии.

Явно отрицательное отношение международной реакции к идее коллективной безопасности в Азии никого не удивляет, от нее ничего другого не ожидалось. А вот позиция нынешнего руководства КНР, особо рьяно выступающего против азиатской коллективной безопасности, вызывает законное недоумение и раздумье у многих народов и правительств азиатских государств, да и не только у них.

### Позиции Пекина раньше и теперь

Прежде всего обращают внимание на полное несоответствие позиции китайского руководства с основными законами КНР и прошлой внешнеполитической деятельностью ее правительства, бессленно возглавляемого Чжоу Энь-лаем. Все помнят, что после победы китайской революции при образовании Китайской Народной Республики в Общей программе Народного политического консультативного совета Китая, определившей государственный строй и задачи КНР, в качестве ее основной линии внешней политики провозглашалось, что «КНР, объединяясь со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми государствами и народами мира — и прежде всего с СССР, странами народной демократии и угнетенными нациями, — находится в лагере международного мира и демократии и в целях гарантии длительного мира во всем мире, ведет совместно с ними борьбу против империалистической агрессии»<sup>2</sup>.

Курс на дружбу и единство с социалистическими странами, на совместную с ними и другими миролюбивыми странами борьбу за мир и принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем, за решительный отпор агрессивным силам империализма в 1954 г. был закреплен в конституции КНР. Всенародное обсуждение проекта конституции во всех городах и селах страны показало, что подавляющее большинство китайского народа горячо поддерживает такой курс как единственно правильный и соответствующий коренным национальным интересам Китая и созданного героическими усилиями китайского народа социалистического государства.

На протяжении первого десятилетия существования КНР ее правительство активно проводило намеченный внешнеполитический курс. Можно напомнить о большом вкладе, который КНР внесла в прекращение войны в Корее и урегулирование корейского вопроса, в прекращение войны в Индокитае, о решительных выступлениях китайского правительства против образования империалистического агрессивного блока СЕАТО в Юго-Восточной Азии, агрессивной войны против арабских стран. В октябре 1954 г. правительства КНР и СССР выступили

<sup>2</sup> «Образование Китайской Народной Республики». Документы и материалы. Госполитиздат, 1950, стр. 33—34.

с совместной декларацией, в которой заявили, что свои отношения со странами Азии и Тихого океана, как и с другими государствами, и впредь будут строить на основе строгого соблюдения принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, взаимного невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Они высказали глубокое убеждение, что такая политика отвечает коренным интересам всех народов, в том числе и азиатских, безопасность и благополучие которых могут быть обеспечены только на основе совместных усилий государств в деле защиты мира. Правительства двух великих держав обязались приложить все усилия для того, чтобы содействовать урегулированию неразрешенных международных проблем, в том числе вопросов, касающихся Азии<sup>3</sup>. В эти же годы правительства КНР и Индии в соглашении по тибетскому вопросу сформулировали пять принципов мирного сосуществования с различными социально-экономическими системами, которые в дальнейшем при их активном участии были подтверждены и развиты в апреле 1955 г. на Бандунгской конференции представителей правительств 29 стран Азии и Африки.

Придерживаясь общей линии социалистических стран на обеспечение мира и безопасности в Азии на коллективных началах, правительство КНР 30 июля 1955 г. внесло предложение о том, чтобы страны Азии и района Тихого океана, в том числе и США, заключили пакт коллективного мира, который бы занял место антагонистических военных блоков в этой части земного шара. Поясняя это предложение, Чжоу Энь-лай в беседе с японским корреспондентом указывал, что пакт коллективной безопасности полностью соответствует Уставу ООН. Его цель состоит не в том, чтобы вызвать раскол и вражду между государствами, а побудить страны жить вместе в условиях мира и дружественного сотрудничества.

18 января 1957 г. КНР и СССР в совместном заявлении снова подтвердили, что «обе стороны считают, что все замкнутые военные группировки должны быть заменены системой коллективного мира и коллективной безопасности»<sup>4</sup>.

В эти же годы правительство КНР вместе со всеми социалистическими странами решительно осуждало создание и деятельность НАТО и приветствовало Варшавский договор «как необходимую основу для сохранения безопасности всех миролюбивых народов». Представитель правительства КНР принял участие в состоявшемся в 1954 г. Совещании восьми европейских социалистических стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. Совещание единодушно приняло специальную декларацию, в которой участники заявили о своей решимости и впредь настаивать на организации в Европе системы коллективной безопасности, ибо только совместные усилия европейских стран способны создать основу для прочного и длительного мира, и заявили готовность сотрудничать с европейскими государствами, которые пожелают идти по этому пути<sup>5</sup>. «Женьминь жибао», сообщая об отношении правительства и народа КНР к Декларации, писала: «Китайский народ полностью поддерживает совместную Декларацию восьми государств — участников совещания европейских стран».

<sup>3</sup> «Известия», 12.X.1954.

<sup>4</sup> «Советско-китайские отношения. 1917—1957». М., 1959, стр. 333.

<sup>5</sup> «Правда», 3.XII.1954.

Внешнеполитическая деятельность китайского правительства, его шаги, направленные к укреплению мира, разрядке международной напряженности, а также к обеспечению безопасности на коллективных началах, неоднократно обсуждалась в 50-х годах на сессиях Всекитайского собрания народных представителей — высшего органа государственной власти республики, избранного демократическим путем в 1954 г., и неизменно одобрялась.

Как явствует из приведенных фактов, идея коллективной безопасности и все ее основные положения полностью соответствуют конституции КНР, официально до сих пор не отмененной, а также решениям высшего органа государственной власти в КНР — Всекитайского собрания народных представителей. Спрашивается, какое имеют право китайские руководители выступать против этой идеи? Нынешняя же позиция правительства КНР никак не соответствует этим законам, одобренным китайским народом.

Недоумение у многих вызывает и то, что негативное отношение руководства КНР к идее коллективной безопасности в Азии никак не согласуется с последними многочисленными заявлениями руководителей КНР, в том числе и на X съезде КПК, о том, что оно выступает за укрепление мира и предотвращение войны и военных конфликтов, за мирное сосуществование, за обеспечение безопасности больших и малых стран, за международное сотрудничество, против гегемонии и монополии нескольких держав в мировой политике, то есть за те цели и задачи, которые лежат в основе советской идеи коллективной безопасности.

Естественно, многие представители азиатских и неазиатских стран обращаются за соответствующими разъяснениями к китайскому правительству. В ответ же им сообщают совершенно несерьезные и подчас даже фантастические мотивы.

Именно такой характер имеют наиболее часто повторяемые ссылки на якобы имеющуюся «угрозу с севера», на намерение Советского Союза «проглотить Китай». Даже самое беглое ознакомление с фактами, документами и материалами об отношениях между Советским Союзом и КНР за последние годы не оставляет камня на камне от этой выдумки. Они неопровержимо свидетельствуют, что не СССР, а нынешнее китайское руководство в 60-х годах, отбросив политику мира и мирного сосуществования и начав проводить великодержавную агрессивную политику, стало концентрировать китайские войска на советско-китайской границе, заявило без всяких оснований претензии на большую часть территории Советского Союза, начало систематически организовывать нарушения границы и вооруженные пограничные конфликты, призывать народ к войне против Советского Союза. Они также показывают, что не руководство КНР, а правительство СССР, руководствуясь принципами мира и мирного сосуществования, за последние годы неоднократно выдвигало ряд конкретных и конструктивных предложений по урегулированию пограничных вопросов, по заключению договора о неприменении силы, по улучшению отношений в различных областях на взаимовыгодной основе, но почти все они были отвергнуты правительством КНР.

Такая обструкционистская линия китайского руководства продолжается и ныне. В середине июня 1973 г. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство официально предложили китайскому руководству заключить договор о ненападении между СССР и КНР, в тексте которого содержалось бы обязательство сторон не совершать нападения друг на друга с применением любых видов оружия на суше, на море и в воздухе, а также не угро-

жать таким нападением. Однако руководство КНР, продолжая на весь мир шуметь относительно «советской угрозы», якобы нависшей над Китаем, до сих пор на это предложение не ответило.

Таковы факты, которые нельзя опровергнуть. Совсем нелепым является мотив о том, что будто Советский Союз, выдвигая идею создания системы коллективной безопасности в Азии, якобы намеревается «изолировать» и «окружить» Китай. Разве неоднократные разъяснения Советского Союза о том, что, выдвигая идею коллективной безопасности, он «выступает за участие в ней всех азиатских стран, в том числе и КНР» можно толковать как стремление «изолировать» и «окружить» Китай? И как же это можно сделать, когда Советский Союз и КНР, если она станет полноправным участником такой системы, будут иметь по одному голосу и равные права?

Несерьезной является и сильно пахнущая великодержавным шовинизмом ссылка на то, что КНР, видите ли, не может участвовать в азиатской коллективной безопасности вместе с Советским Союзом, который якобы не является азиатской страной. Этот нелепый аргумент, кстати говоря, недавно привел глава делегации КНР на пленарном заседании 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Цяо Гуань-хуа в форме риторического вопроса: «Советский Союз — европейская страна... С какой стати он так озабочен «коллективной безопасностью» азиатских стран?». По существу же, Цяо Гуань-хуа на протяжении всего своего пространного выступления не смог привести ни единого соображения против советского предложения. Всем известно, что Советский Союз является не только европейской, но и азиатской страной; в Азии находится свыше двух третей территории Советского Союза, что почти в два раза больше территории Китая, на ней веками проживает значительная часть населения советской страны. Все также знают о том большом вкладе, который внес Советский Союз в дело освобождения народов Азии от колониальной кабалы и укрепление независимости многих азиатских стран, в утверждение мира и безопасности в Азии. Зачем же понадобились китайским руководителям такие утверждения? Не потому ли, что на пресловутой «карте позора», распространенной до сих пор в КНР, значительная часть азиатской территории СССР, так же как и большая территория Южной и Юго-Восточной Азии, обозначается как бывшие владения китайских императоров?

Отговорки китайского руководства не снимают вопроса о действительных, настоящих причинах выступлений его против создания системы коллективной безопасности в Азии. Ответ напрашивается только один. Утверждение прочного мира и безопасности государств и народов в Азии, видимо, не отвечает интересам великодержавного гегемонистского курса внешней политики, который китайское руководство проводит за последнее десятилетие вопреки конституции КНР и выраженной в ней воле подавляющего большинства китайского народа.

Какую же «программу» на будущее предлагают китайские руководители азиатским народам? Об этом красноречиво свидетельствует занимаемая правительством КНР позиция по важнейшим международным вопросам. Это — сохранение и даже усиление международной напряженности; продолжение ничем не ограниченной гонки вооружений; отсутствие систем коллективной безопасности и других объединений стран и народов, направленных на укрепление мира и безопасности; сохранение вооруженных сил и военных баз империалистических государств на территории азиатских стран; и наконец, оголтелый, злобный антисоветизм.

Нет нужды доказывать, что такая, с позволения сказать, «программа», во многом смыкающаяся с позициями наиболее махровой мировой реакции, ничего общего не имеет с социализмом, находится в глубоком противоречии с интересами большинства стран Азии и других континентов и поэтому обречена на провал!

### **Задача, выдвигаемая жизнью**

Как бы ни старались противники создания коллективной безопасности, им не удастся повернуть ход истории в Азии вспять. Сейчас развитие обстановки в Азии, несмотря на ее сложность и противоречивость, определяют уже не они, а выросшие и окрепшие силы, выступающие за разрядку напряженности, упрочение всеобщего мира и безопасности народов.

Выдвинутая Советским Союзом идея создания коллективной безопасности в Азии сейчас оживленно обсуждается во многих азиатских странах и встречает растущее одобрение. В поддержку идеи коллективной безопасности в Азии уже выступили многие политические и общественные организации не только в развивающихся азиатских странах, но и в капиталистической Японии.

В этом же направлении громко и внушительно прозвучал голос состоявшейся в апреле 1973 г. Азиатской конференции за мир в столице молодой республики Бангладеш г. Дакке. В ней приняли участие представители 26 стран и многих международных организаций. В единодушно принятой декларации конференция призвала все азиатские страны объединить усилия в осуществлении политики сотрудничества и обеспечения безопасности на континенте.

Советская идея серьезно и внимательно изучается также правительствами азиатских стран. Некоторые из них, такие, как Индия, Иран, Ирак, Сирия, Бангладеш, Шри Ланка и др., выступили с одобрением этой идеи.

Характеризуя обстановку в Азии, тов. Л. И. Брежнев в своем выступлении в Ташкенте 24 сентября с. г. говорил:

«На первый взгляд может показаться, что позитивные тенденции пробивают себе здесь дорогу не столь явственно, как в Европе. Но Азию можно уподобить огромному маховому колесу, которое, медленно набирая ход, неумолимо наращивает силу своего ускорения. Обстановка в Азии постепенно улучшается, и мы убеждены, что этот процесс будет продолжаться в интересах дела мира и прогресса»<sup>6</sup>.

Это также относится и к реализации идеи создания системы коллективной безопасности, которая полностью совпадает с коренными интересами всех народов азиатских стран.

---

<sup>6</sup> «Правда», 25.IX.1973.

## ПЕКИН ПРОТИВ СМЯГЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В ПЕРВОМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА ЗА НЫНЕШНИЙ ГОД В СВЯЗИ С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ПРОСЬБАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ МЫ ОПУБЛИКОВАЛИ ОТВЕТЫ НА ИНТЕРЕСОВАВШИЕ ИХ ВОПРОСЫ ПО КИТАЮ В ФОРМЕ ОБМЕНА МНЕНИЯМИ УЧЕНЫХ, ПРИГЛАШЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ЗА «КРУГЛЫЙ СТОЛ».

СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ МЕСЯЦЕВ, ОСОБЕННО СООБЩЕНИЕ О СОСТОЯВШЕМСЯ В ПЕКИНЕ X СЪЕЗДЕ КПК, ВЫЗВАЛИ НОВЫЙ ПОТОК ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ И ВОПРОСОВ. ПОДАВЛЯЮЩЕЕ ИХ БОЛЬШИНСТВО ОТНОСИТСЯ К ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР. РЕДАКЦИЯ СОЧЛА ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ СГРУППИРОВАТЬ НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ПОВТОРЯВШИЕСЯ ВОПРОСЫ И ВНОВЬ ПРЕДЛОЖИТЬ ИХ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ».

В этом обсуждении приняли участие:

АСТАФЬЕВ Г. В., доктор исторических наук;  
КАДЫМОВ Г. Г., кандидат исторических наук;  
МАРКОВ А. П., кандидат исторических наук;  
ОГНЕВ Ю. И., ст. научный сотрудник ИДВ АН СССР;  
ПЕТУХОВ В. И., кандидат исторических наук;  
СЛАДКОВСКИЙ М. И., член-корреспондент АН СССР;  
ТИХВИНСКИЙ С. Л., член-корреспондент АН СССР;  
ЯКОВЛЕВ А. Г., кандидат экономических наук.

**ВОПРОС:** Нынешнее китайское руководство, ведя борьбу против социалистических сил внутри Китая и на международной арене, выступает от имени КПК и страны, сделавшей в 50-х годах крупный шаг по социалистическому пути развития. Оно также широко использует в своих нападках на эти силы марксистскую терминологию. Как в связи со всем этим следует оценивать классовую сущность политики и позиции Пекина?

**ОТВЕТ:** Прошедший в августе 1973 г. X съезд КПК показал, что маоизм по-прежнему пытается прикрыть свою антисоциалистическую сущность авторитетом социализма, выступает под флагом пролетарской партии. На нынешнем этапе, когда Пекин откровенно ведет линию на самое широкое и тесное блокирование с наиболее воинственными кругами мирового антикоммунизма, усиливает нажим на международный фронт социалистических и других революционных сил, необходимость в «пролетарском» камуфляже для маоистов стала особенно острой.

В действительности же вся внешнеполитическая линия маоистского руководства имеет антисоциалистическую направленность и прямо выте-

кает из существа изменений, происшедших во внутренней политике КНР после того, как группа Мао Цзэ-дуна приступила в 1958 г. к проведению своего антисоциалистического, националистического курса. Если в течение первого 10-летия своего существования КНР развивалась на основе генеральной линии КПК, утвержденной решениями VIII съезда Компартии Китая и основанной на содружестве с социалистическими странами, и в первую очередь с СССР, а народное хозяйство страны руководствовалось научно обоснованным планом, в результате чего осуществлялось успешное социалистическое строительство и были заложены основы социализма, то после 1958 г., когда маоисты выдвинули свой великодержавный антисоциалистический курс, который впоследствии привел к резкому сокращению связей со странами социалистического содружества, они, по-существу, отказались от дальнейшего строительства социализма на научной марксистско-ленинской основе.

Вследствие этого внутренние процессы развития в КНР приобрели весьма специфический характер. В КНР произошла деформация экономического базиса социализма, поскольку все развитие экономики было поставлено на службу новому социал-шовинистическому курсу пекинских руководителей.

Гегемонистские претензии маоистов, находясь в вопиющем противоречии с объективными потребностями Китая, привели к грубому ущемлению интересов рабочего класса, крестьянства, интеллигенции своей страны. И хотя здесь были сохранены государственная и кооперативная формы собственности, однако полное подчинение всей экономики антисоциалистическим целям не могло не сказаться самым плачевным образом на ее развитии по социалистическому пути.

Таким образом, внешняя политика маоистского руководства КНР отражает внутренние антисоциалистические тенденции и прямо вытекает из общей антисоциалистической направленности курса Мао Цзэ-дуна и его группы.

Выступления против социализма с позиций «тоже социализма» и, в еще большей мере, с позиций «подлинного социализма» стали в современную эпоху нормой тактики тех мелкобуржуазно-националистических течений, которые, вливаясь в антиимпериалистическое движение и развиваясь внутри него, деградируют на определенных этапах этого движения в контрреволюционную силу. Подобные течения становятся особенно эффективным орудием антикоммунизма в случаях, когда они вызывают и захватывают господствующее положение в коммунистическом движении отдельных стран, а тем более стран, вставших на путь социалистического развития.

Однако «искренность в политике,— указывал В. И. Ленин,— есть вполне доступное проверке соответствие между словом и делом»<sup>1</sup>. Важно иметь в виду, что, как говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, «единственный способ не ошибаться в политике — это верить практическим делам, а не словесным декларациям»<sup>2</sup>.

Только руководствуясь этим принципом, можно верно оценить, на стороне каких из основных противоборствующих классов современности действует Пекин.

Расхождение между «пролетарской» фразой маоистов и их делами особенно наглядно проявляется во внешнеполитической деятельности Пекина. Начиная с 60-х годов она носит ярко выраженный антипроле-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 259.

<sup>2</sup> «Правда», 13. VI. 1970.

тарский, антисоциалистический характер и дает все основания для вывода о том, что «внешняя политика Китая фактически порвала с пролетарским интернационализмом, утратила классовое социалистическое содержание»<sup>3</sup>. Это находит выражение в том, что на протяжении последних лет Пекин выступает против социалистического содружества практически во всех вопросах мировой политики. При этом в поисках союзников он все больше блокируется с наиболее экстремистскими элементами антикоммунизма, реваншизма и империализма. Характеризуя внешнеполитическую позицию маоистского режима, тов. Л. И. Брежнев в докладе о 50-летию СССР подчеркивал: «По существу, единственный критерий, определяющий теперь подход китайских руководителей к любой крупной международной проблеме,— это стремление нанести по возможности больший ущерб СССР, ущемить интересы социалистического содружества»<sup>4</sup>.

Такой свой курс на международной арене Пекин пытается прикрывать домыслом о некоем «буржуазном перерождении» социалистических стран и компартий мира, решительно выступающих против теории и практики маоизма.

Однако практика показывает, что «переродились» не Советский Союз и другие социалистические страны, которые твердо и последовательно проводят свой курс, а нынешнее китайское руководство. Политика Пекина шла в одном русле с политикой братских стран до тех пор, пока националистические великодержавные амбиции китайских лидеров, ставшие на определенном этапе господствующими, не вошли в противоречие с миролюбивой и интернационалистической политикой социалистических стран. В этой связи полезно сделать экскурс в историю внешней политики КНР. Это целесообразно потому, что в формировании и оценке курса КНР на международной арене и в 50-х годах участвовали и играли далеко не последнюю роль те стоящие у власти в Китае деятели, которые, сделав поворот на 180 градусов, ныне стараются убедить мир, будто они продолжают идти в прежнем направлении.

Достаточно сравнить нынешнюю внешнюю политику маоистов, которую премьер Чжоу Энь-лай расписывал на X съезде КПК как «пролетарскую» и «социалистическую», с политикой КНР в 50-х годах для того, чтобы увидеть, какие разительные перемены произошли за эти годы. Не кто иной, как премьер Чжоу, подписал, например, от имени Китая Совместное советско-китайское заявление от 18 января 1957 г. — развернутый документ, зафиксировавший общие социалистические принципы внешней политики СССР и КНР, «совершенно единую точку зрения» двух стран в отношении «международной обстановки и важных международных вопросов»<sup>5</sup>.

В совместном заявлении ясно указано, что «страны социалистического лагеря последовательно проводят политику поддержания и защиты мира во всем мире», что достаточно всем миролюбивым силам сплотиться, чтобы «любые замыслы агрессивных империалистических кругов были наверняка сорваны»<sup>6</sup>. Советский Союз и другие социалистические страны и ныне, как 16 лет назад, стоят на этой позиции, проводят именно эту политику. Иное дело Пекин.

<sup>3</sup> «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 71.

<sup>4</sup> «Правда», 22.XII.1972.

<sup>5</sup> «Советско-китайские отношения. 1917—1957». М., 1959, стр. 330.

<sup>6</sup> Там же, стр. 331.

«Разрядка — явление временное, поверхностное», — утверждают китайские лидеры и делают все, чтобы вместе с наиболее воинственными кругами империализма сорвать усилия социалистического содружества, стремящегося придать позитивным сдвигам в международной обстановке необратимый характер.

Продолжение этого курса было со всей очевидностью подтверждено в решениях X съезда КПК. Глава китайской делегации в ООН заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа практически познакомил мир с тезисами доклада Чжоу Энь-лая на X съезде. Произнося свою поджигательскую речь, наполненную ядом антисоветизма, глава китайской делегации объявил разрядку на Европейском континенте вообще «несуществующей». В этой связи чехословацкая газета «Руде право» подчеркивала, что Пекин отвергает всякую разрядку международной напряженности, признавая лишь военное насилие. Именно поэтому он направляет свой главный удар против Советского Союза и других социалистических стран, которые стоят в авангарде приверженцев идей мирного сосуществования и активно претворяют их в жизнь. «Китайский делегат в своем выступлении в ООН, — писала газета, — попрал неотъемлемое право народов «жить в мире». Он отвергает возможность достижения малейших успехов на пути к этой цели. Выступление китайского делегата в ООН является опасной угрозой для всех без различия государств».

Пекинские руководители заняли в ходе своей «эволюции» весьма опасную позицию и по вопросу о разоружении.

«...Достижение великими державами соглашения по вопросу о разоружении имеет первостепенное значение для современной международной обстановки»<sup>7</sup>, — записано в Совместном заявлении 1957 г. Проблема разоружения и поныне остается крайне острой, ее решению Советский Союз, социалистическое содружество по-прежнему придают первостепенное значение. Позиция же Пекина в связи с этой проблемой общеизвестна — никакого разоружения, поддержка всех стран, желающих обзавестись ракетно-ядерным оружием.

Защита социализма была и остается священным интернациональным долгом коммунистов. В Совместном заявлении 1957 г. китайская сторона признала, что, оказав венгерскому народу помощь в ликвидации контрреволюционного мятежа в 1956 г., «Советский Союз выполнил свой интернациональный долг перед трудящимися Венгрии и других социалистических стран, что в высшей степени отвечает интересам защиты мира во всем мире». Между тем в 1968 г., когда возникла серьезнейшая угроза социалистическим завоеваниям трудящихся Чехословакии, Пекин обрушился с потоками брани и клеветы на Советский Союз и другие братские страны, пришедшие на помощь социалистическим силам ЧССР. Об интернациональном долге защиты социализма Пекин даже не заикнулся.

В Совместном заявлении правительства СССР и КНР подчеркнули важность и необходимость сотрудничества социалистических стран с молодыми развивающимися государствами, ибо это сотрудничество «соответствует как их взаимным национальным интересам, так и интересам мира во всем мире». Советский Союз целеустремленно продолжает развивать упомянутое сотрудничество, добиваться все более тесного сплочения стран «третьего мира» с социалистическим содружеством. Пекин же открыто стремится подорвать это сплочение, укрепить свое влияние в этих странах, с тем чтобы использовать их как орудие для реализации своих великодержавных целей.

<sup>7</sup> Там же, стр. 333.

«Дружба и единство Советского Союза и Китая являются важнейшим фактором великого единства социалистических государств», — было отмечено в Совместном заявлении. Советская сторона и теперь рассматривает данную оценку как исторически верную. Именно поэтому она вела и ведет борьбу за восстановление советско-китайской дружбы на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, рассматривает нынешнее состояние отношений между КНР и СССР как временное, преходящее, противоречащее интересам двух соседних народов. Китай же проводит враждебную Советскому Союзу и другим странам социализма политику. Здесь уместно будет напомнить слова Мао Цзэ-дуна о значении для Китая дружбы с СССР. В ноябре 1957 г. на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР он заявил, что «после Октябрьской революции правительство любой страны, если оно откажется жить в дружбе с Советским Союзом, лишь нанесет ущерб подлинным интересам народа своей страны».

Какой бы аспект внешней политики маоистского режима мы ни взяли, любой из них находится в абсолютном противоречии с теми социалистическими принципами, которые КНР декларировала в 50-х годах, в том числе и устами Мао Цзэ-дуна, и премьера Чжоу Энь-лая. И как бы ни старались пекинские лидеры выдать свою нынешнюю внешнеполитическую позицию за социалистическую, абсурдно выдавать диаметрально противоположные политики — политику, проводившуюся Китаем в 50-х годах, и его политику 60—70-х годов за одно и то же.

Историческим фактом является то, что за социалистическую политику Пекин выдает теперь свой фактический отказ от борьбы против империализма, свое стремление блокироваться с ним в конфронтации с социалистическими и другими революционными силами современности. Отсюда и призывы Пекина к Соединенным Штатам сохранять и даже усиливать свое военное присутствие в различных районах мира, и активная поддержка, оказываемая маоистами наиболее воинственным кругам империализма. В то же время Пекин стремится расшатать единство социалистического содружества, подорвать его сплоченность, не затрудняясь в выборе любых, самых неприглядных средств, включающих самые фантастические измышления и подтасовку вполне очевидных фактов. Весьма опасны и предательские действия китайских лидеров в отношении национально-освободительной борьбы народов.

Это наглядно проявилось в связи с контрреволюционным путчем, осуществленным военной хунтой в Чили. Пекин не только поддержал действия хунты, но китайские власти выдворили из КНР посла Республики Чили Армандо Урибе, что означало признание фашистской хунты де-факто. А ведь еще недавно пекинские фарисеи заявляли о своей солидарности с правительством Альенде. И вот после того, как Альенде был злодейски убит хунтой, маоисты не постеснялись вонзить нож в спину чилийской революции.

Отношение Пекина к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству как к своему главному врагу на международной арене — закономерное следствие перехода китайских руководителей на антипролетарские, шовинистические позиции. Националистическая идеология принципиально враждебна социалистическим силам. Только эти силы действительно способны вести бескомпромиссную борьбу с теми, кто встал на позиции социал-шовинизма, великодержавного гегемонизма.

Империализм использует позицию Пекина в своей борьбе против сил мира, прогресса и социализма. Империалистические круги с несомненным сочувствием относятся к великоханьским шовинистическим устремлениям маоистов, поскольку в данном случае интересы как тех,

так и других практически совпадают, поскольку политика пекинских руководителей, равно как и политика империалистических кругов, направлена против Советского Союза и всего содружества социалистических стран, рассматриваемых как одной, так и другой стороной в качестве главных своих врагов. Во-вторых, находясь в непримиримом противоречии с научным социализмом и ведя борьбу против сил реально существующего социализма, маоизм действует на главном стратегическом направлении глобальной политики империализма и потому не может не пользоваться особыми симпатиями последнего.

Определяя классовое содержание политики Пекина, необходимо помнить, что, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, «...В политике, как и в науке, следует все же научиться воспринимать вещи объективно»<sup>8</sup>. Поэтому для определения классовой направленности маоистского курса в международных делах при всем различии истоков антисоциалистической линии маоизма и империализма, при всех потенциально острых противоречиях между их конечными целями важен прежде всего тот бесспорный, объективный факт, что на современном этапе задача нанести по возможности наибольший ущерб социалистическим силам мира является общей и главной как для империализма, так и для маоизма, составляет стержень их глобальной стратегии.

**ВОПРОС:** Отход маоистов от классовых принципов в международной политике, в частности, нашел свое выражение в широком пропагандировании ими тезиса о «господстве двух сверхдержав», которые будто бы вступили в сговор между собой.

Какие цели преследует маоистское руководство Китая, выдвинувшее этот тезис!

**ОТВЕТ:** Ревизия марксистско-ленинского, классового подхода к оценке расстановки сил на мировой арене, а также претензии Пекина на роль лидера революционных сил были открыто выдвинуты в начале 1960 г. в серии статей, включенных затем в сборник «Да здравствует ленинизм!». Однако гегемонистские притязания маоистов были, как известно, решительно отвергнуты странами социалистического содружества, международным коммунистическим и рабочим движением.

Потерпев неудачу, пекинские раскольники обвинили руководство социалистических стран в «ревизионизме» и обратили свои взоры к «третьему миру», надеясь стать гегемоном в зоне национально-освободительного движения. В 25 пунктах, изложенных в письме ЦК КПК в адрес ЦК КПСС от 14 июня 1963 г.<sup>9</sup>, и 9 комментариях, опубликованных затем в газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци», центром противоречий и мировой революции объявлялись страны Азии, Африки и Латинской Америки. Теоретически «обосновать» этот тезис была призвана «теория промежуточных зон».

Мао Цзэ-дун выдвинул «теорию промежуточной зоны» еще в середине 40-х годов. Суть ее заключалась в утверждении, что между США и государствами социалистической системы находится так называемая «промежуточная зона», в которую входят страны Африканского, Азиатского, латиноамериканского континентов, а также все капиталистические страны Европы и Канада.

<sup>8</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 223.

<sup>9</sup> «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения». Пекин, 1963.

В 1964 г. маоисты подновили теорию промежуточной зоны, с тем чтобы как-то выделить, обособить страны «третьего мира». Единая «промежуточная зона» была разделена на две. В первую пекинские теоретики включили развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки, во вторую — капиталистические государства Европы, Северной Америки (Канада) и Океанию. Страны «первой промежуточной зоны» объявлялись центром «мировых революционных бурь», революционной «мировой деревней», которой суждено «окружить» и захватить реакционный «мировой город». При этом странам социалистического содружества отводилась второстепенная роль «тыла» национально-освободительного движения, политика которого на мировой арене должна была определяться положением, складывавшимся в зоне национально-освободительных движений.

Однако практическое применение тезисов модифицированной «теории промежуточной зоны», в частности тезиса о «народной войне», которую Пекин намеревался навязать афро-азиатскому миру, также закончилось неудачей. Маоисты не смогли добиться установления своей гегемонии и над национально-освободительными движениями, направить их в русло своей шовинистической политики.

В целом в результате проведения авантюристической политики маоистов Китай оказался на международной арене в позиции изоляции. Руководство КНР было вынуждено наметить практическую линию, которая помогла бы Китаю выйти из внешнеполитического кризиса. С этой целью на состоявшемся в апреле 1969 г. IX съезде КПК был утвержден новый курс внешней политики Китая, направленный на превращение страны в «третью силу» в международных делах.

«Идеологической» основой этого «нового курса» стала концепция о «господстве двух сверхдержав на мировой арене», найденная на рынке буржуазных идей.

В соответствии с этим тезисом маоистами была построена некая двухполюсная схема мира. На одном из них — СССР и США, а на другом — конгломерат «малых» и «средних» стран обеих «промежуточных» зон во главе с Китаем. Суть подобной оценки расстановки сил на мировой арене заключалась в полном отказе от классового марксистско-ленинского подхода к определению характера современной эпохи и отражала стремление Пекина использовать самые разнородные силы, включая наиболее реакционные и реваншистские режимы, в борьбе за реализацию великодержавных целей китайского руководства. Не противоборство двух социально-экономических систем, а противодействие «малых» и «средних» стран (руководимых из «опорной базы» в Пекине) «гегемонии двух сверхдержав» — СССР и США (которые в свою очередь «грызутся между собой»), — вот что, по утверждению маоистов, определяет нынешнее положение в мире.

Концепция «двух сверхдержав» представляет собой в маоистской интерпретации развитие «теории промежуточных зон» с внесением в нее новых элементов, отвечающих конкретной политической задаче Пекина — блокированию с силами реакции капиталистического мира. Другая не менее важная цель заключается в том, чтобы содействовать созданию напряженных, конфликтных ситуаций между СССР и капиталистическими государствами, входящими во «вторую промежуточную зону». В соответствии с этой задачей государства «первой и второй промежуточных зон» объединены в новой концепции под понятием «малые и средние страны», а главной тенденцией исторического развития провозглашается объединение этих «малых и средних стран в борьбе против политики силы двух сверхдержав».

Антисоветская направленность концепции «сверхдержав» становится особенно очевидной в последнее время, когда маоисты стали настойчиво протаскивать «идейку» о том, будто одна из «сверхдержав» (США) слабеет, другая же (СССР), напротив, усиливается и проявляет все большую активность. Отсюда следует вывод: СССР является-де наиболее опасным государством для всех стран обеих «промежуточных зон». В редакционной статье трех ведущих изданий — «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефаньцзюнь бао», посвященной 23-й годовщине КНР, выражалось удовлетворение тем, что «не только во второй промежуточной зоне, но и в первой промежуточной зоне все большее и большее число государств, используя различные формы, объединяются в различных сферах, чтобы вести борьбу против двух сверхдержав»<sup>10</sup>.

Эта концепция дает возможность китайским руководителям блокироваться с капиталистическими странами и использовать «третий мир» в борьбе за упрочение своих великодержавных позиций. Не мешает она Пекину затевать различные комбинации и с США.

Заявляя о необходимости для «обеих промежуточных зон» выступать единым фронтом, китайское руководство объявило объединение стран Европы в НАТО «примером» для подражания развивающимся странам в борьбе против «сверхдержав», вернее, против Советского Союза.

Сегодня в Китае уже больше не говорят о том, что страны Азии, Африки и Латинской Америки представляют собой «зону революционных бурь» и являются «центром сосредоточения мировых противоречий». Да и сама «революция», являющаяся для Пекина тактическим маневром, средством для завоевания сторонников, отошла на задний план. Господствующее положение в политике КНР заняло неприкрытое стремление к гегемонии, выражением чего и явилась концепция борьбы против «двух сверхдержав». Теория «сверхдержав» — яркое свидетельство крайней беспринципности политики китайского руководства.

«Новые» теоретические построения Пекина свидетельствуют о том, что наряду с предательством дела рабочего класса маоисты предают и идеалы национально-освободительного движения, «друзьями» которого они всегда себя изображали. Практическое осуществление концепции о «господстве сверхдержав» означает откровенную попытку отвлечь национально-освободительное движение от борьбы против империализма и колониализма и направить его в русло противоборства с Советским Союзом в угоду великодержавным амбициям Пекина.

Пропаганда тезиса о «господстве сверхдержав» является дальнейшим шагом маоистов к идейно-политическому смыканию с буржуазией, к отказу от классовых позиций во внешней политике, к превращению Пекина в активную антисоветскую, антисоциалистическую силу.

С классовой точки зрения призыв Пекина к «широкому единому фронту», который объединял бы капиталистические и развивающиеся страны, бывшие и существующие колонии с метрополиями, означает, по существу, призыв к союзу на мировой арене мелкой и средней буржуазии «третьего мира» с монополистическим капиталом против международного рабочего класса и его оплота — мировой системы социализма. «Мы выступаем против смазывания классовых различий между странами, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев. — Советский Союз — действительно великое и могучее государство, но прежде всего государство социалистическое, которое проводит классово-

<sup>10</sup> «Жэньминь жибао», 1.X.1972.

вую социалистическую внешнюю политику. Такую же политику, а не политику «больших» или «малых» государств проводят и другие братские социалистические страны, тесно взаимодействующие на международной арене в борьбе за укрепление сил социализма, равные права всех народов на свободу и независимость, на мирный труд»<sup>11</sup>.

В политической практике тезис маоистов о «борьбе против господства сверхдержав» означает смыкание китайского руководства с наиболее реакционными шовинистическими и реваншистскими силами, главным образом в лагере империализма.

Таков логический финал теоретических и политических метаний оппортунистов всех мастей. К нему с необходимостью пришли и китайские мелкобуржуазные националисты, которые, начав с ревизии марксизма-ленинизма, докатились фактически до политического сотрудничества с империализмом, до идейного единения с оголтелыми антикоммунистами и антисоветчиками.

**ВОПРОС:** Как известно, одним из важнейших факторов смягчения международной напряженности являются меры по ограничению гонки вооружений, прежде всего ядерных. За последние годы на этом пути были осуществлены определенные, пусть первоначальные, но воодушевляющие борцов за мир шаги. Состоявшееся в июне 1973 г. подписание советско-американского соглашения о предотвращении ядерной войны, по признанию международной общественности, внесло важный вклад в оздоровление международной обстановки и вселило в сердца людей новую веру в возможность приостановить гонку вооружений, направить человеческую энергию на достижение конструктивных целей.

Чем вызваны и как следует оценивать действия Пекина, встречающего в штыки все меры, направленные на укрепление мира и безопасности народов?

**ОТВЕТ:** Действительно, руководители КНР выступают, по существу, против всех инициатив миролюбивых сил в области разоружения. Они отвергли важную инициативу Советского Союза о созыве конференции пяти ядерных держав — СССР, США, Франции, Англии, КНР — для рассмотрения вопросов ядерного разоружения. Маоисты развертывают активную открытую и закулисную деятельность против созыва Всемирной конференции по разоружению, под надуманными предлогами отказываются принимать участие в переговорах о запрещении химического оружия. В Пекине подвергают нападкам договоры о нераспространении ядерного оружия, о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсичного оружия и об их уничтожении, называя эти важные международные документы «большим обманом», «состряпанным сверхдержавами». Пекинских деятелей не смущает даже то обстоятельство, что участниками вышеперечисленных соглашений является подавляющее большинство стран мира, в том числе развивающихся стран.

В силу своей гегемонистской позиции Пекин не только не заинтересован в решении проблемы разоружения, а, напротив, программа вооружения является одной из важнейших для китайских руководителей. С вы-

<sup>11</sup> «Правда», 28.VI.1972.

полнением этой программы маоисты связывают осуществление всех своих великодержавных притязаний. Китайские руководители в своих усилиях воспрепятствовать прогрессу в деле разоружения не только блокируются с самыми реакционными империалистическими кругами, но все чаще берут на себя неблагоприятную инициативу по срыву предлагаемых СССР и другими социалистическими, а также развивающимися странами мер, направленных на обеспечение дальнейшего прогресса в деле разоружения.

Можно было бы привести немало прямых высказываний китайских руководителей, выдержек из официальных китайских документов, относящихся к периоду до начала 60-х годов, в которых утверждалось, что «самая насущная мировая проблема — немедленное достижение соглашения о разоружении, о запрещении ядерного оружия и его испытаний». Однако после поворота правителей КНР в сторону крайнего внешнеполитического авантюризма, совершившегося на рубеже 50-х и 60-х годов, от этой позиции не осталось и следа.

Потерпев провал в попытке осуществить «досрочный» переход Китая к коммунизму с помощью «большого скачка» и столкнувшись с усилившимся недовольством населения, оказавшегося на грани голода, китайское руководство начало искать выход в обострении международной напряженности, в милитаризации страны.

Одновременно Мао Цзэ-дун и его сторонники стали превращать Народно-освободительную армию Китая из инструмента защиты интересов китайских трудящихся в орудие антинародной военно-бюрократической диктатуры группы Мао, орудие ее великодержавной авантюристической политики. Курс на разоружение не отвечал более целевым ориентирам Пекина. Его главной, всепоглощающей заботой стала программа собственного атомного вооружения.

Для оправдания своей новой линии маоистские деятели начали изыскивать «аргументы», доказывать, в частности, невозможность достижения соглашений о разоружении, ставить под сомнение правильность курса социалистических стран на разрядку международной напряженности, всеобщее разоружение, запрещение ядерного оружия. Пекин выразил свое отрицательное отношение к принципу нераспространения ядерного оружия, пытаясь представить дело так, будто международную безопасность лучше всего можно обеспечить, распространив ядерное оружие по всей планете.

Пекинская пропаганда одновременно различными демагогическими приемами стремилась создать впечатление, будто лишь КНР демонстрирует в вопросах разоружения классовый подход в противовес «пацифистской постановке» этих проблем Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Особенно оголтелую антисоветскую, антисоциалистическую кампанию пекинские лидеры развернули, как известно, вокруг Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, подписание которого правительствами СССР, США и Англии состоялось в Москве 5 августа 1963 г. Руководители КНР в официальных правительственных заявлениях клеветнически обвинили тогда СССР в том, что он якобы проводит политику «объединения с силами войны для борьбы против сил мира», «с империализмом для борьбы против социализма», «с США для борьбы против Китая», «с реакцией различных стран для борьбы против народов всего мира» и т. п. Они пытались даже представить дело так, будто заключение Московского договора ведет к ослаблению обороноспособности социалистического содружества.

Всем, однако, было ясно, что маоисты заботились не о безопасности социалистических стран. Суть отношения пекинских лидеров к Договору была выражена в заявлении от 1 сентября 1963 г., в котором они откровенно провозгласили, что, несмотря на экономические трудности, переживаемые Китаем, они готовы «хоть 100 лет» добиваться превращения Китая в ядерную державу.

Проведенный 16 октября 1964 г. в Китае первый испытательный взрыв ядерного устройства явился весьма убедительным свидетельством причин отрицательного отношения Пекина к проблеме ядерного разоружения. Следует отметить, что и по сей день Пекин, как видно, рассматривает обладание ядерным оружием и другими видами вооружения как основное средство достижения своих великодержавных целей. Не случайно пекинская пропаганда преподносит свои испытательные взрывы атомных бомб как главное, а иногда единственное «свидетельство» укрепления могущества и авторитета Китая.

Правящие круги Пекина, как правило, держат свою деятельность в полном секрете, особенно от самого китайского народа. Они не считают нужным отчитываться ни перед законодательными органами, ни перед партией о финансовой, а также военной политике. Однако известно, что в настоящее время китайское правительство в ущерб делу социализма в стране тратит на военные программы более одной трети государственного бюджета. Значительная часть этих расходов идет на создание ядерного потенциала. Ярмо ядерного вооружения, естественно, усугубляет экономические трудности Китая. (По размерам национального дохода на душу населения КНР находится на одном из последних мест в мире.) Экономическое отставание китайские «стратеги» пытаются, видимо, компенсировать ядерным вооружением. Но вполне очевидно, что на таком пути могут быть удовлетворены лишь великоханьские амбиции пекинских лидеров, а не интересы китайского народа и не объективные потребности социально-экономического развития китайского общества.

Политика маоистского руководства Китая резко контрастирует с усилиями всех миролюбивых стран и народов, направленными на укрепление мира, на разоружение. Пекин продолжает чинить препятствия на пути оздоровления международной напряженности, мешать претворению в жизнь политики мирного сосуществования.

Не случайно, в связи с выступлением на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН главы китайской делегации Цяо Гуань-хуа, наполненным разнузданным антисоветизмом и военной истерией, кипрская газета «Харагви» писала, что «враждебность китайских руководителей к Советскому Союзу достигла такой степени, что они выступают против всего, что могло бы способствовать разрядке международной напряженности».

В июле 1972 г. Чжоу Энь-лай утверждал, будто в современных условиях «не может быть и речи о разоружении»<sup>12</sup>. Выступления китайских представителей в ООН являются откровенной апологетикой гонки вооружений: они пытаются доказать, что разоружение не является актуальной проблемой мировой политики, что о разоружении можно говорить якобы только применительно к «двум сверхдержавам» — СССР и США. Представитель КНР во время прений в ООН по вопросу о разоружении прямо заявил, что Китай «против изображения разоружения

<sup>12</sup> «Жэньминь жябао», 18. VII. 1972.

как крайне актуального вопроса и общего чаяния народов»<sup>13</sup>. Китайские представители в ООН выступили, например, за развитие ядерного потенциала теми странами, которые «располагают небольшим количеством ядерного оружия или вообще не имеют такового»<sup>14</sup>.

Чтобы оправдать обструкционистскую позицию китайского руководства в области разоружения, глава китайской делегации Цяо Гуаньхуа в своей речи на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи 2 октября 1973 г. вновь выдвинул маоистский тезис о «неизбежности войны» как постоянном факторе мирового развития. Пытаясь всячески отрицать значение нормализации положения в мире, глава китайской делегации поставил вопрос: действительно ли дело на международной арене идет к разрядке международной напряженности? «Мы считаем,— заявил он,— что характерной особенностью нынешнего положения является большой беспорядок во всем мире, а не спокойствие».

Маоцзэдуновские представители в ООН пытаются подвести под свою неблагоприятную позицию «теоретические» обоснования. Так, они заявляют, что войны неизбежны и закономерны пока существует империализм, что войну предотвратить нельзя, а следовательно, всякие шаги, предпринимаемые в этом направлении,— «чистой воды обман». Именно так и охарактеризовали представители Пекина единодушно одобренную в ООН резолюцию об отказе от использования силы в международных отношениях и о запрещении навечно применения ядерного оружия. «Люди осуждают войну и считают ее варварским методом урегулирования споров человечества,— заявил китайский делегат на предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи.— Но мы трезво (!) смотрим на вещи и понимаем, что война неизбежна до тех пор, пока общество делится на классы и пока существует эксплуатация человека человеком».

Необходимо, однако, подчеркнуть, что позиции представителей Пекина в главном вопросе современности — мир или война — настолько противоречивы, что одно их высказывание иногда исключает другое. Неоднократно выступая против неприменения силы в качестве незыблемой нормы международной жизни и взаимоотношений между всеми государствами, Пекин не прочь положить этот принцип в основу своих отношений с крупнейшими империалистическими государствами.

Цяо Гуаньхуа, посвятив значительную часть своей речи в ООН 3 октября 1972 г. нападкам на предложение СССР «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия», вместе с тем подчеркивал, что во время визита президента США в КНР стороны «пришли к единому мнению» о том, что «международные споры должны решаться без применения силы или угрозы силой»<sup>15</sup>. В Совместном китайско-японском заявлении от 29 сентября 1972 г. по поводу результатов визита в КНР премьер-министра Японии также записано: «Правительства двух стран подтверждают, что в их взаимных отношениях все споры будут решаться мирным путем, без применения силы или угрозы силой»<sup>16</sup>. В то же время КНР, как известно, отказывается признать принцип неприменения силы в отношениях с другими странами.

Следует отметить, что в ходе выступлений официальных китайских представителей в дискуссиях на XXVI и XXVII сессиях Генеральной Ассамблеи, в Совете Безопасности и других органах ООН, а еще более

<sup>13</sup> «Жэньминь жибао», 27.X.1972.

<sup>14</sup> Там же, 5.X.1972.

<sup>15</sup> Там же, 5.X.1972.

<sup>16</sup> Там же, 30.X.1972.

наглядно на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проявились негативные позиции Китая по всем вопросам, касающимся борьбы за упрочение мира, разоружение, безопасность на Европейском континенте, борьбы национально-освободительных движений с империализмом и др.

Дело дошло до того, что китайская делегация резко обрушилась на выдвинутое СССР и включенное в повестку дня XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение о сокращении пятью великими державами своих военных бюджетов и использовании высвободившихся средств для оказания помощи развивающимся странам.

В вопросах разоружения КНР противопоставила себя в ООН не только социалистическому миру, но и большинству независимых, развивающихся стран. На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи, например, проблему разоружения затронули в своих выступлениях в общей сложности 102 оратора. Почти все они высказались за полное и окончательное избавление человечества от угрозы разрушительной термоядерной войны. Среди делегатов сессии нашлось всего три человека, решившихся открыто высказаться против советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению. Это были представители США, КНР и Албании.

Соединенные Штаты свое негативное отношение к предложению СССР о Всемирной конференции по разоружению мотивировали тем, что такой форум будет якобы «громоздким, дорогостоящим, вероятно, завянет в спорах и закончится тем, что причинит ущерб серьезным переговорам о контроле над вооружениями». Похожие мотивировки выдвинули и пекинские представители, только в более категорических тонах, позволив представителям США спрятаться за их спину. «Нью-Йорк таймс» откровенно писала по этому поводу, что, по мнению нейтральных наблюдателей в ООН, Китай, твердо выступив на Генеральной Ассамблее против советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению, избавил Соединенные Штаты от неудобного положения страны, которая фактически выступает против в одиночку.

В ходе дебатов в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН китайский представитель Чэнь Чу 24 октября 1972 г. заявил, что он не согласен с точкой зрения советской стороны, согласно которой уже созрели условия для проведения такой конференции. Абсолютное большинство стран мира, говорил Чэнь Чу, в той или иной степени находится под угрозой ядерных сверхдержав. И поэтому созыв Всемирной конференции по разоружению при таких обстоятельствах фактически означал бы принуждение этих стран заключить «мирный договор на условиях врага».

Несмотря на противодействие Пекина и США, Комитет по политическим вопросам и вопросам безопасности Генеральной Ассамблеи ООН 22 ноября 1972 г. принял резолюцию о Всемирной конференции по разоружению<sup>17</sup> почти единогласно. Воздержался лишь представитель США, оказавшийся в полной изоляции. Что касается делегата Китая, высказавшегося против Всемирной конференции, то перед лицом единодушного большинства он был вынужден проголосовать за ее созыв.

XXVII сессия Генеральной Ассамблеи почти единогласно приняла резолюцию, подчеркивающую настоятельную необходимость прекращения всех испытаний ядерного оружия в атмосфере. В резолюции

<sup>17</sup> Соавторами этой резолюции явились 59 государств, включая многие африканские страны.

было выражено сожаление в связи с тем, что еще не все государства присоединились к Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанному 5 августа 1963 г. и содержащему призыв ко всем государствам, которые еще не сделали этого, присоединиться к договору о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Решение Генеральной Ассамблеи по вопросу о запрещении испытаний ядерного оружия было принято 104 голосами и только четыре голоса были против, в том числе — Китая и Португалии.

Китайское правительство, бросая вызов подавляющему большинству стран мира, продолжает производить ядерные взрывы в атмосфере.

В связи с последним ядерным взрывом, проведенным в Китае 27 июня 1973 г., решительные протесты Пекину вновь выразили Народная Монголия, Япония, Индия, Индонезия, Непал, Австралия, Новая Зеландия и другие страны. Общественность этих стран справедливо расценила действия Пекина как открытое неуважение международного общественного мнения. Протесты в связи с этим направили в Пекин также политические партии и многочисленные общественные организации Японии, и в первую очередь Ассоциация жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, видные ученые, государственные и общественные деятели страны<sup>18</sup>. Население Японии слишком хорошо знает опасность этого вида оружия: 80 тыс. японцев и по сей день страдают неизлечимыми недугами.

В кругах международной общественности обратили внимание на то, что ядерные испытания, проводимые Китаем, неизменно носят демонстративный характер. Так, Китай ознаменовал ядерным взрывом свой приход в ООН, китайские ядерные испытания были проведены в январе, марте 1973 г., то есть сразу же после XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая подавляющим большинством осудила ядерные испытания в атмосфере и высказалась за запрещение ядерных испытаний во всех средах.

Международная общественность также с тревогой отмечала тот факт, что июньское испытание водородной бомбы в Китае было проведено всего лишь через несколько дней после того, как Советский Союз и Соединенные Штаты в ходе визита Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева в США подписали соглашение о предотвращении ядерной войны. В письме мэра Хиросимы Сэцуо Ямады, направленном в адрес Мао Цзэ-дуна, в этой связи подчеркивалось, что действия Пекина «противоречат наметившимся в последнее время в мире тенденциям, символом которых является заключение соглашения между СССР и США о предотвращении ядерной войны».

Таким образом, пекинские лидеры не скрывают того, что их позиции и дипломатическая деятельность в области разоружения подчинены одной цели — обеспечению международных условий для осуществления курса на милитаризацию Китая, превращения его в ядерную сверхдержаву, к каким бы последствиям для других стран и народов, а также для самого Китая такая политика ни приводила.

Руководители Китая своей ядерной политикой ведут дело к взвинчиванию напряженности, к дальнейшему усилению гонки ядерных вооружений, ко все большему расширению ее сферы. Такая позиция равносильна фактическому пособничеству тем, кто стоит за мировую термоядерную войну, кто против решения спорных международных про-

<sup>18</sup> «Правда», 29 и 30.VI.1973.

блем за столом переговоров. Эта позиция, естественно, встречает решительное осуждение со стороны народов социалистических стран, всех миролюбивых государств, всех, кому дорого дело мира и прогресса.

**ВОПРОС:** Итоги первого этапа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе расцениваются мировой общественностью как событие большого политического значения. Миллионы людей связывают с совещанием свои надежды на смягчение международной напряженности, на потепление политического климата на всей планете.

Чем можно объяснить, что вопреки не только их чаяниям, но и вопреки логике и здравому смыслу Пекин выступает против такого развития событий в мире!

**ОТВЕТ:** Пекинское руководство действительно ведет ожесточенную пропагандистскую и дипломатическую борьбу против политики смягчения международной напряженности, и в первую очередь против мер по оздоровлению политической атмосферы на Европейском континенте. Прогресс в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, созыв которого явился крупным успехом СССР и всех стран социалистического содружества в осуществлении намеченной ими программы борьбы за упрочение мира на континенте, вызывает особое раздражение у маоистов. В этом вопросе их линия, пожалуй, наиболее обнажена смыкается с линией тех ультрареакционных империалистических кругов, которые по-прежнему выступают против разрядки международной напряженности, за продолжение холодной войны и усиление давления на социалистические страны.

Антисоветизм и стремление задержать рост могущества мирового социализма сближают маоистов и наиболее воинственные империалистические круги, делают их, по существу, союзниками в попытках торпедировать усилия социалистических и других миролюбивых государств, направленные на радикальное улучшение обстановки в Европе. Пекинские лидеры, таким образом, все более скатываются на позиции самых оголтелых врагов мира и социализма.

Провокационная, авантюристическая линия Пекина в международных делах, разумеется, никак не вяжется с его заявлениями о приверженности идее мирного сосуществования и уважении интересов народов. Дело, однако, в том, что такие заявления, которые стали появляться все чаще после известных провалов «хунвэйбиновской дипломатии» в годы «великой культурной революции», представляют собою всего лишь тактическую уловку. Внешнеполитическая стратегия маоизма остается неизменной: она сводится к планам утверждения великодержавной гегемонии Китая на международной арене. Единственную возможность для реализации подобных планов Мао Цзэ-дун и его сподручные видят в провоцировании большой войны. Отсюда берет начало пресловутая маоистская концепция построения новой цивилизации ценою гибели в огне термоядерного конфликта половины человечества.

Понятно поэтому, что пекинская дипломатия, одержимая великодержавными устремлениями, всячески противодействует смягчению напряженности в отношениях между другими державами. В документах недавно состоявшегося X съезда КПК политика активной борьбы за упрочение мира характеризуется как временная тактика в международных делах, ее необходимость ставится под сомнение. «Разрядка — явление временное и поверхностное, — заявил Чжоу Энь-лай в докладе на

съезде,— а колоссальные беспорядки будут продолжаться и дальше». Он цинично утверждал, что «такие колоссальные беспорядки являются для народов делом хорошим, а не плохим...».

Может возникнуть вопрос, почему Пекин проявляет такое повышенное внимание именно к европейским делам, почему он развивает здесь особую активность? Ведь если судить по его официальным заявлениям и акциям, то трудно отрешиться от впечатления, что положению в Европе Пекин придает куда большее значение, чем, скажем, положению в Азии, где он и его соседи непосредственно сталкиваются с давлением империалистических держав. Заметим, что в упомянутом докладе Чжоу Энь-лая лишь вскользь было упомянуто об антиимпериалистической борьбе народов Индокитая и других районов Азии, о волнующих их проблемах, но зато выпячен вопрос о Европе и ее безопасности.

Это, конечно, не случайно. Превращение Европы из «пороховой бочки», которая постоянно угрожает человечеству взрывом, в континент прочного мира и сотрудничества государств с различным социально-политическим строем означало бы крушение надежд маоистов на серьезное обострение отношений между Советским Союзом и капиталистическим Западом, на ослабление международных позиций СССР и его союзников. Оздоровление политического климата в Европе неизбежно повлечет за собой смягчение напряженности и в других районах земного шара.

В настоящий момент главные усилия пекинской дипломатии направлены на то, чтобы повернуть вспять начавшийся процесс разрядки и не допустить успеха общеевропейского совещания. Маоистов пугает, что это не только еще более укрепит позиции социалистического сотрудничества, влияние Советского Союза, но, по существу, будет означать и международное осуждение негативной позиции Пекина по многим ключевым проблемам современной мировой политики, в том числе по таким вопросам, как соблюдение принципов мирного сосуществования, неприменение силы и мирное урегулирование споров.

Маоистов особенно раздражает перспектива признания всеми европейскими государствами принципа нерушимости существующих границ, поскольку это еще более подрывает позиции Пекина в его попытках раздуть в провокационных целях территориальные споры как в Азии, так и в Европе. Учитывается и то, что создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе обнажило бы всю беспочвенность нынешних атак Пекина против предложений о построении аналогичной системы коллективной безопасности в Азии. Одним словом, разрядка в Европе во всех отношениях не устраивает пекинских лидеров.

Все это объясняет, почему они пускают в ход любые средства, чтобы опорочить инициативу Советского Союза и других стран социалистического сотрудничества, вновь раздуть на Западе миф о «советской угрозе», убедить капиталистические страны Европы в опасности для них соглашений, подтверждающих признание современных политических реалий и способствующих расширению сотрудничества между странами двух систем.

Скрывая свои расчеты на обострение отношений между СССР и Западом, пекинские лидеры стараются оправдать собственную позицию и вызвать сочувствие у западноевропейских партнеров по переговорам с помощью измышлений о том, что Советский Союз якобы угрожает Китаю. Чжоу Энь-лай, например, в беседе с тогдашним министром иностранных дел Франции Морисом Шуманом, посетившим Пекин, «делился» с ним опасениями насчет «расчетов Москвы», которая-де «в случае нейтрализации Европы под влиянием разрядки, обеспечив свой тыл, бу-

дет располагать полной свободой действий на восточном фланге, то есть на границах с Китаем»<sup>19</sup>.

Поскольку подобные доводы не возымели воздействия, в докладе на X съезде Чжоу Энь-лай наряду с нелепыми утверждениями об агрессивной линии СССР в отношении КНР подбросил новый провокационный тезис о том, что советский ревизионизм, дескать, лишь «создает видимость на Востоке, а наносит удар на Западе, форсирует схватку в Европе, интенсивно осуществляет экспансию на Средиземном море, в Индийском океане и везде...».

Размахивая жупелом «советской угрозы», Пекин призывает западные державы противопоставить политике разрядки напряженности курс на дальнейшую гонку вооружений и укрепление НАТО — военного блока реакционных сил против сил мира и социализма. Всю европейскую печать обошло заявление по этому вопросу, сделанное Чжоу Энь-лаем в беседе с парламентской делегацией Голландии. «Западная Европа, — сказал он, — должна подумать об объединении и укреплении своей обороны». Пекин активно поддерживает распространенную в политических кругах некоторых стран Запада идею консолидации и обособления Западной Европы, превращения ее в «третью мировую державу», и в то же время солидаризируется с политикой военно-политического блокирования США и Западной Европы в противовес странам Варшавского договора. В качестве альтернативы экономическому сотрудничеству всех стран континента — а соглашение о таком сотрудничестве является одной из важнейших задач Общеввропейского совещания — Пекин ратует за расширение и укрепление Общего рынка, за трансформацию этого объединения капиталистических монополий не только в экономический, но и военно-политический союз стран Западной Европы опять-таки в порядке противостояния социалистическому содружеству.

Чтобы достигнуть своих целей, пекинские лидеры готовы, как выражаются буржуазные газеты, «вступить в союз с самим дьяволом», лишь бы сохранить обстановку напряженности и конфронтации между капиталистическими и социалистическими странами в Европе. Примечательно, что после беседы между лидером западногерманских реваншистов Штраусом и представителями официальной китайской прессы по вопросу об Общеввропейском совещании и переговорах о разоружении в Вене, руководство партии Штрауса сообщило, что «в оценке событий выявилось значительное совпадение позиций» и «далеко идущее согласие».

Такая политика, однако, не может принести успеха маоистам, ибо их политический курс в корне расходится с жизненными интересами миролюбивых народов, в том числе и китайского народа, с объективными потребностями развития европейских государств в условиях нового соотношения сил на международной арене. Здоровые тенденции все более берут верх над пережитками холодной войны, и в этом историческая заслуга сил мира и социализма.

**ВОПРОС:** За последние 2—3 года китайские лидеры не раз открыто высказывались за «присутствие» США в Азии, в том числе за сохранение американских военных баз и размещение войск США в этом районе. Пекин также прекратил критику деятельности агрессивных военных блоков. В чем причина такой позиции Пекина!

<sup>19</sup> Цитируется по газете «Монд».

**ОТВЕТ:** После IX съезда КПК, состоявшегося в 1969 г., Пекин начал все более открыто блокироваться с крайне реакционными кругами США, Японии и других капиталистических держав. Правда, первое время маоисты предпочитали не раскрывать своих карт и продолжали требовать «полного ухода» США из Азии. Еще в июле 1972 г. Чжоу Энь-лай, беседуя с американскими аспирантами, высказался в этом духе.

«Приглашение» Пентагону сохранить в Азии свое присутствие было впервые публично и в откровенной форме высказано Чжоу Энь-лаем во время его встречи с членами Конгресса США. Несколько позже, в беседе с японской делегацией, Чжоу высказался за «непременное сохранение» японо-американского «договора безопасности», предусматривающего, как известно, бессрочное размещение американских войск и всенных баз на территории Японии. Он сказал, что считает для Японии ее нынешние «расходы на оборону» «низкими по сравнению с национальным продуктом» страны. «Мы приветствуем увеличение военной мощи Японии в качестве потенциальной силы, противостоящей агрессии СССР», — заявил Чжоу Энь-лай во время встречи с японским премьер-министром в сентябре 1972 г.

В последующее время китайские лидеры не раз возвращались к этим вопросам, по разному варьируя свои высказывания, но неизменно придавая им резко антисоветскую направленность. Говорилось об «опасном вакууме», который-де может возникнуть в Азии в случае ликвидации американских военных баз и вывода войск. Подчеркивалось возникновение серьезной угрозы в случае, если Япония не укрепит свою оборону. При этом намекалось на возможность «совместных усилий», направленных на разрушение «агрессивных замыслов советских ревизионистов». В упомянутой беседе с японцами Чжоу заявил, что он представляет себе ситуацию, при которой Китай мог бы действительно оказать военную поддержку Японии, даже наряду с американцами... «чтобы отразить атаку со стороны Советского Союза»!

Прекратив критику империалистических военных блоков и союзов, Пекин заигрывает с правительствами азиатских стран, входящих в состав этих организаций, призывая их к укреплению сотрудничества с Китаем. «Присутствие США в Азии», заявляют маоисты, должно служить аргументом в пользу такого сотрудничества Китая с азиатскими союзниками Соединенных Штатов.

Подобные «новые» зигзаги в политике маоистского руководства КНР, которое еще недавно, по крайней мере на словах, выдавало себя за самого непримиримого борца против американского империализма и японского милитаризма, были справедливо расценены общественностью азиатских стран и всего мира, как новое свидетельство полной беспринципности маоизма, его готовности идти на сговор с силами международной реакции, как предательство интересов национально-освободительного движения в Азии.

В прессе США, Японии и других стран немало писалось о новом «сенсационном повороте» в политике Пекина на 180 градусов, о его «неожиданном отказе» от позиций, на которых он еще совсем недавно твердо стоял. «Американцы могут лишь приветствовать высказанное одобрение Китаем того же самого «японского милитаризма» и той же самой «американской оккупации», которые он столь резко и так долго осуждал», — писал японский журнал «Экономист».

Совершенно справедливо! Если мы обратимся к «сверхвоинственным» и «сверхреволюционным» высказываниям и призывам маоистов конца 60-х годов, и особенно времен так называемой «культурной революции», когда они грозили «водрузить знамя победы над Белым до-

мом, даже если бы пришлось обогреть кровью весь Тихий океан», и сопоставим эти заявления с тем, что говорят в Пекине теперь, то контраст представляется действительно разительным и «сенсационным».

Однако при более внимательном рассмотрении внешнеполитической деятельности маоистов станет ясно, что все эти «неожиданные» повороты, зигзаги и маневры Пекина суть проявления одного и того же «особого курса» националистической политики, принятого в начале 60-х годов и преследующего цель установления гегемонии Китая сначала в Азии, а затем и во всем мире. Но теперь уже расчеты строятся на том, чтобы осуществить эту программу с помощью и при содействии стран Запада, с которыми Пекин ищет временного альянса.

Не случайно Цяо Гуань-хуа столь резко обрушился с трибуны XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН на предложение СССР о создании системы коллективной безопасности в Азии, которое, как известно, встретило полную поддержку в ряде стран Азии. «Советский Союз — европейская страна... С какой стати он так озабочен «коллективной безопасностью» азиатских стран?» — вопрошал глава китайской делегации. Что это — преднамеренное забвение географии? Нет, это проявление все того же безрассудного курса, при котором все ставится с ног на голову. Ибо только это и может означать утверждение, что Советскому Союзу, две трети территории которого находятся в Азии, который занимает всю северную часть этого континента, нечего заботиться о безопасности азиатских стран.

В сущности, усилия Пекина направлены к тому, чтобы создать для себя наиболее выгодные позиции в борьбе за сферы влияния в Азии, где китайское руководство надеется со временем занять «руководящее положение». «Генеральное направление китайской экспансии — на Юг, — писал по этому поводу американский ученый Б. Гордон. — Частично это объясняется тем, что Север и Северо-Запад блокированы для него мощью Советского Союза, с Востока — динамичная и процветающая Япония. Что касается ЮВА, то это район слабо развитых стран, которые всегда были объектом китайской экспансии, где политика США к тому же подвергается сейчас резкой критике».

Оценка американского ученого находит подтверждение в высказывании самого Мао Цзэ-дуна, который на заседании Политбюро в августе 1965 г. говорил: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. В отношении Камбоджи надо сохранить принцип мирного сосуществования... Такой район, как ЮВА, очень богат, там очень много природных ископаемых, он весьма заслуживает затрат на то, чтобы его заполучить. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того, как заполучим ЮВА, в этом районе можно будет увеличить наши силы; тогда мы будем иметь свои силы, противостоящие советско-восточноевропейскому блоку, ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада».

Нынешняя политика «наведения мостов» с главными империалистическими державами сопровождается усилиями Пекина успокоить общественность соседних азиатских стран, устранить их тревогу, вызванную грубым вмешательством КНР во внутренние дела этих стран в годы «культурной революции». Поэтому Пекин не скупится на «мирные заверения». Однако эти пропагандистские манипуляции не имеют никакого отношения к действительному миру в Азии точно так же, как прежний демагогический лозунг маоистов «острие против острия» не имел отношения к настоящей борьбе против империализма.

Сменив тактику, маоистское руководство Китая надеется достичь своих гегемонистских целей путем «мирного проникновения» в азиатские страны, используя свое выгодное географическое положение, традиционные торговые, культурные и иные связи, а также поддержку миллионов китайцев, живущих в азиатских странах и оказывающих глубокое влияние на их экономику и политику. При этом, как надеются в Пекине, антисоветизм и открытое заигрывание с Западом и Японией должны помочь ему заручиться поддержкой наиболее реакционных милитаристских кругов стран Азии, строящих свои расчеты на дальнейшем обострении советско-китайских противоречий. С другой стороны, разговоры о «добрососедстве» и «мирном сосуществовании» со странами Азии предназначаются маоистами для того, чтобы усыпить бдительность народов этих стран и по возможности выхолостить антикитайское содержание военных блоков и региональных союзов, возникших в Азии под эгидой США.

Важно отметить, что, заговорив о «мирном сосуществовании» с азиатскими странами, Пекин отнюдь не прекратил вмешательства в их внутренние дела, продолжая поддерживать антиправительственные промаоистские силы в таких странах, как Филиппины, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Бирма, Сингапур.

Таким образом, двойственная политика в Азии, сопровождаемая фальшивыми заявлениями о «мирном сосуществовании», отнюдь не свидетельствует о каких-либо изменениях в отношении маоистов к вопросам войны и мира. Под шумный аккомпанемент разговоров о «мирном сосуществовании» со странами Азии Пекин продолжает лихорадочно вооружаться, отказываясь от участия в любых акциях, направленных на сокращение вооружений, на запрещение ядерных испытаний и ядерного оружия, на разрядку международной напряженности. Огромная опасность для стран всего Азиатского континента, которая таится в нынешней тактике маоистов, открыто укрепляющих ныне связи и контакты с международной реакцией и военщиной, не может не вызывать тревоги всей прогрессивной общественности мира.

## СССР и Япония: полезный диалог

---

*Ю. Д. Дмитриев*

Состоявшиеся в октябре нынешнего года в Москве переговоры советских руководителей с премьер-министром Японии К. Танакой, находившимся в СССР с официальным визитом, стали важной вехой в развитии отношений между двумя соседними странами. По единодушной оценке японской печати, эти переговоры являются крупнейшим событием в советско-японских отношениях за 17 лет, прошедших после приезда в Советский Союз тогдашнего премьер-министра Японии И. Хатоямы и подписания Совместной декларации СССР и Японии, которая провозгласила прекращение состояния войны и восстановление нормальных дипломатических отношений между двумя странами.

\* \* \*

Советско-японские переговоры на высшем уровне проходили в обстановке развития процессов разрядки международной напряженности и сотрудничества между государствами с различным социальными системами. Определенная нормализация отношений Советского Союза с рядом крупнейших капиталистических государств, в частности с США и ФРГ, происшедшая в последние годы, оказала заметное воздействие на оздоровление всей международной обстановки в целом, вновь продемонстрировав надежность и эффективность метода переговоров для урегулирования труднейших проблем, годами казавшихся совершенно неразрешимыми.

Позитивные сдвиги на международной арене (прекращение агрессии США против Вьетнама, урегулирование проблемы Западного Берлина, практические шаги по подготовке и проведению Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, смягчение напряженности на Индостанском и Корейском полуостровах и т. д.) благоприятствовали принятию мер по дальнейшему развитию этого процесса в интересах народов всего мира. Как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая в Алма-Ате на торжественном заседании по случаю вручения Казахской ССР ордена Дружбы народов, для распространения зоны разрядки на весь мир важно, чтобы в этот процесс широким фронтом включилась Азия. «В этом плане мы придаем большое значение налаживанию широкого разностороного сотрудничества на взаимовыгодной основе с такой крупной азиатской страной, как Япония», — заявил Л. И. Брежнев.

Оздоровление международной обстановки создало более благоприятные условия для подхода к решению поставленной XXIV съездом КПСС задачи полной нормализации советско-японских отношений на соответ-

ствующей договорной основе. К тому же за период, прошедший после подписания Совместной декларации СССР и Японии в 1956 г., советско-японские отношения получили дальнейшее развитие, значительно продвинувшись в политической, экономической и культурной областях.

О налаживании политического сотрудничества между двумя странами свидетельствуют все более оживленные взаимные визиты государственных деятелей, членов правительства СССР и Японии. Начали входить в практику консультации министров иностранных дел, договоренность о проведении которых была достигнута в 1966 г. Активизировались парламентские связи, породившие новые формы сотрудничества: в Японии, например, была создана Ассоциация депутатов парламента за японо-советскую дружбу, в которую вошли свыше 500 парламентариев, представляющих все политические партии страны.

Быстрыми темпами за эти семнадцать лет развивалась советско-японская торговля, товарооборот которой в 1972 г. достиг 815 млн. рублей, а в 1973 г., по предварительным подсчетам, составит 950 млн. рублей. Япония занимает второе место среди капиталистических стран — внешнеторговых партнеров Советского Союза. Наряду с обычными торговыми операциями все большее место в советско-японских внешнеторговых отношениях в последние годы занимает экономическое сотрудничество. Уже в течение ряда лет осуществляются соглашения о сотрудничестве в развитии лесных ресурсов Советского Дальнего Востока (на основе поставок из Японии в кредит необходимых для этой цели машин и оборудования с оплатой кредита лесоматериалами), а также о сотрудничестве в строительстве нового крупного порта в бухте Врангеля.

Одновременно с реализацией этих соглашений разрабатывались еще более крупные проекты, осуществление которых рассчитано на длительные сроки. Их целью является сотрудничество в разработке тюменских месторождений нефти, якутских месторождений природного газа и коксующихся углей и поставка части добычи этих природных ресурсов в Японию, все более остро нуждающуюся в сырье и топливе (особенно в связи с так называемым «энергетическим кризисом»), проведение разведочных работ на нефть и газ на шельфе острова Сахалин и т. д. Большую работу по подготовке этих и других проектов ведут созданные в 1966 г. советско-японский и японо-советский комитеты по экономическому сотрудничеству, периодически проводящие совместные совещания в Москве и Токио, а также образованные этими комитетами группы специалистов. Прделанная за последние годы работа показала, что Советский Союз и Япония имеют широкие возможности для крупномасштабного долгосрочного взаимовыгодного экономического сотрудничества в различных областях.

Значительное развитие получили также научно-технические связи и культурный обмен между СССР и Японией. О масштабах культурного обмена говорит хотя бы тот факт, что только в 1973 г. Японию посетили такие всемирно известные творческие коллективы, как балетная труппа Большого театра СССР, симфонический оркестр Ленинградской филармонии и др. В Японии неуклонно растет интерес к жизни советского народа: за последние пять лет число японцев, ежегодно посещающих Советский Союз, увеличилось более чем в два раза, достигнув в 1972 г. 25 тыс. человек.

Все эти многообразные связи способствовали значительному улучшению общей атмосферы советско-японских отношений, которая после второй мировой войны была довольно сложной. Особенно большую роль в создании благоприятного климата в отношениях между СССР и Японией сыграл обмен посланиями между Л. И. Брежневым и К. Танакой

в марте нынешнего года, показавший стремление обеих сторон к дальнейшему расширению и углублению советско-японских связей на основе принципов мирного сосуществования в интересах упрочения мира и безопасности народов. Благодаря этому обмену посланиями был открыт путь к проведению советско-японских переговоров на высшем уровне.

За семнадцать лет развития советско-японских отношений был накоплен довольно большой опыт сотрудничества обеих стран в различных областях, что создало возможность для дальнейших шагов с целью углубления взаимоотношений между Советским Союзом и Японией. «Задача, как мы ее понимаем, состоит ныне в том, — заявил товарищ Л. И. Брежнев, выступая на завтраке в честь премьер-министра Японии, — чтобы заложить основы добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией на действительно длительный исторический период, чтобы создать прочную традицию дружественных отношений между народами наших стран, между нашими государствами».

Существенный вклад в решение этой важной задачи был внесен в ходе советско-японских переговоров во время визита К. Танаки в СССР. В подписанном 10 октября Совместном советско-японском заявлении была подчеркнута решимость обеих сторон прилагать усилия для дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и Японией.

Советско-японские переговоры показали, что путь к достижению этой цели лежит через расширение сотрудничества обеих стран в решении вопросов двухсторонних отношений и международных проблем, в совместном создании благоприятных условий для все более интенсивных обменов в различных сферах человеческой деятельности, в объединении усилий в деле укрепления мира и дружбы между народами. «Для стран с различным социальным строем, какими являются Советский Союз и Япония, единственно разумной основой их отношений может быть только политика мирного сосуществования, — говорил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. — Если Советский Союз и Япония будут в этом едины, то можно будет с уверенностью сказать, что народы наших стран вступят в совершенно новый исторический период широкого развития их сотрудничества и дружественных связей».

Японские руководители также заявляли о важности урегулирования существующих проблем путем переговоров: «...Разум человечества стал понимать, что конфронтация сил больше ни к чему хорошему не приведет и является анахронизмом», — подчеркнул премьер-министр К. Танака в одном из своих выступлений во время пребывания в СССР. Характерно, что в ходе советско-японских переговоров важное место заняли вопросы развития двустороннего сотрудничества в различных областях.

О широком диапазоне сотрудничества между СССР и Японией можно судить даже по перечню соглашений, подписанных во время визита в Москву премьер-министра Японии К. Танаки по вопросам, затронутым в итоговом совместном заявлении. Они охватывают сферы науки, техники и культуры, некоторые направления охраны природы и защиты окружающей среды, область мирного использования атомной энергии и т. д.

Большие возможности с точки зрения позитивного воздействия на советско-японские отношения в целом, несомненно, имеют экономические связи двух стран. В ходе советско-японских переговоров на высшем уровне состоялся обстоятельный обмен мнениями о путях расширения экономических контактов между СССР и Японией и было признано желательным осуществление их в возможно более широких областях на основе принципов взаимной выгоды и равенства. На переговорах было достигнуто единство мнений о необходимости форсировать сотрудничество

в экономической области, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири, а также развитие торговли и сотрудничества в сельском хозяйстве, транспортных перевозках и в других областях. Эта договоренность, имеющая принципиальное значение, несомненно, положительно скажется на дальнейшем развитии советско-японских отношений.

Расширение экономического сотрудничества между Советским Союзом и Японией как с точки зрения увеличения масштабов, так и в плане распространения на новые области настоятельно требует совершенствования его организационных форм или, другими словами, повышения его уровня. Дело в том, что до сих пор партнерами советских ведомств с японской стороны выступали, как правило, отдельные фирмы и лишь в японо-советском комитете по экономическому сотрудничеству были представлены некоторые организации деловых кругов Японии.

В результате советско-японских переговоров был сделан существенный шаг вперед в этом направлении. В Совместном заявлении зафиксирована договоренность о том, что правительства обеих стран будут содействовать осуществлению экономического сотрудничества, поощрять заключение контрактов между японскими фирмами или их ассоциациями и соответствующими советскими организациями, содействовать нормальному и своевременному осуществлению этих контрактов. В этих целях стороны согласились практиковать проведение межправительственных консультаций. Эта договоренность открывает путь к действительному повышению уровня советско-японских экономических отношений.

Развивая дружественные деловые отношения, Советский Союз и Япония отнюдь не стремятся противопоставить их отношениям с другими странами. Как было отмечено в Совместном советско-японском заявлении, экономическое сотрудничество СССР и Японии, особенно в связи с разработкой природных ресурсов Сибири, не исключает участия третьих стран. Такая постановка вопроса, полностью соответствуя нынешнему этапу межгосударственных экономических отношений и растущей кооперации в мировой экономике, вместе с тем показывает, что развитие советско-японских связей не направлено против каких-либо других государств, не преследует цель нанести ущерб их интересам. Напротив, расширение дружественных контактов между Советским Союзом и Японией может стать одним из краеугольных камней будущего всеобъемлющего сотрудничества.

Одной из проблем советско-японских отношений является их договорное урегулирование, которое создало бы еще более прочную юридическую базу для развития добрососедских связей и дружественного сотрудничества между двумя странами. Переговоры о заключении мирного договора между СССР и Японией велись еще в 1955—1956 гг., но тогда не удалось достичь единства мнений о содержании договора, хотя и в то время советская сторона была полностью готова к подписанию такого договора. Советский Союз неизменно занимает доброжелательную и конструктивную позицию в отношении Японии. В частности, после XXIV съезда КПСС советские руководители неоднократно заявляли о готовности нашей страны к полной нормализации отношений с Японией на взаимоприемлемой основе в интересах народов обеих стран и мира во всем мире.

Проблема заключения мирного договора между СССР и Японией была одной из тем советско-японских переговоров на высшем уровне. Стороны изложили свои известные позиции по этому вопросу, исходя из того, что урегулирование оставшихся со времен второй мировой войны вопросов и заключение мирного договора внесли бы вклад в установление подлинного добрососедства и дружбы между обеими странами.

Сложность вопроса о заключении мирного договора совсем не должна стать непреодолимым препятствием на пути дальнейшего развития советско-японских отношений. Объективная реальность такова, что в контактах между государствами, тем более принадлежащими к различным социальным системам, могут существовать и в действительности существуют разные взгляды, разные оценки по тем или иным проблемам международного или двустороннего характера. Все дело в том, как относиться к такого рода разногласиям: заморозить отношения между двумя странами в ожидании уступок одной из них или же активно развивать добрососедские связи и сотрудничество, добиваясь дальнейшего улучшения климата межгосударственных отношений, создания благоприятной атмосферы для сближения позиций и конструктивного поиска решения остающихся проблем на реалистической основе, чтобы не наносить ущерба ни одной из сторон и не давать никому односторонних преимуществ.

Не вызывает сомнения, что второй путь более перспективен, в большей степени отвечает современным тенденциям международной жизни. Именно таким был подход, проявленный в ходе переговоров с премьер-министром Японии советской стороной, подчеркнувшей стремление к тому, чтобы в интересах мира и укрепления советско-японского добрососедства сфера расхождений между двумя странами постепенно уменьшалась, а сфера согласия расширялась. Опыт предшествующего развития отношений между Советским Союзом и Японией дает все основания считать, что это правильный путь, в наибольшей степени отвечающий интересам народов обеих стран.

Итоги советско-японских переговоров на высшем уровне создают благоприятные возможности для развития добрососедских связей и дружественного сотрудничества между двумя странами, несмотря на сохранение известных расхождений во мнениях по некоторым вопросам.

К сожалению, в Японии имеются силы, которые все еще лелеют надежды на то, что, применив к Советскому Союзу политику давления и нажима, им удастся добиться односторонних уступок, удовлетворения своих претензий. Они никак не могут осознать несбыточность подобных надежд, не могут понять того, что развитие контактов между суверенными государствами возможно лишь на базе политического реализма и должного учета интересов обеих сторон. Нечего и говорить о том, что это предполагает уважение и строгое соблюдение международных договоров и соглашений в интересах мира и безопасности.

В современных условиях можно найти немало примеров трезвого учета реальной действительности в отношениях между государствами, в том числе и с различными социальными системами. Можно надеяться, что дальнейшее развитие событий покажет и в Японии несостоятельность попыток подхода к проблемам сегодняшнего дня с позиций, обращенных в прошлое.

Переговоры в Москве показали наличие благоприятных возможностей для сотрудничества между Советским Союзом и Японией не только в сфере их непосредственных взаимоотношений, но и в международном плане. Обмен мнениями между руководителями обеих стран показал принципиальное совпадение оценки современного международного развития в направлении разрядки напряженности и нормализации отношений между государствами с различным общественным строем. Советский Союз и Япония едины также в том, что коренной проблемой современности, затрагивающей интересы всех народов, является дальнейшее форсирование разрядки международной напряженности и осуществление прочного и всеобщего мира.

Такое совпадение точек зрения в отношении наиболее значительных

процессов, развивающихся на современной международной арене, создает реальную основу для сотрудничества СССР и Японии совместно с другими государствами в решении важнейших мировых проблем в интересах всего человечества. В Совместном советско-японском заявлении указаны некоторые направления, по которым сотрудничество между двумя странами могло бы быть особенно актуальным. Это — укрепление эффективности Организации Объединенных Наций, достижение разоружения под эффективным международным контролем, скорейшее осуществление ядерного разоружения.

Важное значение имеет также содержащееся в итоговом документе о советско-японских переговорах на высшем уровне заявление о готовности обеих сторон вносить конструктивный вклад в дело дальнейшего укрепления прочного мира и безопасности всех народов. Подобная позиция двух крупных азиатских государств окажет благотворное воздействие на развитие обстановки в Азии с целью упрочения мира и безопасности. Что касается Советского Союза, то вся его внешняя политика, в особенности разработанная XXIV съездом КПСС Программа мира, являются наглядным и убедительным примером конструктивного подхода к решению важнейших международных проблем в интересах народов. Добиваясь завершения реализации Программы мира, Советский Союз продолжает последовательно проводить в жизнь эту конструктивную линию в сотрудничестве со всеми государствами, со всеми силами, которые разделяют эти цели.

Советско-японские переговоры на высшем уровне, состоявшиеся в значительной степени благодаря развитию разрядки напряженности, сами способствовали дальнейшему развитию этого процесса, поскольку, как подчеркивалось в Совместном советско-японском заявлении, «укрепление добрососедских, дружественных отношений между СССР и Японией на основе принципов невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и равенства не только отвечает общим интересам народов обеих стран, но и является большим вкладом в дело мира и стабилизации на Дальнем Востоке и во всем мире».

Московская встреча советских и японских руководителей явилась важной вехой в диалоге между двумя странами. Практика отношений Советского Союза с ведущими капиталистическими государствами — США, ФРГ, Францией, в последние годы продемонстрировала плодотворность подобных диалогов в решении сложнейших двухсторонних и международных проблем, разумеется, при реалистичном и конструктивном подходе к этим проблемам, с должным учетом взаимных интересов.

На широкие слои японской общественности произвел сильное впечатление тот большой вклад в оздоровление международной обстановки, который был внесен в результате визитов товарища Л. И. Брежнева в США, ФРГ и во Францию, когда были подписаны важные политические и деловые соглашения. В этих условиях в Японии стали крепнуть настроения в пользу более активного участия в политике разрядки напряженности, укрепления мира во всем мире и конкретно — в пользу дальнейшего улучшения отношений с Советским Союзом. Визит премьер-министра К. Танаки в Москву способствовал дальнейшему усилению этих тенденций. Как показал опрос, проведенный недавно японской газетой «Санкэй симбун» 87% опрошенных отметили необходимость для Японии дружественных отношений с Советским Союзом. Все более широкие слои японского народа сознают, что развитие добрососедских, дружественных отношений с Советским Союзом укрепит положение Японии как в экономическом, так и в политическом плане, откроет новые перспективы для упрочения мира в Азии и во всем мире.

# Новое подтверждение антисоциалистического курса китайского руководства

(о X съезде КПК)

---

*К. В. Кукушкин, В. Г. Тимошин*

По сообщению китайского агентства Синьхуа, в Пекине с 24 по 28 августа 1973 г. проходил X съезд КПК. Это был, по существу, внеочередной съезд, поскольку состоялся он ранее пятилетнего срока, предусмотренного Уставом КПК. В отличие от всех предыдущих съездов, созывавшихся после образования КНР, данный форум проходил в условиях строжайшей секретности. Не было опубликовано никаких сообщений о подготовке и работе съезда. Только после его окончания были обнародованы краткое коммюнике, политический отчет ЦК КПК, сделанный Чжоу Энь-лаем, доклад Ван Хун-вэня об изменениях в Уставе партии, а также текст нового Устава и данные о составе сформированных съездом руководящих органов КПК (ЦК КПК, Политбюро ЦК и его Постоянный комитет, Председатель ЦК КПК и его заместители).

Согласно коммюнике, в работе X съезда приняли участие 1249 делегатов, «избранных путем демократических консультаций», то есть фактически тщательно отобранных центром и соответствующим образом обработанных активистов маоистской партии. Несмотря на численный рост КПК (в коммюнике названа цифра 28 млн. членов партии), фактически партия была представлена значительно меньшим числом делегатов, чем на предыдущем, IX съезде (1512 человек).

Необычным представляется и скоротечный характер работы съезда (5 дней), что можно объяснить стремлением его устроителей не допустить широкой дискуссии по острым проблемам текущей политики Пекина.

\* \* \*

X съезд Компартии Китая подтвердил и в некоторых отношениях развил стратегический курс китайского руководства в области внутренней и внешней политики, который в основных чертах был сформулирован на предыдущем съезде этой партии в 1969 г. В документах последнего съезда КПК нашли отражение все важнейшие концепции и установки Мао Цзэ-дуна, составляющие в совокупности идейно-политическую платформу нынешней Компартии Китая.

Поскольку существует прямая преемственность между двумя последними маоистскими съездами, имеет смысл несколько подробнее остановиться на IX съезде и его так называемой линии, защите и обоснованию которой уделено столь значительное место в отчетном докладе X съезду, сделанном «от имени ЦК КПК» Чжоу Энь-лаем.

В истории КПК IX съезд явился своеобразным водоразделом. Отбросив принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и перечеркнув генеральную линию строительства социализма в

Китае, разработанную VIII съездом партии, именно этот съезд закрепил новый политический курс, содержание и направленность которого определялись «идеями» и установками Мао Цзэ-дуна и который ориентировал партию на «продолжение классовой борьбы в условиях социализма», на тотальную милитаризацию страны и подготовку к войне. Съезд узаконил режим военно-бюрократической диктатуры, созданный в ходе «культурной революции», сформировал маонистские органы руководства партии и государства. В основу внешнеполитической программы съезда были положены крайний антисоветизм, великодержавный шовинизм и гегемонизм.

IX съезд КПК форсировал процесс превращения партии в послушное орудие маонистов и установленного ими антисоциалистического режима. Подведя итоги бурных событий «культурной революции», он поставил в качестве одной из важнейших задач сплочение, консолидацию китайского общества под знаменем маонизма. Однако, как показали последующие события, стабилизация маонистского режима оказалась неустойчивой и относительной. Коренная причина этого кроется в несостоятельности маонизма, обнаружившего полную неспособность руководить обществом, обеспечить его развитие в позитивном направлении. Это обусловило прогрессирующий кризис «идей» Мао Цзэ-дуна и созданной на их основе политической власти. Перед лицом реальных нужд страны и объективных закономерностей общественного развития выявилась непригодность нового стратегического курса КПК, принятого IX съездом, нежизнеспособность его идейно-политической платформы.

Сентябрьские события 1971 г. при всей кажущейся внезапности для внешнего мира явились конкретным выражением нарастающего кризиса маонистского режима в организационной, политико-идеологической и экономической областях, показателем провала линии IX съезда КПК, пришедшей в острое противоречие с требованиями жизни. По своей сущности «сентябрьские события» — это следствие острых разногласий в самом маонистском руководстве, выросших из несостоятельности маонистской идеологии, ее несоответствия объективным потребностям развития китайского общества, революционным завоеваниям трудящихся КНР, интересам широких масс китайского народа.

Вместе с тем указанные события показали стремление китайского руководства найти выход из тупика, обеспечить дальнейшее осуществление своей политики путем паллиативных мер, что нашло выражение, в частности, в устранении ряда руководящих деятелей партии из числа тех, кто непосредственно вершил «культурную революцию».

Первое, что бросается в глаза при анализе документов X съезда, это то, что съезд не смог вооружить партию в какой-то мере обоснованной программой национального развития.

В документах съезда — известные уже концепции и постулаты Мао вроде теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» (являющейся маонистским вариантом троцкистской перманентной революции), тезиса о «двух типах противоречий в социалистическом обществе», и «борьбе двух путей, двух линий» и ряда других обветшалых маонистских догм. Ни одной новой идеи, ни одной свежей мысли. Это весьма показательно.

Прогрессирующая идейно-теоретическая бедность маонизма в значительной степени объясняет тот факт, что пекинские теоретики вынуждены все больше прибегать к камуфляжу, рядить «идеи» Мао в марксистские одежды.

Как видно из опубликованных материалов X съезда, в центре его внимания стояли внутривластные вопросы. Заглавный раздел отчетного доклада Чжоу Энь-лая посвящен «линии IX съезда», что предопределило содержание и направленность всей работы съезда. Подобная ретроспектива предполагает и соответствующий угол зрения, под которым следует рассматривать обсуждавшиеся проблемы, то есть с позиций и в духе «линии IX съезда», определяющим элементом которой является так называемая «основная линия партии». «Теоретической» базой «основной линии» служит упоминавшаяся выше концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата». В материалах съезда эта концепция преподносится как «открытие» Мао Цзэ-дуном закономерностей общественного развития на этапе социализма, которое якобы является творческим развитием марксизма-ленинизма.

В политической практике маоистов «основная линия партии» реализуется посредством целого ряда «специфических линий», суть которых составляет установка на искусственное раздувание междоусобицы в партии и стране. Под предлогом «обострения классово-борьбы», «борьбы двух путей и двух линий» партию ориентируют на нескончаемую внутреннюю борьбу, классическим примером которой была «культурная революция» с ее репрессиями и гонениями против всех несогласных с «основной линией», иначе говоря, с политическим курсом маоистов. Тем самым X съезд предпринял попытку узаконить и навязать партии и народу курс и методы «культурной революции», сопровождавшиеся массовой чисткой инакомыслящих.

Следует особо отметить, что очередной съезд КПК прошел под знаком апологии и возвеличивания «культурной революции»; были подтверждены все ее левачьи лозунги и установки. Более того, в новом Уставе КПК, принятом X съездом, она именуется «великой политической революцией... которая будет проводиться много раз». Такая оценка «культурной революции» может рассматриваться как свидетельство усиления позиций тех руководящих деятелей КПК, которые пришли к власти во время «культурной революции».

Характеризуя «основную линию партии», важно отметить и тот факт, что IX и X съезды КПК открыто ревизовали принципиальное положение VIII съезда партии, который еще в 1956 г. заявил, что «вопрос кто кого в Китае — социализм или капитализм — уже разрешен». В отчетном докладе X съезду прямо говорится, что «борьба двух линий внутри партии будет существовать еще длительное время, она будет повторяться еще десять, двадцать, тридцать раз...». Этот тезис подкрепляется экскурсом в историю КПК, которая, как отмечается в докладе Чжоу Энь-лая, «на протяжении полувека десять раз вела серьезную борьбу двух линий»<sup>1</sup>.

В духе «основной линии» сформулированы и внутривластные задачи КПК: «...руководствоваться основной линией и политикой партии на весь исторический период социализма, неуклонно продолжать революцию при диктатуре пролетариата, сплачивать все силы, которые можно сплотить, бороться за превращение нашей страны в могучее социалистическое государство с тем, чтобы внести сравнительно больший вклад в дело человечества». Таким образом, в основу общественного

<sup>1</sup> Китайская печать накануне съезда усиленно муссировала эту тему, пытаясь обосновать неизбежность внутренней борьбы в партии и оправдать репрессии (под видом кампании критики ревизионизма и упорядочения стиля) против тех, кто не разделял взгляды Мао Цзэ-дуна, в особенности против интернационалистских сил в руководстве КПК, представителями которых были Цюй Цю-бо, Ван Мин, Гао Ган, Пэн Дэ-хуай и др.

развития, по существу, положена неотроцкистская теория «непрерывной революции», которая рассматривается и как предпосылка для реализации великодержавно-гегемонистских притязаний маоистов на международную арене.

Под углом зрения исторической неизбежности внутривнутриполитической борьбы в материалах X съезда трактуется и вопрос об «антипартийной группировке Линь Бяо»<sup>2</sup>. Постановка этого вопроса на съезде уже сама по себе подтверждает наличие серьезных разногласий и острой борьбы в маоистском руководстве, в КПК в целом. Заявление съезда о внутривнутрипартийной борьбе как «исторически неизбежном» явлении равносильно признанию непрочности маоистского режима, в особенности его структуры власти. Этим признанием маоисты, подобно лусиневскому А Кью, сами отхлестали себя по щекам.

Какими бы неправдоподобными ни выглядели обвинения в адрес Линь Бяо<sup>3</sup>, его имя поставлено в один ряд с прежними политическими противниками Мао Цзэ-дуна от Чэнь Ду-сю до Лю Шао-ци (утверждалось даже, что он был самым опасным из них), что свидетельствует о перманентном существовании антимаоистской оппозиции в КПК.

Судя по материалам съезда, оппозиция Линь Бяо и Чэнь Бо-да поставила маоистское руководство перед исключительно большими трудностями, потребовавшими более чем двухлетней кампании «критики мошенников типа Лю Шао-ци» (ярлык, под которым фигурировали оба упомянутых деятеля). Несмотря на то, что маоистская пропаганда шумно заявила о «разгроме антипартийной группировки Линь Бяо», X съезд вновь призвал «ставить на первое место движение за критику Линь Бяо и упорядочение стиля ... максимально использовать его как негативного учителя». Масштабы и направленность нынешней кампании позволяют предположить, что под видом «критики Линь Бяо» как официальной мишени в борьбе «двух линий» маоисты фактически стремятся разделаться с теми своими политическими противниками, которые в той или иной мере отстаивают платформу VIII съезда КПК. (Не случайно имя Линь Бяо ассоциируется с такими противниками маоизма, как Гао Ган, Пэн Дэ-хуай, Лю Шао-ци). Косвенный намек на это содержится и в докладе Чжоу Энь-лая, обвинившего Линь Бяо и Чэнь Бо-да в том, что они будто бы «выступали против продолжения революции при дикта-

<sup>2</sup> Согласно официальной версии, приведенной на съезде Чжоу Энь-лаем, Линь Бяо в августе 1970 г. на II пленуме ЦК IX созыва предпринял неудавшийся контрреволюционный переворот, а 8 сентября 1971 г. организовал контрреволюционный вооруженный переворот, пытаясь совершить покушение на Мао Цзэ-дуна и создать свой Центральный Комитет. 13 сентября, после провала заговора, он якобы пытался улететь на самолете в СССР, но разбился на территории МНР. Следует отметить, что идентичная версия содержится в ряде «секретных документов ЦК КПК», неизвестными путями попавших в руки гоминьдановской разведки и опубликованных на Тайване задолго до X съезда. Подобная же версия «заговора Линь Бяо» неоднократно излагалась в беседах Мао Цзэ-дуна, Чжоу Энь-лая и других китайских руководителей с иностранными государственными деятелями. Все это наводит на мысль о том, что упомянутые «секретные документы ЦК КПК» сфабрикованы самими маоистами.

<sup>3</sup> В Отчетном докладе X съезду Линь Бяо и «горстке его неисправимых сообщников» приписывается намерение «узурпировать верховную власть в партии и государстве, окончательно изменить линию IX съезда, в корне переменить основную линию и политику партии на весь исторический период социализма, превратить марксистско-ленинскую Компартию Китая в партию ревизионистскую, фашистскую, подорвать диктатуру пролетариата и реставрировать капитализм», а на международной арене «капитулировать перед советским ревизионистским социал-империализмом для борьбы против Китая, против коммунизма и против революции». По словам Чжоу Энь-лая, Линь Бяо, будучи «буржуазным карьеристом, интриганом и двурушником», «орудовал в партии не одно, а несколько десятилетий» и «всегда совершал правоуклонистские ошибки».

туре пролетариата», считая, что главной задачей после IX съезда должно быть развитие производства<sup>4</sup>. В этой же связи упоминаются Лю Шао-ци и Чэнь Бо-да, якобы «втиснувшие» в резолюцию VIII съезда «нелепую ревизионистскую теорию» о том, будто главным противоречием внутри страны является не противоречие между пролетариатом и буржуазией, а противоречие между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами.

Хотя маонистский съезд декларировал «полный разгром ревизионистского контрреволюционного заговора Линь Бяо» и протасил соответствующие резолюции, есть основания полагать, что маоисты отнюдь не уверены в том, что их версия о «деле Линь Бяо» разделяется широкими массами партийных кадров.

X съезд КПК, подобно предыдущему, обошел стороной актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития Китая. Он ограничился простым перечислением некоторых установок Мао Цзэ-дуна в указанных областях, выдвигавшихся им со времени «большого скачка» и зафиксированных затем в документах IX съезда. К таким установкам относятся: политика «трех красных знамен» («большой скачок», «народная коммуна», «строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее»), «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, а промышленность — его ведущая сила», «опора на собственные силы», «учиться у Дачина и Дачжая», «ставить на командное место пролетарскую политику» и др. Эти установки (в докладе Чжоу Энь-лая их насчитывается около полутора десятков) объединены генеральным курсом «Готовиться к войне и стихийным бедствиям». В докладе Чжоу Энь-лая этот курс представлен более выпукло, чем на IX съезде в докладе Линь Бяо, и вынесен на первое место среди всех прочих внутриполитических задач, определяя тем самым существо внутренней политики Пекина. Призыв Чжоу Энь-лая к усилению планового начала в экономике, по существу, имеет в виду максимальную мобилизацию материальных ресурсов для ускорения милитаризации страны и не означает возврата к плановому развитию народного хозяйства. Что касается прагматических маневров маоистов в области управления и хозяйствования, то их следует рассматривать не более как вынужденный поиск наиболее рациональных способов стимулирования экзотической деятельности, подчиняемой неизменным стратегическим целям Пекина. Это значит, что в Китае объективно сохраняется кризисное состояние, чреватое новым взрывом внутренней борьбы.

Внешнеполитическая программа X съезда характеризуется усилением правонационалистических тенденций и дальнейшим сползанием Пекина на позиции тотальной борьбы против Советского Союза, всего социалистического содружества. В этом смысле преемственность между IX и X съездами очевидна. «На международной арене, — сказано в отчетном докладе Чжоу Энь-лая, — наша партия и наше правительство твердо и решительно претворяют в жизнь внешнюю политику, разработанную IX съездом».

Интерес представляет определение характера современной эпохи, содержащееся в докладе Чжоу Энь-лая. Приведя ленинское определение империализма как «кануна социальной революции пролетариата» для характеристики современной эпохи, Чжоу фактически перечеркивает

<sup>4</sup> Как утверждается в отчетном докладе Чжоу Энь-лая, политический отчет IX съезда, зачитанный Линь Бяо, был разработан под личным руководством Мао Цзэ-дуна, а вариант отчета, подготовленный Линь Бяо и Чэнь Бо-да, якобы был отвергнут Центральным Комитетом партии.

принципиальное отличие нашей эпохи от эпохи до победы Октябрьской революции и образования мировой системы социализма. Цель подобного утверждения состоит в том, чтобы исключить из истории мирового революционного процесса Великую Октябрьскую революцию, существование мировой системы социализма и, таким образом, обусловить начало эпохи «пролетарской революции» свершением революции в Китае. Вместе с тем предпринимается попытка «теоретически» оправдать отказ пекинского руководства от социалистической ориентации.

Изменился подход китайского руководства к вопросам войны, мира и революции. Учитывая сложившуюся международную обстановку, усиленные тенденции к разрядке напряженности, маоисты формально обошли формулировку IX съезда о неизбежности новой мировой войны. В отчетном докладе приведено заявление Мао Цзэ-дуна от 20 мая 1970 г.: «Опасность новой мировой войны все еще существует, и народы всех стран должны к этому подготовиться. Однако ныне главной тенденцией в мире является революция». Вместе с тем съезд подчеркнул, что вернейший путь к революции идет через войну, поскольку «разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше».

Принципиальные коррективы внесены в подход Пекина к вопросу о его главных глобальных противниках. Хотя в документах X съезда по-прежнему называются США и СССР как главные противники Китая, ни в докладе, ни в новом Уставе КПК не содержится положения о том, что американский империализм является «злейшим врагом всего мира» и что Китай от него «четко отмежевался». (На IX съезде эти формулировки присутствовали.) Более того, Чжоу Энь-лай в своем докладе отметил, что китайско-американские отношения «несколько улучшились».

Реальная борьба против империализма, его агрессивной политики и идеологии подменена в документах съезда голыми призывами к борьбе лишь против гегемонии США, а ядро внешнеполитического курса Пекина на деле составляет открытая враждебность к Советскому Союзу как к фактическому главному противнику. Маоисты, по существу, сняли лозунг борьбы на два фронта, упоминавшийся в решениях IX съезда, обратив остроту своей внешнеполитической деятельности против Советского Союза и других стран социалистического содружества. Одновременно предпринимаются усиленные поиски поддержки со стороны наиболее реакционных империалистических кругов. Внешнему миру всячески внушается мысль об «угрозе Китаю с севера». Из Пекина раздаются голоса об опасности политики разрядки напряженности, необходимости жесткой линии в отношении СССР. Из документов съезда следует, что маоисты намерены и впредь срывать урегулирование пограничного вопроса с Советским Союзом, хотя Чжоу Энь-лай и отметил, что «споры между Китаем и Советским Союзом по принципиальным вопросам не должны мешать нормализации отношений двух стран на основе пяти принципов мирного сосуществования».

\* \* \*

Вопрос о пересмотре Устава партии, принятого всего четыре года назад IX съездом, занял особое место в работе X съезда КПК. Специальный доклад об изменениях в Уставе КПК был сделан на съезде 24 августа 1973 г. Ван Хун-вэнем, одним из вновь избранных заместителей Председателя ЦК КПК.

В докладе отмечается, что вопрос о пересмотре Устава обсуждался «согласно указаниям председателя Мао Цзэ-дуна и ЦК партии», на рабо-

чем совещании Центрального Комитета в мае 1973 г. Проект нового Устава, как подчеркивается в докладе, «был составлен в соответствии с конкретными предложениями председателя Мао Цзэ-дуна относительно пересмотра Устава партии». Вместе с тем в докладе сделана попытка представить новый Устав как результат якобы «широкого опроса мнений партийных и беспартийных масс».

Новый Устав партии по своим программным положениям принципиально не отличается от прежнего Устава, принятого IX съездом КПК. Главным в нем остается по-прежнему попытка увековечить «идеи» Мао Цзэ-дуна как теоретическую основу партии, закрепить основные моменты маоистского политического курса в качестве долговременных программных установок КПК.

«Увековечение» маоизма осуществляется путем сохранения в Уставе формулы: «марксизм-ленинизм-идеи Мао Цзэ-дуна», объявляющей маоизм якобы логическим развитием марксизма-ленинизма. Стремлению «увековечить» маоизм служит включение в программную часть Устава набора постулатов Мао Цзэ-дуна, сформулированных в его статьях, выступлениях, а также в «новейших указаниях», усиленно пропагандировавшихся в последние годы в КНР. При этом авторство Мао Цзэ-дуна особо подчеркивается вкраплением в текст Устава отдельных образных выражений, типичных для политического пера Мао Цзэ-дуна («смело идти против течения», «перспективы светлые, а путь извилистый» и т. д.). В этой связи следует также отметить, что текст нового Устава тщательно очищен от фраз и определений, содержащихся в прежнем Уставе и приписывавшихся Линь Бяо.

В Уставе не ставится задачи строительства социализма в КНР, а вместо этого провозглашается некая абстрактная задача «завоевания победы социализма над капитализмом» вообще.

В качестве главной задачи КПК на длительную историческую перспективу провозглашается борьба «против гегемонизма двух сверхдержав — США и Советского Союза». С этой целью КПК должна «решительно спланироваться воедино с подлинно марксистско-ленинскими партиями и организациями всего мира, с пролетариатом, угнетенными народами и угнетенными нациями». Упомянутый в этой связи в Уставе принцип пролетарского интернационализма призван замаскировать фактическую попытку объединения Пекина с самыми разнородными силами, включая наиболее реакционные отряды и агрессивные блоки современного империализма, для борьбы против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Новый Устав КПК нацеливает партию и китайский народ на подготовку к войне, «обосновывая» ее необходимость угрозой «агрессии со стороны империализма и социал-империализма», под которым подразумевается Советский Союз. Таким образом, гегемонистские, социал-шовинистические, антисоветские установки Мао Цзэ-дуна и в новом Уставе возведены в ранг основных программных положений КПК.

Задачи КПК внутри страны сведены почти исключительно к проблемам непрекращающейся политической борьбы в партии и стране. Особо подчеркивается длительность и многократность повторения «культурной революции» в будущем.

Устав призван закрепить, узаконить методы и формы политической борьбы маоистов как в период «культурной революции», так и в последующие годы. Это нашло отражение в ряде новых положений Устава: «смело идти против течения», «уметь правильно различать и разрешать противоречия между нами и нашими врагами» и др., «обосновывающих»

борьбу и репрессии маонистов в прошлом, настоящем и будущем против всех несогласных с теорией и практикой маонизма.

Устав призван закрепить идейные, политические и организационные позиции новых сил, выдвинувшихся и пришедших к руководству в партии в ходе «культурной революции». Этому непосредственно служит введение в Устав таких положений, как «готовить миллионы продолжателей дела пролетарской революции», «абсолютно недопустимы зажим критики и мести», призванных обеспечить утверждение представителей так называемой «свежей крови» на руководящих постах в центре и на местах.

Как видно из доклада Ван Хун-вэня, воспитание миллионов преемников в духе закрепленных Уставом основных маонистских канонических рассматривается руководством КПК в качестве определенной гарантии длительного сохранения в КНР теории и практики маонизма.

В докладе Ван Хун-вэня, по-видимому, намеренно принижается значение изменений, внесенных в новый Устав. В нем говорится лишь о некоторых изменениях в структуре и содержании «общей программы» и отмечается, что «в остальных главах поправок немного» (в числе купюр назван только абзац о Линь Бяо).

В программную часть нового Устава не вошли положения, содержащие характеристику «идей Мао Цзэ-дуна» как высшего этапа марксизма-ленинизма, а также упоминание о Мао Цзэ-дуне как вожде КПК, положение о преемнике «вождя».

Таким образом, речь идет о положениях, необоснованно возвышающих Мао Цзэ-дуна, а также об однозном пункте Устава о «престолонаследии» в руководстве КПК. Указанные исключения из текста Устава прокомментированы в докладе Ван Хун-вэня только в отношении пункта о Линь Бяо.

Ряд дополнений призван создать впечатление о якобы руководящей роли КПК в системе государственных и общественно-политических институтов КНР, а также о коллективном руководстве в самой партии.

Можно судить, что китайские руководители при внесении всех этих изменений в Устав вынуждены были учитывать не только обостренную политическую обстановку в стране, но и неблагоприятные уроки, извлеченные ими из идеологической и политической борьбы с международным коммунистическим движением, учитывать критику документов IX съезда КПК со стороны КПСС и других марксистско-ленинских партий.

Цель этих изменений состоит в том, чтобы снять наиболее уязвимые для критики положения Устава, искуснее замаскировать маонистские установки под марксизм-ленинизм, создать впечатление преемственности данного Устава КПК с Уставами партии периода демократической и социалистической революций в Китае.

Из наиболее существенных изменений в организационной части Устава следует отметить восстановление института заместителей председателя ЦК КПК, введенного VIII съездом, а также новую редакцию статьи об обязанностях членов КПК.

Прежняя статья об обязанностях членов КПК дополнена требованием «критиковать ревизионизм», под которым подразумевается борьба против политических противников маонизма, как внутри страны, так и за рубежом. Иными словами, международный аспект этой борьбы своим острием направлен против КПСС и других марксистско-ленинских партий. Таким образом, борьба против Советского Союза, против социалистического содружества, против международного коммунистического движения провозглашена неопременным требованием для каждого члена КПК.

Принцип демократического централизма, хотя и упоминается в Уставе, но фактически отбрасывается. В Уставе принижено значение Всеки-

тайского съезда и ЦК КПК как высших коллективных руководящих органов партии. Не определены процедура и порядок созыва съездов партии, полномочия Всекитайского съезда. Не установлена периодичность созыва пленумов ЦК. Вся полнота руководства партией, правительством и армией сосредоточена в руках Председателя ЦК, его заместителей и образуемого ими Постоянного комитета Политбюро ЦК, то есть в руках чрезвычайно узкой группы лиц маоистской партийной верхушки. Особое, по существу бесконтрольное, положение Председателя ЦК и его заместителей определяется также и тем, что Устав не предусматривает никаких контрольных органов в партии.

Все основные положения нового Устава нацелены на использование партии в качестве орудия осуществления «идей Мао Цзэ-дуна» и его гегемонистского великодержавного курса.

\* \* \*

В составе ЦК КПК, сформированного X съездом, произошли большие изменения. По сравнению с ЦК IX созыва общее число членов и кандидатов в члены ЦК возросло на 40 человек (319 против 279). В состав ЦК вошли 111 новых членов и кандидатов в члены ЦК, то есть примерно 35% состава — новые люди (так называемая «свежая кровь»), не входившие в ЦК IX и VIII созывов. Во вновь избранный ЦК не вошел 91 член и кандидат в члены ЦК IX созыва. Это означает, что почти одна треть старого состава в результате проведенных чисток удалена с политической арены.

В состав нового ЦК вошли бывшие члены Политбюро ЦК КПК VIII созыва — Дэн Сяо-пин, Тянь Чжэнь-линь, Ли Цзин-цюань, кандидат в члены Политбюро Уланху и секретарь ЦК VIII созыва Ван Цзя-сян. То, что никто из этих лиц не введен в Политбюро, хотя по своему политическому и государственному опыту они, несомненно, выделяются среди избранных членов ЦК, можно рассматривать как стремление маоистского руководства использовать лишь авторитет этих людей в партии, оставляя их на положении «почетных представителей старой гвардии», которые, видимо, не будут играть руководящей роли в КПК.

Сформированные на I пленуме ЦК КПК X созыва высшие руководящие органы партии также претерпели серьезные изменения. Восстановлен институт заместителей председателя ЦК КПК в количестве пяти человек (после IX съезда был один) и тем самым «закрыт» вопрос о премнике Мао Цзэ-дуна. Расширен до 9 членов Постоянный Комитет Политбюро ЦК КПК (было 5). Число членов Политбюро осталось прежним — 21 член и 4 кандидата в члены Политбюро, как это было на IX съезде.

Таким образом, очередной съезд маоистской партии отразил заметные сдвиги в расстановке сил в китайском руководстве, явившиеся результатом нового компромисса между противоборствующими группировками в пекинской верхушке. Анализ нового состава китайского руководства, сформированного X съездом, свидетельствует о значительном усилении националистического крыла, знаменем которого служит «культурная революция», представленного новым эшелонном руководителей, воспитанных в духе шовинистических идей Мао.

Новое равновесие сил представляется временным и неустойчивым. Одной из основных причин, обуславливающих эту неустойчивость, является позиция военных, сохраняющих, как и прежде, реальную власть в провинциях и, надо полагать, не сказавших еще своего веского слова. Противоборствующие группировки в китайском руководстве стремятся

привлечь военных на свою сторону и одновременно ограничить их власть на местах, где они, как и прежде, составляют большинство в ревкомах и парткомах.

\* \* \*

В целом X съезд КПК отразил состояние серьезного кризиса, переживаемого партией. Вновь навязанная партии мелкобуржуазно-националистическая программа ведет к дальнейшему подрыву социалистических элементов китайской экономики и усилению угрозы социалистическим завоеваниям трудящихся КНР.

Характер принятых съездом документов, вынужденное замалчивание наиболее важных проблем внутреннего развития, секретность и келейность, окружавшие работу съезда, отразили сложную и неустойчивую обстановку в стране, непрекращающуюся внутривнутриполитическую борьбу, в том числе на самом высоком уровне, нарастающие экономические трудности.

Несмотря на призывы съезда к сплочению, организации КПК в центре и на местах продолжают оставаться расколотыми на противоборствующие группировки. «Основная линия» партии, одобренная съездом и узаконенная новым Уставом, означает продолжение внутривнутрипартийной борьбы в необозримом будущем. Политическая обстановка в стране продолжает оставаться нестабильной.

X съезд КПК прошел под националистическими антисоветскими лозунгами и вновь продемонстрировал разрыв китайского руководства с мировым коммунистическим движением и социалистическим сотрудничеством. Была подтверждена неизменность позиции руководителей КПК, их намерения продолжать рассудку вопреки политике оголтелого антисоветизма и сопротивления разрядке международной напряженности.

«...Подобная позиция, — как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в своей речи в Ташкенте 24 сентября 1973 г., — не прибавляет Китаю ни авторитета, ни доверия, а с точки зрения общих интересов мира, социализма и освободительной борьбы народов она является достойной сожаления и вредной».

## 24 года КНР: итоги и проблемы

---

С. Г. Юрков

1 октября исполнилось 24 года со дня образования Китайской Народной Республики. Срок немалый — почти четверть века. Результаты развития Китая, однако, могли бы быть иными. Государство приближается к двадцатипятилетнему юбилею в обстановке глубокого внутреннего кризиса, а его внешнеполитический курс вызывает недоумение и тревогу всех, кто так горячо приветствовал китайскую революцию.

Освобождение Китая от господства иностранных империалистов, ликвидация остатков феодализма, свержение чанкайшистского режима раскрепостили могучие силы китайского народа, взявшегося с огромной энергией за преобразование своей страны на социалистических началах. Трудовой порыв трудящихся при правильном руководстве партии, следовавшей, хотя и с некоторыми ошибками, марксистско-ленинскому курсу, с бескорыстной помощью братских стран приносил хорошие плоды. Успешно осуществлялись социальные преобразования, было налажено государственное управление, был перевыполнен первый пятилетний план экономического развития (1953—1957 гг.), что заложило прочную основу индустриализации, росла производительность сельского хозяйства. Быстро возрастал международный авторитет Китайской Народной Республики.

Националистический зуд, однако, не давал покоя Мао Цзэ-дуну и его сторонникам. Мао Цзэ-дуну и его группе — носителям мелкобуржуазной идеологии, мелкобуржуазным путчистам, присущи особенности, характерные для мелкой буржуазии. Непостоянство, непоследовательность, шараханье от ультраревolutionонных призывов до крайне правых выступлений, великодержавная напыщенность, неспособность видеть вещи в их реальном свете, пребывание в иллюзорном мире, созданном воображением «великого кормчего» и подкрепляемом дезинформацией, — вот те факторы, которые ныне определяют образ действий китайских руководителей, в этом и главная причина непрекращающейся борьбы за власть в нынешней верхушке.

Пренебрегая марксистско-ленинскими законами экономического развития, Мао навязывал стране один непродуманный и авантюристический эксперимент за другим. Замысел состоял в том, чтобы таким кавалерийским броском перескочить через целый этап строительства социализма и за несколько лет построить коммунистическое общество. «Большой скачок», однако, явился скачком назад, вызвал диспропорции в экономике, дезорганизовал ее и на много лет замедлил развитие страны, а создание «коммун» в деревне лишь привело к сокращению производства и падению трудового энтузиазма населения. «Культурная революция», предпринятая по инициативе Мао, на несколько лет ввергла страну в состояние хаоса и тем более замедлила экономический прогресс страны.

Вследствие этого Китай и на 25-м году существования Народной Республики продолжает оставаться аграрной страной со слаборазвитой про-

мышленностью. В 1971 г. доля КНР (население которой составляет  $\frac{1}{5}$  населения земного шара) в общем мировом производстве важнейших видов промышленной продукции составила (в процентах): уголь — 10,1, электроэнергия — 1,4, нефть — 1,0, чугун — 4,7, сталь — 3,6, цемент — 2,8, синтетические смолы и пластмассы — 0,7, химические волокна — 0,6, автомобили — 0,18, сахар — 2,7.

Сельское хозяйство является важнейшей отраслью народного хозяйства КНР и по объему продукции, и особенно по занятости населения (около 80%). В период с 1950 по 1957 г. благодаря осуществлению ряда социально-экономических мероприятий сельскохозяйственное производство в целом неуклонно росло: к концу первой пятилетки (в 1957 г.) было собрано 185 млн. т зерна, хлопка — 1,64 млн. т. Если в 1952 г. производство зерна на душу населения составляло 268,5 кг, то в 1957 г. оно увеличилось до 286 кг. Среднегодовой темп роста производства зерна находился на уровне 3,7%. Однако в результате авантюристического руководства в течение дальнейших 15 лет (1958—1972 гг.) сельское хозяйство развивалось крайне медленно. Валовой сбор зерна в 1972 г., по зарубежным расчетным данным, составил 215—220 млн. т (в этом году сбор зерна в Китае не превысил уровень прошлого года), то есть увеличился по сравнению с 1957 г. всего на 13,5%, ежегодный прирост составил лишь 0,85%; производство хлопка не растет. В настоящее время производство зерна составляет примерно 85% плана на 1962 г. В 1971 г. производство зерна в расчете на душу населения составило 269,6 кг, или 94,2% уровня 1957 г. (286 кг), в 1972 г. оно снизилось до 260 кг, что несколько меньше среднедушевого производства в 1952 г. (268 кг). По производству зерна на душу населения Китай значительно отстает от социалистических стран — членов СЭВ и ряда капиталистических стран. В 1971 г. производство зерна на душу населения составило: в Венгрии — 961 кг, Болгарии — 842, СССР — 739, Румынии — 721, Польше — 618, Чехословакии — 615, ГДР — 460 кг.

Делая упор на развитие военно-промышленного потенциала и непрерывно увеличивая выкачку продовольственных и сырьевых ресурсов из деревни, китайское руководство свело до минимума государственные вложения в базирующееся на ручном труде сельское хозяйство и почти не осуществляет его модернизацию. В 1972 г. тракторный парк в сельском хозяйстве насчитывал примерно 180 тыс. условных единиц при потребности 1,2—1,5 млн. Мощность насосного оборудования, составлявшая 20 млн. л. с., лишь в незначительной степени удовлетворяла потребности. Производство минеральных удобрений находится на уровне до 20 млн. т при потребности до 100 млн. т (данные подсчетов китайских экономистов).

Вследствие отставания в развитии экономики удовлетворение материальных и культурных запросов трудящихся, особенно 650-миллионного сельского населения, хронически остается на чрезвычайно низком уровне.

Если бы Китай развивался на социалистических началах, как он развивался до 1959 г., уровень производства в стране был бы во многих областях значительно выше, чем в настоящее время. В тесном сотрудничестве с братскими странами он мог бы завершить социалистическую индустриализацию и стать страной с развитой промышленностью и наукой. Намного поднялся бы жизненный уровень народа. Ныне же темпы развития Китая невысоки, причем имеют тенденцию к снижению в связи с отсутствием серьезного задела, устарелостью оборудования, снижением производственного мастерства многих инженеров и техников, нехваткой средств на гражданское строительство.

Искусственное подчинение народного хозяйства не целям создания материально-технической базы социализма и повышения жизненного уровня трудящихся, а главным образом задаче максимального наращивания военной мощи ради осуществления экспансионистской политики привело к тому, что государственная и кооперативная собственность используется не в интересах трудящихся, развитие экономики все более утрачивает общественное, социалистическое содержание и создает угрозу дальнейшей деформации экономического базиса китайского общества.

В течение первого десятилетия существования КНР была проведена значительная работа с целью утверждения социалистической демократии: функционировали Всекитайское собрание народных представителей и выборные органы на местах, действовала конституция. Партийные организации в центре и на местах были политическим авангардом и организующей силой в деле социалистических преобразований.

В дальнейшем партийное руководство все более подменялось единоличной диктатурой «великого кормчего», большое число партийных руководителей было скомпрометировано, устранено и даже физически уничтожено. В ходе «культурной революции» по призыву Мао наносились «удары по штабам», были разгромлены многие парторганизации, большинство провинциальных комитетов, был парализован Центральный Комитет. Конституция была перечеркнута, высший законодательный орган — Всекитайское собрание народных представителей — девять лет не собирался, органы власти на местах были разогнаны, хунвэйбины линчевали многих партийных деятелей и работников культуры, а затем военные устраивали массовые расстрелы обманутых молодых людей.

После «культурной революции» борьба за власть в руководящей элите не прекращается. Мао Цзэ-дун, верный своей тактике, натравливает одних деятелей на других, противопоставляет друг другу различные группировки, видя в этом эффективные средства сохранения единоличной власти. Во время разразившегося в сентябре 1971 г. очередного кризиса были устранены и исчезли Линь Бяо, объявленный ранее «ближайшим соратником и преемником председателя Мао», и ряд крупных военных и партийных деятелей. X съезд КПК, проведенный секретно, был созван и для того, чтобы как-то объяснить народу и мировому общественному мнению, почему исчезли Линь Бяо и большое число военных и политических деятелей, и залатать появившуюся брешь в руководстве. В новом Центральном Комитете и в Политбюро создан известный баланс между «умеренной» группой Чжоу Энь-лая и группой, возглавляемой шанхайскими «левыми» руководителями. По всеобщему признанию специалистов, этот баланс непрочный и временный, предстоят новые схватки в руководящей верхушке в борьбе за власть.

Социалистические элементы в экономике и социальной структуре, по сути дела, сводятся на нет характером власти, представляющей собой военно-бюрократическую диктатуру, которая в свою очередь является инструментом единоличной диктатуры «великого спасителя», как теперь называют в китайских газетах Мао Цзэ-дуна. Старания как-то подправить дело без отказа от коренных маоистских установок лишь загоняют внутрь существующие пороки и затягивают решение проблем, стоящих перед страной.

\* \* \*

Самые невероятные зигзаги претерпела за 24 года внешняя политика Китая. Деятельность Мао и его группы на международной арене ныне характеризуют полное пренебрежение социалистическими принципа-

ми, честью и порядочностью, интриганство и коварство. Главный девиз этой деятельности: «Хорошо то, что выгодно Пекину, интересы других государств не имеют никакого значения; главное — нанести ущерб Советскому Союзу и другим социалистическим странам!»

Будь нынешние китайские руководители коммунистами-интернационалистами, они отбросили бы черты, которые были присущи в прошлом китайским богдыханам и феодальной знати: китаецентризм («Китай — центр мира»), презрение к другим народам, ксенофобия (вокруг Китая-де живут «варвары», заведомо являющиеся вассалами Поднебесной), стремление сталкивать соседей друг с другом («нужно натравливать одних варваров против других»; «пусть дерутся два тигра, а мудрая обезьяна будет наблюдать с горы за их дракой»). Но Мао Цзэ-дун не только не отбросил эту шелуху, он возродил ее, культивирует ее, пытается сделать ее частью национального характера народа, превратив ее в государственную политику.

Первые годы после образования КНР Мао Цзэ-дун и его сторонники внешне ориентировались на поддержку мирового социалистического содружества государств. Но если преобладающая часть партии и трудящихся видели в этом ключ к социалистическому переустройству китайского общества, то Мао и его группа руководствовались националистическими соображениями. Они считали союз с социалистическими странами временным. Помощь и поддержка социалистических стран им нужна была, чтобы отразить империалистическую агрессию против молодой республики, преодолеть разруху, организовать государственное управление, заложить основу индустрии.

В китайском руководстве постоянно шла борьба между интернационалистами и националистами. Играя на великодержавном честолюбии одних, мелкобуржуазном экстремизме других, недостаточной теоретической подготовке третьих, Мао Цзэ-дун сумел расправиться со многими марксистами и на какое-то время обеспечил себе свободу рук. С другой стороны, значительные успехи, достигнутые Китаем в первую пятилетку (1953—1957 гг.) благодаря трудовому порыву народных масс Китая и помощи братских стран, привели Мао Цзэ-дуна и его сторонников к заключению, что Китай может обойтись без помощи социалистических государств.

Вот тогда-то Мао Цзэ-дун, которого еще в двадцатые годы коммунисты упрекали в императорских замашках, стал постепенно сбрасывать с себя маску. Была поставлена задача в течение короткого времени утвердить Китай в качестве державы, определяющей развитие международных отношений и указующей путь другим народам. Мао Цзэ-дун при этом торопился, его подгонял возраст, «кормчий» хотел, чтобы решение этой задачи было связано с его именем при его жизни.

В начале шестидесятых годов критикой «слева» позиций КПСС и других коммунистических партий Мао и его группа стремились показать, что в силу своей «революционности», «последовательности», «свежего опыта борьбы» Пекин должен задавать тон революционным силам современности, что Китай в силу этих причин и ввиду большой численности своего населения должен играть ведущую и определяющую роль в социалистическом лагере и в «третьем мире». Когда не удалось подчинить Пекину мировые революционные силы и превратить социалистическое содружество в орудие его политики, Мао Цзэ-дун переходит к другим формам борьбы.

Посредством интриг, подрывной деятельности, давления Мао Цзэ-дун и его группа попытались развалить социалистическое содружество, развести государства по их национальным «квартирам», а затем по одно-

му собрать вокруг Пекина. Маоисты пытались расколоть коммунистические партии, создать пропекинские группы, рассчитывая в дальнейшем объединить их в «интернационал» во главе с «великим вождем» Мао Цзэ-дунем и с центром в Пекине. Основной удар направлялся против КПСС и СССР.

Стремясь подчинить своему влиянию национально-освободительное движение, Мао и его группа заняли враждебную позицию в отношении почти всех правительств стран Азии и Африки, включая страны социалистической ориентации, призывали к повсеместным «народным войнам», которые должны были обеспечить осуществление революции á La Китай в Азии и Африке, окружить «революционной деревней» капиталистический город — Европу и Северную Америку и завершиться победой «мировой революции» маоистского толка. «Китайский народ является самым революционным, самым прогрессивным народом... — писала «Жэньминь жибао» 20 февраля 1966 г. — Путь, пройденный китайским народом, есть путь, на который народы мира стремятся вступить».

Важным средством осуществления гегемонистских устремлений Мао Цзэ-дун считал ракетно-ядерную войну, в ходе которой Китай, возможно, потерял бы какое-то количество людей, но зато уничтожили бы друга СССР и США, страны Европы и Америки, и Китай в итоге избавился бы от своих явных и придуманных соперников и стал бы центром мира. Именно поэтому Мао Цзэ-дун вешал о целесообразности ядерной войны, именно поэтому китайские руководители высмеивали политику мирного сосуществования, отказывались участвовать в любых акциях, направленных на обуздание гонки вооружений, всячески провоцировали обострение международной обстановки, особенно — отношений между СССР и США.

Авантюристический курс привел Китай к международной изоляции. Внутри страны сложилась обстановка глубокого кризиса. Мао Цзэ-дуну нужно было уходить как полному банкроту, но он решил сокрушить растущее недовольство и оппозицию. Опираясь на армию и используя обманутую молодежь, Мао Цзэ-дун и его группа совершили переворот в форме так называемой «культурной революции» и установили диктатуру военно-бюрократической группировки. Чтобы облегчить проведение этого переворота, маоисты постарались раздуть националистические чувства, устроив в 1969 г. вооруженные провокации на китайско-советской границе. Мао Цзэ-дун заявил одному из иностранных гостей, что он-де сделает так, чтобы несколько поколений китайцев ненавидели Советский Союз.

Хунвэйбины, направляемые Мао и его группой, призывали к проведению «культурной революции» во всех странах. «Пекин — это центр мировой революции, штаб, из которого Мао Цзэ-дун руководит китайской и мировой революцией», — писала «Вэньсюэчжань бао» 21 апреля 1967 г. Однако бесчинства хунвэйбинов в Бирме, Непале, Шри Ланке, Индии, в некоторых странах Африки, дикие оргии, которые устраивались у иностранных посольств в Пекине, вызвали международное осуждение и привели к небывалому падению авторитета Китая. Из социалистических стран лишь с одной Албанией сохранялись близкие отношения, из стран «третьего мира» только Камбоджа и Пакистан считались друзьями.

Пришлось вновь менять тактику, методы, чтобы добиться стратегических целей. Внешняя политика «припудривается», ей пытаются придать респектабельную внешность. В то же время происходит резкий сдвиг «слева» направо. Политика приобретает открытый и даже циничный антикоммунистический характер, основной задачей становится нор-

мализация отношений с империалистическими державами и максимальное возможное сближение с ними. Приглушаются призывы к «народным войнам» в странах Азии и Африки, поскольку это мешало бы сближению Китая с Западом. Руководители КНР заявляют, что Китай тоже является развивающейся страной, принадлежит к «третьему миру», что было расценено как заявка на гегемонию в Азии и Африке под новой вывеской. Китайские руководители вновь стали заявлять, что Китай-де за мирное сосуществование, хотя все шестидесятые годы они издевались над принципами мирного сосуществования. Анализ политики Пекина, однако, показывает, что он допускает мирное сосуществование как временный тактический прием, применяющийся, когда это ему выгодно.

Обстановка в мире, однако, развивается не так, как хотелось бы Мао Цзэ-дуню и его последователям. По инициативе СССР и братских стран осуществляются важные меры, коренным образом улучшающие климат в Европе да и во всем мире. Конфронтация уступает место сотрудничеству, утверждаются принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Значительно улучшились отношения между СССР и США; в результате усилий советской страны начался новый этап развития: переход от конфронтации к поискам сотрудничества. Важное значение имеет соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Это крупная акция на пути к уменьшению и в конечном счете устранению угрозы возникновения ядерной войны, к созданию системы реальных гарантий международной безопасности. Присоединение других государств к этому соглашению тем более будет содействовать обеспечению всеобщей безопасности и прочного мира на земле.

Подписанием договоров СССР и ряда других социалистических стран с ФРГ подводится черта под второй мировой войной в Европе. Началось совещание европейских государств, США и Канады по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. Пройдя через три фазы, это совещание, как надеются народы Европы и миролюбивые силы всего мира, должно увенчаться важными решениями. Определить совместными усилиями основы, на которых будут зиждиться европейская безопасность и сотрудничество, взаимоотношения между государствами в Европе, закрепить их в совместно принятых документах — все это означает заложить долговременные основы мирного развития в Европе. В этом должен заключаться главный политический смысл решений общеевропейского совещания.

Наблюдается известная разрядка и в Азии. Подписаны соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и Лаосе. Ускорился процесс нормализации обстановки на Индостанском субконтиненте. Начались переговоры о мирном воссоединении страны между КНДР и Южной Кореей. С интересом встречена во многих странах выдвинутая Советским Союзом идея коллективной безопасности в Азии. Как заявил тов. Л. И. Брежнев 15 августа 1973 г.: «Азия может и должна жить по законам мира, и реальным путем к этому является коллективная безопасность. Разумеется, потребуются и время, и значительные усилия, чтобы достичь этой цели. Но мы верим, что народы Азии придут к этому»<sup>1</sup>.

Такая тенденция развития международной обстановки противоречит замыслам пекинских стратегов. Не оправдывается их надежда на то, что путем войны между другими государствами Китай сможет завоевать гегемонию в мире. Разрядка напряженности, пусть даже частичные

<sup>1</sup> «Правда», 16.VIII.1973.

меры по разоружению осложняют оправдание милитаризации Китая. Маоистам все труднее объяснять своему народу и народам других стран, почему Китай в условиях международной разрядки делает упор не на борьбу за мир, а на подготовку к войне, и эту задачу вновь подтвердил X съезд КПК. Международная напряженность нужна Пекину и потому, что, запугивая китайский народ опасностью военного нападения со стороны пусть даже придуманного врага, создавая атмосферу «окруженной крепости», легче держать народ в повиновении и нищете, навязывать ему военно-бюрократический режим. И наконец, хотя Пекин стал тщательно маскировать свои замыслы в отношении стран «третьего мира», это не значит, что он отказался от практики вмешательства в дела других государств и стремления к насаждению пропекинских группировок, особенно в странах Азии и Африки; в условиях разрядки международной напряженности это делать труднее, чем в обстановке холодной войны. Уместно привести в этой связи рассуждения Мао Цзэ-дуна, относящиеся к началу сентября 1958 г.: «Если брать вещи и явления в их сравнении, то, например, международная напряженность сейчас, особенно в связи с событиями в районе Тайваня, более выгодна нам и менее выгодна империалистам». И сегодня в Пекине считают, что международная напряженность более выгодна, чем ее разрядка.

Генеральным курсом внешней политики Мао и его группы является антисоветизм. Маоисты видят в лице СССР серьезное препятствие на пути реализации их честолюбивых стремлений к мировому господству и территориальной экспансии. Пытаясь внушить народу неприязнь к СССР, они тем самым стараются вытравить марксистско-ленинские идеи в Китае и отгородить его трудящихся от социализма в СССР и других странах, то есть от самого передового, демократического и гуманного общества, чтобы они не могли увидеть пропасть, куда завели их Мао и его сподвижники. Мао следует также логике китайских богдыханов: существование внешнего врага помогает держать народ в повиновении, а если его нет, то его нужно создать.

В противоположность руководству КНР Советский Союз делал и делает все от него зависящее, чтобы нормализовать отношения между двумя соседними народами. В частности, во время встречи в пекинском аэропорту Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и премьер-министра Государственного совета КНР Чжоу Энь-лая 11 сентября 1969 г., состоявшейся по инициативе Советского правительства, с нашей стороны было предложено назначить послов в столицы, принять меры к нормализации положения на границе и начать переговоры об уточнении линии границы, активизировать торговые связи и восстановить экономическое сотрудничество, возобновить практику обмена информацией и консультацией по международным вопросам, представляющим общий интерес.

Вскоре после этой встречи СССР направил посла в Пекин, а КНР назначила посла в Москву. Несколько расширилась торговля: в 1970 г. она была минимальной (42 млн. руб.), сейчас она достигла 200 млн. руб. в год. Стороны заявили, что дали указание пограничным властям не допускать конфликтов, решать возникающие вопросы путем переговоров; 20 октября 1969 г. в Пекине начались переговоры об уточнении линии границы. Переговоры, однако, оказались бесплодными, поскольку Пекин выдвигает требования, которые не могло бы принять ни одно суверенное государство: еще до рассматривания вопроса о границе по существу под предлогом существования «спорных районов» граница должна быть передвинута в глубь Советского Союза, и советские войска должны быть отведены из ряда районов СССР.

Отказываясь идти на договоренность по вопросу границы, китайские руководители ссылаются на то, будто «атомная бомба висит над столом переговоров», будто существует «угроза с Севера». Надуманность и фальшь этого аргумента становятся очевидными, если посмотреть, как Пекин относится к советским предложениям.

Советский Союз свои отношения с КНР всегда стремился строить на основе доброй воли и конструктивного сотрудничества. «Мы уже заявляли, что готовы в настоящее время развивать отношения с КНР на основе принципов мирного сосуществования, если в Пекине не считают возможным идти на большее в отношениях с социалистическим государством, — подчеркивал Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном заседании в Ташкенте 24 сентября нынешнего года. — Советский Союз не только провозглашает такую готовность, но и переводит ее на язык конкретных и конструктивных предложений — о неприменении силы, об урегулировании пограничных вопросов, об улучшении отношений в различных областях на взаимовыгодной основе».

Вот краткое перечисление таких конкретных и конструктивных предложений советской стороны, которые были отвергнуты Пекином.

8 июля 1970 г. Советское правительство передало предложение провести встречу глав правительств для рассмотрения важнейших вопросов отношений между двумя странами и обменяться декларациями о взаимном ненападении. Пекин не ответил. 15 января 1971 г. Советское правительство предложило заключить договор о неприменении силы в отношениях между СССР и КНР, включая обычное, ракетное и ядерное оружие. Это предложение было отклонено на том основании, что между СССР и КНР имеется договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. Тогда СССР выдвинул идею подтвердить, что обязательства сторон по этому договору остаются в силе. Китайская сторона отказалась. Наконец, в июне с. г. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство официально предложили китайскому руководству заключить договор о ненападении между СССР и КНР. Однако руководство КНР даже не соизволило дать ответ на это совершенно конкретное предложение Советского Союза.

В то же время в Китае разжигается военный психоз, — ведется широкая подготовка к войне: строятся траншеи и бомбоубежища, форсируется милитаризация страны. Пекинские деятели пытаются убедить свой народ и иностранные государства в том, что КНР угрожают с Севера. Советский Союз объявлен наипервейшим врагом. На X съезде Чжоу Энь-лай прозрачно намекал на опасность внезапного нападения со стороны СССР и призвал быть готовым к этому. Доклад Чжоу насыщен такими злостными измышлениями об СССР, из которых очевидно, что Пекин имеет в виду вести дело к дальнейшему ухудшению отношений. От конструктивных предложений СССР Чжоу пытался отделаться, изображая при этом дело так, будто СССР претендует чуть ли не на «всю китайскую территорию к северу от китайской стены».

При помощи так называемого «дифференцированного подхода» китайские руководители пытаются расстроить содружество социалистических государств, испортить их отношения с СССР. Совершенствование СЭВ и вступление Кубы в эту организацию, укрепление Варшавского союза, Крымская встреча руководителей братских партий и важные решения, принятые в ходе этой встречи, успешное развитие дружбы и боевого сотрудничества СССР с ДРВ — все это свідетельствует, что идет процесс консолидации социалистического содружества, несмотря на подрывную деятельность маоистов.

Китайские же руководители объединились с теми реакционными и

реваншистскими силами на международной арене, которые сопротивляются нынешним прогрессивным тенденциям в мире, стремятся гальванизировать холодную войну. Они резко выступают против любого шага в сторону от войны к миру и приветствуют каждое событие, означающее движение от мира к войне. На X съезде КПК Чжоу Энь-лай откровенно ратовал за сохранение международной напряженности. КНР не присоединилась ни к одному из заключенных в последние годы международных соглашений, ограничивающих ядерные испытания, мешающих расползанию оружия массового уничтожения, закрывающих космическое пространство и дно морей и океанов для ядерного оружия, ликвидирующих бактериологическое оружие. Больше того, все эти соглашения подверглись на съезде самой резкой критике. На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Пекин выступил против советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению и всячески препятствует работе по подготовке такой конференции. На той же сессии Китай в компании с ЮАР, Португалией и Албанией голосовал против советского предложения о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия. На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи китайский представитель отверг советское предложение о сокращении на 10% военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности и использовании части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам.

В ходе бесед с президентом Франции Ж. Помпиду в середине сентября с. г. Чжоу весьма назойливо твердил о необходимости не ослаблять «оборону Запада», укреплять НАТО, об опасности для западных держав разрядки в Европе. Даже правая английская газета «Дейли телеграф» писала по этому поводу, что Пекин стал «большим защитником НАТО, чем какое-либо государство — участник Североатлантического блока». Печать западноевропейских стран весьма единодушно констатировала, что Западная Европа имеет свои собственные интересы и, нравятся это китайским руководителям или нет, не может отказываться от линии на разрядку напряженности в Европе.

Редко какой внешнеполитической задаче пекинские стратеги отдали столько усилий, сколько задаче срыва европейского совещания. Они пытались также сорвать ратификацию договоров СССР, ПНР и ГДР с Западной Германией, грубо осуждали четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Они призывают западные державы вооружаться и не соглашаться даже на частичные меры по разоружению, укреплять НАТО против Варшавского союза, расширять Общий рынок в ущерб СЭВу, заклинаят европейские страны и США «не верить СССР», не идти на разрядку в Европе. Чжоу Энь-лай даже бросил на X съезде упрек, что Запад, дескать, только и думает о том, как бы «повернуть СССР на Восток», чтобы на Западе было спокойно, и что кто-то даже хотел бы проглотить «отборный кусок мяса», каким, мол, является Китай. Что же осталось у этих людей от коммунистов, чем лучше они Штрауса и других реваншистов и адвокатов холодной войны, пытающихся сорвать оздоровление обстановки в Европе?

Созыв совещания по вопросам безопасности и мира в Европе, успешное завершение его первого этапа вновь подтвердили, что китайские руководители явно переоценивают свои возможности влиять на положение в мире, что их политика, преследующая авантюристические цели, не имеет будущего.

Пекинские деятели выступают против разрядки в Европе и потому, что создание системы безопасности в этом районе мира может послужить примером и для других континентов, в частности Азии.

В свое время руководители КНР сами выступали с предложениями об обеспечении безопасности в Азии на коллективной основе. 30 июля 1955 г. китайское правительство предложило, чтобы страны Азии и Тихого океана заключили пакт коллективного мира, который заменил бы антагонистические военные блоки. Чжоу Энь-лай говорил 17 августа 1955 г., что такой пакт коллективной безопасности полностью соответствует Уставу ООН, его цель состоит в том, чтобы побудить все государства жить в условиях мира и дружественного сотрудничества.

Изменилась политика Пекина, изменилось и его отношение к идее коллективной безопасности в Азии. Китайские руководители стараются представить эту идею как попытку СССР окружить КНР, создать антикитайский блок. Нелепость этого аргумента очевидна, если учесть, что система коллективной безопасности в Азии должна включать все государства этого континента и что все они приглашаются участвовать в формировании этой системы. «Мы представляем себе дело так, что КНР станет полноправным участником такой системы», — заявил тов. Л. И. Брежнев 21 декабря 1972 г.<sup>2</sup>

Тем не менее Пекин продолжает оказывать нажим на ряд азиатских стран, ведет пропагандистскую кампанию, в том числе и в международных организациях, против идеи коллективной безопасности в Азии. Китайский представитель заявил на XXIX сессии ЭКАДВ 12 апреля с. г., что «непосредственная цель» коллективной безопасности в Азии «состоит в том, чтобы установить контроль над азиатскими странами, разобщить их и постепенно включить их в свою сферу влияния», и что «такая система может лишь принести новые бедствия народам Азии». Против идеи коллективной безопасности в Азии выступил представитель КНР на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Китайские руководители против этой идеи прежде всего потому, что в Пекине, видно, считают, что в условиях постоянных конфликтов между государствами Азии им легче будет осуществить свои гегемонистские устремления.

Противодействие разрядке напряженности в мире не ограничиваются пропагандистскими акциями. Исходя из того, что чем больше «потрясений» в мире, чем сильнее напряженность, тем лучше, Мао и его группа не только провоцируют международные осложнения, но и пытаются помешать ликвидации возникших очагов войны и конфликтов, особенно в районах, находящихся подальше от Китая.

Известно, что китайские руководители в свое время выступали за расширение войны в Индокитае, они отрицательно отнеслись к контактам между ДРВ и США. «Неужели гвоздь вьетнамского вопроса, — вопрошала «Жэньминь жибао» 28 января 1967 г., — заключается в каком-то (!) прекращении бомбардировок Севера? Абсолютно нет». «Вьетнамский народ может сражаться с врагом на своей родной земле из поколения в поколение», — писала газета 27 марта 1967 г.

Дальнейшее поведение китайских руководителей показало, что Мао и его приближенные паразитировали на героической борьбе вьетнамского народа против агрессии, рассчитывая руками вьетнамцев заставить Вашингтон пойти на переговоры с Пекином. Как только наметилось сближение КНР и США, китайские руководители изменили отношение к войне и к переговорам, стали торопить с прекращением военных действий во Вьетнаме. «Тайвань за Вьетнам!», — писала «Вашингтон пост» 1 марта 1972 г., имея в виду надежды Пекина на то, что США оценят

<sup>2</sup> «Правда», 22.XII.1972.

«миролюбивую» политику пекинского руководства и вернут ему в награду за это остров Тайвань!

Весьма неблагоприятна роль Пекина на Индостанском субконтиненте. Пытаясь ослабить позиции Индии, с одной стороны, и загнать Пакистан в сети китайской политики — с другой, китайские руководители в течение ряда лет провоцировали обострение отношений между Пакистаном и Индией. Они поощряли репрессии пакистанских властей во главе с Яхья Ханом против бенгальцев, что в конечном счете привело к войне между Пакистаном и Индией. И после этого они всячески поносили Бангладеш, помешали ее принятию в ООН на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи, подогрели реваншистские настроения в Пакистане. На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи Пекин подтвердил свою враждебную Бангладеш позицию.

Весьма показательное отношение Пекина к конфликту на Ближнем Востоке. Когда летом 1967 г. вспыхнула война и арабские государства потерпели поражение, китайские руководители звали к продолжению войны, что в тех условиях было бы на руку Израилю. В дальнейшем они выступили против резолюции Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 г. по Ближнему Востоку и соответствующих решений Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивая «нереальность» и «бессмысленность» политического урегулирования. Во время обсуждения в Совете Безопасности положения на Ближнем Востоке, начатого по просьбе арабов в июле с. г., китайский делегат отказался проголосовать за разработанный представителями неприсоединившихся стран проект резолюции, хотя министр иностранных дел АРЕ Зайят подчеркивал, что голос «за» означает голос в пользу справедливого мира на Ближнем Востоке.

Суть тактики маоистов на Ближнем Востоке состоит в том, чтобы испортить отношения арабских государств с СССР и другими странами социалистического содружества, причем для Пекина совершенно безразлично, что это прежде всего ослабило бы арабские государства в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии, и добиться такого хода событий на Ближнем Востоке, который сорвал бы процесс разрядки напряженности в мире и привел бы к крупному военному конфликту с участием великих держав, или по меньшей мере отбросил бы международные отношения назад, ко временам холодной войны. В то же время китайские руководители не желают связывать себя какими-либо обязательствами перед арабскими государствами и не обещают им помощи. Вернувшись в Каир после поездки в Китай в апреле 1972 г., специальный помощник президента АРЕ М. Рнад дал отрицательный ответ на вопрос, может ли КНР предоставить эффективную помощь. «Китай, — говорил он, — не располагает излишками промышленной продукции, которую он мог бы дать арабам. Китай не может помочь нам и в военной области». Китайское правительство ушло от конкретного обещания оказать помощь Египту и во время визита в сентябре 1973 г. в Пекин вице-президента АРЕ Х. аш-Шафни.

В период военных сражений между арабскими государствами и израильскими агрессорами в октябре 1973 г. Пекин старался не связывать себя никакими обязательствами и всячески разжигать войну. В то время когда Советский Союз, другие братские страны оказывали арабским государствам энергичную политическую поддержку и большую помощь, китайские руководители, встревоженные укреплением дружбы между арабскими государствами и Советским Союзом, продолжали клеветать на СССР. Показательно, что, когда почти все члены Совета Безопасности резко осудили 9 октября варварские налеты израильской авиации на Дамаск, представитель КНР отмолчался. Китайский представитель не

принял участия и в обсуждении резолюции Совета Безопасности от 22 октября 1973 г. о прекращении военных действий, хотя проект резолюции был согласован с арабскими странами.

Пекинское руководство не только ратует за укрепление НАТО, оно уже не считает злом ни СЕАТО, ни особенно СЕНТО. Больше того, во время визита в июле 1972 г. в Иран и Пакистан министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй рекомендовал укреплять СЕНТО, вооружаться. Не удивительно, что в одной из пакистанских газет даже появилось сообщение, что Китай мог бы войти в этот агрессивный блок.

Одной из особенностей внешней политики Пекина является натравливание одних государств на другие. Не так давно китайские руководители активно поддерживали великодержавные и экспансионистские претензии Индонезии в отношении Малайзии и Сингапура. Сейчас они всячески провоцируют Пакистан против Индии, пытаются испортить отношения Непала и Шри Ланка с Индией. Они подталкивают Иран против арабских государств, особенно в зоне Персидского залива. Они подогревают территориальные претензии Японии в отношении СССР, причем усердствуют настолько, что их «услуга» вызывает явное смущение и раздражение в Японии. Они утверждают, что нынешнее урегулирование в Европе, в том числе в вопросе о границах, не является окончательным, что это-де лишь временный статус-кво. Пекин занял явно провокационную позицию при обсуждении вопросов морского права. Он призывает отказаться от всех ранее достигнутых соглашений в области морского права, предоставить каждому государству право произвольно определять ширину территориальных вод, устанавливать зоны, ограничивающие свободу судоходства и рыболовства в открытом море. Таким путем китайские руководители хотят добиться расположения некоторых государств, а главное — вызвать хаос, отравить отношения между многими странами.

Гегемонистские и экспансионистские устремления маоисты неуклюже маскируют, они прибегают к демагогии, лжи и извращению истинной расстановки сил на мировой арене. Основным лозунгом, которым в последние годы китайские руководители прикрывают свои великодержавные гегемонистские устремления, является «борьба против двух сверхдержав». Аргументация, которой пользуются при этом маоисты, более чем примитивна. Все зло в мире ныне, мол, исходит от «двух сверхдержав». Они, дескать, постоянно борются между собой и вместе с тем стремятся договориться о разделе мира. Маоистов мало смущает, что они потеряли классовый подход, что одна «сверхдержава» империалистическая, а СССР — социалистическое государство; они нагло объявляют СССР социал-империалистической «сверхдержавой», игнорируя то, что видят все народы мира: одна «сверхдержава» осуществляла в течение ряда лет агрессию против Вьетнама и других стран Индокитая, СССР же оказывал всемерную помощь жертвам агрессии, одна помогает Израилю, СССР твердо стоит на стороне арабских народов. Но и на этом маоисты не останавливаются. Раз причиной всех бед в мире являются две «сверхдержавы», то «малые» и «средние» страны — и социалистические, и развивающиеся, и империалистические — должны объединяться для борьбы против «сверхдержав». Но такая коалиция не может обойтись без руководителя, и ее готова возглавить самая большая из «средних» стран — Китай. X съезд КПК подтвердил этот основной нынешний лозунг внешней политики Пекина. Чжоу Энь-лай ратовал за создание «широчайшего единого фронта» против «гегемонии сверхдержав».

Чем бы этот лозунг ни объяснялся — его цель не в том, чтобы усилить нажим народов на силы империализма и реакции, а в том, чтобы ослабить антиимпериалистическую борьбу, расстроить союз основных революционных отрядов современности, и прежде всего сил национального освобождения и мирового социализма, добиться для Китая роли главной «сверхдержавы», открыть путь к господству над всеми другими народами. «Любая попытка столкнуть неприсоединившиеся страны с социалистическим лагерем, — заявил Фидель Кастро 7 сентября с. г. на конференции неприсоединившихся государств в Алжире, — является глубоко контрреволюционной и направлена на защиту интересов империализма... Мир делится на страны капиталистические и социалистические, а правительства — на поддерживающие империализм, колониализм и расизм и на те, которые выступают против. Теория же «двух империализмов», пропагандируемая теоретиками капитализма, является полностью фальшивой и направлена на раскол неприсоединившихся стран».

Материалы X съезда КПК показывают, что основной внешнеполитический курс Пекина по-прежнему строится в расчете на эвентуальное обострение советско-американских отношений и конфликт между СССР и США. Чжоу стремился доказать, что между США и СССР «схватка является абсолютной и длительной, а сговор — относительным и временным».

\* \* \*

Дорого платит китайский народ за отход руководителей страны от марксизма-ленинизма. Внутреннее развитие КНР заторможено, государство находится в состоянии перманентного кризиса. Бесперспективен и внешнеполитический курс Мао и его группы, представляющий серьезную опасность для дела мира и международного сотрудничества. Это тем более явственно обнаруживается по мере укрепления в международных отношениях позитивных тенденций, развивающихся под воздействием активной внешнеполитической деятельности СССР, братских социалистических стран.

## XXIX Конгресс востоковедов: дискуссия о современном Китае

---

*М. И. Сладковский,  
чл.-корр. АН СССР*

С 16 по 22 июля 1973 г. в Париже проходила XXIX Конгресс востоковедов. Среди одиннадцати секций, образованных для обсуждения проблем древнего и современного Востока, заметно выделялась 9-я секция — по изучению проблем Китая. В отличие от предшествующих востоковедческих и синологических конгрессов, на которых центральное место занимали доклады, посвященные древнему Востоку (археологии, истории, искусству, филологии), XXIX Конгресс основное внимание уделил обсуждению современных проблем Востока (подсекции современного Ирана, Индии и др.). Еще в большей степени это относилось к Китаю. Так, из 175 докладов, заявленных на 9-й секции, 89 докладов заслушивались на подсекции современного Китая и 86 на подсекции классического Китая. Диапазон проблематики последней был также значительно шире, чем обычно.

При всем обилии докладов бросалось в глаза, что по современным проблемам не было докладов синологов Англии, ФРГ, Франции и даже Японии, представленной многочисленной делегацией. На подсекции современного Китая, например, было заслушано всего лишь два доклада японских синологов: Тюсэй Судзуки — «Некоторые характеристики популярных религиозных движений в современном Китае» и Банно Масатака — «Взгляды Ма Цин-чуна на современные железные дороги: два договора 1879 г., составленные во Франции». Но и в них были тщательно обойдены все современные политические проблемы Китая. Случайно ли это? Так ли уж ученые буржуазных стран «свободны» от официальной политики своих стран? Скорее можно предположить обратное: синологам этих стран, видимо, были даны «авторитетные советы» не затрагивать деликатные политические темы, касающиеся маоистского Китая, поскольку защита маоистской политики на форуме ученых была бы бездоказательной, а критика ее в условиях, когда правительства их стран заняты поисками путей расширения контактов с Пекином, — «нецелесообразной».

Обращало на себя внимание, что на конгрессе не были представлены доклады наиболее известных синологов США. Авторами выступали лишь американские ученые китайского происхождения, работающие в американских научно-исследовательских центрах по проблемам Китая.

Широко были представлены синологические центры Гонконга, Тайваня и Сингапура. В общей сложности около 80% докладчиков этих центров и представителей США — ученые китайского происхождения.

В докладах, посвященных анализу идеологических, политических и экономических проблем современного Китая, просматривалось стремле-

ние некоторых буржуазных ученых хотя бы косвенно бросить тень на социализм. В частности, они использовали тот факт, что маоизм-дундовское руководство прикрывает свою антисоциалистическую политику марксистско-ленинской терминологией. Словно не понимая всей коварности такой игры Пекина, они, так сказать, лишь «объективно» называли негативные явления китайской действительности, а выводы-де напрашиваются сами собой: это и есть социализм. Это было свойственно, например, подходу представителя Вашингтонского университета Ма Фэн-хуа. Анализируя внешнюю торговлю КНР за последнее пятнадцатилетие, он правильно указывал на пагубное влияние «большого скачка» и «культурной революции» на развитие экономики внешней торговли Китая. Однако докладчик намеренно обошел опыт успешного развития экономики и внешней торговли в КНР в 1949—1957 гг., то есть в период, когда в Китае действительно осуществлялось строительство новой жизни на принципах научного социализма. Он игнорировал тот общеизвестный факт, что в конце 50-х годов группа Мао Цзэ-дуна отвергла генеральную линию КПК, основывавшуюся на марксистско-ленинских принципах научного социализма, навязала партии и стране антисоциалистический курс, в основу которого положены субъективистские, великодержавно-шовинистические «идеи Мао Цзэ-дуна», и что все беды народного хозяйства и народов Китая с тех пор и до настоящего времени являются следствием полного отхода от принципов научного социализма.

В сущности, столь же «объективными» были и попытки некоторых буржуазных ученых противопоставить положение в КНР и на Тайване. Тот же представитель Вашингтонского университета Ма Фэн-хуа, например, отвечая на вопросы, обратил внимание на тот факт, что в последние годы внешнеторговый оборот Тайваня с населением 15 миллионов человек превышает объем внешней торговли континентального Китая с его 800-миллионным населением, что у КНР нет реальных экспортных ресурсов, а китайский народ находится на жестко нормированном обеспечении. В таком же духе делал сравнения Парис Чан — представитель Пенсильванского университета. На фоне замедленного развития экономики КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции» он пытался рисовать радужные картины «просперити» Тайваня».

Негативных явлений в китайской действительности предостаточно. Однако сравнивать их с положением на Тайване — отнюдь не значит сравнивать социализм и капитализм. Что же касается «процветания» Тайваня, то зарубежным ученым хорошо известно о том, что на Тайване, во-первых, были сосредоточены колоссальные материальные ценности, захваченные гоминьдановскими правителями во время их бегства с материка в 1948—1949 гг. Во-вторых, они сознательно обходят молчанием тот факт, что Тайвань обильно орошается американскими долларами и что без таких «щедрых» подачек Тайвань вряд ли смог бы обеспечить даже низкий уровень развития.

Некоторые буржуазные ученые в своем стремлении дискредитировать научный социализм шли дальше. Они пытались доказать, будто Китай вследствие своего своеобразия не приемлет научный социализм с его централизацией управления народным хозяйством. Такую мысль проводил уже упоминавшийся представитель Пенсильванского университета Парис Чан. Его доклад был посвящен проблеме централизации и децентрализации политической системы в КНР.

Докладчик предложил следующую схему: период централизации — 1949—1956 гг., первый период децентрализации — 1958—1961 гг., второй период централизации — 1962—1965 гг. Второй период децентрализации

начался, по мнению автора, в годы «культурной революции» 1966—1969 гг. и продолжается в настоящее время.

Характеризуя первый период «централизации» как период социалистического строительства по «советскому образцу», докладчик отметил создание централизованной политической власти, системы управления народным хозяйством по единому, общегосударственному плану. Реакцией на централизацию, по представлению докладчика, был «большой скачок», разрушивший систему централизованного планирования и усиливший местную власть военизированных «народных коммун». Порожденный «большим скачком» хаос в народном хозяйстве вызвал необходимость проведения срочных мер по упорядочению народного хозяйства — созыв Всекитайского собрания народных представителей и подготовку III пятилетнего плана развития экономики. По мнению докладчика, этот период не был завершен и был прерван «культурной революцией», после чего начался новый период децентрализации политической системы КНР.

Докладчик пытался обосновать такую цикличность специфическими особенностями Китая — неприемлемостью для Китая централизованного, социалистического управления экономикой страны, усиление которого якобы неизбежно вызывало антисоциалистическую реакцию и децентрализацию. В докладе Парис Чан не сделал каких-либо конкретных политико-экономических выводов, однако, отвечая на вопрос, «как скоро кончится период децентрализации и что можно ожидать в будущем», он сказал, что после ухода с политической арены стареющего Мао Цзэ-дуня процесс децентрализации политической системы КНР ускорится и Чжоу Энь-лай не сможет приостановить этот процесс. По мнению Чана, после ухода Линь Бяо в армии нет авторитетного руководителя, и уже сейчас наблюдаются сепаратистские тенденции среди военных. Последний тезис докладчик аргументировал тем, что командующий Нанкинским военным округом Сюй Ши-ю и командующий Шэньянским военным округом Чэнь Си-лянь уже сейчас проявляют независимость от центра.

Сами по себе факты, приводимые Парис Чаном, известны, и они действительно имели место в 24-летней истории КНР. Однако никто не согласится с Чаном в том, что предлагаемая им схема цикличности вытекает из традиционной специфичности Китая, из неприемлемости для китайского народа идей и практики научного социализма.

Разве неизвестно, что китайский народ десятилетиями боролся именно за социалистический путь развития, проявляя при этом огромный революционный героизм, и в период до маоистского эксперимента с «большим скачком» достиг замечательных успехов на пути социалистического строительства? Неверие в способность китайского народа воспринять передовые социалистические идеи и претворить их в жизнь может быть присуще либо человеку, не знающему истории китайской революции, либо явному противнику избранного китайским народом социалистического пути развития и мечтающему видеть Китай, идущим вспять — к буржуазно-помещичьим порядкам, зависимости от империалистических держав, к бесправию, голоду и нищете народных масс.

Действительно, в политической истории КНР наблюдаются приливы и отливы. Но они объясняются ни какой-либо специфичностью и устойчивостью традиций Китая, ни тем более непригодностью научного социализма для Китая. Политическая неустойчивость, которая наблюдается на протяжении последних 15 лет, порождена полным отходом нынешнего китайского руководства от идей и практики научного социализма и пролетарского интернационализма. Политический кризис, сохраняющийся в КНР, следовательно, результат глубокого кризиса маоизма. Маоизм действительно поставил под угрозу социалистические завоевания китай-

ского народа, а его практика дискредитирует идеи научного социализма.

У отдельных буржуазных ученых намечалась попытка разобраться в идеологических основах экономической политики маоцзэдуновского руководства. Так, на конгрессе с докладом «Идеализм и прагматизм в экономической политике Китая» выступил Фред Хунг — представитель Гавайского университета. Докладчик, по существу, рассматривал экономические взгляды Мао Цзэ-дуна, а не политику правительства КНР, которая, как известно, на определенных этапах не совпадала с «идеями» Мао. В докладе приводятся достаточно убедительные доказательства, подтверждающие идеализм и прагматизм Мао Цзэ-дуна. Хунг, например, справедливо отмечает: «Мао, к сожалению, не имеет изложенных ясным языком в каком-либо одном томе экономических идей. Наоборот (идеи Мао. — М. С.), разбросаны в отдельных политических речах и статьях и излагаются в виде «диалектической риторики, политического жаргона». Отмечая, что в течение 1952—1957 гг., когда «программа индустриализации основывалась на советской модели», в промышленности было инвестировано 46% общей суммы плановых ассигнований, а в сельское хозяйство лишь 20%, докладчик считает, что у руководства КПК были основания уделить больше внимания развитию сельского хозяйства. Однако, как отмечает Хунг, практически руководство Мао Цзэ-дуна в последние годы вообще прекратило выделять ассигнования для сельского хозяйства. «Весьма важным, однако, является тот факт, — подчеркнул докладчик, — что по прагматическим соображениям маоистская идеология прибегает к довольно простому средству — переводит китайский народ на самообеспечение».

В заключение докладчик, ссылаясь на впечатления американских туристов, недавно посетивших Китай, говорит о том, что прагматизм маоистов привел к тому, что в Китае «существуют частные земельные участки, свободные рынки и на практике применяются дифференцированная оплата труда, что являлось объектом острой критики в годы «культурной революции».

Можно предположить, что маоисты преднамеренно хотели преувеличить значение частного предпринимательства в КНР в глазах американцев. Как известно, они умеют проводить инсценировки и выдавать какую-либо частность, весьма искусно и специально подготовленную, за нечто гипичное, за общекитайское явление. Возможно, и американские туристы выдают желаемое за действительное. Хотя нельзя не отметить, что в последние три года руководство КНР заметно берет вправо.

Представитель Атлантического университета Флориды Цзун И-доу выступил на конгрессе с докладом «Останется ли марксизм в Китае?». В нем он пытался сопоставить философские основы конфуцианства и марксизма.

Цзун И-доу, доклады которого советским синологам приходилось неоднократно слушать на предшествующих конгрессах, довольно объективно изложил положение в период распространения марксизма в Китае после Октябрьской революции в России и дал в общем правильную характеристику роли первых марксистов Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао в ознакомлении китайской общественности с марксистско-ленинской теорией. В то же время докладчик пытался доказать, что основные философские положения марксизма будто неновы для Китая, что они якобы воспроизводят взгляды традиционной китайской философии, что Ли Дао-чжао и Чэнь Ду-сю пришли к марксизму через конфуцианство. Автора несколько не смущало, что Ли Да-чжао убежденно квалифицировал конфуцианство как крайне реакционную идеологию.

Автор назвал ряд высказываний из философских памятников Китая,

в которых содержатся элементы диалектики, сходные с положениями марксистской диалектики. Было очевидно, что автор сравнивает не системы мировоззрений — конфуцианства и марксизма, а лишь отдельные положения, далеко не характеризующие учения в целом. Что касается связи марксизма-ленинизма с предшествующими теориями и идеями, то В. И. Ленин писал: «... в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, заостренного учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила»<sup>1</sup>. Нельзя судить о марксизме, не рассматривая все три составные части этого учения: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и политическую экономиию, составляющие единую, цельную систему мировоззрения на природу и общество.

Учение Маркса выражает мировоззрение рабочего класса и является его теоретическим и практическим руководством в революционной борьбе за преобразование мира. Оно непримиримо «ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»<sup>2</sup>. Китайская же древняя философия, в том числе и неоконфуцианство, в которой хотя и можно найти некоторые элементы материалистического представления о мире (рассуждение о материальной субстанции «ци», элементы диалектики и т. д.), несомненно, была такой, она отражала идеологию аристократии и по своей сущности, как правильно оценивали сами китайские историки, «являлась реакционной теоретической основой укрепления и усиления феодального господства»<sup>3</sup>.

Мы глубоко убеждены, что марксизм в Китае в конечном итоге одолевает маоизм и другие националистические и шовинистические идеи, как это уже многократно случалось в мировом революционном движении, и непременно вновь станет руководящей идеей революционных социалистических преобразований в крупнейшей стране мира, народ которой, миллионы коммунистов на многолетней практике убедились, что только с помощью марксизма могут быть успешно решены важнейшие проблемы, стоящие на пути социального прогресса Китая.

Ряд докладов был посвящен международным отношениям современного Китая. Так, Жорж Ян из Университета Толедо выступил с докладом «Китайская политика в отношении Японии: стратегия объединенного фронта». Докладчик отметил, что в 60-е годы КНР в своей политике в отношении Японии выдвигала следующие четыре условия: 1) признание Японией Пекинского правительства единственным законным правительством Китая; 2) нейтрализация проамериканской политики Японии; 3) предотвращение сближения Японии с Советским Союзом; 4) радикализация внутренней политики Японии.

Докладчик считает, что 1-е и 4-е условия обеспечены и в политике КНР на 70-е годы ставится задача добиться от Японии выполнения 2-го и 3-го условий. «Будущее отношений между этими двумя азиатскими странами, — считает докладчик, — зависит главным образом от их взаимного понимания международной напряженности и своих практических национальных интересов». В такой широкой и неконкретной формуле докладчик оставил неясным, будет ли отвечать интересам Японии превращение Китая в сильное индустриальное государство Азии и будет ли она

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 40.

<sup>2</sup> Там же, стр. 43.

<sup>3</sup> «Очерки истории Китая» под редакцией Шан Юэ (пер. с кит. яз.). М., 1959, стр. 350.

способствовать этому? С другой стороны, будет ли Китай мириться с тем, что Япония, как ведущее индустриальное государство Восточной Азии, может претендовать и на ведущую военно-политическую роль в дальневосточном регионе? Как согласовать эти две противоречивые тенденции с идеей объединенного китайско-японского фронта, докладчик не дал ответа.

С докладом «Два десятилетия китайско-северокорейских отношений в 1950—1972 гг.» выступил И. Ким (по национальности кореец) из Коннектикутского университета. Докладчик отметил тесное сотрудничество между КНДР и КНР в годы корейской войны 1950—1953 гг., их согласованную внешнюю политику в плане общего сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В годы «большого скачка» и особенно во время «культурной революции», сказал докладчик, обнаружились разногласия во внешней политике и путях внутреннего развития КНР и КНДР. Докладчик много внимания уделял известным в истории фактам оккупации Китаем корейских земель, вплоть до китайско-японской войны (1894—1895 гг.).

На подсекции по проблемам современного Китая были представлены три доклада советских китаеведов:

1. «Объективная историческая закономерность обобществления средств производства в Китае и перехода КНР на социалистический путь развития». Докладчик чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский. Цель этого доклада состояла в том, чтобы показать, что после крушения империалистической Японии и изгнания японских оккупантов из Китая на территории, где власть оказалась в руках народно-демократической администрации, как это было в Маньчжурии (Северо-Восток Китая), объективно сложились благоприятные условия для обобществления основных средств производства на базе бывшей японской собственности. вполне закономерным было и обращение народно-демократических властей Северо-Восточного Китая (до октября 1949 г.), а в последующем и правительства КНР к правительству Советского Союза за материальной, финансовой и научно-технической помощью, без которой китайский народ, разумеется, не смог бы в короткие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство и тем более не смог бы успешно перейти к широкому плановому, социалистическому строительству. В докладе опровергаются утверждения буржуазных синологов об извечной приверженности китайского народа к вековым традициям и невосприимчивости им идей и практики научного социализма. На основе конкретных данных были показаны несомненные успехи в социалистическом строительстве в первое десятилетие после образования КНР, когда китайский народ проявил неуклонную волю и доказал, что прогресс страны возможен только на пути строительства социалистического Китая. В докладе было показано, что лишь в результате отхода от коллективного руководства в КПК и узурпации с 1958 г. политической власти в руках группы Мао Цзэ-дуна страна вступила в полосу потрясений.

Докладчик выразил надежду, что китайский народ, познавший несомненные преимущества социализма, непременно пойдет по социалистическому пути развития.

2. «Особенности демографической политики КНР» — доклад доктора экономических наук, профессора Е. А. Коновалова. Доклад был посвящен главным образом анализу демографической ситуации и мероприятиям китайского руководства по сдерживанию роста населения. Докладчик показал, что проблемы народонаселения есть следствие антинаучной экономической политики китайских руководителей. Докладчик отметил, что попытки маоистов решить проблемы народонаселения адми-

нистративным путем (путем отсрочки времени вступления в брак и т. д.) обречены на неудачу. Одновременно докладчик выступил против кажущейся кое-кому неизбежной внешней экспансии со стороны КНР, которая, по мнению антисоветских и антикитайских реакционных авторов из Западе, якобы наступит в связи с неуправляемым ростом населения. В докладе убедительно показано, что при правильном и планомерном использовании национальных ресурсов проблема материального обеспечения китайского народа вполне разрешима.

3. «Влияние «культурной революции» на промышленное производство КНР». Этот доклад, подготовленный доктором экономических наук Акимовым В. И., не был заявлен до открытия конгресса и в официальную повестку не включался. Текст распространен нами среди участников (на англ. яз.) без заслушивания на секции.

В докладе приведены конкретные данные, показывающие, что промышленность относится к числу наиболее пострадавших отраслей народного хозяйства КНР в годы «культурной революции». По подсчетам экономистов, в 1967 г. промышленное производство сократилось примерно на 20% против 1966 г. «Культурная революция» привела к расстройству руководства и управления промышленностью. Она резко усилила процесс милитаризации экономики, особенно промышленности. В годы «культурной революции» был нарушен процесс подготовки квалифицированных кадров, в которых китайская экономика испытывает острую нехватку. В 1967—1969 гг. произошло ухудшение технико-экономических показателей работы промышленности, заметно понизилась производительность труда и замедлились темпы научно-технического прогресса.

Кроме докладов, заслушанных на подсекции «Современный Китай», кандидат исторических наук В. С. Мясников на подсекции «Классический Китай» выступил с докладом «Русско-китайские отношения в XVII в.». Доклад основан на широком круге русских и китайских источников, опубликованных советскими китаеведами в документальных сборниках «Русско-китайские отношения в XVII веке», изданных в 1968 г. (том I) и в 1972 г. (том II).

Главное внимание в докладе было уделено раскрытию несостоятельности так называемой «исторической» аргументации, с помощью которой нынешние руководители Китая пытаются обосновать территориальные притязания к нашей стране. Давая характеристику всего процесса истории русско-китайских отношений, доклад показывает глубокую взаимозависимость между событиями конца XVII и середины XIX в.

В условиях нависшей в 50-х годах XIX в. угрозы со стороны Англии и Франции в отношении России (Крымская война и попытка захвата дальневосточных владений России) и Китая (Опиумные войны), возникла необходимость совместной защиты, в том числе неразграниченных территорий, и на этой основе в 1858—1860 гг. между Россией и Китаем были заключены Айгуньский и Пекинский договоры, окончательно определившие границы между государствами. История русско-китайских отношений подтверждает, что до присоединения царского правительства в конце XIX и начале XX в. к империалистической политике западных стран между Россией и Китаем не существовало сколько-нибудь существенных разногласий.

Конгрессы, конференции по проблемам Китая, несомненно, представляют значительный научный интерес. Они способствуют ознакомлению с различными концепциями, с разного рода новыми материалами и фактами. Можно полагать, что на будущих форумах будет уделено еще большее внимание современным проблемам Китая.

## Подрывная деятельность маоистов в международном молодежном движении

*Г. И. Янаев,  
председатель Комитета  
молодежных организаций СССР*

В последнее время наблюдаются признаки активизации маоизма и его агентуры в международном молодежном движении. Повышенный интерес, проявляемый в Пекине к интернациональным мероприятиям и инициативам демократического юношества, к деятельности молодежных и студенческих организаций национально-освободительного движения развивающихся стран, ряда стран Латинской Америки и Западной Европы, многообещающие авансы и намеки на возрождение «широкого фронта солидарности» китайской молодежи с революционной молодежью мира, возобновление прямых материально-финансовых подачек, субсидий, «практической» помощи отдельным зарубежным союзам молодежи — таковы факты, свидетельствующие о далеко идущих намерениях китайских правящих кругов в отношении международного молодежного движения. Идеологическими службами Пекина распространяется миф о будто бы происшедшей эволюции в позиции китайского руководства по основным вопросам, волнующим современное молодое поколение, об отходе от догм и лозунгов так называемой «культурной революции».

Однако если и можно вести речь об эволюции маоизма, то разве что о некоторой «модернизации», сводящейся к демагогическому «обновлению» антисоциалистического внешнеполитического курса периода «культурной революции». Оживление маоистской активности в молодежном движении целиком находится в русле политической деятельности маоистов на международной арене на современном этапе, в основе которой лежит «стратегическая линия Мао Цзэ-дуна», антисоциалистическая, шовинистическая, антисоветская по своей сущности.

Маоисты рассматривают молодежь как самый податливый «материал», который в силу идейно-политической незрелости и возрастного «авангардизма» может быть использован в авантюристических целях. Еще в 1939 г. на массовом митинге в Яньани Мао утверждал, что молодежь в революции «стала играть... роль авангарда». Иными словами, Мао возвел в ранг «авангарда революции» не пролетариат и его партию — КПК, а молодежь. Причем примечательно, что под молодежью Мао Цзэ-дун имел тогда в виду «интеллигенцию и учащихся». Данное высказывание можно было бы считать за случайность, если бы события «культурной революции» не подтвердили, что в борьбе со своими политическими противниками Мао Цзэ-дун может временно из тактических соображений отводить молодежи особую роль. Именно учащуюся молодежь он призвал в 1966 г. «открыть огонь по буржуазному штабу» — громить партийные комитеты, органы государственной вла-

сти, комитеты КСМК и другие общественные организации. Недавно «Жэньминь жибао» в статье, озаглавленной «Хунвэйбинны председателя Мао Цзэ-дуна всегда борются», не случайно подчеркивала, оправдывая бесчинства штурмовиков «культурной революции», что зажженный хунвэйбинами «революционный пожар» всемерно поддерживался Мао Цзэ-дуном и был якобы направлен против «реакционеров».

Кого относил Мао Цзэ-дун к категории «реакционеров», теперь хорошо известно: всех тех, кто выступал и выступает против мелкобуржуазной, националистической и антисоциалистической «линии Мао».

Авантюристическая, волюнтаристская политика маоистской верхушки нанесла болезненный удар по молодому поколению китайского народа. Во время «культурной революции», как известно, группа Мао Цзэ-дуна ликвидировала все демократические молодежные организации и союзы — Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК), Всекитайскую федерацию молодежи (ВКФМ), Всекитайскую федерацию студентов (ВКФС), спортивные организации. Многие тысячи юношей и девушек, верных принципам марксизма-ленинизма, братского интернационализма и дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами, стали жертвами репрессий и бесчинств. Другая часть молодого поколения Китая, одурманенная демагогическими посулами и призывами маоистов, оказалась в рядах тех, чьими руками группа Мао совершала политический переворот, а затем была бесцеремонно выведена из игры и сослана в так называемые «горные и отдаленные районы».

Трагедия обманутого молодого поколения Китая продолжается и в наши дни. Пекинское руководство не выдвигает перед молодежью никакой позитивной программы, не ставит задач, которые нацеливали бы молодежь на созидательный, творческий труд, на учебу. На состоявшихся уездных и провинциальных съездах и конференциях маоистской молодежной организации, прикрывающейся ныне названием КСМК, подчеркивалось, что главной задачей китайского комсомола является отдача всех сил и энергии на «защиту революционной линии Мао Цзэ-дуна», а не на построение социализма в стране. Называя новый КСМК «помощником партии», «Жэньминь жибао» 22 февраля 1973 г. в статье, излагавшей основные положения о «развертывании комсомольской работы» на современном этапе, указывала, что КСМК «должен во всем слушаться председателя Мао» и следовать «основной линии партии на всем историческом этапе социализма». Иначе говоря, маоисты намерены и в дальнейшем направлять усилия китайской молодежи на борьбу с противниками антисоциалистического курса Мао Цзэ-дуна и его окружения. Таким образом, речь идет, по существу, о создании массовой молодежной организации маоистского толка, которая призвана стать важным орудием в руках китайского руководства в осуществлении его политического курса.

Не последнюю роль в этом политическом курсе играет воспитание молодежи в качестве «смены для продолжения пролетарской революции» (следует читать: «культурной революции»). Одна из главных составных частей этой кампании воспитания — выселение молодежи в «деревню», где, по замыслам маоистов, юноши и девушки должны «принимать новое воспитание со стороны крестьян-бедняков и низших середняков». В настоящее время пропаганда Пекина называет «великим» призыв Мао Цзэ-дуна в декабре 1968 г. к молодежи направляться в деревню, хотя нет и не может быть никакой необходимости миллионам китайских юношей и девушек, в основном окончившим средние школы и вузы, «идти в деревню», так как в сельской местности в КНР

не наблюдается никаких социально-экономических сдвигов, которые требовали бы прилива новой, более грамотной рабочей силы. Поэтому осуществляемое маоистами выселение молодежи из городов можно объяснить лишь политическими соображениями, преследующими цель «рассредоточить» молодежь и лишить ее ясных общественных идеалов. На X съезде и состоявшемся вскоре после него пленуме ЦК КПК вновь было подчеркнуто, что выселение молодежи из городов будет продолжаться и в дальнейшем.

Политика маоистов лишила в то же время китайскую молодежь ее боевой антиимпериалистической роли в международном демократическом движении молодежи и студентов, прервала ее братское сотрудничество с союзами молодежи социалистических стран.

Как известно, руководство китайских молодежных организаций в начале 60-х годов в одностороннем порядке приступило к сокращению связей с ВЛКСМ, с союзами коммунистической молодежи социалистических стран. Одновременно началось раздувание антисоветской пропаганды среди китайской молодежи. Стало очевидно, что китайские лидеры всемерно пытаются изолировать молодое поколение китайского народа от международного демократического движения молодежи и студентов, хотя последнее само по себе всегда оставалось объектом пристального внимания и идеологической экспансии маоизма.

С другой стороны, агента маоизма предприняла в тот период попытку расколоть международное демократическое молодежное движение, подорвать изнутри Всемирную федерацию демократической молодежи (ВФДМ) и Международный студенческий союз (МСС), противопоставить молодежные отряды национально-освободительного движения международному коммунистическому молодежному движению, союзам молодежи социалистических стран.

Менее всего беспокоясь о действительных интересах мирового революционного процесса, идеологи маоизма прикрывали свой отход от научного коммунизма псевдореволюционными левацкими лозунгами и антимарксистскими доктринами вроде навязываемого «третьему миру» тезиса об абсолютной необходимости и закономерности так называемых «народных партизанских войн». Вопреки положениям ленинского учения о социалистической революции, маоисты в ряде азиатских, африканских и латиноамериканских стран провоцировали группы, состоявшие из экстремистских элементов, на безрассудные, авантюристические действия. Как отмечали представители прогрессивного студенчества Индонезии в эмиграции, Пекин несет «серьезную ответственность за трагические события в Индонезии», в результате которых погибли тысячи революционеров, было физически разгромлено организованное коммунистическое движение индонезийской молодежи.

В разгар «культурной революции» маоистские подстрекатели, используя свои традиционные приемы и методы (активизация китайских эмигрантских общин, провоцирование выступлений пропекинских раскольнических организаций, подкуп и пропагандистская деятельность и т. д.), вызвали волну беспорядков в Индии, Бирме, Лаосе, Камбодже, Непале, в Шри-Ланка. Для осуществления африканского варианта «культурной революции» были созданы в ряде стран континента промаоистские молодежные организации, нанеся немалый ущерб национальным и революционным силам африканских стран. Аналогичную раскольническую политику проводил Пекин в странах Латинской Америки.

После разгрома КСМК маоисты еще больше активизировали свою раскольническую деятельность в международном демократическом мо-

лодежном и студенческом движении. Пекинская агентура развернула интенсивную деятельность по созданию в несоциалистических странах молодежных промаонстских организаций, призванных, по ее замыслам, быть рупором антисоветизма и инструментом раскола коммунистического и прогрессивного молодежного движений. Организованные молодежные группировки пропекинской ориентации были созданы более чем в 50 странах, однако многие из них вскоре после своего рождения разваливались, так как они в основном состояли из всякого рода отщепенцев, наиболее незрелых политически молодых людей, подверженных сильному влиянию мелкобуржуазного революционаризма.

Существующие промаонстские организации молодежи не представляют, по существу, реальной политической силы. Их идейно-политическая разобщенность, ожесточенная «внутривидовая» борьба, нестабильность и малочисленность состава членов, их обилие при крайней скудости членской базы не позволяют играть им той роли, которую возлагают на них маонисты — организованно выступать против демократического молодежного движения, против общего антинимпериалистического фронта молодежи. Например, в ФРГ к некоей «Фракции Роте фане» — группировке, продолжающей существовать после полного развала маонистской «Коммунистической партии Германии (марксисты-ленинцы)», — примыкает «Коммунистический молодежный союз Германии», в который входят около 30 местных групп. При «Коммунистическом рабочем союзе» в Тюбингене функционирует организация «Революционная молодежь (марксисты-ленинцы)», действующая, помимо Тюбингена, еще в 5 западногерманских городах, в том числе во Франкфурте-на-Майне и в Штутгарте. В Западном Берлине пропекинская «Коммунистическая партия Германии» руководит «Коммунистическим студенческим союзом», в котором числится едва ли не 100 «опорных пунктов» или «красных ячеек» в Западном Берлине, Мюнхене, Бонне и других городах ФРГ.

Независимо от названий и национальной «прописки» все молодежные промаонстские группировки отличаются разнузданным антисоветизмом. Не случайно то, что в дни визита Л. И. Брежнева в ФРГ, проходившего в атмосфере доброй воли, маонистские элементы в Дортмунде затеяли шумливую провокационную демонстрацию с клеветническими нападениями на СССР. По свидетельству агентства ДПА, «маонистский митинг был запланирован как акция против визита». Эта акция, как и прочие подобные ей вылазки, с треском провалилась. Но показательно, что пропекинские «активисты» выступили в одной упряжке с силами махровой реакции, неонацистским и реваншистским отребьем, стремящимся любой ценой помешать процессу оздоровления международной обстановки.

На почве антисоветизма пропекинские организации смыкаются с современными троцкистскими «объединениями» молодежи и студентов, которые большую часть своей деятельности посвящают, как правило, распространению продукции официальной пекинской пропаганды, перепечатке антисоветских статей из «Жэньминь жибао» и других китайских органов печати, разумеется за соответствующую мзду в форме моральной и финансовой поддержки. Один из лидеров латиноамериканского троцкизма, Пасадас, например, объясняя причины совпадения идейно-политических платформ маонизма и современного троцкизма, заявляет, что он видит в действиях правящих китайских кругов «подтверждение борьбы Троцкого». Его дополняет английская троцкистская газета «Рэд флэг»: «Все это — наши идеи, наши выводы, наш анализ. Китайцы называют это «25 пунктами», мы называем это троцкизмом».

На почве антисоветизма и борьбы против демократической молодежи и студенчества «молодые маонсты» за рубежом выступают в одном строю и с правыми оппортунистами. Неслучайно апелляции Э. Фишера к новым «молодым силам», которые-де сменяют рабочий класс в качестве «вождя революционного движения», звучат в унисон с маонистскими лозунгами, которые они берут напрокат у правых оппортунистов и выдвигают явно с конъюнктурными целями, с расчетом привлечь некоторые неустойчивые слои молодежи, находящиеся под влиянием мелкобуржуазной идеологии, к деятельности организаций маонистского толка.

Провокационная активность «молодых маонстов» наносит значительный вред классовой борьбе пролетариата, забастовочным выступлениям рабочего класса, организованному движению трудящейся молодежи. Провоцируемые маонистскими группировками беспорядки буржуазные власти используют для проведения репрессий против демократических сил, в первую очередь против рабочих партий, профсоюзов, коммунистических организаций молодежи. Так было во Франции, Италии, ФРГ, Мексике и других капиталистических странах.

Стало очевидным, что основная цель стратегии маонизма в молодежном движении на современном этапе — объединить и подчинить молодежные течения левацкого и экстремистского толка своему влиянию и направить их энергию не против империализма и эксплуатации, а прежде всего против демократических, прогрессивных организаций, как национальных, так и международных, против коммунистических партий Западной Европы и развивающихся стран. При этом Пекин и его агентура за рубежом, сколачивая блок различных молодежных течений мелкобуржуазного революционаризма, поддерживают и стимулируют любые, все равно откуда исходящие проявления и рецидивы антисоветизма. Дело дошло даже до того, что китайская сторона вслед за буржуазной пропагандой стала твердить, что ВФДМ и МСС являются-де «рукой Москвы», органами «давления на молодежь в угоду советской внешней политике» и т. п.

Полное и откровенное размежевание Пекина с демократическим молодежным движением современности выражается не только в том, что маонисты сколачивают в Западной Европе и развивающихся странах блок левацких сил и пытаются его противопоставить международному демократическому молодежному движению, отстаивающему идеалы мира, демократии и прогресса, но и в открытом бойкоте всех мероприятий, проводимых прогрессивным юношеством мира. В Китае игнорировали всемирную кампанию «Юность обличает империализм!», которая по призыву ВФДМ и ММС проводилась практически во всех странах мира. Пекин не поддержал усилий ведущих международных молодежных организаций по развертыванию всемирного фронта солидарности с борьбой народа Вьетнама и других стран Индокитая, не допустил китайскую молодежь на IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Софии, прибег, по существу, к бойкоту X фестиваля в Берлине, проводившегося под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу».

Несостоятельность раскольничьей политики маонстов в отношении международного движения демократической молодежи и студенчества начинают осознавать и сами недавние поборники «идей Мао Цзэ-дуна». Не встречая поддержки со стороны широких масс молодежи, они вынуждены убеждаться в бесплодности своей деятельности и признать свое банкротство. Так, недавно бейрутская печать сообщила о самороспуске прокитайской политической организации в Ливане.

Даже такой рьяный деятель прокитайского молодежного течения в Бельгии, как Жак Гриппа, ранее до небес превозносивший Мао Цзэ-дуну, ныне именует его «главарем контрреволюционной клики, узурпировавшей власть в КНР», а своих бывших коллег — «наемниками этой клики».

Боясь утратить престиж и свой авторитет, китайское руководство изощряется в тактических нововведениях, суть которых — модернизация тактических уловок, дифференциация средств и методов работы среди различных категорий населения зарубежных стран и, не в последнюю очередь, подрастающего поколения. В последние годы китайские круги, например, стараются установить контакты преимущественно с крупными, представительными национальными молодежными организациями в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Об этом говорят, в частности, предпринятые ими меры к активизации связей с национальными молодежными союзами Алжира и Танзании. Устанавливая контакты с зарубежными молодежными организациями, эмиссары Пекина действуют в отличие от предыдущих лет исключительно через правительственные каналы в тех развивающихся странах, с которыми КНР установила дипломатические отношения, и избегают контактов с молодежным движением тех стран, где ведущие союзы находятся в оппозиции к правительству (Марокко, Сенегал и др.), чтобы, очевидно, не ставить под угрозу межгосударственные отношения. В странах, с которыми у Китая нет дипломатических отношений, поддерживаются связи не с массовыми объединениями молодежи и студенчества, а лишь с группировками, разделяющими маоистские взгляды. Нельзя пройти и мимо такого факта. До недавнего времени Пекин демонстративно поддерживал и финансировал промаоистские микроорганизации в Западной Европе и Латинской Америке. Сейчас эта «помощь» осуществляется без афиширования, тайком, почти подпольно, причем китайское руководство, с одной стороны, делает вид, что чуть ли не осуждает пропекинские организации за «авантюристические тенденции» (которые оно само им навязало), а с другой стороны, интенсивно производит «реорганизацию» этих группировок на основе «новых» политических программ, предусматривающих распространение маоистских концепций в зарубежных странах.

Серьезное внимание пекинские политики уделяют студенческому молодежному движению капиталистических стран, видя в нем реальную политическую силу. Наблюдаются попытки Пекина войти в контакт со студенческими союзами Франции, Италии, Австрии, Японии и США. Китайское руководство установило, например, «конструктивные контакты» с американскими студентами китайского происхождения, которые вскоре после этого провели в Род-Айленде и Канзасе два форума, где «обсудили» положение «на своей социалистической родине» и решили предпринять совместные акции с некоторыми «прогрессивными американскими организациями».

О том, какое большое значение придает на современном этапе молодежному движению китайское руководство, свидетельствует тот факт, что все зарубежные молодежные и студенческие организации, прибывающие в КНР, принимаются, как правило, руководящими работниками ЦК КПК, в том числе Чжоу Энь-лаем и другими членами Политбюро ЦК КПК.

Модификации, к которым прибегают маоисты в своей раскольнической практике в международном молодежном движении, не в состоянии обмануть революционную бдительность коммунистической и всей прогрессивной молодежи мира.

В свете последних тактических уловок политики маоистов в отношении молодежного движения становится особенно понятной необходимость активной, непримиримой борьбы передовой молодежи мира против происков пекинского руководства в молодежном движении. Первоочередное значение приобретают вопросы внимательного, регулярного и комплексного изучения действий маоистской агентуры среди зарубежного юношества, вдумчивого марксистско-ленинского анализа процессов и настроений в молодежной среде капиталистических и развивающихся стран, которые хотят использовать в своих целях маоисты. Исследование проблем интернациональных аспектов маоистской «молодежной политики» помогает встретить во всеоружии любые вероятные провокации маоистов против международного демократического движения молодежи и студентов и тем самым свести до минимума вред, который пекинское руководство может причинить интересам абсолютного большинства современного молодого поколения.

ВЛКСМ, советские молодежные организации не ослабляют бдительности в отношении активности Пекина в молодежном движении. Исторические успехи внешней политики СССР, стран социалистического содружества, рост классового самосознания трудящейся и учащейся молодежи, подъем ее революционной активности, дальнейшее повышение авторитета Ленинского комсомола — все это создает твердые предпосылки торжества принципов мира, солидарности, дружбы, принципов социалистического интернационализма во всем демократическом движении молодежи и студентов.

## Особенности положения «переходного социального слоя» в Китае\*

*Л. Пфеллер, А. Эбер (ГДР)*

Исследование структурных особенностей классового состава китайского общества показывает, что в нем имеется многочисленная группа людей, которые попеременно трудятся то в сельском хозяйстве, то в промышленности. На первый взгляд может показаться, что эта весьма значительная часть активного населения страны аналогична «переходному слою», неизменно возникающему в любой развивающейся по промышленному пути аграрной стране на базе так называемого отходничества. Однако, как видно из дальнейшего, в КНР дело обстоит иначе.

Как правило, удельный вес отходников, то есть тех трудящихся, которые в определенные периоды заняты на работах в сельском хозяйстве, а в остальное время находятся на заработках в городах, в составе рабочего класса молодых государств Азии и Африки весьма высок. Историческая закономерность развития этого промежуточного (между крестьянством и рабочим классом) слоя состоит в том, что он непрерывно пополняет ряды кадрового пролетариата. Его представители рано или поздно порывают с деревней, становятся горожанами и превращаются в рабочих промышленных предприятий или предприятий сферы обслуживания.

Общезвестно также, что преобразование отсталой экономики по пути индустриализации с необходимостью вызывает рост городского населения, концентрирующегося в промышленных центрах, причем этот процесс сопровождается неуклонным сокращением сельского населения, связанного с сельскохозяйственным производством. Он протекает особенно бурно в странах строящегося социализма, где темпы экономического развития намного превосходят темпы развития капиталистического.

Политика марксистско-ленинских партий направлена на то, чтобы, развивая на современной основе сельское хозяйство своих стран, использовать для промышленности все высвобождающиеся в деревне рабочие руки, ибо высокие темпы индустриализации предъявляют на них непрерывно растущий спрос. Таким образом, в условиях строительства социализма происходит процесс ускоренного преобразования всей социальной структуры общества, где так называемый «переходный

---

\* По просьбе редакции журнала эта статья подготовлена учеными-марксистами Германской Демократической Республики. Ее авторы показывают на примере возникновения и развития в КНР особого промежуточного слоя между рабочим классом и крестьянством, как теория и практика маоизма искажают законы социально-исторического развития и каковы практические последствия политики китайских руководителей для многомиллионного слоя трудящихся.

слои»<sup>1</sup> вливает все новые и новые контингенты в ряды рабочего класса. Марксистско-ленинские партии, опираясь на богатейший опыт Советского Союза, прилагают большие усилия к тому, чтобы социальный и идеологический уровень этого слоя трудящихся быстро приближался к уровню рабочего класса.

Весьма отлична от этого картина социального преобразования общества, обрисовавшаяся за последние 10—12 лет в КНР. В результате отхода китайского руководства от марксистско-ленинских позиций строительства социализма темпы народнохозяйственного развития здесь невысоки, и китайская промышленность не в состоянии использовать массу избыточной рабочей силы, образующейся в деревне. Газета «Жэньминь жибао»<sup>2</sup>, рассказывая, например, о положении в провинции Цзянсу, писала в прошлом году, что здесь три главные сельскохозяйственные кампании — летний сбор урожая и сев, вторая уборка риса и сев, осенняя уборка урожая и сев — продолжаются не более трети года. В эти периоды сельскому хозяйству потребны все имеющиеся налицо рабочие руки. Но вот в остальные две трети года значительная часть рабочих рук не находит применения.

Как будет показано далее, такое положение существует в стране повсюду. Пока же отметим, что слабость народнохозяйственной динамики в КНР тормозит переход крестьян в ряды пролетариата, а в сельской местности скапливаются всевозрастающие резервы незанятой или частично занятой рабочей силы<sup>3</sup>.

Вспомним, что в СССР в период коренной ломки экономики и перехода на рельсы индустриального развития происходило совершенно обратное. Коммунистическая партия страны поставила боевую задачу — планомерно и в широких масштабах вовлекать сельскохозяйственное население в строительство и промышленность. Здесь были созданы максимально благоприятные условия для такого перехода. Колхозы оказались материально заинтересованными в том, чтобы высвободить рабочую силу для городов<sup>4</sup>.

В Китайской Народной Республике, где в первый период после победы социалистической революции началось довольно успешное продвижение по пути преобразования крайне отсталой экономики страны, за первое пятилетие из деревни в город переселилось около 8 млн. человек. Но уже в 1956 г. эта миграция была насильственно пресечена.

К концу первой пятилетки унаследованная от прошлого массовая безработица городского населения в значительной степени была преодолена. Быстро развивавшаяся промышленность и другие отрасли народного хозяйства поглощали все новые резервы, которыми в громадном избытке располагала китайская деревня. Однако разрыв между числом рабочих мест и числом свободных рук не только не уменьшался, но в силу специфических особенностей Китая возрастал. В условиях крайне быстрого прироста всего населения среднегодовой прирост работоспо-

<sup>1</sup> Термин «переходный слой» употребляется нами здесь для того, чтобы подчеркнуть динамический характер этого общественного явления; мы в данном случае предпочли его термину «переходный класс», употребляемому в советском издании «Основы марксистско-ленинской философии». — *Прим. авт.*

<sup>2</sup> «Жэньминь жибао», 6. IX. 1972.

<sup>3</sup> См.: К х а л а т б а р и. Перенаселение в развивающихся странах. Берлин, 1968, стр. 101.

<sup>4</sup> В 1928—1935 гг. в СССР переселилось из деревни в город около 77,4 млн. человек, а возвратилось из города в деревню 59,7 млн. человек. Следовательно, чистый прирост городского населения составил 17,7 млн. человек. См.: О. Ш к а р а т а н. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970, стр. 225.

собного населения в период первой пятилетки составлял, по китайским данным, почти 4 млн. человек в год. А в 1963—1967 гг. он уже достигал 7 млн. человек. В то же время прирост рабочих мест даже в годы первой пятилетки не превышал 1,3 млн. в год.

Но сложность положения многократно возросла в результате осуществления пресловутого «большого скачка». Правда, первая попытка совершить «большой скачок» временно повысила спрос на рабочую силу. Однако очень быстро авантюризм попытки навязать экономике волюнтаристские решения привела к нарушению баланса занятости населения.

Маоисты не смогли найти рационального решения создавшейся ситуации. И тогда был взят курс на «привязку» рабочей силы к деревне. Это касалось не только избыточных рабочих рук сельского населения. Последовала массовая отправка населения городов, особенно молодежи, на постоянное жительство в сельские местности.

Попытка сгладить административными мерами отрицательные последствия неудовлетворительных темпов развития промышленности привела к отношению перенаселению китайской деревни. О его масштабах косвенно свидетельствуют следующие данные. За 1957—1970 гг. стоимость валовой сельскохозяйственной продукции выросла с 53,7 млрд. до 71,5 млрд. юаней (в ценах 1957 г.), то есть на 32,4%. Число же круглогодичных работников за тот же период увеличилось со 150 млн. до 280 млн. человек, или на 86,6%. Иными словами, средняя выработка на одного человека снизилась за эти годы с 358 до 252 юаней, то есть примерно на 30%<sup>5</sup>.

Итак, недостаточные темпы индустриализации и фактический застой в сельском хозяйстве в условиях быстрого роста населения крайне обостряют процесс всевозрастающего относительного перенаселения китайской деревни. Таков плачевный итог проведения хозяйственной политики маоистскими методами.

Однако маоисты не перестают твердить, что проведение их курса целиком исходит из объективных предпосылок. А эти предпосылки диктуют-де необходимость всемерного развития мелкой промышленности, что позволяет занимать значительную часть свободных рук в сельских местностях и провинциях.

Для Китая, с его низким уровнем развития промышленности и ее нерациональным размещением на территории страны, со слабой механизацией сельского хозяйства, узким внутренним рынком, общим низким уровнем квалификации промышленных рабочих, нехваткой инженерно-технических кадров и ограниченными источниками накоплений, создание мелкой промышленности наряду с крупной было оправдано на определенном этапе экономического развития.

Сходная экономическая ситуация заставляла и Советский Союз на начальных этапах социалистических преобразований уделять большое внимание развитию мелкой промышленности. Обосновывая необходимость введения новой экономической политики, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал значение мелкой промышленности для периода, пока восстановление и развитие крупной связано с большими трудностями. Но в то же время он постоянно указывал на временный характер ориентации такого рода. Так, на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Мы должны и можем добиться подъема произ-

<sup>5</sup> См.: «Современный Китай». М., 1972, стр. 98. (Статья Е. А. Коновалова «Социально-экономические аспекты проблемы народонаселения в КНР».)

водительных сил хотя бы на ступени мелкого крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности...»<sup>6</sup>.

И действительно, мелкая промышленность в СССР сыграла значительную роль даже в выполнении первого пятилетнего плана<sup>7</sup>.

Преимущества создания мелких предприятий состоят прежде всего в том, что оно не влечет за собой значительных затрат. Такие предприятия не нуждаются в сложном оборудовании и могут обходиться небольшим числом квалифицированных работников. Поэтому текучесть кадров не отражается на них так сильно, как на крупных современных предприятиях. Они в состоянии обеспечить работой жителей деревни на тот период, когда те свободны от сельскохозяйственных работ. Но в КНР, как явствует из китайской печати, существует курс на длительное существование мелких предприятий<sup>8</sup>.

Развитие местной промышленности на какое-то время может уменьшить остроту проблемы, но оно не может решить главного — обеспечить такой рост общественной производительности труда, который позволил бы высвободить достаточно средств для достижения оптимальной занятости растущего населения на базе современной экономической структуры. Вот почему маоистская концепция долговременного развития местной экономики — в противоположность ленинскому положению о ее временной целесообразности — вступает в противоречие с реальными потребностями экономического прогресса страны.

Уже сейчас в КНР развитие местной промышленности привело к возникновению ряда серьезных противоречий, заставляющих маоистов вносить коррективы в свою политику. В китайской печати встречаются сообщения о противоречиях между местной промышленностью и сельским хозяйством в таких вопросах, как рабочая сила, финансирование, обеспечение земель, водой и т. д. С другой стороны, выходят на поверхность противоречия между крупной и мелкой промышленностью, которые также касаются вопросов, связанных с рабочей силой, финансированием, сырьем. Не случайно в журнале «Хунци»<sup>9</sup> в прошлом году прозвучало требование, «чтобы развитие местной промышленности не только проводилось под девизом оказания помощи сельскому хозяйству, но и на самом деле шло бы ему на пользу». В той же статье осуждается «развитие местной промышленности вслепую» и произвольное создание предприятий там, где отсутствуют необходимые сырьевая и энергетическая базы<sup>10</sup>.

Рационально организованная мелкая промышленность может и в условиях современной экономики играть положительную роль, когда требуется решение некоторых хозяйственных проблем момента. Но в Китае она экономически бесперспективна, ибо ее развитие связано с возрастанием автаркии отдельных районов.

Единственно правильный путь преодоления экономических и социальных проблем, стоящих перед КНР, состоит в последовательном проведении в жизнь ленинского курса на развитие крупной промышленности, что в свою очередь создает необходимые предпосылки для коренного преобразования сельского хозяйства. В. И. Ленин подчеркивал: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна —

<sup>6</sup> В. И. Ленин. Собр. соч., т. 44, стр. 311.

<sup>7</sup> См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов». М., Политиздат, 1970, т. 3, стр. 514.

<sup>8</sup> «Жэньминь жибао», 6.VII.1972.

<sup>9</sup> «Хунци», 1972. № 10, стр. 42.

<sup>10</sup> Там же, стр. 16.

это крупная промышленность... Без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской...»<sup>11</sup>.

Лишь в процессе коренной перестройки экономической структуры могут сформироваться главные классы социалистического общества — рабочий класс и социалистическое крестьянство, лишь таким путем может быть создана объективная основа для сближения этих классов и постепенного стирания различий между ними.

Однако маоисты толкуют такое стирание граней на свой специфический, отнюдь не научный лад, который свидетельствует об их полнейшем отходе от марксизма-ленинизма. Они не только держат курс на расширение так называемого «переходного слоя», но и всячески стремятся законсервировать его в этом качестве.

Отношение «переходного слоя» к орудиям и средствам производства, его роль в общественном труде и характер участия в распределении заключают в себе черты, свойственные как рабочему классу, так и крестьянству. Поэтому «переходный слой» нельзя однозначно отнести ни к одному из этих классов. Степень же близости отдельных частей этого слоя к тому или иному классу весьма различна.

Большую часть «переходного слоя» составляют выходцы из крестьян. Сюда в первую очередь относятся члены сельскохозяйственных коммун, временно работающие на государственных предприятиях местного либо центрального подчинения. Как правило, они трудятся здесь в соответствии с договорами, заключенными между предприятиями и народными коммунами или бригадами<sup>12</sup>. Таких рабочих можно считать контрактными<sup>13</sup>.

Другую часть «переходного слоя» составляет городская молодежь, которая по окончании школ направляется в принудительном порядке в деревню. Становясь членами народных коммун, молодые люди наравне с остальными обязаны отрабатывать некоторое время в промышленности<sup>14</sup>. Заметим попутно, что на протяжении многих лет маоисты стремятся, чтобы кадровые рабочие промышленных предприятий время от времени оказывались на положении частично занятых<sup>15</sup>. Установка о том, чтобы заменять их временными работниками, была дана еще в 1957 г., в период подготовки «большого скачка»<sup>16</sup>.

Продолжим, однако, рассмотрение социальных и правовых аспектов положения тех, кто относится к «переходному слою».

В маоистской литературе «переходный слой» определяется ненаучным термином «игун инун» («и рабочий и крестьянин»). К этому слою маоисты относят многочисленные группы крестьян, временно используемых на сельскохозяйственных работах в сельских народных коммунах. Однако основная масса «и рабочих и крестьян» состоит из членов народных коммун, которые либо постоянно, либо часть времени трудятся на мелких, часто кустарных предприятиях или же в мастерских коммун и бригад, где используются исключительно коопера-

<sup>11</sup> В. И. Ленин. Собр. соч., т. 43, стр. 305—306.

<sup>12</sup> «Временные положения Государственного совета» от 13.XII.1957 г. о труде временных работников из деревни, ст. 5. См.: «Сборник законов КНР, июль — декабрь 1957 г.». Пекин, 1958, т. 6, стр. 482.

<sup>13</sup> В китайской печати наряду с термином «рабочий по договору» встречаются термины «временный рабочий» и «сезонный рабочий», относящиеся к лицам, временно работающим в промышленности.

<sup>14</sup> «Жэньминь жибао», 16.X.1972.

<sup>15</sup> «Наньфань жибао», 13.VIII.1966.

<sup>16</sup> «Сюеси», 1957, № 12, стр. 28.

тивные средства производства и орудия труда. Эта категория работников неразрывно связана с сельским хозяйством и лишь в исключительных случаях вступает в производственные связи с промышленными предприятиями; работает она, как правило, на весьма узкий рынок собственной коммуны или нескольких близлежащих коммун<sup>17</sup>. Лица, принадлежащие к этой группе, живут на средства, получаемые за свой труд в кооперативном хозяйстве, а также на доходы от личного хозяйства. Таким образом, несмотря на пещельскохозяйственный характер деятельности этих трудящихся, мы не имеем оснований не считать их частью крестьянства.

Маоистский термин «и рабочие и крестьяне» приравнивает этих работников к тем, кто, находясь вне народных коммун, бывает частично занят на государственных предприятиях. При этом совершенно игнорируется принципиальная разница в той роли, которую играет каждая из этих групп в общественном производстве.

Численность слоя полурабочих-полукрестьян в КНР все более возрастает. Это связано с форсированием развития мелкой промышленности, то есть прежде всего государственных предприятий уездного подчинения, где эта категория занята в основной своей массе. Советский ученый Е. А. Коновалов считает, что общее число постоянных и временных рабочих местной промышленности в отдельные месяцы достигает 8—10 млн. человек. По данным других советских китаеведов<sup>18</sup>, в сфере экономики местного значения в КНР, по преимуществу на предприятиях мануфактурного типа, занято 12—15 млн. человек. (По другим данным<sup>19</sup>, доля временных работников в местной промышленности составляет 50—60%, или приблизительно 5—6 млн. человек). Наряду с ними значительное число временных рабочих трудятся на предприятиях центрального подчинения. Однако более или менее точных данных об их численности не имеется.

Начиная с 1958 г. маонисты неоднократно пытались увеличить в промышленности удельный вес временных работников. Введя систему «и рабочий и крестьянин», маонисты объявили временную занятость «основной системой труда» на предприятиях уездного подчинения<sup>20</sup>. Эта политика привела к тому, что в сельском хозяйстве начала ощущаться острая нехватка рабочей силы. Маонисты вынуждены были в течение 1960—1962 гг. отказаться от лишь недавно провозглашенного принципа. Однако уже в 1962 г. в связи с оживлением в промышленности пекинские руководители вновь возвратились к отмененным порядкам<sup>21</sup>. По данным китайской печати, в конце июня 1965 г. на сезонных и других работах в 30 отраслях промышленности были заняты сотни тысяч временных «и рабочих и крестьян»<sup>22</sup>. В отдельных отраслях их доля, по-видимому, достигала 80—90%.

После опубликования указаний Мао от 7 мая 1966 г.<sup>23</sup> маонисты с

<sup>17</sup> Вообще вопрос о том, в какой мере их производство может считаться товарным, нуждается в дополнительных исследованиях.

<sup>18</sup> См. журнал «Народы Азии и Африки», М., 1972, № 3, стр. 29.

<sup>19</sup> В путевых очерках шведского ученого Сигурдсона говорится, что в 1971 г. из 5500 работников промышленности уездного подчинения в уезде Цзянхуа (провинция Хэбэй) 2500 человек работали по договорам. См.: «China Quarterly», London, 1972, № 50, p. 316, 327.

<sup>20</sup> «Сюэси», 1958, № 10—11, стр. 31.

<sup>21</sup> «Сборник законов КНР», Январь 1962 — декабрь 1963 г. Пекин, 1964, т. 13, стр. 220—223.

<sup>22</sup> «Ляодун», 1965, № 11, стр. 1.

<sup>23</sup> «Указания 7 мая» — часть письма Мао Цзэ-дуня Линь Бяо от 7.V.1966.

удвоенной энергией принялись заменять кадровых промышленных рабочих временными. В решении партийного комитета провинции Гуандун, например, принятом в августе 1966 г., говорилось: «На всех предприятиях, где имеются соответствующие условия, необходимо внедрить систему труда «и рабочий и крестьянин»... Отныне на всех предприятиях — новых, расширяющихся и существующих... постепенно часть кадровых рабочих должна заменяться «и рабочими и крестьянами»<sup>24</sup>.

Эти попытки наталкиваются на сопротивление тех трудящихся, чьи интересы ущемляются в результате осуществления подобных мероприятий. В период «культурной революции» пекинские руководители были вынуждены принимать совершенно противоположные решения<sup>25</sup>. Но их основная линия в вопросе о рабочей силе принципиальных изменений не претерпела.

Хотя временные работники трудятся на предприятиях как центрального, так и местного значения, все же основная их масса приходится на промышленность уездного масштаба. Для этих предприятий характерны низкий технический уровень, широкое применение ручного труда и малочисленность работающих. Следовательно, преобладающая часть «переходного слоя» в период работы в промышленности трудится и живет рядом с такой категорией промышленных рабочих, которые еще не поднялись до уровня современного пролетариата. И лишь та небольшая часть «переходного слоя», которая привлекается к работе на современных крупных предприятиях, вступает в непосредственный контакт с основным ядром китайского рабочего класса.

Однако во всех случаях временные работники используются главным образом на простых, физически тяжелых и нередко вредных для здоровья работах. Поэтому еще в 60-х годах предприятия привлекали по преимуществу физически крепких людей. В настоящее время наряду с этим условием учитывается и уровень образования. Сигурдсон пишет, что металлургический завод в Цзинхуа отбирал рабочих лишь определенного возраста. Отобранные проходили проверку состояния здоровья и образования, в которой принимали участие представители администрации. Работу получали лишь те, кто успешно прошел обе проверки<sup>26</sup>.

Образовательный уровень временных работников, как правило, крайне низок. Поэтому требование маоистов об увеличении доли временных работников вступает в противоречие с объективными потребностями промышленности, нуждающейся в квалифицированных рабочих, обладающих необходимым образовательным минимумом. Предприятия неизбежно должны заботиться о повышении квалификации хотя бы некоторой части временных рабочих. Но тем самым вопреки воле маоистов создаются предпосылки для сближения и последующего вовлечения части «переходного слоя» в ряды рабочего класса.

Другим важным фактором сближения «переходного слоя» с рабочим классом является длительность работы на предприятиях с несезонным циклом. В этих случаях продолжительность работы «временных» достигает иной раз нескольких лет. Так, по словам того же Сигурдсона, на предприятиях уездного подчинения в уезде Цзинхуа с рабочими заключаются договоры на срок до пяти лет<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> «Наньфань жибао», 13.VIII.1966.

<sup>25</sup> См.: Э. А. Широкова. Система организации труда «и рабочий и крестьянин» в КНР. — Журнал «Народы Азии и Африки». М., 1969, № 4, стр. 21.

<sup>26</sup> Сигурдсон. Указ. соч., стр. 327.

<sup>27</sup> Там же, стр. 327.

В 1972 г. в уезде Чаннин существовало две категории «и рабочих и крестьян»: «первая категория трудилась в качестве промышленных рабочих, главным образом постоянно на фабриках и шахтах уездного подчинения, функционирующих круглый год; вторая была занята преимущественно на сельскохозяйственных работах. В соответствии с требованиями производства и в свободное от сельхозработ время эти лица привлекались для работы на фабриках и шахтах, а в период сельскохозяйственного сезона они возвращались в свои бригады. На промышленных предприятиях коммун и бригад применялась лишь последняя форма»<sup>28</sup>.

Потребности производства в стабильных кадрах и в повышении квалификации рабочих в какой-то степени были учтены маоистами. Во «Временных положениях о труде непостоянных рабочих и служащих на государственных предприятиях», принятых Госсоветом КНР 14 октября 1962 г., оговаривается возможность заключения с сезонными работниками предварительных договоров на следующий сезон<sup>29</sup>.

Длительность работы на предприятии является важным фактором для развития самосознания временных работников. Жизнь в городе, в промышленном центре порождает новые материальные и духовные потребности. Но нельзя забывать и о живучести традиций, социальных привычек и региональных привязанностей, которые тормозят процесс перехода бывших крестьян в рабочий класс. Особенно сильно сказываются они там, где временные работники используются на самых тяжелых и вредных работах, что широко практикуется в Китае. Об этом иногда пишет и сама печать КНР. Так, сообщалось, что временные работники из Сычуани жаловались на «чрезмерное напряжение, тяжесть и вредный характер труда» на промышленном предприятии<sup>30</sup>.

В то же время материальное положение временных работников значительно отличается от положения кадровых. Оно искусственно удерживается на уровне, приближенном к уровню крестьян, лишь иногда несколько превышая его.

Постановлением Госсовета КНР о реформе заработной платы, принятым в июле 1956 г., тарифные ставки для предприятий местного значения установлены значительно ниже, чем для предприятий центрального подчинения того же профиля<sup>31</sup>.

В феврале 1958 г. было установлено законодательным путем, что средние заработки и временных «простых рабочих» и работников сферы обслуживания (тарифные группы 1—3) не должны превышать заработков физически сильных крестьян, но они должны лишь учитывать разницу между стоимостью жизни в городе и деревне<sup>32</sup>. Таким образом, работники, относящиеся к «переходному слою», получают самую низкую заработную плату, несмотря на то, что Госсовет КНР во «Временных положениях», опубликованных в октябре 1962 г., провозгласил принцип равенства в оплате кадровых и временных работников.

По оценке советского специалиста Э. А. Широковой, разница в заработной плате кадровых и сезонных рабочих в сахарной промышленности в 1965 г. составляла примерно 29 юаней при месячной зарплате 54 юаня<sup>33</sup>.

<sup>28</sup> «Жэньминь жибао», 6.VIII.1972.

<sup>29</sup> «Сборник законов КНР», 1964, стр. 222.

<sup>30</sup> «Сюэси», 1958, № 10—11, стр. 32.

<sup>31</sup> См.: «Сборник законов КНР», июль — декабрь 1956 г. Пекин, 1957, т. 4, стр. 140.

<sup>32</sup> См.: «Сборник законов КНР», январь — июль 1958 г. Пекин, 1957, т. 7, стр. 397.

<sup>33</sup> Э. А. Широкова. Указ. соч., стр. 19.

Рабочие предприятий местного значения, где занято менее 100 человек, не имеют права на государственное социальное страхование. Их обеспечение соцстрахом осуществляется в соответствии с «местными условиями», что, естественно, означает снижение уровня страхования. Контрактные же рабочие вовсе лишены права на социальное страхование на том основании, что они являются членами коммун. Вся ответственность за социальное обеспечение работников этой группы — пенсии по инвалидности, пособия по временной нетрудоспособности и др. — возлагается на коммуны и бригады<sup>34</sup>. Расходы на лечение временные работники должны нести сами. При несчастных случаях на производстве контрактные рабочие получают лишь незначительную компенсацию<sup>35</sup>.

Тяжелое материальное положение временных рабочих усугубляется тем, что из своей заработной платы они обязаны вносить отчисления в общественные фонды коммун или бригад. Такие взносы составляют существенную часть заработка<sup>36</sup>.

Все это означает, что участие в общественном потреблении тех, кто входит в «переходный слой», весьма ограничено — их доля при распределении общественных благ сведена к минимуму.

Материальные условия жизни временных рабочих не соответствуют затратам их труда в производстве, осуществляемом на базе социалистической собственности. Это, скорее, уровень, существующий в сельскохозяйственном производстве, основанном на групповой собственности и примитивной технической базе.

Все это показывает, что в КНР существует весьма многочисленная социально неравноправная прослойка трудящихся, занимающая промежуточное положение между промышленным рабочим классом и крестьянством. Естественно, что эта прослойка весьма разнородна, весьма различна и степень близости отдельных ее частей к рабочему классу. Ее переход в состав рабочего класса тормозят такие факторы, как связи с деревней, определенные социальные традиции и т. д. Однако главным тормозом на пути социального прогресса этой многомиллионной массы является реакционная политика китайских руководителей.

В представлениях маоистов о будущем обществе значительное место занимает реакционно-утопическая идея о том, что группа людей, попеременно участвующих то в промышленном производстве, то в сельском хозяйстве, будет постоянно расширяться. Этот процесс будет происходить, утверждают маоисты, как за счет крестьянства, так и за счет рабочего класса. В конечном счете такая группа станет основным классом китайского общества.

На практике идея маоистов сводится к искусственному сдерживанию исторически закономерного процесса формирования двух основных классов социалистического общества — рабочего класса и социалистического крестьянства. Маоисты стремятся увековечить систему «и рабочий и крестьянин» путем низведения кадровых рабочих до положения «и крестьяне», с одной стороны, и введения в одну с ними социальную группу все более широких крестьянских масс, никогда не принимавших участия в промышленном производстве — с другой. Пытаясь таким путем растворить рабочий класс в крестьянской среде, пекинские руководители утверждают, что система «и рабочий и крестья-

<sup>34</sup> «Ляодун», 1965, № 11, стр. 14—15.

<sup>35</sup> «Ляодун», 1958, № 11, стр. 16—17.

<sup>36</sup> «Ляодун», 1965, № 10, стр. 1—3.

нии» способствует стиранию различий между рабочими и крестьянами, между городом и деревней<sup>37</sup>.

Эта концепция именуется Мао Цзэ-дунем в так называемых «Указаниях от 7 мая» основой будущей социальной структуры КНР. С ее осуществлением маоисты связывают надежды на укрепление экономического потенциала страны, столь необходимого им для осуществления своих гегемонистских устремлений. Во имя реализации далекого идущих планов некие руководители стремятся максимально пустить в оборот резервы дешевой неквалифицированной рабочей силы деревни, экономия на заработной плате трудящихся, на жилищном строительстве, социальном страховании, народном образовании и т. д.

Восхваляя преимущества этой системы, партийный комитет провинции Гуандун так и записал в цитирувавшемся выше решении: «Это позволит всесторонне и полностью использовать людские ресурсы, все внутренние резервы и превратить нашу страну в самую мощную и великую социалистическую державу».

Еще в 1958 г. тогдашний заместитель председателя Госплана КНР Сун Пини восхвалял систему «и рабочий и крестьянин». Эта система, подчеркивал он, весьма экономически эффективна, потому что позволяет платить рабочему только до тех пор, пока в нем есть нужда. А там пусть отправляется в деревню. К тому же, говорил откровенно Сун Пини, эта система позволяет экономить на жилищном строительстве, а также на снабжении городов товарами первой необходимости.

Маоисты превратили принцип использования больших групп людей попеременно то в промышленности, то в сельском хозяйстве в инструмент своей реакционной политики. Они пытаются с помощью волюнтаристских методов затормозить исторически закономерный процесс перехода по мере промышленного развития крестьянских масс в ряды рабочего класса, а этому последнему все более и более придавать весьма расплывчатые очертания.

Применительно к сельским коммунам эта система формулируется словами: «наполовину учиться, наполовину работать». На ней же основана практика частой сменяемости руководящих работников, которых перебрасывают на работы, связанные с физическим трудом. Все эти формы превозносятся как «основные мероприятия по пути к коммунизму»<sup>38</sup>.

Весьма характерен еще один вариант системы «и крестьянин и рабочий». Он именуется: «нань гуи ньюй нун» — «мужчины работают в промышленности, женщины — в сельском хозяйстве». Здесь речь идет о том, что даже семьи должны олицетворять собой единение рабочих и крестьян. Так осуществляется на маоистский лад «стирание граней» между рабочими и крестьянами.

Пытаясь увековечить нынешнюю отсталую социальную структуру китайского общества, маоисты постоянно оказываются перед лицом все новых противоречий, порождаемых реальными потребностями промышленного производства, потребностями общественной жизни. Это заставляет их постоянно лавировать и «подправлять» свою практику. Жизнь заставляет маоистов осуществлять определенные мероприятия, направленные на повышение квалификации временных рабочих, увеличивать сроки их пребывания на предприятиях. Предпринимаются и некоторые попытки повысить уровень механизации мелких пред-  
приятий.

<sup>37</sup> «Ляодун», 1966, № 1, стр. 4.

<sup>38</sup> Там же.

Однако все это протекает в русле маоистской политики и представляет собой не что иное, как попытки приспособить свой реакционный курс к требованиям объективной реальности.

Не подлежит сомнению, что концепция маоистов о необходимости создания «нового класса» «и рабочий и крестьянин» с целью преодоления социальных различий между рабочим классом и крестьянством по своей сути является утопической и реакционной. Обещание добиться таким путем социального «равенства» тех и других не отвечает объективным условиям КНР, в первую очередь уровню развития производительных сил страны.

Используя административные методы, маоисты пытаются уравнять материальное положение большей части рабочих и крестьян исходя из самого низкого уровня. При этом они игнорируют марксистско-ленинское положение о главных предпосылках устранения социальных различий между городом и деревней — развитии производительных сил, повышении производительности общественного труда и индустриализации сельскохозяйственного производства.

По своей сути концепция маоистов исходит из «философии бедности». Пресловутое «равенство» на деле означает глубокое неравенство для «переходного слоя». Отношения дружбы, сотрудничества и взаимной помощи между трудящимися, являющиеся отличительной чертой социалистического общества, приобретают в КНР совершенно иные аспекты.

Политика пекинского руководства намеренно направлена на прекращение «временных рабочих» в противовес кадровым, в особенности их ядру — рабочему классу современных крупных предприятий. Реакционно-утопическая концепция общественного развития и политика маоистов создают серьезные препятствия для рабочего класса Китая на пути осуществления его революционной функции — быть руководящей силой социалистического общества, развивающегося к коммунизму.

Теория и практика маоизма наносят вред взаимоотношениям между рабочими и крестьянами, тормозят создание социалистических классов, препятствуют закономерному переходу трудящихся из «переходного слоя» в ряды рабочего класса. Теория и практика маоизма означают полный разрыв пекинских руководителей с марксизмом-ленинизмом, что, несомненно, наносит серьезнейший вред революционным завоеваниям китайского народа.

*Перевод с немецкого*

# Политическая картография на службе великодержавного национализма

*Е. Д. Костиков*

В феврале 1972 г. пекинское издательство «Диту чубаньшэ» выпустило в свет «Атлас мира». Содержание атласа, как текстовое, так и картографическое, совпадает с содержанием других аналогичных изданий, что отражает соответствующие политические установки и позволяет говорить о своеобразном, так сказать, картографическом выражении определенных тенденций внешнеполитической линии маоистского руководства.

Что касается текстового содержания атласа, советская печать уже выступала с его критическим анализом<sup>1</sup>. Поэтому обратим внимание лишь на некоторые из тех моментов, которые официально отрицаются Пекином, но находят яркое отражение в картографической продукции, выпускаемой в Китае. Они сводятся к фактическому и одностороннему отрицанию законности и правомерности документов, определяющих границы Китая; попыткам навязать сопредельным странам пограничные споры путем публикации карт с неверным изображением границ Китая («картографическая агрессия»); картографической пропаганде былого «величия» китайского государства и его экспансионизма и, наконец, откровенно пренебрежительному отношению к другим странам и народам.

В значительной части эти внешнеполитические методы маоистов заимствованы ими из арсенала дипломатии их политических предшественников, в том числе и у чанкайшистов. Сегодня они «модернизированы» и широко используются в практике дипломатической деятельности Пекина.

## «Картографическая агрессия»

В первые годы существования народной республики маоистское руководство тщательно скрывало свое истинное отношение к территориальным притязаниям прошлых правителей Китая. И лишь картографические материалы давали некоторые основания для предположений об истинном отношении Пекина к этим вопросам.

Уже первые картографические издания, опубликованные в Китайской Народной Республике, имели существенные расхождения с обще-

<sup>1</sup> См., например, статьи: Г. Апапин. География по-маоистски.— «Известия», 1972, № 33, стр. 15; А. Делисов. Географические «изыскания» Пекина.— «Новое время», 1972, № 33, стр. 15.

принятым изображением границ Китая<sup>2</sup>. Они включали в состав территории Китая значительные части сопредельных стран, в частности Афганистана и Бирмы. Эти издания вызвали дипломатические протесты соседей Китая и послужили основой для настороженного отношения к нему<sup>3</sup>.

В ответах на протесты своих соседей правительство КНР объясняло появление подобных карт тем, что у него еще не было времени для изучения пограничных вопросов, оставленных историей, и что оно просто перепечатало картографические материалы, подготовленные еще при гоминьдановском режиме<sup>4</sup>. Тем не менее публикация этих карт была расценена как «картографическая агрессия» Китая<sup>5</sup>.

Повторная публикация этих материалов без внесения в них каких-либо корректив (появление «Атласа провинций КНР» в 1953 г., «Нового атласа мира» в 1954 г., «Атласа КНР» в 1957 г.) свидетельствовала о том, что «картографическая агрессия» становится одним из важных звеньев внешней политики маоцзэдуновской группы<sup>6</sup>.

Однако, как известно, метод «картографической агрессии» не является изобретением маоистов. Он был разработан еще в 20-е годы. В процессе роста национализма в Китае происходило переосмысливание международных актов, определивших границы страны, переоценка их, пересмотр отношения Китая к этим актам и разработка на этой основе метода неофициального — картографического — выражения своего несогласия с ними, метода, который и получил в последующем название «картографической агрессии». Если на картах, помещенных в «Новом атласе и коммерческом справочнике Китая» (1918 г.)<sup>7</sup> и «Атласе территорий Китая различных эпох» (1923 г.)<sup>8</sup> границы Китая были показаны еще в приблизительном соответствии с действительным положением, то в «Новом атласе Китая», изданном в 1926 г.<sup>9</sup>, имеются уже серьезные отступления от действительности в изображении границ страны. В состав китайской территории были включены не только Монгольская Народная Республика, но и значительные районы других сопредельных стран. Так, в составе Китая оказались весь Памир, так называемый «Афганский коридор», обширные районы Киргизии, Таджикистана, Казахстана, вся северная часть Бирмы и т. д.<sup>10</sup>. Поэтому можно с достаточной определенностью говорить о том, что метод «картографической агрессии» был разработан и начал широко применяться в Китае в период между 1923 и 1926 гг.

Во всех последующих картографических изданиях, вышедших в свет в период господства гоминьдана, этот метод широко применялся. Даже после 1949 г., то есть после освобождения из-под власти гоминьдана всего континентального Китая и создания КНР, чанкайшистские власти на Тайване, выпуская картографическую продукцию, продолжали использовать метод «картографической агрессии». Так, 5-томный «Национальный атлас Китая», подготовленный к изданию тайваньской воен-

<sup>2</sup> См.: «Карта Китая». Пекин, IX.1950; Атлас провинций КНР. Шанхай, IV.1951 (карты № 20, 31, 42, 46, 47, 49).

<sup>3</sup> "Politique étrangère", V—VII.1953, p. 147.

<sup>4</sup> K. Sarvar Hasani (ed). China, India, Pakistan. Karachi, 1966, p. 120.

<sup>5</sup> H. Hinton. China's Relations with Burma and Vietnam. New York, 1958, p. 40.  
<sup>6</sup> «Карта Китая». Пекин, IV.1953; «Атлас провинций КНР». Шанхай, III.1953 (карты № 20, 32, 41, 45, 46, 47); «Новый атлас мира». Шанхай, IX.1954 (карты № 3, 7, 9, 10); «Атлас КНР», Пекин, X.1957 (карты № 5—6, 44—45, 66—67, 70—71, 72—73).

<sup>7</sup> "The New Atlas and Commercial Gazetteer of China". Shanghai, 1918.

<sup>8</sup> Туи Ши-хэи (сост.). «Атлас территорий Китая различных эпох». Шанхай, 1923.

<sup>9</sup> «Новый атлас Китая». Шанхай, 1926.

<sup>10</sup> То же, карты № 1, 18, 23, 24.

ной академией, содержит в себе те же «неточности» в изображении границ страны, которые характерны для всех картографических изданий Китая 30-х годов<sup>11</sup>.

Метод «картографической агрессии», как уже отмечалось, использовался и используется для неофициального выражения своего несогласия с тем или иным договорным актом, определяющим границы Китая, и для выдвижения определенных территориальных претензий к соседним странам. По определению американского китаевода Гарольда Хинтона, и для выдвижения определенных территориальных претензий к соседним странам. По определению американского китаевода Гарольда Хинтона, этот метод не предусматривал на первых порах осуществления каких-либо практических мер — оккупации районов, ставших «спорными» с китайской точки зрения, или переговоров об изменении статус-кво<sup>12</sup>. Просто-напросто граница Китая изображалась на карте не так, как дано ее описание в соответствующих пограничных документах, а так, как считали нужным ее обозначить китайские власти. В ряде случаев граница на картах проводилась гоминьдановскими картографами даже значительно дальше самых максимальных претензий, которые когда-либо официально выдвигались китайской стороной. Так обозначалась китайско-бирманская граница. На северном «спорном» участке китайские картографы проводили ее приблизительно по 95° в. д., тогда как официальные требования, выдвигавшиеся на англо-китайских пограничных переговорах в период 1892—1909 гг., не шли дальше 97° в. д. Точно так же и на южном (присалуинском) «спорном» участке на китайских картах граница проводилась по р. Салуин, в то время как та граница, на которой настаивали китайские представители на пограничных переговорах, проходила параллельно реке, по крайней мере в 25—50 км к востоку от нее<sup>13</sup>.

Взяв на вооружение и широко используя этот метод, группа Мао Цзэ-дуна внесла свою «лепту» в его дальнейшее «развитие», превратив в конечном итоге «картографическую агрессию» в «картографическую войну».

В результате протестов и дипломатических представлений соседних стран маоисты были вынуждены частично отказаться от включения на своих картах районов сопредельных стран в состав китайской территории, но при этом стали искаженно указывать характер границы. По всему периметру границ Китая появляются участки, обозначаемые как «неустановленные»<sup>14</sup>.

Что же значит понятие «неустановленная граница»?

Границы Китая устанавливались не вчера. Традиционные границы распространения действительной юрисдикции администрации Китая и сопредельных стран известны давно и достаточно точно<sup>15</sup>. Существова-

<sup>11</sup> "National Atlas of China. Publ. by the National War College. Taiwan, 1962, vol. V. Maps A1, A2, A15.

<sup>12</sup> Н. Hinton. Op. cit., p. 40.

<sup>13</sup> «Новый атлас Китая» (карта № 18). «Атлас провинций нашей страны». Чэнду, 1938 (карта № 17).

<sup>14</sup> «Атлас провинций Китая». Шанхай, б. г. (ориентировочно 1955—1956 гг.) (карты № 16, 33).

<sup>15</sup> Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что при окончательном решении спора о прохождении китайско-бирманской границы в 1960 г. правительство КНР не только отказалось на северном «спорном» участке от своих традиционных претензий, изображавшихся на картах (см., например: «Атлас провинций КНР». Шанхай, 1951, карта № 47; тот же атлас (издания 1953 г.), карта № 46; «Атлас КНР». Пекин, 1957, карта № 70—71), и согласилось с той линией, которую предлагала бирманская сторона, а ранее — англичане, но и назвало эту линию «соответствующей традиционной пограничной линии» («Жэньминь жибао», 1.II.1960 и 2.X.1960). Тем самым Пекин признал неправомочность территориальных претензий к Бирме, выдвигавшихся как правительством КНР, так и его предшественниками — гоминьдановцами и цинским правительством.

ние всего лишь традиционной, а не договорной границы не может являться проблемой, требующей обязательного договорного разрешения. Иными словами, два государства, проводящие политику добрых соседей, политику, основанную на принципах уважения территориальной целостности и суверенитета, не должны испытывать никакого неудобства от отсутствия договорного акта, подтверждающего существующую традиционную линию границы на отдельных участках.

Но если при наличии договорно установленных границ демонстративно искажается их характер и они указываются как «неустановленные», как это и делается на китайских картах, то это означает фактически односторонний и с точки зрения норм международного права незаконный отказ от согласованного ранее договорного размежевания.

Показательно изображение морских рубежей Китая. Как известно, в 1958 г. правительство КНР объявило о введении новой, 12-мильной ширины территориальных вод вместо 3-мильной<sup>16</sup>. С точки зрения международного права это значит, что всякие островные владения Китая окружены полосой территориальных вод, имеющей ширину 12 миль.

В картографии вообще не принято, как правило, обозначать морские границы страны. Что же касается картографических публикаций КНР, то стало своеобразной традицией изображать морские границы Китая, причем так, что вся акватория Южно-Китайского моря является как бы территориальными водами Китая<sup>17</sup>. При этом, например, граница в районе группы островов Сиша (Парасельские), расположенных в 480 км от материкового Китая и в 280 км от берегов Вьетнама, проводится в 120 км от побережья Индокитая. Еще дальше от материка расположены острова (вернее, рифы и скалы) Наньша или Туаньша (Коралловые), но и здесь морская граница проводится на китайских картах почти по берегу островов Калимантан и Палаван и обрывается в районе Тайваня<sup>18</sup>.

После 1955 г. «картографическая агрессия» Китая перестала быть лишь абстрактным понятием, выражаемым на картах. Опыт последних 18 лет убеждает международную общественность в том, что на тех участках границ, которые китайские картографы обозначают «неустановленными», или в тех районах, которые с китайской точки зрения являются «спорными», могут произойти кровопролитные пограничные инциденты.

## Карты «утраченных территорий»

В середине 20-х годов XX в. в Китае появляются исследования, посвященные восхвалениям былого могущества, величия Китайской империи. Они отражали настроения националистических кругов страны, которые, выступая за «спасение Китая» от империалистов, видели это «спасение» прежде всего в возвращении Китаю того главенствующего положения в мире, которое он, по их представлениям, занимал до вторжения колониальных держав. Эти работы пропагандировали идеи великодержавия, способствуя росту в стране шовинистических настроений.

<sup>16</sup> «Сборник документов внешней политики КНР». Пекин, 1959, вып. V, стр. 162—163.

<sup>17</sup> «Атлас провинций КНР». Шанхай, 1951 (карта № 42); «Атлас провинций Китая». Шанхай, 6. г. (карта № 27); «Атлас КНР». Пекин, 1957 (карта № 66—67); «Атлас Китая». Пекин, 1966 (карта № 23).

<sup>18</sup> «Атлас КНР». Пекин, 1957 (карта № 66—67); «Атлас Китая». Пекин, 1966 (карта № 23); «Атлас мира». Пекин, 1972 (карты № 6 (врезка), 14, 15).

Особое место в этой националистической пропаганде отводилось пропаганде наглядной, картографической. В качестве иллюстративного материала в этих работах использовались карты, которые демонстрировали, какой будто бы была территория Китая до вторжения колониальных держав и какой она стала к началу 20-х годов. Они широко выпускались и отдельно под названием «карт национального позора» или «карт утраченных территорий».

Подобные карты появляются в различных исследованиях китайских авторов и позднее. Конечно же, не вызывает удивления публикация таких карт в исследованиях буржуазных авторов, выражавших взгляды шовинистических кругов: в работе Хуа Ци-юня «Границы Китая» или в вышедшей на Тайване уже в наши дни работе Гао Чан-чжу «Границы и национальная оборона». Но тот факт, что карта «утраченных Китаем территорий» была помещена в работе Лю Пэй-хуа «Краткая история современного Китая»<sup>19</sup>, вышедшей в Китайской Народной Республике, говорит о том, что маоистское руководство пошло по пути гоминьдановцев и в картографической пропаганде былого величия Китайской империи.

Карты, включенные в указанные три работы, являются, по существу, модификацией исторических карт Китая, показывающих пределы империи так, как они представлялись правящими кругами Китая. Все они сходны в датировке указываемых на них границ китайского государства. Они изображают территорию современного Китая и те территории, которые входили якобы в состав Дайцинской империи до 1840 г., то есть до Опиумных войн.

Как же представляется китайским историкам территория империи до 1840 г.?

Они включают в состав территории Китая практически всю континентальную Юго-Восточную Азию, значительную часть Восточной и Средней Азии и острова Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Лю Пэй-хуа включает в состав Китая еще и Андаманские острова, а Гао Чан-чжу — северную часть острова Калимантан (Борнео). Таким образом, по их представлениям, территория Дайцинской империи простиралась от Сахалина до Ферганской долины и от Байкала и Балхаша до островов Малайского архипелага и Рюкю. При этом только Хуа Ци-юнь считает нужным отметить, что, скажем, Корея, Непал, Бирма, Таиланд и многие другие страны находились лишь в вассальной зависимости от Цинов, а не входили в состав их государства<sup>20</sup>.

Этот момент, видимо, представляется несущественным как историкам, так и политическим деятелям Китая, ибо именно о «потере» Китаем этих стран говорили в свое время как Чан Кай-ши, так и Мао Цзэ-дун<sup>21</sup>.

Определенный интерес в этой связи представляет таблица «утраченных территорий», помещенная в работе Гао Чан-чжу. Здесь указано все:

<sup>19</sup> Хуа Ци-юнь. Границы Китая. Шанхай, 1933; Лю Пэй-хуа. Краткая история современного Китая. Пекин, 1954; Гао Чан-чжу. Границы и национальная оборона. Тайбэй, 1961.

<sup>20</sup> Историки упомянутых стран (см., например: Маунг Маунг, *Burma in the Family of Nations*. Amsterdam, 1956) отрицают наличие вассальной зависимости их стран от Китая. Ряд советских историков (Л. С. Васильев, Л. И. Думан и др.) считают, что под понятием «вассальная зависимость» китайские историки понимали как данническую систему, что отнюдь не адекватно понятию «вассалитет», так и обычные для средневековой отношения, сопровождающиеся взаимным поднесением даров.

<sup>21</sup> Chia ng Kai-shek. *China's Destiny and Chinese Economic Theory*. New York, 1947, p. 58. Мао Цзэ-дун. *Китайская революция и Коммунистическая партия Китая* (кит. яз.). Дунбэй, 1949, стр. 8.

какая держава что у Китая «отняла», по какому договорному акту или без него, и, наконец, площадь «отторгнутых» от Китая земель. Вероятно, наиболее ошеломляет не сам перечень, а суммарная площадь «территориальных потерь», перечисленных Гао Чан-чжу: с 1689 г. (когда был заключен Нерчинский договор)<sup>22</sup> и по 1911 г.<sup>23</sup> (когда англичане оккупировали район Хпимау на китайско-бирманской границе) Китай-де «потерял» 10 535 701 кв. км! Это при площади современного Китая в 9600 тыс. кв. км<sup>24</sup>.

Напомним, что с 1955 г. маоистское руководство Китая уже выдвинуло претензии на ряд районов сопредельных стран общей площадью в 3200 тыс. кв. км.

Авторы трех упомянутых карт единодушны в своем стремлении не замечать существования Монгольской Народной Республики. Дальше всех в этом отношении пошел Лю Пэй-хуа. Если гоминьдановские авторы отмечают на своих картах хотя бы существование «района» с названием «Монголия» в составе Китая, то Лю Пэй-хуа вообще не упоминает такого названия.

Карта Лю Пэй-хуа примечательна еще и своими пометками-комментариями. Составитель ее считает нужным указать, когда и каким образом был «утерян» Китаем тот или иной район. Обращает на себя внимание тот факт, что, делая эти пометки, автор не видит принципиальной разницы между захватом Англией Бирмы, или Францией Индокитая, или, наконец, Японией острова Тайвань и провозглашением независимости Непала, Таиланда и т. д. Достижение этими странами независимости, с точки зрения китайских националистов, это не что иное, как их «потеря» Китаем. Не отстает от них и Лю Пэй-хуа, рассматривающий провозглашение независимости ряда стран Юго-Восточной Азии как результат некоей антикитайской деятельности. Комментарии к карте Лю Пэй-хуа совпадают в принципе с упоминавшейся уже таблицей «утраченных территорий» Гао Чан-чжу, который даже озаглавил один из разделов таблицы «Потери под предлогом провозглашения независимости».

Публикация подобных карт призвана воспитывать народные массы Китая в националистическом и шовинистическом духе, обосновать «особую» роль Китая в современном мире. Тот факт, что книга Лю Пэй-хуа была выпущена при народной власти, да еще в качестве учебного пособия, говорит о том, что группа Мао Цзэ-дуна начала широкую обработку молодежи в духе великоханьского национализма еще задолго до начала осуществления своего «нового курса» в пограничной политике.

Стремясь использовать картографические материалы для «политического воспитания масс», для наглядной пропаганды определенных политических идей, маоисты тем самым вынужденно демонстрируют всему миру те из своих политических принципов, от которых публично, официально они стараются всячески отмежеваться.

<sup>22</sup> Любопытно, что, говоря о «территориальных потерях» Китая по Нерчинскому договору, автор включает сюда абсурдные притязания на русские земли в Восточной Сибири, реализовать которые цинским послам на русско-китайских переговорах, так и не удалось, несмотря на открытое военное давление и оккупацию части русских земель.

<sup>23</sup> Гао Чан-чжу. Указ. соч., стр. 15—17. В тексте ошибочно указан 1897 г. — год заключения англо-китайского пограничного соглашения, которое вопрос о границе в районе Хпимау не затрагивало.

<sup>24</sup> Площадь Китая, указанная в «Атласе мира» (1972 г.). В «Атласе провинций КНР» (1951 г.) площадь территории Китая указана равной «около 10 млн. кв. км», в том же атласе (1953 г.) — 9 820 555 кв. км (текст между картами № 1 и 2).

## Китаецентризм

Маоисты позаимствовали у своих политических предшественников не только метод «картографической агрессии» и «картографической пропаганды» былого «величия» Китайской империи.

Известно, что вся политика китайских императоров исходила из сложившегося в далеком прошлом представления о центральном положении Китая в мире, о главенстве Китая среди прочих стран. Подобная модель мира получила впоследствии название «китаецентризм».

Казалось бы, в наше время не может быть места подобным идеям о государстве-гегемоне. Однако факты говорят о том, что маоистское руководство как подспудно, так и открыто ведет широкую пропаганду идей китаецентризма.

Первоначально об этом свидетельствовал поучающий тон китайских официальных документов, относящихся к международным отношениям, многочисленные заявления китайской пропаганды и официальных деятелей о том, что Китай — центр революционного и прогрессивного движения современности.

С начала «культурной революции» маоисты приступают к открытой пропаганде идей китаецентризма и снова с помощью картографических материалов. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любую настенную карту Китая, изданную после 1966 г. В левом нижнем углу каждой такой карты помещена врезка с проекцией земного шара. Она названа «Положение нашей страны в мире»<sup>25</sup>. Изображение материков на врезке спроецировано таким образом, что в самом центре мира оказывается Китай. Видимо, правильнее было бы назвать эту врезку «Центральное положение Китая в мире», ибо именно эта идея стоит за подобным изображением.

Китаецентризм является высшим проявлением великоханьского национализма, одной из характерных черт которого в прошлом было пренебрежительное отношение к соседям — «варварам», не достигшим «высот» конфуцианской цивилизации. Нечто подобное отражают карты, помещенные в «Атласе мира», изданном в 1972 г. Китайские картографы нарочито искажают политическую географию Азии, старательно не замечая реально существующую действительность, так как она не отвечает гегемонистским воззрениям пекинских лидеров.

Так, Пекин категорически отказывается признать существование независимого государства Народной Республики Бангладеш. В китайской печати название Бангладеш неизменно приводится в кавычках и с оговоркой «так называемая», а на картах это суверенное государство обозначается как часть Пакистана. В июне и октябре 1972 г. была издана настенная карта Китая, на которой — как и в «Атласе мира» — Бангладеш вновь была названа «Восточным Пакистаном»<sup>26</sup>.

Подобный прием в картографии не нов, однако, он характерен для политической картографии империалистических держав, долгое время «не замечавших» существования социалистических стран или стран, революционным путем сбросивших с себя оковы колониализма. Но разве подобные картографические упражнения могут изменить реально существующую политическую действительность?

<sup>25</sup> См., например, настенную карту Китая, выпущенную пекинским издательством «Дитя чубаньшэ» в июне и октябре 1972 г.

<sup>26</sup> «Атлас мира». Пекин, 1972 (карта № 16); «Настенная карта Китая». Пекин, VII.1972 и X.1972.

В данном случае, как и во многих других, о которых речь шла выше, на китайских картах отображается не реально существующая политическая ситуация в мире, а внешнеполитическая линия маоистского руководства. И карты только один из способов, но наиболее наглядный, выражения этой линии. Не менее четко она выражается и в комментариях китайской печати, и в выступлениях официальных представителей правительства КНР, например в связи с обсуждением вопроса о принятии Бангладеш в ООН<sup>27</sup>.

На практике эта линия означает, что маоистские лидеры пытаются отказать другим народам в праве самим распоряжаться своей судьбой, что, выступая на словах в поддержку национально-освободительных движений, они на деле заинтересованы лишь в тех из них, которые следуют их политике. Наконец, эта линия свидетельствует о полном пренебрежении маоистов к интересам и воле других народов.

Столь же пренебрежительное отношение проявляют маоистские картографы к другому государству Юго-Восточной Азии — Федерации Малайзия, существующей с 1963 г. Собственно говоря, в китайском «Атласе мира» этого государства нет! Вместо него каждая из его составных частей — Малайя, Сабах и Саравак — изображена как самостоятельное государство, отделенное от другого знаком государственной границы<sup>28</sup>.

Знакомство с текстовым пояснением, озаглавленным «Малайя», тоже не дает ясного представления о том, существует все-таки Федерация Малайзия или нет. Больше того, в статье о Малайе вставлен раздел о Сингапуре, который представляется в нем не самостоятельным государством, а частью Малайи (даже не Малайзии). Что же касается справочных материалов о Сабахе и Сараваке, то вместе с материалами о Брунее они помещены в статье под заголовком «Северный Калимантан».

Подобным же образом Малайзия изображалась и ранее. В «Атласе Китая» (издания 1966 г.) она целиком именовалась Малайей<sup>29</sup>. И это тоже отражает определенные моменты внешней политики КНР. Маоистское руководство на протяжении всех лет существования КНР неизменно отрицательно относилось как к Малайе, так и к созданной позднее Федерации Малайзия. Сегодня эта недоброжелательность в отношении государства, идущего своим путем и не желающего следовать в своем развитии «советам» Пекина, нашла свое отражение в искаженном изображении его на китайских политических картах.

Итак, картографические материалы, выпускаемые сегодня в Китае, широко используя заимствования у гоминьдановской картографии, отражают определенные тенденции внешней политики группы Мао Цзэ-дуна: фактический отказ от признания некоторых договорных актов, определяющих границы Китая, под тем предлогом, что они являются, мол, «неравноправными»; выдвижение территориальных претензий к соседним странам методом «картографической агрессии» и, наконец, готовность довести «картографическую агрессию» до вооруженного столкновения на границе. Все это говорит об экспансионистском характере внешнеполитического курса Пекина, особенно в отношении соседних стран.

Свои пограничные отношения с соседними странами маоистское руководство рассматривает как рычаг политического и военного давления

<sup>27</sup> «Жэньминь жибао», 6.X.1972, 23.X.1972, 1.XII.1972.

<sup>28</sup> «Атлас мира». Пекин, 1972 (карта № 14).

<sup>29</sup> «Атлас Китая». Пекин, 1966, карты № 1, 2.

на соседей с целью вынудить их проводить политику, отвечающую интересам Пекина. Для достижения тех же целей маоисты используют и «картографические» методы воздействия, выражающиеся в отказе от признания самостоятельного существования некоторых стран и от изображения их на политической карте, то есть в сознательном искажении на картах реально существующей политической обстановки.

Это, однако, лишь, так сказать, «первый план» той внешнеполитической линии, которая просматривается по китайским картографическим материалам. Есть и «второй план», более серьезный.

Китайские националисты считают — и карты «утраченных территорий» подтверждают наличие такой точки зрения, — что до Опиумных войн Дайцинская империя была гегемоном как минимум всей Азии. Они настоятельно требовали «вернуть лицо», Китаю, после того как он потерпел военные поражения в Опиумных войнах и оказался к концу XIX в. в положении второстепенной державы, иными словами — восстановить былой авторитет и престиж страны в том виде, каким он представлялся самим великоханьским националистам. Эта задача ставилась перед китайской дипломатией при последних Цинах, в периоды правления Юань Ши-кая, милитаристских клик и, наконец, гоминьдана. Публикация многочисленных материалов с восхвалением захватнических войн, ведшихся китайскими императорами в далеком прошлом, и повторная публикация карт «утраченных территорий» свидетельствуют о том, что после создания Китайской Народной Республики группа Мао Цзэ-дуна взяла на себя осуществление этой задачи, которую не смогли выполнить ее политические предшественники.

Это значит, что главная цель маоистов — добиться политического подчинения азиатских стран, занять среди них место государства-гегемона, которое Китай, по их представлениям, занимал в далеком прошлом. Если использовать терминологию современной пекинской пропаганды, то основная цель китайского руководства заключается в том, чтобы стать «сверхдержавой», могущей вмешиваться во внутренние дела стран Азиатского континента и всего мира.

## **Великоханьский шовинизм и судьбы Внутренней Монголии**

---

*Д. Базаргарьд (МНР)*

### **Маоисты — преемники шовинистических традиций реакционных режимов в Китае**

На протяжении многих веков правители Китая — будь то императоры или кланки милитаристов — стремились, по существу, к одной цели — подчинить себе все окружающие неханьские народы и насильственно их ассимилировать. Китайские правители прошлого полагали, что такая политика позволит им создать государство, призванное стать «центром мира». Дискриминационная политика в отношении неханьских народов в Китае привела к тому, что в правящих кругах страны чрезвычайно прочно утвердился великоханьский шовинизм.

Казалось бы, с победой национально-освободительного движения китайского народа и образованием КНР с такой пагубной политикой будет покончено навсегда. Однако вопреки принципам марксизма-ленинизма, вопреки логике развития страны по пути социализма, когда требуется консолидация усилий всех национальностей, населяющих страну, когда принципы интернационализма, осуществляемые на практике, приносят свои замечательные плоды, архиконсервативная идеология великоханьского шовинизма оказалась на вооружении и у маоистской группы в руководстве КПК. Возведенный маоистами в ранг общегосударственной политики, великоханьский шовинизм является ныне одним из краеугольных камней антинародного, антисоциалистического курса Пекина.

Практические действия нынешних китайских руководителей в отношении почти 50 миллионов представителей неханьских народов, населяющих 60% территории КНР, мало чем отличаются от политики геноцида, проводимой расистами.

Начав осуществлять свою великоханьскую, шовинистическую политику в отношении неханьских народов с лишения их права на самоопределение, маоисты вскоре перешли к насильственной ассимиляции этих народов. Они не делали особого секрета из своей уверенности в том, что сотни миллионов ханьцев сумеют в короткие сроки «растворить» пятидесятиmillionную массу других наций и народностей — уйгуров, монголов, казахов, тибетцев, узбеков, корейцев, чжуан, буи, ли и других (свыше пятидесяти в общей сложности).

Позаимствовав у китайских реакционных правителей прошлого испытанный метод раздробления и расселения неханьского населения, маоисты поставили непреодолимые преграды на пути национально-территориального устройства монголов, тибетцев, чжуанов и других

представителей неханьских народов. Так, тибетцы, например, были расселены в девяти мелких автономных округах и уездах, искусственно созданных вокруг самого Тибета. Чжуанов расчленили на две части: одна из них была включена в состав Гуанси — Чжуанского автономного района, а другая — в состав соседней провинции.

В годы пресловутой «культурной революции» великоханьский шовинизм Пекина дошел до открытого глумления над национальной культурой, обычаями, традициями неханьских народов, до травли и массовых репрессий в отношении национальных кадров. По существу, была ликвидирована национальная местная автономия как форма административного управления. Маоисты не только восхваляли свою ассимиляционную политику, но даже утверждали на страницах газеты «Синьцзян жибао», что тот, кто выступает против «марксистской и коммунистической ассимиляции, выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма».

### Истоки антимонгольской политики

Как известно, южная часть страны монголов, или Внутренняя Монголия, как она стала называться позднее, впервые была завоевана в 1636 г. военно-феодальным государством маньчжуров. Отделив эту часть от остальной Монголии, маньчжурские завоеватели создали отдельный административно-территориальный район, состоявший из 6 аймаков (49 хошунов) и получивший название Внутренние аймаки, или Внутренняя Монголия.

После завоевания маньчжурами Северного Китая и образования Цинской династии Внутренняя Монголия стала объектом жестокой эксплуатации и, по существу, была превращена в плацдарм завоевательных походов против центральной и западной части Монголии.

Свержение двухсотлетнего маньчжурского господства и провозглашение национальной независимости Внешней Монголии в 1911 г., а также подъем национально-освободительного движения во Внутренней Монголии (35 хошунов из 49 выступили за воссоединение с Внешней Монголией) вызвали в Пекине злобную реакцию.

Новый диктатор Пекина Юань Ши-кай разработал широкий план насильственной ассимиляции Внутренней Монголии. Эта политика опиралась на всемерную поддержку китайских милитаристов, помещиков и буржуазии.

Стремясь подавить национально-освободительное движение народа Внутренней Монголии, пекинские власти отправили крупные воинские соединения в Доло-Нур, Хух-Хото, Жэхэ и Хулун-Буир. Здесь они осуществляли жестокие и коварные карательные операции против монгольского населения. Так, например, в 1913 г. китайские правители под предлогом проведения дружественных переговоров собрали на озере Ангал-цаган-нур в Чахаре видных деятелей национально-освободительного движения, которые затем были зверски уничтожены.

В том же году была срочно построена железная дорога между Пекином и Хух-Хото, которая предназначалась для закрепления позиций Пекина во Внутренней Монголии.

Так Внутренняя Монголия, по существу, утратила свою историческую самостоятельность и полностью подпала под власть китайских милитаристов-колонизаторов.

Еще в 1909—1913 гг. в монгольские хошуны провинции Хэйлуцзян были переселены 50 000 китайских крестьян, которые захватили у мест-

ных монголов 1,6 млн. му лучших земель. А в 1925—1926 гг. милитарист Фын Юй-сян захватил лучшие пастбищные угодья в Чахаре и Суйюань и роздал их семьям военных. В 30-х годах в пределах Внутренней Монголии существовало 105 китайских административных уездов.

### **Урезанная автономия вместо права на самоопределение**

Народы Внутренней Монголии под руководством своей Народно-революционной партии мужественно боролись не только против чанкайшестских милитаристов, но и против надвинувшейся угрозы захвата страны японской военной силой. С оружием в руках они мужественно отстаивали свое право на национальное самоопределение.

До 1935 г. в таком жизненно важном для многонационального Китая вопросе, как самоопределение неханьских народов, Компартия Китая в основном занимала правильную позицию, опираясь на опыт решения национального вопроса в Советском Союзе. Так, в программном минимуме, принятом на II съезде КПК (июнь 1922 г.), впервые отмечалось, что Монголия, Тибет и Синьцзян «исторически являются районами, где испокон веков проживают различные народности». Это свидетельствовало о полном отказе КПК от великоханьско-шовинистического толкования проблемы, согласно которому ни один неханьский народ якобы не имел территориальной общности.

Национальный вопрос более или менее последовательно разрабатывался на I и II съездах Советов Китайской Советской Республики. В специальной резолюции I Всекитайского съезда Советов (ноябрь 1931 г.) по национальному вопросу указывалось, что «Китайская Советская Республика категорически и безусловно признает право всех наций на самоопределение»<sup>1</sup>.

Политика КПК по вопросу о государственном устройстве неханьских народов была закреплена в соответствующих статьях временной Конституции, принятой в январе 1934 г. на II Всекитайском съезде Советов. Правительство Китайской Советской Республики в декабре 1935 г. заявило, что «народ Внутренней Монголии имеет право решать все свои внутренние вопросы... никто не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь и быт народа Внутренней Монголии, оказывать давление на его религиозные верования, ущемлять его интересы. Вместе с тем, — говорилось в этом документе, — народ Внутренней Монголии может, в соответствии с его желанием и принципами, образовать собственное правительство, имеет право вступить в союзные отношения с другими национальностями и право полного отделения. Вместе с тем все национальности на территории Внутренней Монголии пользуются полным равноправием, а также правом пользоваться национальными языками и письменностью, правом свободы вероисповедания и выбора местожительства»<sup>2</sup>.

Однако после 1935 г. Мао Цзэ-дун и его единомышленники стали отходить от марксистско-ленинских установок КПК.

Как же складывалась политическая обстановка во Внутренней Монголии в конце 30-х годов? Японские милитаристы, оккупировавшие районы Северо-Восточного Китая и значительную часть территории Внутренней Монголии, создали два монгольских «автономных»

<sup>1</sup> «Советы в Китае». М., 1934, стр. 440.

<sup>2</sup> «Китайская Народная Республика». М., 1970, стр. 173—174.

района — Мэнцзян в 1939 г. и объединенную Хинганскую провинцию в составе марионеточного государства Маньчжоуго в 1943 г. Дальнейшие планы японских милитаристов состояли в том, чтобы создать единое монгольское «государство» под эгидой Японии путем присоединения МНР к своим колониальным владениям в Китае.

В результате разгрома японской военщины Вооруженными Силами СССР советская и монгольская армии принесли освобождение народам Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии. В этих благоприятных условиях развернулось широкое движение монгольского населения в Китае за свое национальное самоопределение. После освобождения начались массовые выступления монгольских трудящихся за воссоединение Внутренней Монголии с МНР и образование единого независимого монгольского государства. Был проведен неофициальный референдум по этому вопросу, приуроченный ко дню официально-го плебисцита в МНР 20 октября 1945 г.

Между тем реакционно-феодалные круги монгольского населения, придерживавшиеся прогоминьдановской ориентации, пытались решить проблему самоопределения монголов путем сговора с кликой Чан Кай-ши и создания автономии Внутренней Монголии в рамках гоминьдановского режима.

Победа Советской Армии над империалистической Японией, освобождение значительной части Китая укрепили у трудящихся всех национальностей страны веру в общность их коренных интересов. Народолюбивые национальные районы Китая справедливо рассчитывали, что с установлением народной власти будет проводиться ленинская национальная политика, что им будет предоставлена возможность создания своих национальных государств, что дальнейшее их развитие будет осуществляться в условиях полного равноправия, интернациональной дружбы и солидарности.

Однако мелкобуржуазная националистическая группа Мао Цзэ-дуня, занявшая руководящее положение в КПК, преследовала совсем иные цели. Вместо существовавших местных правительств во Внутренней Монголии был создан Объединенный комитет, в который вошли исключительно представители ханьцев. Был осуществлен целый ряд мероприятий, направленных на подчинение всех монгольских аймаков и хошунов администрации Северо-Восточного Китая.

Искусственное разделение монгольских районов на две части, осуществленное японскими милитаристами и чанкайшистскими захватчиками, все еще сохранялось. В силу ряда причин движение монголов за самоопределение в районах Северо-Восточного Китая развивалось более активно, чем в западных районах Внутренней Монголии. 22 августа 1946 г. Хулунбуирское областное управление было реорганизовано в Хулунбуирское автономное правительство.

По инициативе КПК в апреле 1946 г. в г. Чэндэ (провинция Жэхэ) состоялась Объединенная конференция представителей западной и восточной частей района. На конференции был учрежден «Объединенный хурал (комитет) движения за автономию Внутренней Монголии», а также образован Президиум хурала в составе 25 человек во главе с Улан-ху. В апреле 1947 г. в г. Улан-Хоте (Вангийн-Суме) состоялся съезд народных представителей аймаков и хошунов западной и восточной частей Внутренней Монголии. Съезд избрал законодательный орган народной власти — малый хурал в составе 121 члена. Так, 1 мая 1947 г. было образовано народное правительство первого в Китае Автономного района Внутренняя Монголия.

Это была большая победа народа Внутренней Монголии, который более 300 лет подвергался угнетению со стороны великоханьских шовинистов<sup>3</sup>. Съезд направил послание главам правительств Советского Союза и МНР, в котором говорилось: «В истории Внутренней Монголии происходит небывалое событие — съезд народных представителей Внутренней Монголии. Мы по воле народа преисполнены желанием создать подлинно народное автономное демократическое правительство Внутренней Монголии.

Мы не можем не выразить в эти исторические дни чувства глубокой и сердечной благодарности Вам и героической Советской Армии, нашим единокровным братьям, монголам МНР, за изгнание японских захватчиков из пределов Внутренней Монголии.

Наш народ никогда не забудет пролитую кровь и гибель героических воинов советско-монгольских войск, павших на обширной территории Внутренней Монголии ради освобождения ее народов... Съезд народных представителей Внутренней Монголии выражает Вам и вашим народам свое глубокое уважение и признание братской дружбы<sup>4</sup>.

Однако светлые надежды народа Внутренней Монголии вскоре были омрачены действиями великоханьских шовинистов. 1 июля 1947 г. была ликвидирована Народно-революционная партия (НРП) Внутренней Монголии, а взамен нее создан областной комитет КПК Внутренней Монголии. Тем самым у народа Внутренней Монголии было отнято право иметь свою политическую партию. Эти дискриминационные действия маоистского руководства КПК в отношении народа Внутренней Монголии выглядят особенно беспринципными, если вспомнить, что даже после образования КНР в Китае разрешалось продолжать свою деятельность различным мелкобуржуазным партиям.

Высший законодательный орган вновь созданного автономного района — малый хурал вскоре стал наводняться представителями Народно-освободительной армии Китая. Внутренняя Монголия, освобожденная войсками советско-монгольских объединенных вооруженных сил, вскоре после их ухода, то есть с конца 1946 г., подверглась фактической оккупации китайскими войсками, которые полностью контролировали ее территорию.

Ущемление прав народа Внутренней Монголии, естественно, вызвало протесты патриотов. Тогда великоханьские шовинисты, пробравшиеся в обком КПК, учинили расправу над теми, кто осмеливался поднимать голос в защиту законных прав монгольского народа. За репрессиями последовала ликвидация Хулунбурской автономной области в декабре 1947 г.

Но даже за короткий срок существования в условиях автономии Внутренней Монголии ее народ добился значительных успехов в деле мобилизации трудящихся на общую борьбу против чанкайшистских захватчиков, за создание подлинно свободного, демократического Китая.

В 1946—1949 гг. народы Внутренней Монголии вместе с трудящимися других освобожденных районов Китая добились значительных успехов в проведении земельной реформы, осуществлении антифеодальных мероприятий, развитии национального хозяйства и культуры. Все эти революционные преобразования встретили самое горячее одобрение и поддержку со стороны всех китайских трудящихся, боровшихся за свою свободу и национальную независимость, а также истинных комму-

<sup>3</sup> См.: «Дунбэй жибао», 3.V.1947.

<sup>4</sup> Там же.

нистов-интернационалистов, которые считали, что автономия для Внутренней Монголии представляет собой единственно правильный путь решения национального вопроса.

Так, в августе 1948 г. член ЦК Компартии Китая Гао Ган в докладе на совещании партийного актива Внутренней Монголии заявил: «Коммунистическая партия Китая с начала своего основания сразу же провозгласила полное равенство всех национальностей, проживающих в пределах Китая, признание автономии и права на самоопределение для всех национальностей, а также всестороннюю помощь в освобождении и развитии малых народов. Образование единого автономного правительства Внутренней Монголии как раз и является практическим развитием и претворением в жизнь этой политики»<sup>5</sup>.

Однако через некоторое время мелкобуржуазно-националистическая группа Мао Цзэ-дуна, занявшая господствующее положение в КПК, отказалась от ленинского принципа национального самоопределения, являющегося основой основ марксистско-ленинского решения национального вопроса. Известно, что В. И. Ленин писал: «...Под самоопределением нации разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»<sup>6</sup>. Как же был разрешен национальный вопрос в новом, народном Китае? Оправдались ли надежды и чаяния многомиллионных нехитайских народов, населявших страну? К сожалению, на этот вопрос может быть дан только отрицательный ответ.

## Как «перекраивалась» Внутренняя Монголия

По Конституции КНР, принятой в 1954 г., право на национальную государственность было предоставлено только одной китайской, то есть ханьской, нации. Права же всех остальных наций и народностей оказались сильно урезанными. Так, даже наиболее крупные районы, где компактно проживает многочисленное неханьское население, были приравнены к обычным провинциям Китая.

Действия пекинских великоханьских шовинистов были направлены на разобщение и расчленение ранее созданных автономных территориально-административных единиц неханьских национальностей. Они осуществлялись буквально по принципу «разделяй и властвуй!». Первым национальным районом, который стал объектом авантюристической политики маоистов, явилась Внутренняя Монголия.

Обратимся к фактам. По архивным данным за 1922—1925 гг., а также по данным доклада ЦК НРП Внутренней Монголии, представленного Коминтерну в 1926 г., и согласно некоторым официальным сведениям Китая, территория, где компактно проживали монголы в Китае (до оккупации Японией), составляла примерно 2 167 489 кв. м, а население насчитывало 14 595 тыс. человек. Из них 3792 тыс. составляли монголы, а 10 802 тыс. — другие национальности.

Как указывалось в монгольском ежегоднике, изданном в 1923 г. в Пекине, Внутренняя Монголия по своему административно-территориальному делению состояла из 6 аймаков и 8 хошунов.

За последние 40 лет, однако, территория и состав населения Внутренней Монголии, как и районы других неханьских народов, многократ-

<sup>5</sup> «Дунбэй жибао», 12.XII.1948.

<sup>6</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 259.

но менялись на потребу великоханьским политикам Пекина. Эти изменения проходили в основном в три этапа.

Первый этап (до 1949 г.). В сложных условиях войны, когда страна еще не была полностью освобождена, Внутренняя Монголия состояла всего из пяти аймаков: Хулунбуирского, Нонмурэнского, Хинганского, Силингольского и Чахарского, общая территория которых достигала примерно 500 000 кв. км. В мае 1949 г. к ней был присоединен и Чжаоудаский, ранее входивший в состав провинции Жэхэ.

По новому административному делению КНР, принятому в декабре 1949 г., Внутренняя Монголия состояла из 6 аймаков, 32 хошунов, 7 уездов и одного особого района. В это время западная часть Внутренней Монголии, то есть Икэчжаоский, Уланчабский и Баяннурский аймаки, была еще не освобождена или находилась в составе китайских провинций.

В соответствии с волей и стремлениями коренного населения в 50-х годах были предприняты попытки восстановления исторических границ монгольского народа на территории КНР. Шаги в этом направлении, естественно, вызвали большой патриотический подъем у монгольского населения, проживавшего на территориях, входивших в состав многих смежных китайских провинций. Однако в Пекине связывали с этими преобразованиями далеко идущие планы.

В феврале 1950 г. 4-я и 5-я кавдивизии Внутренней Монголии освободили бывшие Икэчжаоский и Уланчабский аймаки. В мае 1950 г. Икэчжаоский и Уланчабский аймаки были объявлены автономными районами. В августе 1950 г. три уезда (Бао-Чан, Хуади и Долон-Нур) Чахарского района были реорганизованы и включены в состав Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ).

В соответствии с «Основными принципами программы осуществления местной национальной автономии в КНР», провозглашенными 22 февраля 1952 г., Пекин был вынужден пойти навстречу желаниям монгольского населения, проживающего в китайских провинциях, присоединиться к Автономному району Внутренняя Монголия или получить право на самостоятельную местную автономию. Так, в январе 1953 г. был создан Хотонский монгольский национальный округ с центром в городе Бугат (Баотоу).

Самым крупным территориально-административным изменением, которое произошло в эти годы, была ликвидация нескольких китайских провинций, созданных еще в 1915 г., путем насильственного разъединения компактно проживавшего монгольского населения. В январе 1954 г. была ликвидирована китайская провинция Суйюань с территорией 329,4 тыс. кв. км, населением 2670 тыс. человек и целиком включена в состав АРВМ. На основе этой провинции образовались или расширились: а) Талбулакский административный район Пиндицюань, состоявший из 4 хошунов, 11 уездов с центром в Цзинине; б) Ордосский административный район Хэтао, состоявший из 2 хошунов и 4 уездов с центром в Шамба-Балгасе; в) Уланчабский аймак, состоящий из 4 хошунов, 1 уезда, 1 района рудников (Баян-Обо) с центром в Гуяне; г) Икэчжаоский аймак, состоявший из 7 хошунов, 1 уезда с центром в Дуншэне.

В результате этого территория АРВМ расширилась примерно на 330 000 кв. км<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Справочник газетного издательства «Жуашан». Гонконг, 1949.

В связи с расширением автономного района были также расширены права и компетентность общественно-политических и государственных органов района. В конце 1953 г. в АРВМ был создан самостоятельный военный округ. В марте 1954 г. было создано самостоятельное бюро КПК АРВМ.

После перенесения столицы Автономного района Внутренней Монголии в г. Гуйхуачэн (Гуйсуй) он во второй раз за свою историю стал называться Хух-Хото. Название «Гуйхуачэн» или «Гуйсуй» не соответствовало новым условиям, поскольку оно означало: «Окраина, подчиняющаяся Китаю».

В мае 1954 г. Хинганский аймак был включен в состав Хулунбуирского аймака.

В январе 1956 г. была ликвидирована китайская провинция Жэхэ, причем территориально-административные единицы с монгольским населением (хошун Архан, хошун Харчин, Оннюдский хошун и три уезда — Нинчэн, Чифэн, Уфэн) были присоединены к АРВМ. На основе этих хошунов и уездов был образован Чжаоудаский административный район<sup>8</sup>.

В апреле 1956 г. был вновь создан Баяннурский аймак путем объединения бывшего монгольского автономного уезда Баян-Хото и Эзэнгольского автономного хошуна, которые находились в составе китайской провинции Ганьсу<sup>9</sup>. До сентября 1954 г. вышеназванный автономный уезд Баян-Хото принадлежал к китайской провинции Нинся.

В результате всех этих изменений к середине 1956 г. площадь Автономного района Внутренняя Монголия составила примерно 11 400 000 кв. км. Что касается численности населения, то она возросла до 13 млн. человек<sup>10</sup>. Административно район делился на два района (Пиндицюань и Хэтао) и восемь аймаков — Икэчжаоский, Уланбуирский, Чахарский, Силингольский, Чжимирский, Хулунбуирский, Чжаоудаский и Баяннурский.

Таким образом, АРВМ стал самым крупным национальным районом КНР, имеющим общие границы на севере с МНР и Советским Союзом, на западе — с Синьцзян-Уйгурским автономным районом, на юге и востоке — с китайскими провинциями.

Хотя восстановление исторических границ монгольского населения из Китая и объединение их в единый автономный район и не означало еще полного осуществления права монгольского народа на самоопределение, тем не менее это вызвало заметный подъем национального самосознания и сопровождалось значительными сдвигами в развитии национальной экономики и самобытной многовековой культуры. Этому, разумеется, в значительной степени благоприятствовало соседство с Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом. Разносторонняя братская помощь Советского Союза сыграла решающую роль в развитии экономики Северо-Восточного Китая, в частности в индустриализации Внутренней Монголии. Между Внутренней Монголией и МНР установились широкие культурные связи.

Ввод в эксплуатацию в 1955 г. Цзиниц-Эрлянской железной дороги, ставшей частью международной магистрали Пекин—Улан-Батор—Москва, явился важным фактором для развития и расширения экономическо-

<sup>8</sup> «Гуанмин жибао», 3.II.1956.

<sup>9</sup> «Жэньминь жибао», 20.V.1956.

<sup>10</sup> Там же.

го и культурного сотрудничества КНР с другими братскими социалистическими странами. Все это положительно сказывалось на строительстве новой жизни народов Внутренней Монголии, но совершенно не устраивало маоистское руководство. Во-первых, не оправдалась его коварная цель — создание некоего «привлекательного монгольского района», который мог бы приманить к себе народ суверенной Монгольской Народной Республики; во-вторых, его стремление растворить монгольское население в ханьской массе не привело к желаемым результатам; в-третьих, монголы оказывали упорное сопротивление любым попыткам насильственной китаизации.

В конце 50-х годов маоистское руководство совершило крутой поворот к великоханьскому курсу в национальной политике. Беззаконие и произвол в отношении неханьских народов приобрели широкий размах. Именно в это время Мао Цзэ-дун и его сторонники порвали с линией VIII съезда КПК и пошли на открытый антисоциалистический курс «трех красных знамен».

В эти годы в национальных районах Китая началось усиленное расширение и увеличение численности китайских уездов. Эта реорганизация административного деления была завершена к концу 1956 г. Произошло резкое изменение соотношения численности представителей коренного населения, например монголов, и ханьского населения в районе. Однако планы маоистов шли значительно дальше. Начался второй этап перестройки Внутренней Монголии.

Территориально-административное деление АРВМ подверглось новым атакам в связи с так называемым «упорядочением в области идеологии» — политической кампанией, которая развернулась в Китае в декабре 1956 г. В апреле и мае 1958 г. маоисты произвели большие изменения в административном делении АРВМ. Так были упразднены: а) Ордосский административный район Хэтао, его составные части были включены в состав Баяннурского аймака; б) Талбулакский административный район (Пиндицюань) был передан в состав Уланчабского аймака<sup>11</sup>; в) Чахарский аймак присоединен к Силингольскому аймаку<sup>12</sup>.

В августе 1958 г. на основе хошуна Морин Дава был создан Даурский автономный уезд, а на основе бывшего хошуна Солон создан Эвэнский автономный хошун.

В результате этих изменений АРВМ сократился до 7 аймаков, 8 городов, 48 хошунов, 18 уездов и 3 автономных хошунов.

Политика Пекина в период так называемой «культурной революции», а также последующие действия маоцзэдуновской группировки дают все основания утверждать, что предыдущие этапы служили как бы генеральной репетицией к осуществлению программы полного раздробления и поглощения народов Внутренней Монголии.

В годы пресловутой «культурной революции» группа Мао Цзэ-дуна, открыто взяв авантюристический курс на разрыв отношений с братскими социалистическими странами, на разжигание угара антисоветизма, со всей силой обрушилась на добрососедские отношения национальных автономных районов Китая с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. В политическом лексиконе маоистов появился новый термин «пограничный район», который заменил собой термин «автономный район». Новый термин не был новым географическим понятием.

<sup>11</sup> «Жэньминь жибао», 21.VI.1958.

<sup>12</sup> Там же.

Он предполагал осуществление целого комплекса социально-экономических, военных и пропагандистских мероприятий.

Ссылаясь на особое положение «пограничных районов» и запугивая население измышлениями о некоей мнимой угрозе с Севера, маоисты фактически взяли автономные районы под строгий военный контроль. Учинив жестокую расправу над национальными кадрами, они передали власть в руки военных. Почти все командные посты в местных органах были заняты ханьскими армейцами. Среди 17 членов ревкома АРВМ оказалось только четверо монголов.

Эти мероприятия сопровождалось усиленным переселением ханьцев в национальные районы КНР и превращением этих районов в зоны дислокации крупных воинских соединений или базирования военно-промышленных объектов. Развитие же экономики национальных районов было заморожено.

Другим пагубным по своим последствиям шагом Пекина явилась новая «перестройка» национальных районов.

Примерно со второй половины 1969 г. начинается третий этап перестройки административно-территориального деления АРВМ. По указанию Пекина территория и население АРВМ подверглись сильнейшему дроблению и включению в состав китайских провинций. Эти изменения проводились втихомолку. Однако их разрушительный характер неопровержимо подтверждается административными картами, изданными в 1971—1972 гг., а также сообщениями китайской печати. В результате последней «перестройки» АРВМ сложилась следующая картина<sup>13</sup>.

Хулунбуурский аймак АРВМ полностью присоединен к провинции Хэйлуцзян (кроме 2 хошунов и 1 уезда). Таким образом, провинция Хэйлуцзян КНР граничит теперь на севере с Советским Союзом, на западе — с МНР, на юге — с провинцией Гиринь. Хошун Юго-Западный Хорчин, хошун Средне-Западный Хорчин и уезд Ту Чуань бывшего Хулунбуурского аймака переданы провинции Гиринь.

Чжиримский аймак АРВМ полностью присоединен к провинции Гиринь. В результате этого провинция Гиринь стала граничить: на севере — с провинцией Хэйлуцзян, на западе — с МНР и Силингольским аймаком АРВМ, на юге — с провинцией Ляонин.

Чжаоудаский аймак АРВМ был передан в состав провинции Ляонин, которая теперь стала граничить на севере с провинцией Гиринь и на западе с Силингольским аймаком АРВМ и провинцией Хэбэй.

Баяннурской аймак АРВМ ликвидирован полностью, а его восточная часть, то есть хошун Алаша, передана провинции Нинся. Теперь провинция граничит на севере с МНР, на западе — с провинцией Ганьсу, на востоке — с провинцией Шаньси.

Западная часть Баяннурского аймака, то есть хошун Эзен, передана провинции Ганьсу, которая ныне стала граничить на севере с МНР, на западе — с Синьцзян-Уйгурским автономным районом, на востоке — с Нинся-Хуэйским автономным районом.

В результате осуществления коварной политики расчленения АРВМ сот исе оторвано и передано провинциям Ганьсу, Нинся, Ляонин, Хэйлуцзян и Гиринь более 700 тыс. кв. км территории с населением около 6 млн. человек. Ныне в составе АРВМ остались лишь Уланчабский, Силингольский, Икэчжаоский аймаки, а из крупных городов — Хух-Хото и

<sup>13</sup> См.: «Карта КНР». Пекин, 1972.

Баотоу. В автономном районе осталось примерно 7 млн. человек, среди которых монголы составляют всего 500—600 тыс., то есть 8—9% всего населения. Но даже и эти цифры не представляются вполне реальными, поскольку на протяжении многих лет Пекин интенсивно проводил заселение Внутренней Монголии ханьцами из глубинных районов страны и переселение монголов под различными предлогами в глубинные районы КНР.

Пекинские руководители, по всей видимости, решили раз и навсегда покончить с непокорными народами неханьской национальности. В первую очередь они добиваются того, чтобы Внутренняя Монголия прекратила свое существование в качестве автономного района, который непосредственно граничит с Советским Союзом и МНР.

### Китаизация во всех сферах жизни

Пекин осуществляет свою антиленинскую политику в отношении неханьских народов путем открытого ущемления их прав, обычаев и национальной культуры. В национальных районах ханьцы захватывают командные посты во всех сферах общественно-политической и экономической жизни, попирая все законы и установления. Так, например, они грубо нарушили норму представительства в Собрании народных представителей АРВМ. С конца 1957 г., когда в районе Внутренней Монголии под предлогом критики «местного национализма» начался массовый погром национальных кадров, принцип представительства монголов и других неханьских народов был предан забвению.

Великоханьские тенденции Пекина неоднократно подвергались резкой критике как в Автономном районе Внутренняя Монголия, так и в других районах КНР. В своем выступлении на VIII съезде КПК в 1956 г. бывший Первый секретарь КПК Автономного района Внутренняя Монголия Уланху говорил: «В настоящее время тенденция к великоханьскому шовинизму проявляется главным образом в следующем: в игнорировании особенностей национальных меньшинств, равнодушном отношении к их интересам, недооценке их роли в деле социалистического строительства родины, отсутствии ясного представления о развитии и прогрессе национальных меньшинств, неуважении равноправия национальных меньшинств и их права на самоуправление, механическом перенесении в районы национальных меньшинств опыта районов, населенных ханьской нацией, в подмене ханьцами работников из национальных меньшинств».

Ежегодно в автономный район переселялось 50—60 тыс. ханьцев, что в несколько раз превышало естественный прирост населения района. Местное монгольское население решительно выступило против переселения китайцев<sup>14</sup>. Монголы требовали отделить в пределах нынешних границ Автономный район Внутренняя Монголия от Китая, переселить в автономный район монголов, проживающих за пределами района, в китайских провинциях.

Авторы подобных выступлений подвергались жестоким репрессиям. Травля национальных кадров достигла своей кульминации в период

<sup>14</sup> Ц и Д и. Автономный район Внутренняя Монголия в прошлом и настоящем. — «Цзуго», № 94, Гонконг, январь 1972 г.

аррелсловутой «культурной революции». Более 60 тыс. жителей Внутренней Монголии были репрессированы за то, что они выступали в защиту прав своего народа, против политики ассимиляции и насильственной китаизации, в том числе путем насильственных браков с ханьцами. Многие асоплатились жизнью только за то, что они хотели оставаться монголами.

Оказавшись перед лицом упорного сопротивления народа Внутренней Монголии политике Пекина, ЦК КПК принял в конце 1967 г. специальное постановление «О разрешении вопроса Внутренней Монголии». На основе этого решения с помощью армейских соединений были осуществлены широкие военно-карательные меры против местного населения Автономного района Внутренняя Монголия. В ноябре 1967 г. был создан местный орган маоистской военно-бюрократической диктатуры — «ревком».

Установив диктатуру ревкома, маоисты полагали, что теперь-то они станут полновластными хозяевами Автономного района Внутренняя Монголия. Однако в начале 1969 г. во Внутренней Монголии развернулось массовое движение протеста против великодержавной политики террора и насилия со стороны Пекина, которое охватило все хошуны и два больших города.

Опасаясь размаха этого движения и его влияния на другие районы, маоистское руководство распространило специальную директиву от 22 мая 1969 г. В ней говорилось, что ревкомы аймаков и хошунов допустили в период «культурной революции» многочисленные ошибки и что при проведении классово́й чистки имели место факты произвола. Этот документ понадобился маоистам для того, чтобы под предлогом исправления допущенных ошибок продолжить расправу с активными участниками сопротивления. Этот излюбленный прием Мао Цзэ-дуна не раз применялся им в процессе реализации его авантюристической политики для того, чтобы, с одной стороны, снять с себя ответственность за совершенные злодеяния, провалы, просчеты и т. д., а с другой — под благовидным предлогом убрать с политической арены своих противников. Политическое руководство Автономного района Внутренняя Монголия было полностью превращено в китаизированный и военизированный орган власти.

«Просим и надеемся, что все люди доброй воли вместе с нами разделят горе и страдания оскорбленного, замученного ханьцами народа Внутренней Монголии и выступят в его защиту», — писала в своем обращении ко Всемирному братству буддистов и буддистам всего мира группа буддистов — участников движения протеста в феврале 1971 г.

С начала «культурной революции» маоистское руководство Китая развернуло во Внутренней Монголии планомерное уничтожение исторических достопримечательностей и монастырей, а также вывоз ценностей в Пекин. Даже и теперь продолжается запрет совершать молебны в оставшихся монастырях. Недопустимо разговаривать на родном языке в присутствии ханьца. Исполнение монгольских песен и проведение национальных спортивных игр может осуществляться только под контролем пекинских надзирателей.

В целях пропаганды китаизации в духе «идей Мао Цзэ-дуна» и подготовки населения к войне по району разъезжают агитационные бригады и группы. Все еще продолжают репрессии и аресты среди монголов, которые особенно усилились в период проведения кампании борьбы против «четырех зол», что означает борьбу «с разглашением государственной тайны, организацией бегства, нарушением границы и связью с иностранным государством».

Во всех районах национальных меньшинств царит ныне атмосфера отчаяния, апатии, утраты веры в будущее, известны многочисленные факты самоубийства отчаявшихся людей. Невыносимо тяжелый гнет ханьцев приводит ко все учащающимся попыткам покинуть родные места и искать убежища за пределами страны.

В этих условиях маоисты видят едва ли не единственную возможность усмирения непокоренного народа в раздувании военного психоза и милитаризации всей жизни общества. Китайские руководители всячески стараются внушить народам Китая, будто над ними нависла мнимая угроза войны, которую-де готовят северные соседи Китая. Под шум своих измышлений маоисты поспешно превращают национальные окраины в военные казармы. Передислоцируются воинские соединения поближе к границам СССР и МНР, производятся изменения в территориально-административном устройстве национальных районов, преследующие военно-стратегические цели.

Такова общая картина жизни народа Внутренней Монголии и других неханьских народов в тисках великоханьской шовинистической политики Пекина.

## **Азиатский банк развития: ревизия конструктивной цели**

*М. А. Андреев,  
доктор экономических наук*

За последнее время в мире происходят важные позитивные сдвиги, характерной чертой которых является перестройка межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования и продолжающейся разрядки политической напряженности. Чтобы закрепить этот процесс, придать ему необратимый характер и подлинно всемирные масштабы, очень важно участие в нем народов Азии.

Следует отметить при этом, что идея создания системы коллективной безопасности в Азии, выдвигаемая Советским Союзом, предусматривает наряду с другими условиями широкое развитие экономического сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды, признание права народа на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

В развитии национальной экономики и организации экономического сотрудничества в Азии определенную положительную роль мог бы сыграть и Азиатский банк развития (АБР).

Однако до сих пор это, равно как и некоторые другие подобные международные учреждения, еще не выполняет в полной мере тех важных, прогрессивных задач, которые на них были возложены. Одним из свидетельств этому может служить деятельность Азиатского банка развития.

Развивающиеся страны в принципе поддержали идею создания региональных банков, рассчитывая с их помощью мобилизовать дополнительные внешние ресурсы для нужд экономического развития, нейтрализовать многочисленные отрицательные аспекты сложившейся в мировой капиталистической системе кредитной практики и ускорить региональное экономическое сотрудничество.

Практика не оправдала надежд развивающихся стран. Созданный в 1959 г. Межамериканский банк развития безоговорочно контролируется США, которые пользуются правом накладывать вето на его решения и уже не раз прибегали к нему. Африканские страны решительно выступили против допущения развитых капиталистических государств в члены Африканского банка развития. В ответ последние отказали ему в своей финансовой поддержке.

Азиатские развивающиеся страны и территории при организации АБР пытались учесть опыт латиноамериканских и африканских госу-

дарств и привлечь ресурсы империалистических держав в банк при ограниченном влиянии последних на деятельность этого банка.

По Уставу основной целью АБР является содействие экономическому росту и сотрудничеству азиатских развивающихся стран как на индивидуальной, так и на коллективной основе. В связи с этим банк взял на себя функции привлечения дополнительных финансовых ресурсов в страны Азии, использования этих ресурсов для выполнения программ развития стран этого континента, особенно малых и менее развитых государств; оказания технической помощи при разработке национальных программ экономического развития; стимулирования регионального экономического сотрудничества, включая расширение внутрирегиональной торговли и строительства объектов, имеющих значение для нескольких соседних стран (см. главу I Устава АБР: «Цели, функции и членство», ст. I и II).

При точном и неукоснительном выполнении указанных функций банк мог бы стать важным инструментом регионального экономического сотрудничества в Азии и внести реальный вклад в экономическое развитие азиатских развивающихся стран и территорий. Вступая в члены АБР, последние, собственно, и надеялись на это.

### Соотношение сил в банке

При разработке Устава банка, проходившей при активном участии специального помощника президента США по делам Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, бывшего президента Международного банка реконструкции и развития (МБРР) Ю. Блэка и представителей Японии, первоначальный замысел был подвергнут существенному пересмотру. Ссылаясь на ограниченные финансовые ресурсы развивающихся стран и территорий, представители США и Японии настояли на том, чтобы двери банка были открыты и для неазиатских развитых капиталистических государств. Далее западные эксперты навязали консультативному комитету нарочито расплывчатые формулировки целей и функций банка, что позволило им устранить из Устава важные положения о концентрации усилий банка на развитии регионального экономического сотрудничества и ускорении индустриализации развивающихся государств. Ряд важных предложений азиатских стран был отвергнут<sup>1</sup>. В результате империалистическим державам удалось установить свой контроль над банком и направить его деятельность в выгодное для Запада русло.

Тем не менее администрация банка усиленно рекламирует региональный азиатский характер банка, пытаясь создать впечатление, что хозяевами в банке являются азиатские, прежде всего развивающиеся страны и территории. Бывший президент банка Ватанабе охарактеризовал сложившуюся систему отношений в банке между развивающимися и развитыми капиталистическими странами как «значительный отход от традиционной западной дипломатии»<sup>2</sup>, поскольку якобы 12 развитых капиталистических стран решили подчинить свои интересы нуждам 19 азиатских, преимущественно развивающихся, партнеров. Он же попытался завуалировать ведущее положение США и Японии в банке: «Хотя важно, что эти две страны подписались на значительные суммы акционерного капитала, важно также и то, что ни одна из них, ни обе они,

<sup>1</sup> ECAFE. Regional economic cooperation. Report of the Ministerial Conference on Asian Economic Cooperation. New York, 1964, p. 48.

<sup>2</sup> T. W a t a n a b e. The doors are open. Manila, 1968, p. 54.

вместе взятые, не могут контролировать банк. Количество голосов у каждой из этих стран только немногим больше 17% общего количества голосов. В конечном счете развитие — это прежде всего усилия самих развивающихся наций. Азиатский банк развития, где основная часть капитала предоставлена азиатам, чья штаб-квартира находится в Азии, а президент и большинство директоров и персонала — выходцы из азиатских стран, есть выражение самопомощи азиатов»<sup>3</sup>.

Увы, все эти так называемые региональные признаки АБР далеко не отражают фактического положения вещей.

Поскольку только 20% голосов в банке делятся поровну между странами — членами банка, а остальные 80% распределяются пропорционально индивидуальным взносам в акционерный капитал, развитые капиталистические страны (азиатские и неазиатские) получили в общей сложности 64,66% всех голосов в банке, а на долю азиатских развивающихся стран и территорий осталось лишь 35,34% голосов в банке. Таким образом, по основному вопросу — о соотношении степени участия и влияния в банке между развитыми капиталистическими и развивающимися странами — последние пошли на неблагоприятный для них компромисс, имевший далеко идущие последствия. Несмотря на формально существующее ограничение доли неазиатских стран в акционерном капитале банка 40% этого капитала, хозяевами в банке оказались империалистические державы.

Своеобразие района Азии и Дальнего Востока состоит в том, что здесь развивающиеся страны и территории бок о бок сосуществуют с такими развитыми капиталистическими странами, как Япония, Австралия и Новая Зеландия. Совершенно очевидно, что водораздел между двумя группами стран — членов банка проходит не по географическим (региональным) границам, а по социально-экономическим рубежам. Тождество интересов внутри группы развитых капиталистических стран оказывается значительно сильнее региональной близости указанных трех государств с соседними развивающимися странами и территориями. В банке Япония, Австралия и Новая Зеландия, естественно, блокируются с неазиатскими развитыми капиталистическими странами в ущерб интересам соседних развивающихся стран и территорий.

Сами азиаты отдают себе отчет в том, что отнюдь не они являются хозяевами в банке. «В Азиатском банке развития развивающиеся страны не имеют даже большинства голосов, и их положение в этом отношении немногим лучше позиций развивающихся стран в МБРР»<sup>4</sup>, — так квалифицирует ситуацию в АБР один из индийских экономистов.

Собственно, эту же мысль, но с другой позиции развивает и один из организаторов АБР Ю. Блэк: «Хотя мы (имеются в виду США. — Прим. авт.) будем иметь 17% голосов, я думаю, что не относящиеся к региону страны, а также Австралия, Япония и Новая Зеландия будут иметь идентичные с нами интересы в банке и голосование всегда будет определено благоприятным для нас»<sup>5</sup>.

## **Финансовые операции банка и политическая ориентация АБР**

За истекшие годы АБР продемонстрировал высокую активность как в мобилизации своих финансовых ресурсов, так и в предоставлении займов развивающимся странам и территориям.

<sup>3</sup> T. W a t a n a b e. Paths to progress. Manila, 1970, p. 80.

<sup>4</sup> M. S i n g h. Regional Development banks. New York, 1970, p. 68.

<sup>5</sup> "Asian development bank Act. Hearing before the Committee on foreign relations. United States Senate". Washington, 1966, p. 24.

Таблица № 1

**Доля отдельных стран и территорий—членов АБР  
по состоянию на начало 1972 г.**

Страна	Членский взнос		Условное количество голосов	
	Млн.	доля в % к акцио- нерному капиталу	всего	доля в об- щем ко- личестве голосов
Афганистан	4,780	0,475	1176	0,936
Гонконг	8,000	0,796	1498	1,192
Западное Самоа	0,060	0,006	704	0,560
Индия	93,00	9,250	9998	7,956
Индонезия	25,00	2,487	3198	2,545
Камбоджа	3,500	0,348	1048	0,843
Лаос	0,420	0,042	740	0,589
Малайзия	20,000	1,989	2698	2,147
Непал	2,160	0,215	914	0,727
Пакистан	32,000	3,183	3898	3,102
Папуа и Новая Гвинея	1,380	0,137	836	0,665
Сингапур	5,00	0,497	1198	0,953
Таиланд	20,000	1,989	2698	2,147
Тайвань	16,000	1,591	2298	1,829
Фиджи	1,000	0,100	798	0,635
Филиппины	35,000	3,481	4198	3,341
Цейлон	8,520	0,847	1550	1,234
Южный Вьетнам	12,000	1,194	1898	1,510
Южная Корея	30,000	2,984	3698	2,943
<b>Всего развивающиеся страны и терри- тории</b>	<b>317,820</b>	<b>31,566</b>	<b>45 041</b>	<b>35,845</b>
<b>Австралия</b>	<b>85,000</b>	<b>8,455</b>	<b>9198</b>	<b>7,319</b>
Австрия	5,000	0,497	1198	0,953
Бельгия	5,000	0,497	1198	0,953
Великобритания	30,000	2,984	3698	2,943
олландия	11,000	1,094	1798	1,431
Дания	5,000	0,497	1198	0,953
Италия	20,000	1,989	2698	2,147
Канада	25,000	2,487	3189	2,545
Новая Зеландия	22,560	2,244	2954	2,351
Норвегия	5,000	0,497	1198	0,953
США	200,000	19,894	20 698	16,471
Финляндия	5,000	0,497	1198	0,953
Франция	25,000	2,487	3198	2,545
ФРГ	34,000	3,382	4098	3,261
Швейцария	5,000	0,497	1198	0,953
Швеция	5,000	0,497	1198	0,953
Япония	200,000	19,894	20 698	16,471
<b>Всего развитые ка- питалистические страны</b>	<b>687,56</b>	<b>68,434</b>	<b>80622</b>	<b>64,155</b>
<b>Всего страны и тер- ритории—члены АБР</b>	<b>1005,380</b>	<b>100,000</b>	<b>125666</b>	<b>100,000</b>

Источники: Подсчитано по данным: «Asian development bank. Annual reports for 1967—1972».

К концу 1970 г. страны — учредители банка выполнили свои обязательства по оплате членских взносов в акционерный капитал банка. Несколько стран, вступивших в банк в индивидуальном порядке после 1966 г., также аккуратно оплачивают свои вступительные взносы. К началу 1972 г. банк мобилизовал по подписке около 500 млн. долл., в том числе 400 млн. долл. в конвертируемой валюте. В связи с большим объемом операций совет управляющих банка в ноябре 1971 г. принял решение об увеличении акционерного капитала с 1194,3 млн. до 2985,7 млн. долл. Дополнительная подписка проводится с соблюдением уже сложившихся ранее пропорций между взносами стран — членов банка. В отличие от ранее существовавшего равного соотношения между оплачиваемым и гарантийным капиталом дополнительная подписка состоит из 20% оплачиваемых и 80% гарантийных акций.

Изменено и соотношение между частями взносов, выплачиваемых в конвертируемой и национальной валюте. Если раньше страны — члены банка 50% своих оплачиваемых взносов совершали в золоте и конвертируемой валюте, а вторые 50% — в национальной валюте, то сейчас оплачиваемая часть дополнительных взносов должна состоять на 60% из платежей в национальной валюте и на 40% в золоте и конвертируемой валюте. Оплачиваемая часть дополнительных взносов в акционерный капитал должна поступать в распоряжение банка тремя равными годовыми взносами в 1973—1975 гг.<sup>6</sup> В результате расширения акционерного капитала администрация банка рассчитывает получить в ближайшие годы примерно 300 млн. долл. для предоставления займов на обычных коммерческих условиях<sup>7</sup>.

Вклад прибылей от финансовых операций банка в его обычные ресурсы пока что довольно скромнен, поскольку банк приступил к активным операциям сравнительно недавно. Чистая прибыль банка за 1967—1972 гг. составила 48,7 млн. долл., в том числе в 1967 г. — 2,1 млн. долл., в 1968 г. — 3,5 млн., в 1969 г. — 5,5 млн., в 1970 г. — 11,3 млн., в 1971 г. — 14,6 млн. и в 1972 г. — 11,2 млн. долл.<sup>8</sup> По решению совета управляющих банка вся она зачислена в обычные резервы банка.

Администрация банка считает важным источником пополнения обычных ресурсов банка размещение своих облигационных займов на денежных рынках ведущих капиталистических стран. Для повышения финансовой репутации среди банковских кругов Запада банк создал довольно крупный гарантийный капитал. До конца 1971 г. он составлял 50% акционерного капитала АБР. Сейчас, после увеличения акционерного капитала и удельного веса гарантийного капитала внутри акционерного капитала, гарантийный капитал достигнет почти 2 млрд. долл. Это повышает шансы банка на успешное размещение его облигационных займов в развитых капиталистических странах.

К концу 1972 г. банк получил из этого источника 230,5 млн. долл. Облигационные займы АБР размещены в Японии, США, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Италии, Австралии, Люксембурге и — в незначительных суммах — в азиатских развивающихся странах и территориях.

В настоящее время банк начинает ощущать известную нехватку обычных ресурсов для продолжения своих финансовых операций в уже набранном темпе. Именно этим вызвано увеличение акционерного капитала на 150%, осуществляемое в настоящее время руководством банка. Перспективным направлением пополнения обычных ресурсов банка его

<sup>6</sup> "Asian development bank. Annual report for 1971". Manila, 1972, p. 51.

<sup>7</sup> "Dally Yomiuri", 24.IV.1972.

<sup>8</sup> "Asian development bank. Annual reports for 1967—1972".

руководство считает также и более активное размещение облигационных займов банка на денежных рынках развитых капиталистических государств. Новый президент банка — японский экономист Сиро Иноуэ, приступивший к исполнению своих обязанностей в сентябре 1972 г., в связи с этим считает первоочередной задачей руководства банка «убеждение богатых стран внести большие суммы в банк»<sup>9</sup>.

Как известно, по Уставу банка, его операции с обычными и специальными финансовыми ресурсами осуществляются независимо друг от друга. Из обычных финансовых ресурсов банк предоставляет только коммерческие займы, а из специальных фондов — только льготные займы.

Учитывая строго коммерческий характер обычных операций, финансируемых за счет оплаченного капитала и потому осуществляемых на довольно жестких условиях, а также острую нужду азиатских развивающихся стран и территорий в получении на льготных условиях дополнительной финансовой помощи, банк учредил ряд специальных фондов для финансирования капиталоемких и долгоокупаемых объектов на так называемых «мягких», или льготных, условиях.

До 1972 г. в банке функционировали три специальных фонда. Сельскохозяйственный фонд был создан для финансирования прежде всего мероприятий «зеленой революции». Многоцелевой фонд финансирует усилия азиатских развивающихся стран и территорий в области сельского хозяйства, транспорта и связи, образования и работ по освоению бассейна р. Меконг. Наконец, фонд технической помощи учрежден для финансирования работ по отбору, проектированию и экономическому обоснованию объектов, в строительстве которых желательно финансовое участие АБР.

Финансовые ресурсы фондов складываются из отчисления части (не более 10%) обычных ресурсов банка и дополнительных добровольных кредитов и субсидий стран — участниц банка сверх их взносов в акционерный капитал банка. Наибольшую активность в финансировании специальных фондов АБР проявляет Япония, которая к концу 1972 г. довела свои взносы до 122,6 млн. долл., что составляет более половины средств этих фондов банка. Относительно крупные взносы совершены Австралией, Англией, ФРГ и Канадой. США, несмотря на свои первоначальные намерения активно участвовать в фондах АБР, пока что ограничиваются чисто символическим взносом 1250 тыс. ам. долл. Франция воздерживается от участия в специальных фондах банка.

В целом администрация банка считает взносы развитых капиталистических стран в специальные фонды банка важным источником пополнения финансовых ресурсов банка и побуждает эти страны к расширению их участия. В частности, Япония объявила о своей готовности внести треть средств специальных фондов банка, если США и остальные развитые капиталистические страны внесут остальные две трети средств в указанные фонды<sup>10</sup>. Однако, как видно, и США и западноевропейские капиталистические страны пока что не проявляют особого энтузиазма в этом деле и коллективно внесли в специальные фонды банка примерно столько же средств, сколько одна Япония.

Хотя официальное открытие банка состоялось в декабре 1966 г., он начал свою кредитную деятельность только в феврале 1968 г. Весь 1967 год ушел на организационное становление банка, накопление финансовых ресурсов и изучение потребностей развивающейся Азии в финансовой

<sup>9</sup> "The Asian", 24—30.IX.1972.

<sup>10</sup> Там же.

Таблица № 2  
Динамика предоставления займов АБР в 1968—1972 гг.

	1968г.	1969г.	1970г.	1971г.	1972г.	1968— 1972 гг.
Всего предоставлено займов:						
количество займов	7	20	32	28	32	119
сумма займов (млн. долл.)	41,6	98,1	245,6	254,0	316,1	954,6
в том числе:						
займы из обычных ресурсов						
количество займов	7	14	22	16	16	75
сумма займов (млн. долл.)	41,6	76,1	211,9	202,6	221,8	753,0
Займы спецфондов						
количество займов	—	6	10	12	16	44
сумма займов (млн. долл.)	—	22,0	33,7	51,5	94,3	201,6

Источник: Asian development bank. Annual report for 1972. Manila, 1973, p. 9.

помощи. Свой первый коммерческий заем банк предоставил в феврале 1968 г., согласившись удовлетворить заявку Таиланда на заем в размере 5 млн. долл. для финансирования мелких и средних частных промышленных компаний. В целом администрация банка довольно быстро исчерпала свои возможности по предоставлению коммерческих займов из обычных ресурсов.

Обращает на себя внимание тот факт, что основная масса предоставляемых банком займов направляется в сферу инфраструктуры, а не в сельское хозяйство и промышленность, как этого хотели бы азиатские развивающиеся страны и территории. Из обычных коммерческих займов банка, предоставленных им в 1968—1971 гг., только 6,6% направлено в сельское хозяйство и 11,7 — в промышленность, тогда как в транспорт и коммуникации направлено 23,3, в энергетику — 28,6, в банковскую систему — 23,3 и в строительство систем водоснабжения — 6,5% коммерческих кредитов АБР.

При учреждении банка считалось само собой разумеющимся, что займы банка из обычных ресурсов будут предоставляться сроком не менее чем на 30 лет из 5,5% годовых. На практике условия займов АБР оказались много жестче и дороже обещанных.

В первые годы банк взимал за свои займы 6,8% годовых, а с 1970 г. поднял ставку годового процента по своим займам до 7,5%. Это одна из самых высоких банковских ставок, взимаемых сейчас международными финансовыми организациями капиталистического мира. Что касается сроков погашения коммерческих займов АБР, то и в этом отношении банк не выполняет своих первоначальных обещаний. Банк предоставляет коммерческие займы на срок не более 20 лет, причем довольно значительная часть его займов подлежит погашению в течение 12—15 и даже 8—10 лет.

К началу 1972 г. из 19 азиатских развивающихся стран и территорий, входящих в состав банка, только 9 получили коммерческие займы банка. Индия добровольно отказывается от получения займов АБР; Афганистан, Фиджи, Западное Самоа и Папуа, а также Новая Гвинея либо недавно вступили в члены банка и поэтому не успели заключить соглашение о получении займов, либо воздерживаются от принятия коммерческих зай-

мов на том основании, что они относятся к разряду малых и менее развитых стран и ожидают от администрации АБР льгот при предоставлении им займов. Индонезия, Камбоджа, Лаос и Южный Вьетнам претендуют исключительно на льготные займы банка под предлогом валютно-финансовых трудностей или нестабильности политической ситуации на своих территориях.

Географическое распределение коммерческих займов банка весьма красноречиво говорит о политических симпатиях администрации банка. Больше всего коммерческих займов получили такие члены АБР, как Южная Корея и Тайвань (к началу 1973 г. соответственно 197,3 и 100,4 млн. долл.). Далее следуют Филиппины (101,8 млн. долл.), Сингапур (91,4 млн. долл.), Малайзия (79,6 млн. долл.), Таиланд (75 млн. долл.), Пакистан (67,1 млн. долл.), Шри Ланка (13 млн. долл.), Непал (2 млн. долл.). Как видно, дозировка коммерческих займов банка довольно точно отражает все оттенки внешнеполитической ориентации получателей займов.

До настоящего времени  $\frac{1}{3}$  всей суммы льготных займов приходится на долю Индонезии, которая пользуется особым расположением нынешней администрации банка. Остальные азиатские страны и территории получили из специальных фондов банка сравнительно незначительные суммы, как правило, не превышающие 10 млн. долл.

Несмотря на настойчивые просьбы представителей многих азиатских стран об оказании им финансовой помощи на льготных условиях, руководство банка в целом ограничивает распределение ресурсов специальных фондов. Об этом, в частности, свидетельствует наличие крупных остатков на счетах спецфондов. В 1969 г. эти остатки составили 46,1 млн. долл., в 1970 г. — 67,7 млн. и в 1971 г. — 64,4 млн. долл. Довольно медленно осваиваются и уже предоставленные льготные займы банка.

Не в последнюю очередь это объясняется характером льготных займов, которые целиком или преимущественно расходуются в странах-донорах специальных фондов. В прошлом последние обуславливали свое участие в специальных фондах обязательным использованием предоставленных займов исключительно в странах-донорах. После длительных дискуссий, в ходе которых представители азиатских стран настаивали на снятии этого условия, была выработана компромиссная формула, согласно которой займы из специальных фондов должны расходоваться в странах-донорах и других странах, участвующих в финансировании этих фондов, и в развивающихся странах и территориях, участвующих в банке. Ясно, что в данном случае основная масса льготных займов по-прежнему расходуется на рынках узкой группы развитых капиталистических стран, поскольку развивающиеся страны пока не могут с ними конкурировать при размещении заказов под предоставленные льготные займы.

Весьма показательно и функциональное распределение льготных займов. Пользуясь свободой действия при выборе объектов, финансируемых за счет специальных фондов банка, ведущие империалистические державы пытаются законсервировать специализацию азиатских развивающихся стран и территорий на производстве сырья, затормозить индустриализацию и создать выгодные условия для активизации местного и иностранного частного капитала в экономике.

В целом, предоставив развивающейся Азии займы на довольно крупную сумму, администрация банка вынуждена признать, что лишь незначительная часть банковских займов уже поступила в распоряжение стран-получательниц<sup>11</sup>.

<sup>11</sup> "The Asian", 24—30.IX.1972.

## Серьезные претензии

За пять лет участия в АБР азиатские развивающиеся страны и территории накопили много претензий к нынешнему руководству банка.

В принципе они признают ценность АБР как источника получения дополнительных внешних финансовых ресурсов для нужд экономического развития региона. Внеся в акционерный капитал банка в общей сложности 158,9 млн. долл., развивающаяся Азия за 1968—1971 гг. получила в качестве займов от банка 638,5 млн. долл. В своих финансовых отношениях с банком большинство развивающихся стран и территорий района имеет положительное сальдо, однако нельзя забывать, что эти средства предоставлены в займы и в свое время должны быть возвращены банку. Вместе с тем нельзя забывать, что приток внешних средств в регион на двусторонней основе в целом идет на убыль и банк лишь частично компенсирует эту убыль.

Если сразу после создания АБР руководство банка критиковалось только за медлительность в развертывании кредитных операций, то по истечении пяти лет азиатские развивающиеся страны и территории предъявляют банку весьма серьезные претензии.

На совещании совета управляющих весной 1972 г. развернулись довольно резкие дискуссии между представителями развивающихся и развитых стран по таким аспектам деятельности банка, как роль АБР в экономическом развитии Азии, регулирование специальных фондов банка, размеры акционерного капитала и вероятные источники его пополнения<sup>12</sup>. По мнению индийского представителя, банк должен привести свою деятельность в соответствие с новым подходом Азии к проблемам экономического развития, согласно которому приоритет сейчас отдается улучшению условий жизни огромных масс обездоленных, беднейших слоев населения. В этих условиях банк не может ограничивать свою деятельность только предоставлением займов на обычных коммерческих условиях и должен в нарастающих масштабах предоставлять займы на льготных условиях, дифференцированно подходя к странам с различным уровнем социально-экономического развития при распределении льготных займов и особо учитывая интересы малых и менее развитых стран региона<sup>13</sup>.

Представители азиатских развивающихся стран и территорий все определеннее настаивают на том, чтобы банк принимал активное участие в финансировании строительства объектов регионального масштаба. За пять лет своей кредитной деятельности банк предоставлял займы, финансируя объекты, имеющие локальное значение для отдельных стран — участниц банка. До последнего времени руководству банка удавалось отклонять просьбы, касающиеся региональных проектов, ссылаясь на то, что содействие экономическому развитию отдельных стран является важным вкладом банка в развитие регионального экономического сотрудничества<sup>14</sup>. В 1971 г. некоторые азиатские страны констатировали, что «до сих пор АБР предоставлял займы преимущественно отдельным странам на базе соглашений с правительствами стран, и выразили надежду, что в будущем руководство банка будет активнее участвовать в строительстве объектов регионального масштаба»<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> "Far-Eastern economic yearbook. 1972". Hongkong, 1972, p. 94.

<sup>13</sup> "National Herald", 27.IV.1972.

<sup>14</sup> M. Singh. Regional development banks. New York, 1970, p. 53.

<sup>15</sup> "Far-Eastern economic review yearbook. 1972". Hongkong, 1972, p. 53, 94.

Ряд малых и менее развитых стран и территорий выражают свое недовольство тем, что нынешняя администрация банка игнорирует их особые нужды, не предоставляя им достаточно крупных займов на льготных условиях. Они критикуют коммерческий подход администрации банка при решении вопросов о предоставлении займов, при котором вполне очевидные преимущества получают более развитые азиатские страны с относительно высокой платежеспособностью. Об этом говорилось, например, на 28-й сессии ЭКАДВ (март — апрель 1972 г.)<sup>16</sup>. Такая политика АБР также является прямым нарушением устава, в котором подчеркивается особая ответственность банка перед малыми и менее развитыми странами и территориями региона. При обсуждении деятельности АБР на 29-й сессии ЭКАДВ (апрель 1973 г.) азиатские развивающиеся страны подчеркивали необходимость активизации его работы в условиях сокращения притока внешних финансовых ресурсов в регион, роста внешней задолженности азиатских развивающихся стран и тяжелых последствий международного валютного кризиса. Представители развивающихся стран рекомендовали администрации банка привлечь дополнительные финансовые ресурсы в его специальные фонды с тем, чтобы предоставлять развивающимся странам Азии больше займов на льготных условиях.

Азиатские развивающиеся страны и территории предъявляют серьезные претензии развитым капиталистическим государствам — членам банка и в связи с жесткими условиями предоставляемых банком займов. Их не устраивают высокий уровень годовых процентов по обычным кредитам банка и относительно небольшие сроки погашения этих займов. Они выступают за увеличение удельного веса льготных займов, предоставляемых из специальных фондов банка, в общей сумме банковских займов развивающейся Азии. По состоянию на начало 1973 г. льготные займы составляют около 21% всех займов, предоставленных банком странам и территориям — получательницам финансовой помощи банка. Представители азиатских стран и территорий настаивают на полном отказе руководства банка и развитых капиталистических стран — доноров специальных фондов банка от принципа «связанности» льготных займов. Нынешняя формула по этому вопросу, согласно которой льготные займы должны расходоваться для закупок в странах — донорах специальных фондов и развивающихся странах — членах банка, не дает последним возможности реализовать полученные займы с наибольшим эффектом, поскольку указанные займы так или иначе расходуются на рынках узкой группы развитых капиталистических государств.

Если резюмировать отношение азиатских развивающихся стран и территорий к нынешней кредитной политике АБР, то можно констатировать, что в принципе они считают своим успехом мобилизацию дополнительных внешних ресурсов по каналам банка, но вместе с тем серьезно критикуют условия, целевое назначение и географическое распределение банковских кредитов.

О разочаровании азиатских развивающихся стран в деятельности АБР свидетельствуют многочисленные предложения о создании новых региональных организаций, так или иначе дополняющих региональный банк развития. Интерес в этом плане представляет предложение о создании азиатского варианта Международного валютного фонда, который должен быть более свободным от давления и вмешательства империалистических держав, чем Азиатский банк развития. Даже в таких странах района,

<sup>16</sup> ECAFE. Press Release No ВК 32/72 (Item 9-ABD-Part-2). Bangkok, 21.III.1972.

как Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Филиппины, которые пользуются расположением руководства банка, существует мнение, что АБР действует далеко не лучшим образом. Об этом, в частности, свидетельствует проект создания в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии корпорации развития АСЕАН, которая по своим принципам, целям и характеру деятельности во многом будет дублировать ныне существующий АБР<sup>17</sup>. Создается впечатление, что предполагаемое создание Азиатского резервного банка и Азиатского платежного союза также призвано нейтрализовать некоторые отрицательные аспекты деятельности АБР.

В конечном счете главной причиной отрицательных аспектов в работе банка является господство империалистических держав в его руководстве. Именно империалистическим засильем в банке объясняется и вполне определенная политическая направленность всей его деятельности.

Вопреки торжественному обязательству банка воздерживаться от руководства политическими факторами в своей деятельности, которое, кстати, зафиксировано в Уставе банка, его администрация при принятии решений зачастую ориентируется на вполне определенные политические мотивы.

Судя по публикациям банка, он намерен проводить политику массированного привлечения иностранного частного капитала, закрепления сырьевой специализации азиатской экономики в международном капиталистическом разделении труда, реформизма в интересах ослабления острых социальных противоречий в азиатских развивающихся странах и территориях.

Подобный курс руководства АБР предполагает сугубо субъективный подход к отдельным азиатским странам и территориям при распределении банковских кредитов, причем решающее значение приобретают отнюдь не экономические, а именно политические мотивы.

Единство империалистических держав в достижении неокOLONиалистских целей не исключает вместе с тем межимпериалистической борьбы за лидерство в банке. Западноевропейские капиталистические страны согласились участвовать в банке по настоятельным рекомендациям США и занимают в нем довольно пассивную позицию. Вклад всех западноевропейских стран в акционерный капитал банка к началу 1972 г. едва достигал 180 млн. долл., то есть был меньше, чем индивидуальные взносы США и Японии. Банк был создан при живейшем участии американо-японского тандема, причем Япония впервые за послевоенный период на равных сотрудничала с США в этом региональном финансовом институте. Об этом свидетельствует тот факт, что и Япония и США внесли в акционерный капитал банка равные и самые крупные среди стран-участниц взносы — по 200 млн. долл. Сейчас этот тандем видоизменился: сидеки поменялись местами и за рулем оказалась Япония, а США спрятались за спину своего партнера. В Азиатском банке развития Япония впервые выступила инициатором создания сельскохозяйственного фонда банка и в 1969 г. внесла в него первые 20 млн. долл., обещав в следующие четыре года довести свой взнос в этот специальный фонд до 100 млн. долл. США, как известно, до сих пор не участвуют в сельскохозяйственном фонде АБР. Многоцелевой фонд банка был создан по инициативе США, которые первоначально намеревались внести в него 200 млн. долл., но в связи с валютно-финансовыми затруднениями пока не внесли ни цента. Япония и здесь перехватила инициативу из американских рук, внося в этот фонд 50 млн. долл. В фонде технической помо-

<sup>17</sup> "The Asian", 12—22.VII.1972.

щи, учрежденном по предложению США и Англии, перевес опять-таки на стороне Японии: ее взнос составляет 11,7 млн., а американский — 1,2 млн. долл. Наконец, по масштабам размещения облигационных займов банка на денежных рынках развитых капиталистических стран Япония также лидирует. Если на японском денежном рынке размещено облигационных займов АБР на сумму 80,5 млн. долл., то на рынке США — только 50 млн. долл. Более того, в 1972 г. японское правительство заявило о своем намерении финансировать  $\frac{1}{3}$  всех займов из АБР<sup>18</sup>.

Таким образом, по всем показателям участия в деятельности банка, за исключением размера членского взноса в акционерный капитал банка, Япония уже обошла США и теперь занимает положение лидера в АБР. Если к этому добавить, что президентский пост в банке вот уже второй срок занимает представитель Японии, а среди персонала имеется большая группа японских специалистов и в последние годы отмечается общая активизация Японии в экономике зоны деятельности банка, то вывод напрашивается сам собой. Естественно, что в этих условиях банк становится каналом преимущественно японского влияния в развивающейся Азии. Это весьма существенный сдвиг в структуре межимпериалистических противоречий в Азии. Это одновременно и проявление новой роли Японии в современной Азии.

\* \* \*

Итак, как уже указывалось выше, сама по себе идея регионального банка при преобладающем влиянии в нем азиатских развивающихся стран и территорий, бесспорно, относится к разряду плодотворных и конструктивных идей, способствующих экономическому подъему молодых независимых государств Азии. Однако этот замысел усилиями западных держав и Японии был извращен и продолжает подвергаться ревизии в ходе практической деятельности АБР. Согласившись с широким представительством неазиатских развитых капиталистических стран еще в период разработки Устава банка, развивающиеся страны и территории уступили инициативу банка империалистическим державам, которые направляют деятельность АБР в выгодное для себя русло.

Деятельность АБР характеризуется также нарастанием противоречий между азиатскими развивающимися странами и территориями, с одной стороны, и империалистическими державами — с другой, причем зоны этих противоречий расширяются. Развивающаяся Азия недовольна японо-американским засильем в банке и рано или поздно придет к выводу о необходимости изменения соотношения сил в банке в свою пользу как путем расширения своего представительства в нем, так и путем привлечения в него действительно дружественных стран, поддерживающих азиатское региональное сотрудничество на демократической и равноправной основе.

Нынешняя практика АБР лишний раз подтверждает, что развивающиеся страны могут добиться успеха лишь путем консолидации своих сил, решительной активизации своей политики внутри таких органов международного экономического сотрудничества, как АБР. В борьбе за свои жизненные интересы развивающиеся страны всегда найдут поддержку у стран мировой социалистической системы.

<sup>18</sup> "Daily Yomiuri", 24.IV.1972.

## Мелкобуржуазная сущность маоистских концепций социального равенства

---

*А. М. Арзамасцев,  
кандидат философских наук*

Осуществляя свои авантюристические планы экономического и социального переустройства общества, маоисты широко эксплуатируют стремление китайских народных масс к установлению социальной справедливости. Но, обещая народу построить в короткие сроки общество «десятитысячелетнего счастья», пекинские руководители менее всего были склонны принимать в расчет социально-экономические условия, существующие в стране. Они пошли по иному пути.

Практически достижение столь желанных идеалов справедливости и равенства выразилось в попытках установления уравниловки в распределении, насильственного преодоления различий между городом и деревней («и рабочий, и крестьянин»), между умственным и физическим трудом («трудовое перевоспитание интеллигенции»), в восхвалении бедности, в осуществлении «коммунизации деревни» без подведения под сельскохозяйственное производство хотя бы минимальной технической базы, наконец, в регламентации жизни всех членов общества в самых мельчайших подробностях.

Выдавая свои концепции «равенства» за коммунистический образец, маоисты утверждают, будто Китай является первой социалистической страной, где так полно осуществляются вековые чаяния народа. Свой опыт преобразования общественных отношений в «непосредственно коммунистические» маоисты рекламируют в качестве образца для стран «третьего мира». Они утверждают, что их метод наиболее эффективен и позволяет быстро и радикально решать социальные задачи молодых государств.

Представляется целесообразным произвести анализ теории и практики маоизма в области решения некоторых фундаментальных проблем преобразования общества. Уже с первого взгляда бросается в глаза, что пекинские руководители решительно отбросили научное решение проблемы равенства, которое было дано марксизмом. Объяснив причины возникновения частной собственности, классов, классовых привилегий и государства — тех институтов, наличие которых свидетельствует о состоянии социального неравенства между людьми, марксизм доказал, что классовое деление общества является продуктом социального развития. При этом классовая дифференциация приводит к появлению на капиталистической стадии острейших противоречий антагонистического характера, а капиталистическое производство создает реальные предпосылки для уничтожения антагонистических классов. Упраздняет же их социалистическая революция, осуществить которую призван класс пролетариев. На этом заканчивается эпоха эксплуатации и неравенства и

начинается переход к коммунистической формации, к полному социальному равенству. «...Мы, — писал В. И. Ленин, — ставим себе целью равенство как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель»<sup>1</sup>.

Понятие социального равенства с точки зрения исторического материализма характеризует такое состояние общественных отношений, когда отсутствуют как узаконенные, так и «скрытые» привилегии, ставящие одних людей выше других в обладании собственностью, в распределении материальных благ, в получении образования, в выборе профессии и т. д. Равенство, обусловленное уровнем развития производительных сил, для каждого периода истории становления коммунистической формации является конкретным.

Социализм, как первая ступень коммунизма, не позволяет еще осуществить полное равенство в сфере распределения предметов потребления. При социализме действует принцип оплаты по труду, а не по потребности. Но такое состояние не останется вечным. «И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, — указывал В. И. Ленин, — перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому...»<sup>2</sup>. Следовательно, полное социальное равенство достижимо лишь в процессе длительного исторического развития. Такова научная, марксистско-ленинская точка зрения в этом вопросе. Она прямо противостоит взглядам утопических коммунистических воззрений, представителями которых были в свое время Томас Мор, Кампанелла, Бабеф, Кабе и др. С точки зрения последних, осуществление равенства возможно в любой исторический момент. Связь общественных отношений с производством, по мнению таких идеологов, не носит обязательного характера. Равенство между людьми утописты обуславливают прежде всего организацией распределения, которая в свою очередь полностью зависит от воли господствующих в обществе кругов. Революция делает возможным — и в этом, по мнению утопистов, состоит ее главное назначение — передать руководство распределением в руки самих трудящихся, то есть их представителей. А после этого производство, пусть даже самое архаичное, сможет удовлетворить нужды всех членов общества.

В свое время учения и взгляды идеологов утопического социализма и коммунизма носили прогрессивный характер. Однако после создания теории научного коммунизма ясно обнаружилась их ограниченность и их несоответствие процессам развития общества. В наши дни попытки возврата — теоретического и практического — к идеалам преднаучного утопического социализма и коммунизма выглядят по меньшей мере странными и анахроничными. Однако многие положения утопического коммунизма — в искаженной и модифицированной, а нередко и доведенной до абсурда форме, — по существу, лежат в основе теории и практики маоистских социальных преобразований в Китае.

Создание системы «народных коммун» при полном отсутствии материальных предпосылок для осуществления перестройки крестьянского хозяйства, базирующегося на примитивнейшей технике, явилось одним из убедительнейших свидетельств ухода маоистов от марксизма-ленинизма в стан мелкобуржуазного утопизма. Столь же малореали-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 353.

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

стической оказалась и провозглашенная политика «большого скачка», который, увы, не привел к ожидавшемуся бурному росту производства.

И вот тогда с особой настойчивостью в политике пекинских руководителей зазвучали ноты о том, что установление равенства не нуждается в развитом производстве. Его наступление связывалось с признанием бедности естественным состоянием человеческой жизни. «Шестисотмиллионное население Китая, — заявил Мао Цзэ-дун, — заметно отличается своей бедностью. На первый взгляд это плохо, а фактически хорошо»<sup>3</sup>. Бедность — это та сила, которая приведет людей в царство полного равенства. Путь в него представляется Мао Цзэ-дуну как путь морального очищения от излишних материальных и духовных запросов, возникших в условиях частнособственнического общества и продолжающих угнетать людей капиталистического, а также якобы и развитого социалистического мира. Когда китайский народ преодолеет пережитки «излишества запросов» и научится довольствоваться немногим, тогда-то, мол, и исчезнут последние классовые различия и все станут равны.

Ориентация маоизма на бедность не нова. К примеру, немецкий утопист В. Вейтлинг, живший в прошлом веке, считал, что если бы «...все люди на земле жили коммуной и были воспитаны в ней, то все они, даже если бы мясо и вино доставались им только раз в неделю, были бы свободнее и более довольны жизнью, чем привилегированные при нынешнем неравенстве»<sup>4</sup>.

Мао Цзэ-дуну вряд ли известно имя Вейтлинга, но в основе его мегодов лежат заимствованные из древнекитайских источников (утопическая идея «датун» и т. д.) аналогичные воззрения, механически переносимые из прошлых веков в нашу эпоху.

Равенство, считали утописты — как китайские, так и западноевропейские, — будет прочным, если установить всеобщий минимум, способный удовлетворить самые насущные потребности людей в питании, одежде и жилье, но не более. Человек, располагающий только лишь самым необходимым для жизни, будет лишен возможности что-либо потратить, продать, точно так же как и другой — что-либо приобрести, купить. Этот минимум, таким образом, будет служить прочным барьером на пути возникновения привилегий и неравенства.

Ориентация на бедность является основной предпосылкой мелкобуржуазного равенства. Из нее с необходимостью вытекает принцип уравниловки и регламентации жизнедеятельности людей. В системе такого равенства человек должен отказаться от целого ряда потребностей, выходящих за рамки установленного уравнительного минимума, независимо от того, какие запросы — материальные и духовные — возникли в ходе развития той социальной группы трудящихся, к которой он принадлежит.

Осуществление так называемого «абсолютного равенства» началось в КНР с тотальной «коммунизации». Поскольку крестьянство было объявлено самым революционным классом общества, то «коммунизироваться» вначале должна была деревня, а затем за ней должен был последовать город. Существовавшие ранее кооперативная собственность, а также приусадебные участки крестьян и их личная собственность были переданы в распоряжение коммун. Каждый ее член был уравнен в имущественном отношении с другими. Ожидалось, что люди, поставленные в одинаковые условия, будут заботиться только об

<sup>3</sup> «Хуши», 1958, № 1.

<sup>4</sup> В. Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. М.—Л., 1962, стр. 76.

увеличении общего блага коммуны, поскольку между ними теперь не могло возникнуть каких-либо недоразумений, зависти и т. д., как это имело место в прошлом, когда каждый стремился к личному благополучию.

Однако создание такой «коммунизированной» собственности, базирующейся на мелкокрестьянском производстве с его ручным трудом, не могло стать прочным и жизненным. Сейчас, как и в канун «коммунизации», китайское сельское хозяйство остро нуждается в техническом перевооружении, в создании материальных условий для действительного развития по социалистическому пути. Но маоистское руководство, взявшее курс на милитаризацию страны, продолжает игнорировать неотложные нужды деревни, предлагая ей «опираться на собственные силы». «Равенство» на почве всеобщей бедности продолжает сохраняться, и этому не видно конца.

Объектом «обобществления» являются, как считают маоисты, и люди, поскольку «освобождение» человека трактуется как утрата личностных прав. Его забота о собственном достоинстве и счастье нарушила якобы до сих пор гармонию коллективной жизни. Человек больше заботился о себе, чем о товарищах, истинный же коллективизм требует полного растворения личности в коллективе, лишения ее автономии. Центром материальной и духовной жизни человека должна стать коммуна. Она будет являться единым представителем всех объединенных ею лиц, их коллективным разумом и коллективной волей. В этих условиях личное только помешало бы нормальному функционированию целого. Чем полнее индивид отрешится от личных устремлений, чем полнее проникнется интересами своего коллектива, тем быстрее он почувствует свое освобождение. Не стесняемый личными заботами, пожившись во всем на свой коллектив, он всецело посвятит себя выполняемой работе. В идеальном случае внутренний мир одной личности должен быть идентичен миру другой. Отсутствие между ними каких-либо материальных и духовных различий даст им возможность теснее сблизиться друг с другом, лучше понять друг друга, по-настоящему почувствовать теплоту братских уз и вместе проникнуться ощущением безграничной благодарности своей коммуне, уезду, отечеству и лицам, стоящим во главе их.

При подобном полном слиянии, считают маоисты, потеряют смысл старые представления о личном счастье, о личном благополучии и т. д. Появятся качественно новые представления о смысле жизни. Чувство удовлетворения человек будет испытывать от одной только сопричастности к общему счастью своего коллектива.

Таким образом, система новых маоистских «коммунистических» отношений основана на предположении, что человек согласится быть простым «кирпичиком» в возводимом здании «народной коммуны». Совокупность таких унифицированных «кирпичиков» должна составить монолитную семью с единой волей и едиными помыслами. С искоренением личных интересов, то есть индивидуализма в маоистской интерпретации, будет убрана последняя преграда с дороги равенства.

Создание «нового человека», полностью подчиненного физически, социально и духовно своей коммуне, — требование невыполнимое. Оно равносильно попытке воскресить старое положение индивида, каким оно было на заре становления человеческого общества, когда он ни в своей деятельности, ни в своем сознании не выделял себя из родовой целостности. Добиваться такой архаической «аннигиляции» личности и растворения ее в общей, безликой массе у человека XX века, если им даже будет самый отсталый китайский крестьянин, — значит пе-

чертить всю историю мирового развития от низшей фазы к высшей. Невозможность сопротивления людей такой установке делает ее чистой-чистой утопией.

Уравнительность в потреблении выразилась в КНР в фактическом отказе от социалистического принципа распределения по труду и в замене его принципом «рационально установленной низшей заработной платы». От первых попыток ввести во всех коммунах систему распределения «по потребности» (70% крестьян вначале питались в артельных столовых; некоторые коммуны «бесплатно» предоставляли такие услуги, как обучение детей, лечение, отопление жилищ, устройство свадеб и похорон) пришлось отказаться как от не отвечающих условиям развития страны. Однако отрезвление с провалом «коммунизации» не было полным. Гегемонистские амбиции вскоре привели маоистов к другой крайности — к политике «затягивания поясов».

Начиная с «культурной революции» и по настоящее время маоисты осуществляют жесточайший режим экономии. Это выразилось в установлении минимальной заработной платы, в отмене премиальных надбавок, в запрещении праздничных трапез, ношения модной одежды, обуви, использования косметических средств и пр., в отказе от государственного финансирования местных нужд здравоохранения, образования и т. д. Падение производительности труда, вызываемое потерей у работника материальной заинтересованности в его результатах, заставляет маоистов частично восстанавливать социалистические формы материального поощрения. Однако в целом взятый курс сохраняется. Его морально оправдывают при помощи восхваления бедности. Аскетическая неприхотливость, нетребовательность в еде, равнодушие к житейским невзгодам, презрение к материальному комфорту объявляются чертами подлинного революционера, коммунистического подвижника.

Сколочиваемые при помощи такой «экономии» средства направляются на развитие военной промышленности.

Равенство в труде осуществляется путем военизации труда и создания трудовых армий. Физический труд обязателен для всех. Наиболее тяжелые физические работы по предписанию властей выполняются в порядке трудовых повинностей, поочередно всеми трудоспособными гражданами. Огромные трудовые армии перебрасываются из одной провинции в другую на строительство оросительных систем (например, весной 1958 г. на ирригационные работы было мобилизовано 100 млн. крестьян), рытье котлованов для строящихся заводов, выплавку металла, добычу угля и т. п. В период так называемой «культурной революции» нередко на работу людей выводили строем с развернутыми знаменами: взводом, ротой, батальоном. Так создавалась иллюзия общности, сплоченности, равенства.

Во всей этой политике ничего от подлинного коммунизма нет. Культ всеобщей повинности — непременно участвовать в физическом труде — показывает лишь, что идеалы мелкобуржуазного коммунизма во многом возрождают общинно-крестьянские традиции. «Муравьино-подобное» равенство в труде копирует и абсолютизирует простую кооперацию ручного производства. Невозможно и думать, что такой труд может стать творческим. Решение современных технических задач для него непосильно. Поскольку же военизация труда находится в неразрывном единстве со всеми другими мелкобуржуазными установками, вряд ли можно сомневаться в том, что она не относится к числу временных.

На основе грубой уравнительности решается маоизмом и проблема соотношения между физическим и умственным трудом. Мелкобуржуазная ограниченность отчетливо проявилась здесь в отрицании высших

проявлений культуры, в принижении умственного труда в целом и особенно труда гуманитарной интеллигенции. В годы «культурной революции» пекинские идеологи открыто выступили против искусства, создаваемого профессиональными художниками, писателями, певцами, артистами и т. д. «Победившему пролетариату, — писала «Жэньминь жибао», — не нужны профессиональные писатели, артисты, композиторы и художники. Ему нужны наполовину писатели — наполовину рабочие, наполовину артисты — наполовину солдаты, наполовину художники — наполовину крестьяне»<sup>5</sup>.

Нечто подобное мы уже встречали в истории. Многие представители старого «уравнительного коммунизма» относили сочинение книг, театральные представления, создание музыкальных произведений к числу бесполезных занятий, ведущих к появлению ложных потребностей, и надеялись, что государство победившего народа издаст специальные законы против роскоши, а также лиц, избравших искусство в качестве основной деятельности. Искусство, думали они, может стать народным, массовым и доступным для всех лишь при условии, что каждый займется им в меру своих сил и способностей в свободное от физической работы время. «Доступности» при этом мыслилось достигнуть путем упрощения, принижения уровня искусства до сознания деревенского обывателя.

Практическая деятельность маоистских идеологов в области художественного творчества в этом смысле зашла гораздо дальше, чем это представляли себе их предшественники из числа мелкобуржуазных утопистов. За устранением профессионализма в культуре последовал пересмотр школьных и институтских программ с целью удаления из них «излишнего знания». Во всех учебных заведениях сократился срок обучения, значительно уменьшилось количество изучаемых дисциплин. Прекратили свое существование многие газеты, журналы, издательства, закрылись творческие объединения художников, композиторов и т. д. Работники культуры ссылаются в деревню на «трудовое перевоспитание». Там, находясь среди крестьян, выполняя одинаковую с ними работу, одинаково питаюсь, интеллигент должен преодолеть свою «испорченность», лучше узнать жизнь и обрести здоровую крестьянскую закалку. Только тогда, твердят маоисты, когда интеллигенция полностью растворится в гуще народа, исчезнет как особая общественная прослойка, можно будет говорить об окончательном устранении различий между физическим и умственным трудом.

Очевидно, что вульгарное, механическое, насильственное решение проблемы соотношения роли умственного труда и физического труда в социалистическом обществе не имеет ничего общего с действительным устранением неравенства между ними.

Марксистский подход к этой проблеме принципиально отличен от маоистского. Важнейшими условиями преодоления различий между физическим и умственным трудом, как это доказала теория и показала практика строительства коммунистического общества в СССР, являются, во-первых, создание материально-технической базы коммунизма на основе достижений научно-технической революции и, во-вторых, повышение культурно-технического и общеобразовательного уровня всех рабочих и крестьян до уровня интеллигенции. Действенность этих факторов неоспорима.

Для создания общества всеобщего равенства маоистам предстояло устранить еще одно неравенство — неравенство между городом и дерев-

<sup>5</sup> «Жэньминь жибао», 22.II.1966.

зей. Оно, по их мнению, проистекает в первую очередь от того, что город полностью устранился от занятия сельским хозяйством, переложив на плечи деревни все тяготы нелегкого крестьянского труда. «Коммунизация» устраняет, дескать, эту несправедливость и создает качественно новую организацию жизни, где каждый член общества должен поочередно заниматься то промышленностью, то сельским хозяйством, а то и торговлей, и образованием, и военным делом. Выполнение индивидом различных видов работ устранил, утверждают маоисты, порабощающее подчинение его определенному роду деятельности, возникшее в условиях частнособственнического разделения труда.

Уравнительность и здесь проявилась со всей очевидностью. Промышленность Китая далеко еще не достигла того уровня, который требует всесторонне развитых работников. Пресловутый принцип, выраженный в формуле «и рабочий, и крестьянин», предполагает возможность неограниченной переброски людей с предприятий в сельское хозяйство и обратно. В системе казарменного китайского коммунизма «всесторонне развитый человек» — это человек, который может и обязан выполнять различные повинности, поскольку при этом требуется по преимуществу применение ручного физического труда. Однако что означает для рабочего, посылаемого в деревню на сельскохозяйственные работы, равно как и для крестьянина, направляемого в город на неквалифицированную работу, внезапное изменение уклада их жизни? Крестьянин остается крестьянином, рабочий — рабочим. Каждый из них знает, что новое занятие является временным и что он занимается все своим делом и не по своей воле. Возвращение к основной работе, к семье и обжитому месту становится их основной заботой. И здесь уже не может быть и речи о заинтересованности в работе и, следовательно, о повышении производительности труда.

Маоистский вариант установления «равенства» между городом и деревней представляет на деле попытку компенсировать технико-экономическую отсталость производства физической силой многомиллионных трудовых армий: в сельском хозяйстве — путем увеличения численности занятых в нем рабочих рук за счет рабочего класса и городской интеллигенции, в промышленности — путем привлечения крестьянства, однако без последующего перевода крестьянских масс в ряды кадрового пролетариата. Подобная практика, став в жизни Китая постоянно действующим фактором, не способствует техническому прогрессу, поскольку ведет к деквалификации, к утрате производственного опыта у всех мобилизованных в трудовую армию людей. О равенстве же между рабочим и крестьянином в данном случае можно говорить лишь как о равенстве волов, запряженных в одну повозку.

Ни в коей мере не ожидая, что их идеи будут в уродливо-искаженной форме подхвачены в XX в. утратившими чувство реальности идеологами и практиками маоизма, к более или менее аналогичному (если отвлечься от эксцессов) решению названной проблемы, призывали в свое время некоторые утописты прошлых веков. Равенство между городом и деревней будет твердо установленным, думали они, если к занятию земледелием привлечь все трудоспособное население. Одни из них предлагали ликвидировать деревню и сосредоточить всю жизнь в городе, введя всеобщую сельскохозяйственную повинность. Другие настаивали на ликвидации городов и расселении всех по деревням, где каждый бы занимался и земледелием и ремеслом. Незрелость машинного производства не давала возможности проникнуть глубоко в мироустройство ожидаемого коммунистического общества и породила у подобных «провидцев» чисто умозрительные концепции.

Претворение в жизнь всех предлагавшихся утопистами начинаний должно было привести к созданию новых коммунистических отношений, без привилегий и неравенств. Все и во всем равны, каждый получает в соответствии с возрастом причитающийся паек, поровну делит тяготы физического труда и так далее. Однородность положения должна была породить у всех чувство братской привязанности.

Но полнота и справедливость такого равенства иллюзорны. Способности и потребности людей не были и никогда не будут одинаковыми. Развиваясь и вырастая, они, однако, тождественными не станут. Марксистское понимание равенства не имеет ничего общего с вульгарными представлениями о нем как об арифметическом дележе материальных благ. Уравнивать людей утопическими методами — значит обезличить их, превратить в единообразную массу, состоящую из скроенных по одной мерке индивидов со стандартизированным поведением, вкусами, потребностями, сознанием. Сущность же истинно коммунистического равенства заключается в том, чтобы дать каждому человеку одинаковую возможность проявлять свои способности и задатки, насколько для него это возможно, проявлять не за счет подавления и эксплуатации других членов общества, а на основе таких развитых материальных условий, которые в состоянии обеспечить свободное развитие личности.

Уравнивательность, как примитивная система равенства, не вызываемая в условиях Китая экономической необходимостью, существует на основе всеобщего принуждения. Оно неизбежно, поскольку всякое уравнивание неравных по своим физическим и интеллектуальным качествам людей означает ограничение их потребностей и стремлений рамками навязываемого сверху стандарта. Поэтому грубая уравниловка во всех областях общественной жизни страны и деспотический режим не случайное сочетание. Установление уравнивательных отношений возможно только при установлении военно-бюрократического управления.

Ширмой, прикрывающей деспотизм, служат сохранившиеся и оживляемые маоизмом идеалы старого крестьянского утопического коммунизма. Это дает ему возможность облекать свою власть в соответствующую такому идеалу форму «отеческого» управления. Сколачиваемое ими «коммунистическое» общество пекинские теоретики пытаются изображать как одну большую семью, управляемую вождем. В основе подчинения ему и почитания его лежит преданность — преданность не как высшему администратору, а как отцу семьи и старшему брату. Отец для своих детей не враг. Он делает так, чтобы всем было хорошо. В таком идеологическом обрамлении культ личности Мао Цзэ-дуна воспринимается рядовой массой как нечто заложенное в самые основы бытия. Царящие в обществе отсталость и патриархальщина являются питательной средой для распространения поклонения «отцу» и безропотного отношения к его предначертаниям.

Но неумолимый ход жизни делает для маоистов попросту невозможным в полном объеме реализовать свою уравнивательную мелкобуржуазную утопию. На практике они вынуждены прибегать к некоторым социалистическим принципам хозяйствования. В то же время пекинское руководство отнюдь не собирается отказаться от того, чтобы иметь послушную армию «винтиков» и «буйволов». Поэтому утопия «равенства» приобретает характер социальной демагогии. Все заявления маоистов о равенстве не что иное, как блеф, призванный придать благопристойность их авантюристической практике.

Обещанные маоистами при введении «народных коммун» блага превратились в свою противоположность: полное равенство — в полное бесправие; отеческое управление — в деспотизм; авторитет вождя — в культ его личности; коммунизм — в тоталитарный режим.

Уравнительность не ограничивается в маоизме указанными областями. Она проявилась также в форме скрытого примиренчества по отношению к эксплуататорским классам. Крайняя революционность на словах прекрасно уживается в сегодняшнем Китае с терпимым отношением на практике к собственной буржуазии. Уже третье десятилетие идет так называемый «выкуп» национализированных буржуазных предприятий, третье десятилетие бывшие владельцы продолжают получать узаконенную прибыль. Гарантии столь прочны, что их не поколебали даже вихри «культурной революции». Здесь в невысказанном виде присутствует надежда на классовый мир, на уравнивание классов в экономическом, политическом и культурном плане. В свое время с подобной программой выступал Бакунин. Критика ее К. Марксом известна: «Допускать, с одной стороны, сохранение существующих классов, а с другой стороны, равенство представителей этих классов — эта вопиющая нелепость сразу показывает бесстыдное невежество и верхоглядство этого молодчика...»<sup>6</sup> (Бакунина. — А. А.)

Маоистский режим со всей очевидностью пользуется поддержкой приспособившейся к нему национальной буржуазии. Что это — результат «перевоспитания»? Отнюдь нет. Скорее наоборот — национальная буржуазия, которая продолжает руководить своими «бывшими» предприятиями, в силу этого оказывается в состоянии влиять на политическую жизнь страны. Невольно напрашивается предположение о негласном сговоре между властями и национальной буржуазией.

Истории уже известен один пример сговора, который обошелся миру в миллионы человеческих жертв. Главари национал-социалистической фашистской партии сперва не меньше «проклинали» эксплуатацию и капиталистов, чем это делают сейчас маоисты, а потом мирно зажили с ними под одной крышей, вместе ковали оружие войны, вместе мечтали о «Великой Германии». Понятным для обеих сторон языком был великодержавный национализм. Выгода союза была обоюдной. Мелкий буржуа манипулировал «социалистическими» лозунгами, рассчитывая загипнотизировать массы, крупный — капиталом, умением управлять современным промышленным производством.

В Китае есть и то и другое. Возможность такого союза реальна. Как далеко пойдут в этом направлении маоистские руководители, покажет будущее. Сегодня же они идут по пути раздувания великоханьского шовинизма и, в сущности, к осуществлению тех идеалов буржуазии, которые она не смогла реализовать в свое время.

Еще более наглядным свидетельством «классовой терпимости», наносящей прямой вред классовой борьбе трудящихся всего мира, является внешняя политика маоистов. Так, они громко проклинают колониализм, но безропотно мирятся с тем, что какие-то части их земли продолжают оставаться на положении иностранных колоний; резко осуждают империализм и одновременно заигрывают с ним; разглагольствуют о строительстве социализма и даже коммунизма в своей стране и враждебно относятся к социалистическим странам, и в первую очередь к СССР.

Марксистскому делению мира на две социально-экономические системы маоисты противопоставляют свое неклассовое деление. Мир для

<sup>6</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 563.

них делится не на капитализм и социализм, а прежде всего на страны «богатые» и «бедные». Отношения между СССР и США носят, по их мнению, не классовый характер, а представляют собой лишь простое соперничество «двух сверхдержав» за сферы влияния в странах «третьего мира».

Уповая на классовое сотрудничество с собственной буржуазией, маоисты допускают такую возможность и для мира в целом. Вопросы классовой борьбы с империализмом становятся для маоизма чем-то второстепенным. Это в свою очередь ведет к политике беспринципного лавирования, торга, раскола и прямого предательства интересов социализма и пролетарского интернационализма.

Игнорирование классов, мир с эксплуататорами — это тот мостик, та теоретическая платформа, где «левый» и правый ревизионизм теряют свои отличительные признаки и смыкаются между собой. Но примиренчество их носит избирательный характер. О сближении с господствующим классом может говорить лишь тот класс, интересы которого или приближаются по ряду основных моментов к интересам этого класса, или который стремится занять положение последнего и достичь близких им обоим целей новыми средствами. Поэтому оборотной стороной политики классового мира является открытая враждебность к тем классам и общественным группам, которые занимают непримиримые классовые позиции. В настоящий момент эта политика выступает в форме антисоветизма. Правый и «левый» ревизионизм открыто не желает «уравняться» с социализмом и объявляет ему войну. Ибо сам факт существования социализма, успешно осуществляющего свое развитие на базе марксизма-ленинизма, убедительно демонстрирует бесперспективность ревизионистского пути.

Антисоветизм, ставший стержнем внутренней и внешней политики маоизма, включает в себя не только идеологическую борьбу. В нем вполне отчетливо различимы раздающиеся в адрес СССР прямые военные угрозы. Но все это свидетельствует о классовом перерождении людей, стоящих у власти в Пекине, об отступничестве их от целей и идеалов народной революции в Китае.

\* \* \*

Провозглашенный мелкобуржуазными лидерами Китая в конце 50-х годов «новый» способ коммунистического переустройства общественной жизни продемонстрировал миру, и прежде всего народам развивающихся стран, свою полную несостоятельность. Уравниловка и бедность, рекламируемые маоистами как путь к «революционному равенству» и «освобождению» личности, а на деле ставшие формой всеобщего закабаления масс, не только не вызвали ожидаемого бурного экономического и культурного подъема, но и значительно затормозили тот подъем, который наметился в первые послереволюционные годы. Вместо обещанного рывка вперед произошло топтание на месте, вместо «десятилетия счастья» воцарились порядки каторжной тюрьмы. Единственным приобретением и «богатством» стала растущая военная мощь, которая должна «примирять» рядовых людей с тяготами жизни и лишениями.

Итак, попытку утвердить в Китае систему «казарменного коммунизма» не следует относить к неким временным «отклонениям» от марксизма. Подобная практика, как показывает действительность, призвана служить далеко идущим целям, для которых руководящими принципами являются оголтелый шовинизм и гегемонистские устремления весьма широкого диапазона.

## Отто Браун: Как Мао Цзэ-дун шел к власти

Интервью

Почти полвека отделяют нас от того времени, когда в невиданных масштабах развернулась борьба китайского пролетариата и крестьянства против сил внутренней и внешней реакции, за национальное и социальное освобождение своей страны. Эти чаяния были близки и дороги всем трудящимся и эксплуатируемым. Рабочий класс различных стран и его авангард — коммунистические партии с пристальным вниманием следили за ходом героической борьбы китайского пролетариата и крестьянства и активно выступали в защиту и поддержку китайской революции. Во многих странах проводились широкие массовые кампании против иностранной интервенции в Китае, против империалистического раздела страны.

Боевой штаб международного рабочего и коммунистического движения — Третий Коммунистический Интернационал, основателем которого был Владимир Ильич Ленин, — являлся вдохновителем и организатором защиты и оказания помощи китайской революции.

В начале 1932 г., в разгар ожесточенных классовых битв в Китае, в эту страну прибыл коммунист-интернационалист, представитель германского рабочего класса Отто Браун. Он лично принимал участие в вооруженной борьбе китайского пролетариата и крестьянства за новый свободный Китай.

В Китае О. Браун пробыл больше семи лет — до осени 1939 г. Все это время он в качестве военного советника находился непосредственно при Центральном Комитете КПК и командовании китайской Красной Армии. Он лично участвовал в работе этих учреждений и на протяжении всего времени пребывания в Китае имел тесный контакт с их тогдашним руководством, некоторые бывшие члены которого сейчас стоят во главе государственного и партийного аппарата в КНР. Сведения, которыми располагает О. Браун о положении, существовавшем в то время в КПК и освобожденных советских районах Китая, представляют собой ценные свидетельства очевидца, непосредственного участника исторических событий, предшествовавших образованию Китайской Народной Республики и последующему отходу ее руководителей от марксистско-ленинского курса. В определенном смысле они являются уникальным историческим документом, поскольку Мао Цзэ-дун и его ближайшее окружение приложили немало усилий, чтобы избавиться от живших свидетелей того, как происходил процесс узурпации ими власти в Китае.

Редакция обратилась к ветерану международного коммунистического движения О. Брауну, проживающему ныне в ГДР, с просьбой поделиться с читателями журнала воспоминаниями о событиях, связанных с периодом его пребывания в Китае.

**ВОПРОС:** Какова была политическая, экономическая и военная обстановка в освобожденных районах Китая ко времени Вашего прибытия в страну?

**ОТВЕТ:** Когда я приехал в Китай, Центральный Комитет КПК находился в глубоком подполье в Шанхае. Связь с освобожденными районами была очень плохой вплоть до весны 1933 г., когда Политбюро и Секретариат ЦК КПК переехали из Шанхая, находившегося в руках гоминьдановцев, в центральный Советский район Китая.

В стране шла непрерывная и острая гражданская война между молодой китайской Красной армией и вооруженной зарубежными империалистами армией гоминьдана. Положение в центральном Советском районе, находившемся на юге Китая, и без того тяжелое из-за непрерывных военных действий, недостатка вооружения, продовольствия и т. д., осложнялось еще и тем, что в руководстве КПК и освобожденного района не было единогласия по основным политическим и военным вопросам, как не было и единой твердо установленной и обязательной для всех линии по этим вопросам. Фактически оно было разделено на две группировки, из которых одна стояла более или менее твердо на марксистско-ленинских, интернационалистских позициях, а вторая, по существу, придерживалась мелкобуржуазно-националистических взглядов. Именно последняя группировка и ее концепции, несомненно, явились истоком, из которого впоследствии выросли политическая система и идеология, которые сейчас называют маоизмом.

Коммунисты-интернационалисты считали закономерной и неизбежной гегемонию рабочего класса и в такой отсталой, аграрной стране, как Китай. Необходимо было активно заняться подготовкой пролетарских руководящих кадров, поскольку в особых условиях Китая — в условиях массовой неграмотности, безудержного белого террора и т. д. — руководящие кадры набирались почти исключительно из интеллигенции, которая вышла из мелкобуржуазной, буржуазной и даже феодальной среды. С позиций марксистов-ленинцев это было актуально и потому, что Мао Цзэ-дун нередко высказывался о том, что рабочий класс утратил свою руководящую роль, что основным носителем революции является крестьянство, а ее оплотом — деревня.

В этой связи он утверждал, следуя Ли Ли-саню, что центр мировой революции переместился в 1917 г. из Германии в Россию, а теперь — еще дальше на Восток, в Китай. Главным противоречием в мире, является, следовательно, уже не антагонизм между социалистическим Советским Союзом и капиталистическими государствами, а антагонизм между империалистической Японией и китайской нацией. Отсюда Мао делал вывод, что Советский Союз обязан любой ценой помочь революционному советскому Китаю, пусть даже ценой войны, поскольку перед победоносным революционным Китаем стоит задача повести вперед мировую революцию.

Излишне подчеркивать, что все мы, коммунисты-интернационалисты, единодушно придерживались противоположной точки зрения. Основное противоречие в мире мы видели между силами социализма во главе с Советским Союзом и империалистическими государствами, из которых наиболее агрессивными все более проявляли себя Германия, Италия и Япония, образовавшие позднее политическую ось. Советский Союз, единственная в то время социалистическая страна, был для нас символом пролетарской революции, и мы считали своим святым

интернациональным долгом защищать его от авантюристических планов и нападков врагов.

Экономика центрального Советского района была, как следовало ожидать, экономикой военного времени, можно даже сказать, своего рода военным коммунизмом. Однако при проведении экономической политики в прошлом были допущены серьезные ошибки. Мао Цзэ-дун до I съезда Советов, на котором он был избран председателем Исполнительного комитета Временного Центрального правительства Китайской Советской Республики, проводил очень жесткий левый курс. Его политика была направлена на ликвидацию не только крупных помещиков и деревенских ростовщиков, но и кулаков и частично даже середняков. Курс Мао затронул также другие средние слои — ремесленников и мелких торговцев. Он провел полную национализацию или конфискацию всей земли, включая крестьянскую землю, и осуществил новое распределение по «едам». В то же время красноармейцев и их семьи во многих случаях обходили при распределении земли, утешая тем, что они ее получат после «окончательной победы». При создании коллективных хозяйств также были допущены перегибы — принудительные и поспешные меры, неоправданные объединения.

Эти старые ошибки, являвшиеся выражением левосектантской позиции, были более или менее устранены. Мао Цзэ-дун, а также и Ло Фу<sup>1</sup>, склонный до этого поддерживать «левый» курс, сделали резкий поворот. Как часто бывало, Мао при этом впал из одной крайности в другую, выступая отныне за ослабление политики и в отношении крупных помещиков и ростовщиков и за предоставление большей свободы действий частному капиталу и частным торговым предприятиям. Ударение здесь делается на «свободе действий», так как за ослабление экономических ограничений выступали также ИККИ и ЦК КПК. Возможно, Мао думал о китайском варианте новой экономической политики, которая в 1921 г. в Советской России сменила военный коммунизм, и надеялся таким образом в условиях блокады облегчить экономическое положение и расширить социальную базу Советского правительства. В этой связи к правильному лозунгу «Все для фронта!» он добавил другой — «Все для крестьян!». Но тем самым он, не выражая этого ясно, сразу же поставил вопрос о классах, довольно четко выступив в защиту своей проводимой уже в течение ряда лет линии ориентации на крестьянство, точнее, на сельское население, и еще больше ослабив основной принцип руководящей роли рабочего класса.

Что касается методов ведения войны, то внутренний спор об удельном весе регулярных и нерегулярных боевых действий и тем самым регулярных и нерегулярных войск велся бесконечно. Этот вопрос, собственно, никогда не снимался с повестки дня с момента реорганизации революционных вооруженных сил в 1931—1932 гг. Ссылаясь на «практику, принесшую победу» в 1927 г., Мао поддерживал старые методы сугубо партизанской войны, не принимая во внимание возможности связанной с этим потери собственных районов, игнорируя использовавшуюся противником в пятом походе тактику «блокгаузов». Однако его взгляды натолкнулись на сопротивление не только в центральном партийном руководстве, но и со стороны некоторых его сторонников.

Об отношении к Советскому Союзу говорилось лишь вскользь. До сих пор был действителен лозунг «Помочь Советскому Союзу!», что довольно точно соответствовало известному лозунгу «Руки прочь от Со-

<sup>1</sup> Ло Фу — партийная кличка Чжан Вэнь-тяня. — Прим. ред.

ветского Союза!». Теперь Мао заявил — насколько я знаю, не публично, — что этот лозунг устарел и должен быть заменен лозунгом «Помочь Китаю!». Таким образом он выразил свою мелкобуржуазно-националистическую концепцию, согласно которой, как уже говорилось, главным противоречием в мире уже является не противоречие между социалистическим Советским Союзом и империалистическими государствами, а конфликт между Японией и Китаем. Из такого положения вещей вытекал вывод о том, что главной задачей является внутренняя борьба между советскими районами Китая и гоминьдановским Китаем. Все остальное должно быть подчинено этой борьбе.

Теоретическое и практическое значение лозунга «Помочь Китаю!» тогда не осознавалось в полном объеме.

Несомненно, большой вред делу наносили преувеличенные данные о якобы происходящем политическом разложении и военной слабости гоминьдановской армии. В то же время отсутствовал реалистический подход к вопросу о численности Красной армии. Мао Цзэ-дун, выступив на II съезде Советов, поставил в качестве непосредственной задачи создание в кратчайшие сроки миллионной армии. Однако это лишь в очень ограниченной степени соответствовало конкретным возможностям.

**ВОПРОС:** Расскажите, пожалуйста, о характере и существовании дискуссий и разногласий, имевших место в руководстве КПК и освобожденных районов.

**ОТВЕТ:** После образования Бюро ЦК и роспуска послушного Мао партийного комитета фронта началась острая борьба между Чжоу Энь-лаем и Мао Цзэ-дуном. В те дни уже намечались первые признаки возникновения двух групп или фракций — марксистско-интернационалистской и мелкобуржуазно-националистической, хотя я должен признать, что тогда этого никто не сознавал. На расширенном заседании Бюро ЦК, состоявшемся в Нинду весной 1932 г., Мао подвергся суровой критике за свои левосектантские ошибки в прошлом, особенно в отношении кулаков и середняков, а также за земельную политику и режим террора. Его односторонняя ориентация на военную борьбу, так называемая «политика винтовки» и сдача без сопротивления советских территорий, согласно его тактике неоднократных отступлений, чтобы не сказать, бегства в горы, были осуждены как «военный оппортунизм» и «пассивная оборона». Он остался, правда, председателем Исполнительного комитета Временного революционного правительства, членом Бюро ЦК и членом Реввоенсовета, но потерял в значительной степени свое доминирующее влияние и свое прежнее положение у власти. В Военсовете он был заменен Сян Ином, а в командовании фронтом Центральной армейской группы — Чжоу Энь-лаем.

Острые дискуссии, происходившие в руководстве КПК, касались, насколько мне известно, в основном трех пунктов: исправления экономической политики, методов ведения войны и отношения к Советскому Союзу. Влияние сторонников марксистско-ленинских взглядов среди руководящих кадров партии было весьма значительным. Оно отчетливо обнаруживалось там, где шла речь о решительной борьбе против вредных традиций партизанщины, о сознательном повышении самодисциплины, о новом распределении конфискованной земли с соблюдением правильной классовой линии, а также об усилении руководящей ро-

ли рабочего класса во всех органах Советской власти. Можно сказать, что между марксистско-интернационалистской группой и сторонниками Мао Цзэ-дуна существовало определенное равновесие сил.

V пленум ЦК (1934 г.) пополнил Центральный Комитет новыми членами и кандидатами. Он избрал новое Политбюро, в которое, если не ошибаюсь, вошел и Мао Цзэ-дун, и утвердил Бо Гу в качестве Генерального секретаря.

II съезд Советов в свою очередь утвердил Мао Цзэ-дуна в качестве Председателя Исполнительного комитета Временного Центрального правительства Китайской Советской Республики, однако не в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров. На эту должность по рекомендации пленума ЦК был назначен Ло Фу, остававшийся, кроме того, секретарем ЦК. Заместителями Председателя Исполкома снова были избраны Сян Ин и Чжан Го-тао. Бо Гу и Ло Фу входили теперь в Революционный совет также и формально.

Несмотря на это, ни V пленум ЦК, ни II съезд Советов не принесли окончательного устранения издавна существовавших разногласий по коренным вопросам китайской революции. Двери для будущих разногласий остались широко распахнутыми.

Причиной этого было то, что марксистско-ленинские кадры в партийном руководстве занимали примиренческую позицию по отношению к взглядам Мао. Они избегали ясных решений и искали компромиссных формулировок, а по некоторым важным вопросам даже поддавались влиянию Мао. Это касалось, в частности, игнорирования национальных революционных сил в лагере гоминьдана, недооценки противника, переоценки своих успехов и прежде всего односторонней ориентации всей политики на гражданскую войну, на вооруженную борьбу Красной армии и сельских советских районов.

Для правильной оценки создавшегося положения следует вспомнить, что II съезд Советов, на который Мао Цзэ-дун возлагал немалые надежды, проходил в обстановке мелкобуржуазной крестьянской среды, оказывавшей существенное влияние на его позицию. В известной степени он олицетворял собой почву, на которой произрастало влияние Мао Цзэ-дуна и его сторонников.

Даже по официальным данным комиссии по проверке мандатов, в работе съезда приняли участие только восемь промышленных рабочих. Среди тех, кого обычно причисляли к рабочим, были 244 ремесленника, 53 кули и 122 сельскохозяйственных рабочих. Если добавить сюда 303 крестьянина-бедняка, 25 — крестьян-середняков и 66 прочих (мелкие торговцы, представители интеллигенции и т. д.), которые были учтены статистически, то получается, что на съезде были представлены беднейшие слои сельского населения и определенная часть мелкобуржуазного «среднего сословия».

Мао Цзэ-дун мог быть доволен съездом. Он укрепил свой авторитет политического руководителя Центрального советского правительства. Опираясь на это, он собирался взять реванш за двойное поражение, которое потерпел в ЦК. Сохраняя внешнюю видимость политического единства и товарищеского сотрудничества, он начал борьбу за руководство в партии, правительстве и армии.

Круг лиц, с которыми я более или менее постоянно общался, был стабилен и не очень обширен. Среди них был и Мао Цзэ-дун. Строй-

ный, почти худой сорокалетний мужчина, он производил сначала на меня впечатление скорее писателя и поэта, чем политика и солдата. В тех редких случаях, когда мы непринужденно встречались на праздниках, он сохранял надменность и сдержанность, но побуждал других пить, рассказывать и петь. Сам он вносил вклад в беседу только в виде афоризмов, которые звучали довольно безобидно, но всегда имели скрытый смысл, а иногда содержали злой намек. Так, я долго не мог привыкнуть к очень острой пище, например острому жареному перцу, который употребляли в Южном Китае, особенно в Хунани, на родине Мао. Это вызвало насмешливые замечания Мао: «Пища настоящего революционера — красный перец» и «Кто не выносит красного перца, не может бороться».

Когда впервые был поставлен вопрос о том, должны ли главные силы прорвать блокаду Центрального советского района, он ответил иносказательно одной фразой, взятой, по-моему, из Лао-цзы: «Плохой мясник рубит кости острым топором, хороший мясник отделяет их друг от друга тупым ножом». Вообще он любил пользоваться образами из фольклора и цитировать высказывания философов, полководцев и государственных деятелей китайской истории. Мне говорили, что получившие с того времени известность 8 политических принципов и 4 тактических принципа Красной армии он также частично заимствовал из истории, в частности из лозунгов восстания тайпинов второй половины XIX века. Следуя «Трактату о военном искусстве», написанному Сунь-цзы, китайским полководцем древности, он выдвинул тезис о том, что войско лишь тогда должно стремиться к бою, когда уверено в победе. Это не помешало ему цитировать во время Великого похода другую фразу из того же Сунь-цзы, в которой говорилось, что своих солдат надо ставить на такие места, откуда нет выхода, тогда они умрут, но не побегут и, следовательно, победят.

Подобные «крылатые фразы», образы и притчи выдавали утилитаристский, прагматический образ его мышления, но они делали свое дело, так как всегда соответствовали конкретной ситуации. Мао использовал их не только в личной беседе или в тесном кругу; он вплетал их в свои речи и с революционным пафосом строил на них запоминающиеся лозунги. Я сам часто бывал свидетелем того, как увлекал он своими речами слушавших его крестьян и солдат.

Разумеется, он пользовался также и марксистской терминологией, насколько она ему была знакома. Но его знание марксизма было поверхностным. Бо Гу подтвердил мое впечатление. Он привел весьма веские причины этого. Мао никогда не был за пределами страны и не знал ни одного иностранного языка. В самом же Китае было мало марксистской литературы. То, что имелось, шло по большей части из вторых рук; первоисточники можно было перечесть по пальцам. Но хуже было другое. Мао весьма своеобразно истолковывал марксистские понятия, превращая их в эклектическую мешанину, и нередко вкладывал в них обратное содержание.

Так, Мао часто говорил о пролетариате, но понимал под этим термином не только промышленных рабочих, но и все слои беднейшего населения — сельскохозяйственных рабочих, исполщиков, ремесленников, мелких торговцев, кули и даже нищих. Классовую принадлежность он выводил, таким образом, не в зависимости от «места в исторически определенной системе общественного производства» и от обусловленного тем самым отношения к средствам производства, а в зависимости от доходов и жизненного уровня. Это вульгарное искажение марксистского учения о классах на практике приводило к тому, что Мао

пытался определять классовый характер различных слоев населения, руководствуясь субъективными критериями. Фактически же оно вело к отрицанию руководящей роли рабочего класса в революции. Гегемонию и диктатуру пролетариата — он пользовался попеременно этими двумя понятиями — Мао свел к руководству коммунистической партии, во плоть власти которой он видел в Красной армии, ибо классовая борьба представлялась ему главным образом в форме гражданской войны.

Мао почти не имел контактов с рабочим классом промышленных городов, и героическая подпольная борьба коммунистов за пределами Советского района для него значила крайне мало или вовсе не значила ничего. Для Мао существовала только вооруженная борьба армии крестьян. Охваченный манией исключительности своего призвания довести революцию, как он ее понимал, до победы, он считал дозволенными любые средства, приближавшие его к цели — неограниченной личной власти.

В районе Цзянси — Фуцзянь он практически достиг этой цели в 1931 г. Этому предшествовала острая внутривластная борьба, которая развернулась между Мао Цзэ-дуном, бывшим тогда уполномоченным ЦК и председателем фронтового партийного комитета фронта, с одной стороны, и партийным комитетом провинции Хунань, региональными комитетами провинций Цзянси и Фуцзянь — с другой.

Опираясь на преданных ему командиров войск, Мао в 1929—1930 г. силой устранил провинциальный комитет партии и региональные комитеты. Под знаком борьбы против контрреволюции — антибольшевистской лиги, а также действительных или мнимых троцкистов и социал-демократов — он физически уничтожил партийные кадры, сопротивлявшиеся его курсу, в том числе ряд красноармейцев, которые после разгрома Кантонской коммуны в 1927 г. и после временного занятия Чанша примкнули к Красной армии.

Чжоу Энь-лай назвал тогда методы террора, которыми пользовался Мао, «перегибами в борьбе с контрреволюцией». Но Сян Ин прямо определил их как «фракционную борьбу». Вскоре состоялся IV пленум ЦК, после которого положение Мао у власти в Центральном советском районе оказалось под серьезной угрозой. Создание в 1931 г. Бюро ЦК, созыв расширенного совещания в Нинду в 1932 г. и, наконец, переезд Политбюро и Секретариата ЦК в Жуйцзинь были для него сигналами тревоги. Влияние Мао заметно пошло на убыль. На V пленуме ЦК он заявил о своих претензиях, но поддержки не получил. С этого времени борьба Мао за руководство партией и армией становится не только яростной, но и коварной. Искушенный в политических интригах, он тайно закладывал мины, стремясь не только вернуть утраченное влияние, но стать единственным руководителем партии с неограниченной властью.

**ВОПРОС:** Поскольку превращение Мао Цзэ-дуна в узурпатора, захватившего власть в партии и стране, началось на Ваших глазах, не могли ли бы Вы привести некоторые подробности?

**ОТВЕТ.** Прежде всего он сколотил оппозиционную группу из местных и военных кадров. Этим людей объединяло то, что все они поддерживали Мао еще в 1930 г., когда он вступил в борьбу против партийных коми-

тетов Хунани, Цзянси и Фуцзяни. В эту группу входили, например, Гу Бо, Цзэн Шань и его секретарь Чэнь Чжэн-жэнь. В 1930—1931 гг. эти люди были выдвинуты Мао на руководящие посты в партии и правительстве Цзянси. Сюда входили также родственники Мао — его братья Мао Цзэ-тань и Мао Цзэ-минь (оба были второстепенными фигурами и занимались только экономическими и финансовыми вопросами; никогда никто из них не занимал руководящего положения в сфере политики). В его фракции участвовали также Ло Мин и Сяо Цзинь-гуан, а из армейских кадров, кроме Линь Бяо, Чэнь И, в то время командир дивизии, и Дэн Сяо-пин, тогдашний редактор издававшейся Политуправлением армии газеты «Красная звезда».

Своеобразным было положение Бо Гу. В качестве Первого секретаря ЦК он должен был решать политические, а также все более выступавшие на первый план военные проблемы. Ему было только 25 лет, но он имел хорошую теоретическую подготовку и, несмотря на свою молодость, политический опыт.

Из частных бесед с ним я знаю, что во многих отношениях он не разделял взглядов Мао, но считал сотрудничество с ним необходимым для того, чтобы оказывать на него марксистское влияние и сохранять единство партии. Этого он непоколебимо придерживался и после того, как Мао «дал ему отставку», вплоть до своей смерти в 1946 г.

Более широко образованный и старше по возрасту, чем Бо Гу, Ло Фу выступал, как и первый, за пролетарский классовый характер партии и неоднократно отрицательно отзывался о мелкобуржуазно-крестьянской идеологии Мао Цзэ-дуна. Однако, как секретарь ЦК, ответственный за политику, проводившуюся правительством и Советами, и еще больше как новый глава Советского правительства в районе Цзянси — Фуцзянь, он постепенно попадал под влияние Мао, пока не перешел на его позиции. Решающую роль здесь сыграла военная концепция Мао. В правильность этой концепции для конкретных условий Центрального советского района Ло Фу уверовал полностью. Однако от своих собственных взглядов он не отказался. Поэтому, став преемником Бо Гу на посту Генерального секретаря, он часто вступал в конфликты с Мао, который его совсем убрал в конце пятидесятых годов.

Самым энергичным и самым ловким среди руководителей был Чжоу Энь-лай. Человек, получивший классическое китайское и современное европейское образование, он всегда очень искусно и умело лавировал и приспособлялся. Он был руководителем политического отдела в военной академии Вампу и в Национальной Армии гоминьдана. В 1927 году вместе с Джу Дэ, Хэ Луном и другими он был одним из главных организаторов восстания в Шанхае и Наньчане, но как постоянный член ЦК и Политбюро с середины 20-х годов он совершал такие же ошибки, как Чэнь Ду-сю и Ли Ли-сань, либо же относился снисходительно к ним. Как руководитель Бюро ЦК в Центральном советском районе, он вытеснил Мао Цзэ-дуна с его поста в партии и армии. Теперь он поддерживал Ван Мина, то есть отстаивал линию Коминтерна и Секретариата ЦК, членом которого он был как и раньше. Одновременно он укреплял свои собственные позиции в армии. Многие командиры были его учениками в академии Вампу. Военные успехи во время четвертого похода Чан Кай-ши, которые Чжоу Энь-лай приписывал исключительно себе, способствовали росту его авторитета. После объединения штаба фронта с Генеральным штабом все нити военного руководства находились в его руках. Он командовал фактически всеми вооруженными силами, включая самостоятельные и

известные части. Характерно, что Чжоу Энь-лай, как я узнал только теперь, в конце 1939 г. указал в анкете, что в 1932—1935 гг. он был главным командующим китайской Красной армии.

Убедившись во время Великого похода, что Мао берет верх, Чжоу Энь-лай без колебаний перешел на его сторону.

Насколько мне известно, рабочий класс в Политбюро был представлен Сян Ином и Чэнь Юем. В гоминьдановском Китае в 20-е годы были известными профсоюзными руководителями и организаторами забастовок. Так, Сян Ин в феврале 1923 г. руководил большой забастовкой железнодорожников. В Революционном военном совете он посвятил себя главным образом вопросам мобилизации и снабжения местных союзов самообороны и партизанских отрядов. Так обстояло дело с руководящими политическими кадрами. Что касается высших военачальников, то все они без исключения были профессиональными военными и, кроме Линь Бяо, стали генералами еще во время Северного похода 1926—1927 гг.

Чжу Дэ, уже тогда легендарный герой гражданской войны, неприязнительный и скромный человек, принимал участие в революции 1911 г. Он вступил в КПК в 1922 г. в Германии и после Наньчанского восстания 1927 г. повел революционные войска в Цзянси, где в 1928 г. объединился с крестьянскими отрядами партизан Мао.

Чжу Дэ критиковал тогдашнюю военную тактику Мао, состоявшую в том, чтобы окопаться на Цзинганшане и оттуда «растягиваться по кругу». Мао со своей стороны обвинял его в «теоретическом невежестве» и «попартунистических отклонениях» за то, что Чжу Дэ, следуя директивам Комитета провинции, предпринял поход в Южную Хунань, частично закончившийся поражением. После объединения Мао систематически подрывал авторитет Чжу Дэ как военачальника и привлек на свою сторону его политкомиссара Чэнь И, а также Линь Бяо, который тогда был еще командиром батальона. Вскоре после этого он привлек на свою сторону Пэн Дэ-хуай и Лю Бо-чэна. Чжу Дэ покорился, остался формально главным командующим, но с тех пор больше не играл серьезной самостоятельной роли.

Лю Бо-чэн — «одноглазый дракон», как его называли в силу широко известной храбрости этого человека, потерявшего в бою глаз, также был участником революций 1911 и 1925—1927 гг. Затем он учился в Советском Союзе, но почти совсем не говорил по-русски. С тех пор как в Генеральном штабе распоряжался Чжоу Энь-лай, он чувствовал себя несколько лишним.

Самой заметной фигурой среди командиров корпусов был Пэн Дэ-хуай. Примкнув в 1928 г. вместе со своим полком к Красной армии, он поддерживал Мао. Однако это не означало, что он был во всем согласен с Мао. Активный и в политике и в военном деле, он никогда не молчал, если считал, что нужно критиковать. С одинаковой резкостью он выступал как против приносящих большие потери позиционных боев, так и против распыленных партизанских действий. Его корпус, единственный состоявший из трех дивизий, был самым сильным по численности и наиболее обученным в ведении регулярных военных действий. Поэтому ему, как правило, поручались самые трудные задания.

Линь Бяо, который в недавнем прошлом, на IX съезде КПК, был провозглашен «преемником» Мао Цзэ-дуна, а затем сошел со сцены при не вполне объясненных обстоятельствах, в то время был самым модным среди командиров корпусов. Выпускник военной академии Вампу и командир роты в Северном походе, он после 1927 г. быстро продвинулся до командира батальона и полка. С 1931 г. он командовал

1-м корпусом, знаменитым своей маневренностью и поэтому отлично подходившим для быстрых обходных маневров. Линь Бяо, без сомнения, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Других форм ведения войны он не признавал. В политическом отношении это был «белый лист», на котором Мао мог писать все что угодно.

В начале 1935 г. во время первого этапа Западного похода Мао считал возможным нанести долго и тщательно подготовлявшийся удар по партийной верхушке. Одновременно он рассчитывал взять в свои руки армию. Для осуществления всего этого плана Мао стремился как можно быстрее попасть в город Цзуньи (провинция Гуйчжоу — Южный Китай).

**ВОПРОС.** Нам известно, что Вы присутствовали на так называемом «расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи». Что Вы могли бы рассказать о той обстановке, в которой проводилось это заседание, имевшее исключительные последствия для установления личной власти Мао Цзэ-дуна?

**ОТВЕТ.** На заседание, которое состоялось 7 и 8 января 1935 г., были приглашены члены Временного революционного правительства, сотрудники Генерального штаба, а также командиры и комиссары корпусов и дивизий. Они составили преобладающее большинство и получили вопреки положениям Устава партии и всем нормам партийной жизни не только совещательные, но и решающие голоса. Из 35—40 участников две трети, а возможно даже три четверти, не только не были членами Политбюро, но не являлись даже членами Центрального Комитета.

Вторая особенность «расширенного заседания Политбюро» состояла в том, что из повестки дня были исключены все основные вопросы революции, по которым с давних пор существовали значительные разногласия. Это такие вопросы, как руководящая роль рабочего класса, основное противоречие в мире, необходимость единого национального фронта. Не было речи ни о международном положении, ни об отношении к Советскому Союзу, ни даже о политической деятельности КПК в занятых гоминьдановцами районах. В повестке дня отсутствовал вопрос о будущей стратегии китайской Красной армии в антияпонской борьбе, которая в течение многих лет была главным лозунгом Коммунистической партии и революционного правительства. На обсуждение был поставлен только один вопрос: борьба против пятого похода Чан Кай-ши и осуществление первого этапа Великого похода. Если учесть состав заседания, столь ограниченная повестка дня создавала гарантию, что Мао Цзэ-дун будет иметь успех со своей платформой, ориентирующейся не на будущее, а на прошлое. Все же он предусмотрительно остерегся нападать на генеральную линию Центрального Комитета. Мао объявил ее «в общем и целом» правильной и остановился лишь на «частичных правооппортунистических ошибках» (позднее, как известно, это не помешало ему называть их «третьим левым уклоном»). Весь огонь его критики был сконцентрирован на стратегии и тактике Центральной армейской группы, то есть на чисто военных вопросах.

Чего же хотел добиться Мао Цзэ-дун в Цзуньи? Совершенно очевидно, что он хотел взять реванш за критику на VI съезде партии в 1928 г., за свое поражение на заседании бюро ЦК в Нинду в августе 1932 г., а также за поражение на V пленуме ЦК в Жуйцзине в январе 1934 г. В Нинду было подорвано его самодержавие в политическом и военном руководстве Центральным советским районом главным обра-

злом потому, что он, не принимая во внимание потерю территорий и интересы населения, упорно придерживался своей стратегии отступления в горы. Теперь ему представилась возможность воспользоваться наконец плодами своей многолетней фракционной борьбы. Демагогическое использование отдельных организационных и тактических ошибок, вымышленных утверждений и клеветнических подтасовок — все это ставилось на службу, чтобы дискредитировать партийное руководство, отстранить от дел Первого секретаря ЦК Бо Гу, полностью реабилитировать себя и таким образом вновь взять в свои руки армию, а потом подчинить своей воле и партию.

Почему он отважился на это в Цзуньи? Во-первых, в этот период вся политическая работа практически велась исключительно в армии, которая состояла почти сплошь из крестьян. В результате многолетней совместной борьбы Мао приобрел много сторонников среди командного состава войск и частично среди политработников. Многие старые революционные вожди, пользовавшиеся в партии большим влиянием, такие, как Ли Да-чжао, Чжан Тай-лэй, Пэн Бай, Дэн Чжун-ся, Юнь Дай-ин, Ло И-нун, Сян Чжун-фа и Цай Хэ-сэнь, либо погибли в боях гражданской войны, либо были убиты врагами. Других опытных революционеров, таких, как Цюй Цю-бо, Ван Мин, Сян Ин, Фан Чжи-минь и Чжан Го-тао (все они, кроме Цюй Цю-бо, являлись членами Политбюро), не было в Цзуньи. Кроме того, во главе партии стояли молодые кадры — Ван Мин, Бо Гу, Ло Фу и Чжоу Энь-лай, — из которых лишь последний имел в армии поддержку. Наконец, партия не была укреплена идеологически и состав Центрального Комитета был более или менее случайным: 80% членов и кандидатов ЦК не были избраны на VI съезде партии, а кооптированы позднее. Такая же картина сложилась и в Политбюро. По данным 1934 г., среди членов ЦК было лишь 11% рабочих, 26% крестьян, столько же служащих и интеллигентов, 37% составляли выходцы из помещичьих и торговых кругов.

Особенно губительным было то, что в 1934—1935 гг. партийное руководство было полностью изолировано от внешнего мира. Оно не могло получить от международного коммунистического рабочего движения ни совета, ни помощи.

К тому же, когда было созвано «расширенное заседание Политбюро», партийное и армейское руководство не имело ясного представления о положении, сложившемся в стране. В то же время необходимо было безотлагательно выработать политическую линию партии, которая давала бы правильную перспективу борьбы против гоминьдановских войск и против Японии. Распространяемая с давних пор легенда о том, будто Мао Цзэ-дун составил в Цзуньи гениальный план координированного выступления всех частей Красной армии против Японии, является чистым вымыслом. В последующем, когда много лет спустя появились наконец документы, весь ход совещания и его решения были фальсифицированы.

Если учитывать все эти обстоятельства, то становится ясным, как удалось Мао взять верх в той части ЦК и Политбюро, которая находилась в Цзуньи. Бо Гу не оставалось ничего другого, как санкционировать такой состав заседания и такую одностороннюю повестку дня. Он знал, что Мао и его сторонники будут нападать на него, Чжоу Энь-лай и, конечно, на меня. Все же он надеялся на деловое обсуждение возникшего положения и на совместное решение всех стоявших перед Компартией Китая и китайской Красной армией важных и неотложных задач. Но здесь его ждало разочарование.

«Расширенное заседание Политбюро» в Цзуньи стало важнейшим шагом Мао к узурпации власти в партии и армии. При поддержке Ло Фу он оттеснил Чжоу Энь-лая, главного политкомиссара и фактического главнокомандующего Центральной группы армий, и сам занял его место. В результате этого он наряду с правительством взял в свои руки и армию. В Политбюро и в Секретариате ЦК он также добился исключительно большого влияния. Эта концентрация власти в течение следующего десятилетия привела к установлению своего рода самодержавной власти Мао Цзэ-дуна и дала ему возможность насаждать свою антимарксистскую националистическую линию.

**ВОПРОС:** Хотелось бы услышать Вашу оценку стратегии и тактики Мао Цзэ-дуна в период четвертого и пятого походов Чан Кай-ши, а также во время Великого похода китайской Красной армии.

**ОТВЕТ:** Я был направлен на работу в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК по просьбе Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. В то время, когда я прибыл в страну, гоминьдановская реакция, возглавляемая Чан Кай-ши, при поддержке империалистических держав — США, Англии, Франции, Германии и др. — осуществляла четвертый «карательный поход» против китайских советских районов, поставив перед собой задачу ликвидации всех китайских советских районов и китайской Красной армии. «Поход» Чан Кай-ши продолжался почти год, с июня 1932 г. по май 1933 г. В результате осуществления военно-оперативных мероприятий, в основе которых лежали активные наступательные действия китайской Красной армии, против чего тогда возражал Мао Цзэ-дун, вооруженным силам КПК удалось не только отбить четвертый поход Чан Кай-ши, но и значительно расширить территорию советских районов.

В начале 1933 г., вскоре после переезда руководства ЦК КПК из Шанхая в столицу Центрального советского района г. Жуйцзинь (провинция Цзянси), мне удалось преодолеть многочисленные заслоны и кордоны и тоже прибыть туда. Находясь в Центральном советском районе, я принимал участие в руководстве военными действиями китайской Красной армии, в разработке ее стратегии и тактики, в подготовке ее военных кадров.

Как известно, осенью 1933 г. при непосредственном участии империалистов США, Англии, Германии Чан Кай-ши предпринял свой пятый поход против Красной армии Китая. Оперативный план пятого похода исходил из так называемой тактики «войны блокаузов», специально для этого разработанной немецкими советниками Чан Кай-ши во главе с генералом фон Сектом.

Ее смысл заключался в том, чтобы, продвигаясь шаг за шагом и создавая систему блокаузов, окружить освобожденные районы, лишить китайскую Красную армию и партизанские части возможности совершать маневренные действия и полностью уничтожить их. В пятом походе Чан Кай-ши участвовала почти миллионная армия. Но и на этот раз планы Чан Кай-ши и империалистов потерпели полный крах. Им не удалось уничтожить главные силы китайской Красной армии. В течение года, с октября 1933 г. по октябрь 1934 г., Красная армия Центрального советского района, придерживаясь активной обороны, сдерживала натиск вражеских войск, которые в численном и техническом отношении в несколько раз превосходили ее силы, а затем по собственной

инициативе успешно прорвала окружение гоминьдановских войск, вышла на оперативные просторы и совершила так называемый Великий переход через одиннадцать провинций на Северо-Запад Китая.

Естественно, что в ходе разгрома чанкайшистов были немалые трудности и неудачи. На том самом совещании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи, с которым только что шла речь, Мао Цзэ-дун обвинил генерального секретаря ЦК КПК, а также и меня в том, что вместо так называемой «наступательной обороны», или «обороны решительным боем», мы придерживались «пассивной обороны». Мы якобы маневренную войну заменяли позиционной и «крепостной» войной, а вместо уничтожения врага и завоевания победы в решающем бою стремились «приостановить вражеское наступление», «часто и легкомысленно вели штурм вражеских крепостей». Наконец, мы «войну превратили в детскую игру» и т. п.

То, что в течение года — с октября 1933 г. по октябрь 1934 г. — плохо вооруженная и сравнительно немногочисленная Красная армия Центрального советского района не только сдерживала, но в ряде случаев довольно успешно отражала натиск вооруженной до зубов гоминьдановской армии, а затем, произведя перегруппировку своих сил, успешно вышла из окружения, сохранив живую силу и боеспособность, — все это без смущения было названо «детской игрой», «игрой в войну».

После Цзуньи Мао пытался представить дело так, как будто там шла дискуссия по поводу двух принципиально различных военно-стратегических концепций: его — правильной, и неправильной, представленной Бо Гу, Чжоу Энь-лаем, мной и другими.

Но как раз Мао Цзэ-дун в конце 20-х годов попеременно то предавался действительно пассивной обороне, то вел так называемую «бродячую войну» в форме вылазок и набегов, то в соответствии с неправильной теорией наступления Ли Ли-саня нападал на большие города и укрепленные центры противника. А после этого, в начале 30-х годов, отстаивал похожее на бегство отступление в горы. IV пленум ЦК КПК в 1931 г. принял за основу единую стратегическую концепцию, которая была создана в результате совместных усилий Коминтерна, Центрального Комитета Компартии Китая и таких выдающихся политических и военных руководителей китайской Красной армии, как Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуай, Фан Чжи-минь, Хэ Лун, Лю Бо-чэн и многие другие. Мао Цзэ-дун, используя эту концепцию применительно к данному положению, распорядился ею на свой лад. Его военные взгляды не отличались последовательностью и имели мало общего с той единственно правильной концепцией, которую он приписывал себе.

Весьма знаменательно, что Мао в последующем пытался «исправить» историю. Так, в «Решении расширенного заседания Политбюро» в Цзуньи, которое представляет собой отредактированный вариант речи Мао Цзэ-дуна, говорится: «Линию чистой обороны надо рассматривать как конкретную форму проявления правого оппортунизма». «Эта неправильная линия, — указывается далее, — проистекает из переоценки объективных трудностей, и особенно из недооценки сил Красной армии и советских районов. Поэтому расширенное заседание Политбюро стоит на позиции, что борьба против линии чистой обороны в военных делах является одновременно борьбой против конкретного проявления правого оппортунизма в партии».

Через несколько лет в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», автором которого был Мао Цзэ-дун и которое было принято 20 апреля 1945 г. расширенным пленумом ЦК, мы читаем совсем противоположное. Там говорится, что предводители «левого уклона» (то есть ЦК под руководством Бо Гу) изображали врага, окружавшего революци-

онные базы, как «крайне колеблющегося», «на смерть перепуганного», «стоящего на грани гибели» и «быстро идущего к развалу», «находящегося в состоянии общего развала» и т. п. И далее: «Представители третьей «лево»-уклонистской линии считали даже, что Красная армия сильнее всей гоминьдановской армии в целом, хотя последняя численно превосходила ее во много раз. Исходя из этого, они все время требовали, чтобы Красная армия при всех условиях стремительно шла вперед без всякой переделки»<sup>2</sup>.

Даже члены Политбюро ЦК КПК должны были ждать до конца 30-х годов, чтобы получить этот документ. Прошли еще годы, прежде чем «Решение» попало в ИККИ. Как мне стало известно позднее, документ был «подкинут» ИККИ в конце 1939 г. с целью дискредитировать меня и одновременно Бо Гу, Чжоу Энь-лая, Сян Ина и некоторых других.

Насколько я знаю, «Решение» было впервые опубликовано в 1948 г. в однотомнике избранных сочинений Мао Цзэ-дуна, изданных издательством Бюро Компартии Китая для провинций Шаньси, Хэбэй и Шаньдун. В 1957 г. издательство Народного университета в Пекине включило его в третий том «Документов по истории китайской революции». Для обоих китайских изданий характерно, что в них больше не появляются имена Бо Гу и Чжоу Энь-лая, они заменены значками ХХ и ХХХ. Это объясняется тем, что Бо Гу и особенно Чжоу Энь-лай вновь оказались в «мило-сти» у Мао Цзэ-дуна. Они считались «реабилитированными», и поэтому их имена больше не назывались. Везде, кроме введения, они обозначены значками. Я сначала назван моим китайским именем Ли Дэ и моим литературным псевдонимом Хуа Фу. Потом Ли Дэ исчез из документа и остался только Хуа Фу.

Вернемся, однако, к событиям, имевшим место после пленума Политбюро в Цзуньи. По мере продвижения армейской группы на Запад настроение командного состава, который знал реальное положение вещей, заметно ухудшалось. Вскоре недовольство военным руководством Мао достигло таких размеров, что нужно было опасаться образования новых групп и новой фракционной борьбы. В качестве самых резких критиков Мао выступили Ло Фу и Линь Бяо, которые, как известно, до Цзуньи и на самом совещании, происходившем там, были наиболее ревностными его сторонниками и надежными защитниками. Они открыто обвиняли Мао и всю его руководящую группу в «бегстве» от врага» и назвали их «военными банкротами». Пэн Дэ-хуай и прежде всего его политкомиссар Ян Шан-кунь, с которым я говорил наедине во время одной случайной встречи, более или менее присоединялись к ним. Чжоу Энь-лай и Ван Цзя-сян, к которым критика относилась так же, как и к Мао, предоставили возможность развиваться событиям своим чередом. Занял пассивную, выжидательную позицию также и Чжу Дэ.

Однажды во время марша Ло Фу подошел ко мне (обычно у нас не было с ним контактов) и начал разговор о катастрофическом, как он сказал, военном положении, которое возникло в результате авантюристической стратегии и тактики Мао Цзэ-дуна после совещания в Цзуньи.

Бо Гу, который тоже изложил мне свою точку зрения, разделял мое мнение, что лучше вести в Южном Китае маневренную войну, чем дать оттеснить себя в Бирму или даже в Тибет.

Через некоторое время, в Юньани, меня пригласил для беседы Мао Цзэ-дун. Он высказал мысль, что при создавшемся тяжелом положении

<sup>2</sup> Мао Цзэ-дун. Избр. произв., М., 1953, т. 4, стр. 369.

следует вести Красную армию через Сикан и Цинхай в Синьцзян, чтобы связаться там с Советским Союзом и получить от него всестороннюю помощь. Я советовал ему не делать этого. Со своей стороны он отверг этот вариант, который состоял в том, чтобы в крайнем случае повернуть фронт назад и прорвать кольцо полуокружения. На пути из Тяньцзюня Маоугун Мао снова выдвинул идею, которую он высказал мне в Юньани, в получении материальной и технической помощи из Советского Союза через Центральную Азию. На заседании, происходившем в Лянхэкоу, Мао выдвинул следующий стратегический план: в районе границы между провинциями Сычуань и Сикан нужно создать государство национальных меньшинств и, опираясь на него, продвинуть главные силы через Цинхай или Ганьсу в Синьцзян. Оттуда он предполагал вступить в прямой контакт с Советским Союзом и получить всестороннюю помощь для китайской Красной армии.

Предлагая этот план, он не только выдал свое неверие в собственные силы революции. Он доказал верность своим старым представлениям о том, что Китай является центром мировых противоречий и что Советский Союз должен играть лишь вспомогательную роль в их разрешении. На первом плане для Мао находилась не национально-освободительная революционная борьба против японских захватчиков, а гражданская война с гоминьданом. Мао, без сомнения, учитывал, что продвижение в Синьцзян и дальнейшие события, если удастся его стратегический замысел, приведут к тяжелому дипломатическому конфликту между Советским Союзом и гоминьдановским Китаем. Но как раз это и входило в его намерения. Мао хотел — цитирую его собственные слова, — «сидя на горе, наблюдать, как два тигра терзают друг друга в долине» и «при самом незначительном участии быть в двойном выигрыше». Однако «участие» было бы не столь уж маленьким. Большинство членов Политбюро да и сам Мао понимали, что продолжение похода через перевалы, ледники и высокогорные болота, каменистые пустыни и соленые степи Центральной Азии сопряжено с большими потерями. Мао готов был заплатить эту цену, но большинство членов совещания отвергли его предложение, опасаясь, что неизбежные потери могут привести к катастрофическому ослаблению и, возможно, — даже к гибели китайской Красной армии...

**ВОПРОС:** Какова была политическая и военная позиция Мао Цзэ-дуна в дни японо-китайской войны?

**ОТВЕТ:** Следует сразу сказать, что в 1935 г. Компартия Китая и ее руководство придерживались двух противоположных политических линий. Одна из них, по-прежнему направленная на ведение гражданской войны, определялась Мао и одобрялась членами ЦК и Политбюро, находившимися при Красной армии. За другую линию, направленную на создание единого национального фронта против Японии, выступала небольшая группа членов ЦК и Политбюро под руководством Ван Мина и при поддержке ИККИ.

В сложившейся обстановке открывалась реальная возможность сотрудничества с гоминьданом. Условия для такого широкого единого фронта объективно созрели. Японская агрессия в это время угрожала уже интересам всех классов и слоев населения в Китае, в том числе и интересам господствующего верхнего слоя, и даже империалистов Америки и Англии, от которых центральное гоминьдановское правительство было более или менее независимо. Но в решении Политбюро ЦК, вынесенном

в Ваяобао 25 декабря 1935 г., возможность создания широкого единого фронта с гоминьданом против японских агрессоров решительно отрицалась. Решение исключало из единого фронта компрадорскую буржуазию и феодалов-землевладельцев, высших чиновников и милитаристов, ибо они являются «закоренелыми врагами народа», «лакеями империалистов» и «изменниками». Это означало, что с самого начала отвергалась всякая возможность сотрудничества с гоминьданом, и прежде всего с Чан Кай-ши. Подтверждалась линия борьбы на два фронта — против внешнего и внутреннего врага, что фактически сводилось к продолжению гражданской войны. В решении говорилось буквально следующее: «Тактическая линия нашей партии должна состоять в мобилизации, сплочении и организации всех революционных сил китайского народа для борьбы против главного врага на современном этапе — японского империализма и против главного предателя народа — Чан Кай-ши... Нужно соединить гражданскую войну с национально-революционной войной». И на партийном активе 27 декабря 1935 г. Мао Цзэ-дун подтвердил: «Необходимо вести войну одновременно против сил иностранного империализма и внутренней контрреволюции».

Это был сектантский и авантюристический лозунг, который не соответствовал действительному соотношению сил в стране и противоречил политическим целям широкого национального единого фронта и демократической республики.

В своем выступлении на партийном активе Мао Цзэ-дун пытался применить примитивную «диалектику», постоянно оперируя понятиями «с одной стороны», «с другой стороны». С одной стороны, самый широкий народный фронт против Японии, с другой — решительная борьба против гоминьдана и Чан Кай-ши. С одной стороны, осуждение милитаристов, с другой — использование противоречий между ними и центральным гоминьдановским правительством, чтобы ослабить позиции Чан Кай-ши. И так далее, и тому подобное.

«Пикантным» было в этой связи употребленное Мао Цзэ-дуном сравнение с сытыми и голодными собаками. Чан Кай-ши он определил как «сытую собаку», а милитаристов в Шэньси, Гуандуне, Гуанси и т. д. — как «голодных собак». Он считал, что с последними допустимы и даже нужны соглашения и союзы против центрального гоминьдановского правительства, чем он фактически поставил под вопрос весь широкий национальный единый фронт.

В своих схематических упрощениях Мао Цзэ-дун полностью игнорировал то, что гоминьдан не был единым и что даже Чан Кай-ши попал под огонь японской критики, поскольку с продвижением японцев в Китае он под давлением как своих англо-американских покровителей, так и патриотического народного движения, а также большей части своих собственных сторонников все более оказывался вынужденным искать путей предотвращения полного порабощения Китая Японией.

Японские милитаристы открыто заявляли, что их цель состоит в том, чтобы уничтожить сначала китайскую Красную армию, затем северо-восточную армию Чжан Сюэ-ляна и, наконец, вооруженные силы Чан Кай-ши. После ознакомления с документами от 1 августа и 25 ноября<sup>3</sup> Чан Кай-ши считал сотрудничество с коммунистами вполне возможным. Мао Цзэ-дун

<sup>3</sup> Обращение ЦИК Китайской Советской Республики и ЦК КПК от 1 августа 1935 г. «Ко всему народу Китая о сопротивлении Японии и спасении родины», Воззвание китайского Центрального рабоче-крестьянского правительства и Реввоенсовета китайской Красной армии от 25 ноября 1935 г. «Ко всему китайскому народу и ко всем партиям и войскам» о созыве всенародной конференции по спасению родины. — Прим. ред.

своей теорией войны на два фронта сбивал его с этого курса и давал ему в руки аргумент для утверждений о том, что коммунисты исключают гоминьдан и его лично из национального единого фронта, в результате чего он не может не продолжать борьбу против Компартии Китая и китайской Красной армии.

Рассчитывал ли Мао Цзэ-дун всерьез на успех провозглашенной им войны на два фронта? Конечно, нет! Он исходил, скорее, из того, что вскоре начнется новая мировая война, за которой неизбежно должна последовать мировая революция. В решении от 25 декабря говорилось: «Так как все предпринятые Советским Союзом меры добиться успеха своей мирной политики по отношению к Японии оказались безрезультатными и так как японский империализм проводит активную провокационную деятельность, направленную против Советского Союза, Советский Союз будет всегда готов выступить против этого агрессора. Тем самым основной целью становится разгром японского империализма. Китайская революция, японская революция и борьба Советского Союза против агрессора сольются в одно целое».

Тем самым делалась ставка на то, чтобы вовлечь Советский Союз в вооруженный конфликт с империалистическими державами, который привел бы к мировой войне, развязал бы мировую революцию и таким образом обеспечил бы победу революции в Китае.

Летом 1936 г. Мао Цзэ-дун в интервью Эдгару Сноу сам подтвердил, что он действительно рассчитывал на то, чтобы, используя стратегическое положение Советского Союза, имеющего общую границу с Северо-Западным Китаем, вовлечь СССР в войну против Японии. На вопрос, верит ли он в то, что Советский Союз и Монгольская Народная Республика примут участие в такой войне и придут Китаю на помощь, он ответил: «Само собой разумеется!»

Должен прямо сказать, что этот вопрос интересовал меня больше всего. В течение всего 1935 г. Мао Цзэ-дун не раз и не два пытался с помощью различных маневров поставить Советский Союз в такое положение, которое привело бы его к конфликту с гоминьдановским Китаем или Японией. Мао Цзэ-дун писал в решении Политбюро, что мирная политика Советского Союза на Дальнем Востоке потерпела провал. Как бы плохо я ни был тогда информирован, этот тезис я все же решительно отвергал.

Непрерывно размышляя о том, какие последствия может повлечь за собой стратегический план Мао Цзэ-дуна, я окончательно пришел к заключению, что он противоречит как интересам трудящихся всего мира, так и интересам советского народа, который в результате развязывания большой войны (а это могло случиться, если бы план Мао начал претворяться в жизнь) мог бы быть втянут в большую беду.

На карту были поставлены политика единого фронта ИККИ и мирная политика Советского Союза.

Я вновь и вновь обдумывал все это, стремясь объединить в единое целое свои наблюдения и то, что слышал от других об отношении Мао Цзэ-дуна к Советскому Союзу. Припомнились его высказывания на съезде Компартии Китая в 1923 г., когда Мао прямо заявил, что революция в Китае сможет победить только в результате вооруженной борьбы, поддержанной Советской Россией; его поддержка в 1930 г. Ли Ли-сяня, который хотел втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с империализмом, в частности с японским; его неоднократно высказывавшееся недовольство тем, что Советский Союз помогал заключению мира с гоминьданом; его постоянно подчеркивавшаяся с 1934 г. точка зрения, что главным противоречием в мире является противоречие между Кита-

ем и Японией, из чего делался вывод, что главным потоком, решающим фактором революционной борьбы в мировом масштабе является борьба китайского народа против японской агрессии и гоминьдановской реакции; его никогда не прекращавшиеся после 1935 г. попытки создания обстоятельных планов, смысл которых сводился к одному и тому же: обеспечить продвижение китайской Красной армии в Синьцзян либо к Монголии, с тем чтобы вовлечь Советский Союз в конфликт сначала с гоминьдановским Китаем, затем и с Японией.

Все это, вместе взятое, сливалось в одну картину, которая не сулила ничего хорошего. Я тогда еще не знал о заявлении, сделанном Мао Цзэ-дунем летом 1936 г. в интервью Эдгару Сноу о том, что Внешняя Монголия (то есть Монгольская Народная Республика) после победы китайской революции автоматически станет частью китайской федерации. Итак, по всей видимости, Мао мог избрать Монгольскую Народную Республику в качестве будущей базы китайской Красной армии.

После ряда бессонных ночей я принял решение написать письмо Мао Цзэ-дуню и членам Политбюро. Я изложил свои мысли и в возможной форме протестовал против продвижения 1-й полевой армии к границам Монгольской Народной Республики. Это было очень длинное письмо, и я уже не могу его теперь целиком восстановить в памяти. Но благодаря тому, что сохранилась фотокопия заявления по этому вопросу, сделанного мной в Москве в 1939 г., я имею возможность дословно процитировать три главных пункта этого документа.

Во-первых, я указал на то, что «продвижение китайской Красной армии к границам Монгольской Народной Республики ставит под угрозу мирную политику Советского Союза и объективно может послужить предлогом для нападения Японии на МНР». Это в свою очередь может поставить Советский Союз перед необходимостью вмешательства в конфликт. Но это означало бы, что поддержка авантюристической политики Мао Цзэ-дуна неизбежно повлекла бы за собой тяжелые последствия для мирового коммунистического движения и для советской мирной политики. Во-вторых, я заявил, что «главная задача китайской Красной армии, вытекающая из основной политической задачи Компартии Китая, а именно образования антияпонского единого фронта, в настоящее время состоит не в том, чтобы получить техническую помощь от Советского Союза, а в том, чтобы проводить внутри Китая боевые действия, направленные на создание единого антияпонского фронта и разгром японских войск». План Мао Цзэ-дуна вторгнуться в Шаньси, заявлял я, не служит этой цели, а, наоборот, снова раздувает гражданскую войну и дает японским захватчикам дополнительный повод расширить их агрессию в Северном Китае (что, кстати, и произошло в действительности).

В-третьих, я писал, ссылаясь на замечание Пэн Дэ-хуая, что «новый Великий поход главных сил до границ МНР, из которого они ввиду неизбежных контрмер со стороны врага, возможно, и не вернутся, поставит под серьезную угрозу существование советского района в Северной Шаньси».

Вот то главное, что содержалось в моем письме Мао Цзэ-дуню и членам Политбюро КПК. После того как оно было переведено с русского на китайский язык, я передал это письмо Чжоу Эн-лаю, который обещал размыслить его для членов Политбюро. Не знаю, было ли это сделано. Одновременно я заявил, что отказываюсь принимать участие в походе. Через несколько дней Политбюро и Военный совет, часть штаба и тыловые службы покинули город, чтобы присоединиться к армии. Я остался в Ваяобао.

Ответа на свое письмо я не получил. Но несколько позже Чжоу Энь-лай сообщил мне, что из Шаньси получено сообщение по радио, в котором Политбюро осуждает мою позицию как оппортунистическую и обвиняет меня в том, что я не понимаю сущности советской мирной политики, переоцениваю силы врага и недооцениваю силы советского движения в Китае, а также силы китайской Красной армии. Чжоу Энь-лай сообщил мне это без каких-либо комментариев.

Тем временем восточный поход Мао Цзэ-дуна раздул гражданскую войну в стране, способствовал усилению реакционных прояпонских элементов в Китае и дал японским агрессорам повод расширить свои стратегические позиции против Китая, Монгольской Народной Республики и в конечном счете против Советского Союза. Объективно дело обстояло именно так.

**ВЗПРОС:** Характеристика, которую Вы дали политическим взглядам и стратегическим замыслам Мао Цзэ-дуна в 30-х годах, весьма существенно дополняет то, что известно по этому вопросу. Не могли ли бы Вы хотя бы кратко охарактеризовать особенности тогдашней «теоретической платформы» Мао! В частности, как Вы относитесь к утверждениям китайской пропаганды, будто Мао «творчески применил марксизм к конкретным условиям Китая»!

**ОТВЕТ:** Вопреки усилиям китайских пропагандистов представить Мао Цзэ-дуна как крупного теоретика и философа он в действительности ни в какой мере не может претендовать на такое звание.

Написанные в разные годы философские работы Мао, как уже неоднократно отмечали специалисты, носят компилятивно-эклектический и примитивный характер, содержат лишь вульгарную трактовку некоторых проблем диалектики. Что же касается «творческого применения марксизма к китайским условиям», то это «применение» было настолько своеобразным, что от марксизма, по существу, ничего не оставалось, поскольку в процессе применения Мао подменял его своими собственными концепциями, не имеющими ничего общего с подлинным марксизмом-ленинизмом.

Много внимания Мао Цзэ-дун уделил теоретическому анализу и обобщению своих взглядов на стратегию в революционной войне, причем опыт гражданской войны он применил к антияпонской войне. Это, в частности, касается работы «К вопросам стратегии в войне против японских захватчиков», основные тезисы которой были также изложены в антияпонском университете. Незвестным для меня тогда оставался его курс лекций «О затяжной войне»<sup>4</sup>, который в более поздней официальной редакции был прочитан в Обществе по изучению проблем войны против японских захватчиков. Возможно, это был избранный круг видных политических и военных деятелей, поскольку эти лекции, как, впрочем, и «Вопросы стратегии», вышли из печати значительно позже. Я сам познакомился с обеими работами лишь в 50-х годах, когда избранные сочинения Мао Цзэ-дуна впервые вышли на русском языке. Если мое предположение верно, то остававшееся для меня неизвестным Общество, со созданием которого ничего не говорилось, вполне могло быть ядром фракционной группировки, созданной Мао с целью изолировать Ван Мина и подвергнуть нападкам защищаемую последним линию ИККИ.

<sup>4</sup> См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, стр. 191.

Теоретические занятия Мао отнюдь не вызывались его стремлением пополнить свои явно недостаточные, знания в области марксизма. Скорее, он подыскивал необходимые формулировки, с помощью которых мог бы обосновывать свои собственные, чуждые марксизму-ленинизму взгляды, а точнее сказать — замаскировывать их.

Примечательно, например, то, что в своей работе «О затяжной войне» он, даже в отредактированном варианте, все время делает упор на «особенности Китая», выводя для него некие «специфические» закономерности. Исходя из своих теоретических посылок, Мао сочинял такие лозунги, которые в неизменном виде используются сейчас: «В Китае главной формой борьбы является война, а главной формой организации — армия»<sup>5</sup> или «Винтовка рождает власть»<sup>6</sup>. Подобных примеров можно привести сколько угодно. В этом явно проявилось стремление Мао протащить свои идеи под флагом «творческого применения марксизма-ленинизма к конкретным условиям Китая».

Одним из образчиков такого применения марксизма-ленинизма является возврат к так называемому «яньаньскому стилю работы», введенному Мао в тогдашних условиях. Как запомнилось мне со времен пребывания в Китае, основные признаки так называемого «яньаньского стиля работы» можно обобщить четырьмя девизами: «самоснабжение, милитаризация, массовая линия, национализм».

Необходимость местного и регионального самоснабжения вытекала тогда из трудного положения военного времени. По решению партии и правительства все, буквально все от мала до велика партийные и правительственные органы, войсковые части и учебные заведения, а также остальные учреждения и организации вынуждены были в то время перейти к самостоятельному производству зерна и овощей для собственного потребления, большей частью на бросовых землях, которые давали очень плохой урожай. В 60-х годах, хотя положение коренным образом изменилось, маоистское руководство снова прибегло к этому рецепту в сельском хозяйстве и промышленности товаров народного потребления. Однако цель уже была совершенно иной. Это делалось не для того, чтобы устранить острый кризис в снабжении населения, а чтобы полученные методами военного времени государственные средства использовать для расширения военно-промышленного комплекса. Вот чем в наши дни обернулся «возврат к яньаньскому стилю»!

Далее. В 30-х годах милитаризация жизни опиралась на определенные традиции гражданской войны, прежде всего Великого похода. Если не считать нелегальных партийных организаций в гоминьдановском Китае, которые Центральный Комитет длительное время не мог прямо контролировать и руководить ими, то после ухода из старых советских районов вся партийная жизнь проходила почти исключительно в армии. В таких условиях было трудно соблюдать принципы внутрипартийной демократии и демократические формы общественной жизни. Но уже в пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся и на новых революционных базах была возможность, по крайней мере в скромных размерах, вернуться к ленинским нормам партийной жизни и снова ввести демократические методы руководства. Этого сделано не было. Военный стиль работы и военная дисциплина были перенесены из армии в партию и распространены на всю общественную жизнь. Партийные и управленческие органы не избирались, а назначались. В последние годы моего пребывания в Ки-

<sup>5</sup> См.: Мао Цзэ-дун. Избр. соч., М., 1953, т. 2, стр. 381.

<sup>6</sup> Там же, стр. 388.

тае я был постоянно и тесно связан с первичной партийной организацией, но иногда не был свидетелем каких-либо выборов.

В гражданских учреждениях, в учебных заведениях и других институтах был также введен строгий военный режим. Сотрудники, функционеры, преподаватели, студенты и т. д. и даже деятели искусства находились фактически на казарменном положении. Они жили, трудились и учились большей частью в пещерах, которые были вырыты ими самими же, причем по строгому плану или расписанию дня. Там же они ели и спали. Для семейных предоставлялся отпуск в конце недели — по-китайски «либайлю», по-нашему «суббота».

В руководящих органах партии и правительства, меньше на самом верху, в Центральном Комитете, зато больше на среднем уровне и на нижнем уровне, в подчиненных органах доминировали командиры и политработники армии. Сначала на них лежала ответственность за практическую работу, исполнительная власть. В военных условиях это, несомненно, имело свои преимущества, в результате чего мы и не воспринимали такое положение как недемократичное или непартийное. Путь от принятия решения до его выполнения был сокращен и упрощен, было обеспечено точное и строгое выполнение поставленных задач.

Свою доминирующую роль армия, как известно, продолжала играть и впредь, как в антияпонской войне, так и в последовавшей затем народно-освободительной войне и даже после победы — в первые годы существования Китайской Народной Республики. Затем, насколько мне известно, ее влияние было ограничено. В 60-х годах она действовала в качестве орудия клики Мао Цзэ-дуна, захватила позиции во всех без исключения областях и сферах жизни — от экономики до культуры — и является ныне главной опорой диктаторского режима этой клики.

«Творческое применение» принципов марксизма-ленинизма в Китае, однако, не мешало Мао Цзэ-дуну понять, что военное командование не могло надолго заменить ни внутривластьную, ни вообще демократию. И выход был найден и «теоретически обоснован». Это было провозглашение так называемой «массовой линии», или «линии масс». Впервые она была выдвинута в начале 30-х годов. С ее помощью Мао Цзэ-дун якобы черпал идеи из глубин народа. В действительности же пресловутая «линия» была заимствована из военной практики, а точнее — из методов работы политотделов армии. Принятые наверху решения — партийные и административные — спускались вниз для исполнения, так же как приказы. Их выполнение обеспечивалось с помощью административных и дисциплинарных мер. «Массовая линия» состояла, в сущности, только в том, что она обязывала разъяснять членам партии и всему населению, как всегда делалось в армии, приказы, изданные на основании решений Мао Цзэ-дуна, и обеспечивать их выполнение. Агитация и пропаганда ограничивались тем, что населению — по большей части неграмотному — с помощью простых и броских лозунгов объявлялось о решениях, которые были приняты наверху, и о мероприятиях, в которых ему предстояло участвовать. То же делалось и с помощью театральных представлений с участием театральных групп, певцов и декламаторов.

С 60-х годов «массовая линия» приобретает все более всеобщий характер. Восхваляемая как «высшая форма демократии», она служит тому, чтобы устранить в партии последние следы демократического централизма и подавить в зародыше любую оппозицию внутренней и внешней политике клики Мао Цзэ-дуна. Проведение «массовой линии», по сути, не допускает никакой критики снизу. Следовательно, эта «линия» не дает никаких критериев для выяснения того, соответствует ли диктуемая сверху политика интересам масс, от имени которых выступает Мао

Цзэ-дун. Зато подобное теоретическое «изобретение» позволяет ему с макиавеллистским коварством сталкивать друг с другом различные классы общества, слои народа и натравливать друг на друга отдельных лиц. Бесперерывно инспирируя подобные «встряски» и опираясь при этом то на одних, то на других, ревнителю «творческого марксизма» удается освобождаться от всех мнимых или действительных противников, круша направо и налево и не щадя своих бывших соратников по борьбе.

Поскольку Мао Цзэ-дун, опираясь на армию, лавировал между классами, его режим приобрел бонапартистские черты. Социальной базой маоизма были и остаются самые отсталые мелкобуржуазно-крестьянские слои, в то время как в рабочем классе он всегда видел только производящий класс, но не класс, призванный историей взять власть в свои руки и в конечном счете освободить человечество. Мелкобуржуазные слои в качестве основы нового общества, позднее дополненные и усиленные теми кругами национальной буржуазии и даже феодалами и милитаристами, которые решились на антиимпериалистическую войну против Японии, а после победы Народно-освободительной армии над гоминьдановским режимом признали Народную Республику, создали весьма питательную почву для процветания идей национализма. Еще в 30-х и 40-х годах Мао Цзэ-дун рассматривал национализм как яркое проявление, как специфическую форму классово-борьбы в Китае. В 60-х годах дальнейшая эволюция его взглядов привела его на позиции вполне открытого великодержавного шовинизма.

Еще в своих лекциях на курсах партийных кадров в Яньани Мао всегда твердил, что политические проблемы Китая, как внутренние, так и внешние, могут быть решены только с помощью оружия и что поэтому вооруженные силы Китая должны рассматриваться как решающий фактор в проведении политики. Он подкреплял этот тезис примерами из истории китайской империи, которая постоянно вела войны и в результате стала якобы столь могущественной в те времена. В этой связи он любил цитировать высказывания государственных деятелей и полководцев древности, которым, как он говорил, «стоит подражать». Так, он уже тогда стремился перевести в русло шовинизма истинный патриотизм и оправданные чувства национальной гордости своих слушателей.

Даже касаясь в своих беседах и выступлениях истории других стран, Мао Цзэ-дун часто и охотно проводил параллели с фактами из истории китайской феодальной империи, стремясь особенно подчеркнуть роль, которую в ней и в истории вообще играли «великие люди». Он не скрывал своего восхищения Цин Ши-хуаном, первым императором из династии Цин, который более двух тысяч лет назад в продолжавшейся 24 года кровавой войне установил свое господство над всем Китаем, пожертвовав миллионами человеческих жизней, построил Великую стену против нападений кочевников и устроил, пожалуй, самое большое в истории сжигание книг с очевидной целью — вычеркнуть из нее следы своих деяний.

Мао восхвалял также Чингисхана, который в эпоху раннего средневековья сколотил мировую империю, простиравшуюся от Желтого моря до Европы. Культ Чингисхана зашел так далеко, что в 1938 г., когда гоминьдановские власти перенесли из Внутренней Монголии его могилу, чтобы спасти ее от японцев, население Северной Шаньси, жившее вблизи дороги, по которой проходила процессия, призывали «отдать дань уважения» останкам монгольского завоевателя. Из любопытства я замешался в толпу, чтобы посмотреть, что происходит, и видел, как все кланялись и кланялись — как будто по мановению руки.

Но уж и вовсе идолом Мао Цзэ-дуна был Лю Бан — так, кажется, звали этого крестьянского сына, ставшего полководцем и после гибели дина-

ости Цин основавшего династию Хань, от которой китайцы до сегодняшнего дня ведут свое наименование. Намекая на то, что при династии Хань китайская империя достигла наибольших размеров, Мао полушутя, полусерьезно — причем до того, как он выразит свою мысль, нельзя было угадать, чего в его словах больше — серьезности или шутки, — сказал, что то, что удалось крестьянскому сыну в старые времена, должно тем легче удасться крестьянскому народу в новые времена — в XX в.

Как Мао Цзэ-дун представлял себе строительство нового «Великого Китая», оставалось его тайной. Лишь значительно позднее я прочитал в книге Э. Сноу «Красная звезда над Китаем»<sup>7</sup>, что еще в 1936 г., отвечая на вопрос автора, Мао сказал, что «непосредственная задача Китая состоит в том, чтобы не только защитить свой суверенитет по эту сторону степей, но и вернуть все утраченные территории». Там же я прочитал, что Индокитай, то есть весь Вьетнам, Лаос и Камбоджа, а также Монгольская Народная Республика были названы Мао членами будущей «китайской федерации». Как известно, он уже в 1964 г. совершенно открыто заявил о своих претензиях на советский Дальний Восток. Вполне очевидно, что уже в 30-е годы «творческое применение марксизма к китайским условиям» было не более чем маскировкой, за которой скрывался поборник идей мелкобуржуазного национализма, переросших затем в великодержавный шовинизм.

Вполне закономерно, что в процессе борьбы и труда в 40-х и 50-х годах, когда сильное воздействие на умы китайских коммунистов стало оказывать международное коммунистическое движение, когда они ощутили обратскую помощь социалистических стран, прежде всего Советского Союза, у многих возникли сомнения в правильности теоретической платформы и практической политики Мао Цзэ-дуна. Чтобы удержаться у кормила власти, он прибег к печально известным «чисткам», вылившимся в так называемую «культурную революцию», в ходе которой были истреблены или устранены как яньаньские кадры, воспитывавшиеся в свое время Мао Цзэ-дуном, так и кадры старых революционеров, стоявших на позициях марксизма-ленинизма.

<sup>7</sup> См.: E. Snow. "Red Star over China". New York, 1938, p. 88.

## Китай и западноевропейская интеграция

Ю. И. Михайлов

**В**ряд ли сегодня может удивить кого-нибудь крутой поворот во внутренней или внешней политике пекинского руководства. Постоянное изменение курса стало нормой поведения маоистских политиков. Одним из таких «выражей» является и нынешний поворот Пекина в отношении западноевропейского Общего рынка. Еще не так давно китайская печать и официальные лица именовали Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) «империалистической группировкой», клеймили его дискриминационную внешнеторговую политику, его связь с агрессивным блоком НАТО. В последние же два-три года все резко изменилось: пекинская дипломатия восхваляет западноевропейскую интеграцию, публично расшаркивается перед Исполнительной комиссией сообщества, поет дифирамбы тем, кто стремится превратить ЕЭС из межгосударственной экономической организации в военно-политический блок. В чем существо этой метаморфозы, какие цели она преследует?

### Характер метаморфозы

Чтобы лучше понять замыслы пекинских руководителей в этой области, проследим сначала стремительную эволюцию их позиции в отношении Общего рынка в течение последних трех лет. С самого начала нового этапа в пекинской внешней политике, то есть с середины 1969 г., стали заметны признаки симпатии со стороны руководства КНР к западноевропейской шестерке. Вначале главное достоинство ЕЭС усматривалось в том, что его развитие представляет собой, по выражению агентства Синьхуа, явное доказательство того, что империалистический лагерь разваливается, поскольку шесть стран сообщества образовали группировку, «направленную на достижение политической независимости в отношении США».

По мере потепления взаимоотношений между КНР и США Общий рынок в глазах пекинских руководителей приобретал несколько иное значение. В 1971 г. китайская печать, продолжая приветствовать обострение валютных и других противоречий между ЕЭС и Соединенными Штатами, стала подчеркивать ту «независимую политическую и экономическую роль», которую сообщество шести стран играет по отношению к обеим мировым «сверхдержавам» — США и Советскому Союзу. Одновременно изменилась позиция Пекина по вопросу о вступлении Англии в Общий рынок. Если прежде это выступление рассматривалось как негативный фактор, усиливающий влияние Вашингтона в сообществе, то в конце 1971 г. Чжоу Энь-лай в интервью газете «Санди таймс» расценил решение Англии войти в ЕЭС как положительный факт, означающий укрепление независимой «третьей силы» в Западной Европе<sup>1</sup>. «Это отражает дальнейшее развитие тенденции к сплочению западноевропейских стран в борьбе против контроля и вмешательства сверхдержав», — отмечало агентство Синьхуа.

Но к тому времени благодаря усилиям Советского Союза и других стран социалистического содружества в Европе наметились существенные сдвиги в сторону разрядки напряженности, улучшились отношения ФРГ с ее восточными соседями, открылся путь к общеевропейскому совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества. Это явно не отвечало планам Пекина, и ракурс его подхода к ЕЭС вновь изменился.

После визита президента США Р. Никсона в КНР и Парижского совещания глав государств и правительств девяти стран — членов расширенного Общего рынка в октябре 1972 г. китайская печать стала подчеркивать положительную роль Соединенных Штатов в укреплении единства западноевропейской девятки. Более того, она с явным одобрением стала перепечатывать те места из выступлений руководителей стран сообщества, где отмечается необходимость укрепления сотрудничества между Общим рынком и

<sup>1</sup> "Sunday Times", 5.XII.1971.

США. Так, «Жэньминь жибао» без комментариев, но не без умысла выдвинула заявление британского премьер-министра Э. Хита: «Наша цель должна состоять в том, чтобы (Западная) Европа стала надежным партнером Соединенных Штатов». Китайские газеты с удовольствием цитировали высказывание президента Франции Ж. Помпиду о том, что «Западную Европу и Соединенные Штаты связывают такие тесные узы, что мы не можем и не должны изолироваться друг от друга», тезис канцлера В. Брандта, что «Соединенные Штаты — наш важнейший партнер, и обе страны считают это партнерство необходимым», и другие высказывания такого рода.

Таким образом, аплодисменты по поводу углубления противоречий между ЕЭС и США сменились одобрением попытки улучшить и укрепить взаимоотношения между ними. У политических наблюдателей всего мира нет двух мнений относительно значения и смысла этой смены позиций. Американская газета «Крисчен сайенс монитор», например, расценивает это как «решительный поворот, ибо в прошлом китайцы выражали озабоченность по поводу того, что американское участие в европейских делах может помешать достижению единства Западной Европы, которая рассматривается как противовес советскому блоку...»<sup>2</sup>.

Итак, за короткий период политика Пекина в отношении Общего рынка на глазах у мировой общественности совершила поворот на 180 градусов: от осуждения этого интеграционного объединения к его полной поддержке, от поощрения его антиамериканской направленности к одобрению проамериканских тенденций. Но самым главным в этом повороте, несомненно, является то, что пекинское руководство рассчитывает использовать западноевропейскую интеграцию уже не против США, а против Советского Союза.

Эта эволюция представляет собой одно из звеньев нынешней внешнеполитической тактики в целом, которая стала проводиться Пекином со второй половины 1969 г., после того как IX съезд КПК «узаконил» внутриполитический переворот, осуществленный группой Мао Цзэ-дуна в ходе так называемой «культурной революции». Тактика маоистов в области внешней политики характеризуется ныне двумя тесно взаимосвязанными линиями. Одна из них — это переход от косвенного содействия империалистическим державам в их борьбе против революционных сил современности к интенсивному налаживанию прямых связей с этими державами и активному поиску путей для различного рода комбинаций и соглашений с силами империализма. Другая линия — это все более грубый воинствующий антисоветизм, открытые попытки подрыва социалистического сотрудничества и антиимпериалистического фронта в целом.

Нынешняя внешнеполитическая тактика представляет собой, однако, не более чем обновленный комплекс дипломатических, внешнеэкономических и идеологических средств и методов для осуществления старой стратегической линии маонизма, которая в существе своем остается неизменной с самого начала. Напомним, что сущность этой стратегии состоит в том, чтобы превратить Китай в «срединную» или «центральную» державу мира, диктовать свою волю другим народам и определять ход мирового развития. В этой генеральной линии внешнеполитической стратегии Пекина органически сливаются воедино зародившийся в ходе кингайской буржуазно-демократической революции мелкобуржуазный авантюризм и уходящий корнями в феодальное прошлое Китая великодержавный шовинизм.

Когда Мао и его приспешники организовали внутри страны в 1966—1969 гг. так называемую «культурную революцию», они пытались экспортировать ее в другие страны, спровоцировать и там «народные войны». Китай грубо вмешивался во внутренние дела Индии, Бирмы, Непала, Цейлона, Лаоса, Камбоджи, ряда африканских стран. Итогом явилась, однако, не всемирная «революционная война», а внешнеполитическая изоляция КНР.

С середины 1970 г. маоистское руководство пустило в ход доктрину о так называемых «двух сверхдержавах» — СССР и США, которые будто бы «сговариваются друг с другом в целях осуществления гегемонии в мире» и в то же время «грызутся между собой, пытаются разделить мир на сферы влияния и установить свое мировое господство». Остальные «малые и средние» страны подвергаются «агрессии, контролю, вмешательству и третированию со стороны двух сверхдержав». Борьба «малых и средних» стран (разумеется, во главе с Китаем) против «двух сверхдержав» объявлена «неудержимым историческим течением» современности.

В этой доктрине обращает на себя внимание полный отказ от классового подхода к расстановке сил в мире. Если прежде речь шла о США как о главном противнике, а СССР объявлялся «плохим союзником» в борьбе против американского империализма или даже «пособником» последнего, то теперь Пекин исходит из того, что главным противником является Советский Союз. Одновременно, полностью смазывается классовый подход и в оценке остальных стран мира: независимо от того, являются ли они социалистическими, капиталистическими или странами «третьего мира», все они свалены теперь в одну кучу, которая называется «средние и малые» страны.

<sup>2</sup> «Christian Science Monitor», 15.11.1973.

Эта концепция выдвинута, конечно, не без умысла. Ее идеологическая цель двойка. С одной стороны, объявляя Советский Союз одной из двух «сверхдержав», пекинские стратеги стремятся извратить его роль и значение в международной жизни, причислить мировую общественность смотреть на него как на враждебную силу. Антисоветизм стал главной осью, вокруг которой формируются основные направления и комбинации пекинской внешней политики и не в последнюю очередь комбинации, рассчитанные на китайско-американское сближение. Даже откровенно правая западногерманская газета «Вельт» отмечала в прошлом году, что в течение нескольких последних лет «основным для китайской внешней политики стал критерий антисоветизма, а не критерий классовой борьбы». Именно этим газета объясняет установление Пекином дипломатических отношений с такими его «идеологическими антиподами», как Греция, Турция, Эфиопия и Япония, а также налаживание им «более тесных контактов с Соединенными Штатами»<sup>3</sup>.

С другой стороны, окончательно отбрасывая классовый критерий в подходе к различным «средним и малым» странам, Пекин развязывает себе руки для всестороннего расширения и углубления связей с Японией и западноевропейскими государствами. Правда, пекинские политики желают утвердить себя и в качестве лидеров «третьего мира». В первом же выступлении с трибуны ООН глава китайской делегации на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи Цяо Гуань-хуа заявил 15 ноября 1971 г., что «Китай так же, как и подавляющее большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки, относится к «третьему миру». Однако под прикрытием словесной дымовой завесы Пекин форсирует сотрудничество с развитыми капиталистическими странами. Об этом недвусмысленно говорят хотя бы данные о развитии внешней торговли КНР. Ныне на страны социализма приходится лишь  $\frac{1}{3}$  внешнего товарооборота Китая, зато около  $\frac{1}{3}$  падает на страны Общего рынка и еще  $\frac{1}{3}$  — на Японию.

## Непосредственные причины симпатий Пекина к ЕЭС

В этих условиях и родились особые симпатии Пекина к Общему рынку. Они связаны с тремя существенными обстоятельствами.

Прежде всего Пекин обеспокоен большими позитивными сдвигами, которые произошли в последний период во взаимоотношениях между СССР и другими странами социалистического содружества, с одной стороны, и ведущими державами Запада — с другой. Осуществляя Программу мира, намеченную XXIV съездом КПСС, Советский Союз одержал крупные победы в деле разрядки напряженности и осуществлении ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Ушли в прошлое тени холодной войны, политический климат на Европейском континенте заметно потеплел. Стало возможным подвести черту под длительным и трудным послевоенным периодом и вступить в новый этап, этап добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Договоры между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, зафиксировавшие нерушимость европейских границ, комплекс соглашений по Западному Берлину, договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, подготовка договора об урегулировании нерешенных проблем между ЧССР и ФРГ — все это важные шаги к миру и безопасности в Европе. Эти политические сдвиги в свою очередь способствуют неуклонному расширению и углублению экономического и научно-технического сотрудничества между Востоком и Западом континента.

Вместе с тем нормализуются и оздоравливаются отношения между Советским Союзом и США. Советско-американские переговоры в мае 1972 г. в Москве ознаменовали начало поворота от недоверия к разрядке, нормализации и взаимному сотрудничеству двух крупнейших держав. Важным дальнейшим шагом в этом направлении явился визит в США в июне 1973 г. Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев и его переговоры с президентом Р. Никсоном. Достигнутые в Москве и Вашингтоне соглашения открывают благоприятные перспективы для ослабления гонки вооружений, а в дальнейшем и сокращения вооружения и вооруженных сил, для создания прочного мира на земле. Особое значение в этом плане имеет заключенное между СССР и США бессрочное «Соглашение о предотвращении ядерной войны», представляющее собой важнейший шаг на пути к уменьшению и в конечном счете устранению угрозы возникновения ядерной войны, откуда бы эта угроза ни исходила. Оздоровление отношений между СССР и США благотворно сказывается на улучшении международной политической атмосферы во всем мире.

Одним из важнейших позитивных результатов нормализации отношений СССР с западноевропейскими державами и США и одновременно фактором дальнейшего улучшения международного положения социалистического содружества является начавшаяся

<sup>3</sup> «Die Welt», 12.X.1972.

сся в июле 1973 г. серия совещаний 32 государств Европы, а также США и Канады по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе.

Именно это и беспокоит пекинских руководителей, которые считают Советский Союз своим врагом номер один и хотели бы как можно большего осложнения его внешнеполитических и военно-стратегических отношений с державами — членами НАТО.

Пекинская дипломатия сделала все возможное, чтобы торпедировать это совещание. Китайская печать и ведущие деятели не жалели красок, чтобы очернить саму идею совещания, извратить его цели. В 1972—1973 гг. Чжоу Энь-лай использовал для этого серию встреч с министрами иностранных дел Франции М. Шуманом, ФРГ — В. Шееллем, Англии — А. Дугласом-Хьюмом, Италии — Д. Медичи. Была использована и трибуна Генеральной Ассамблеи ООН. Глава делегации КНР в ООН заявил, что «так называемое европейское совещание по безопасности может служить лишь еще одной ширмой, скрывающей раздел сфер влияния между двумя сверхдержавами путем использования военных блоков». Такое совещание, по его словам, лучше было бы назвать «совещанием по небезопасности в Европе...». В беседе с западногерманским христианским демократом Шредером Чжоу Энь-лай прямо дал понять, что было бы хорошо, если бы это совещание вообще не состоялось и удалось бы остановить процесс смягчения напряженности в Европе. Последней попыткой остановить этот процесс явилось турне вейкинского министра иностранных дел Цзи Пэн-фэя по странам Западной Европы.

Как справедливо отмечает американская газета «Кристен сайенс монитор», эти усилия носят ярко выраженную антисоветскую направленность и нацелены на то, чтобы «подорвать влияние» Советского Союза, который «добивается стабилизации статус-кво, возникшего в Европе после второй мировой войны». В этих целях, пишет газета, китайские руководители «выступают как решительные сторонники западноевропейского политического единства... и в конфиденциальном порядке без излишнего шума поддерживают НАТО...». «Пекину хотелось бы, чтобы русские занимались в основном Европой и соответственно меньше интересовались китайско-советской границей». В этой связи китайская печать перестала распространяться о «необходимости изгнать Соединенные Штаты из Европы»<sup>4</sup>.

Однако тенденция к разрядке напряженности настолько сильна, что военное присутствие США в Европе рано или поздно может исчерпать себя. Поэтому Пекин всячески поддерживает те круги в странах ЕЭС, которые вынашивают планы преобразования этой экономической организации в военно-политический блок. В беседе с Д. Медичи Чжоу Энь-лай прямо заявил, что «китайское правительство хочет, чтобы... движение к интеграции (стран ЕЭС) расширилось, перейдя с области экономики на политику и оборону». Китайские «стратеги» мечтают таким путем создать новый «противовес» Советскому Союзу в Европе, а точнее, новый источник военно-политической напряженности на западных границах социалистического содружества.

Эти надежды Пекина связаны со вторым важным обстоятельством — с новым этапом развития самого Общего рынка, который наступил на грани конца 60-х и начала 70-х годов. Речь идет о расширении состава ЕЭС и связанных с этим тенденциях дальнейшего развития и углубления западноевропейской интеграции, о чем подробнее говорится ниже.

И, наконец, третье обстоятельство, обусловившее поворот в западноевропейской политике Пекина, — это возросшая заинтересованность ведущих стран Западной Европы в расширении своих рынков сбыта и сфер приложения капитала под влиянием ряда внутренних факторов и обострения межимпериалистических противоречий на мировом рынке. В последние годы западноевропейские, как и американские, деловые круги обратили свои взоры к обширному и многообещающему рынку Китая. Освоение этого рынка происходит в острой конкурентной борьбе.

Так, в силу ряда исторических, географических и других условий к настоящему времени наиболее широкие экономические связи с КНР сумела развить Япония. В 1972 г. на ее долю приходилось 27% всего импорта Китая, тогда как на долю Канады — 9, ФРГ — 6, Франции — 5, Англии — 3% и т. п. Это вызывает беспокойство в деловых кругах стран ЕЭС. «Нам следует поторопиться, чтобы не опоздать на поезд в Китай», — заявляет, например, бывший министр внешней торговли Италии, а ныне председатель Итало-китайского института экономических и культурных связей В. Коломбо. Он советует не ждать, пока китайцы сами решат купить, скажем, по одной или по две пары обуви на каждого из 750 млн. жителей и предоставят тем самым обширный рынок для итальянской обувной промышленности, а «посмотреть, как ведут себя другие, последовать примеру Японии». Действительно, в 1971 г. японо-китайский внешне-торговый оборот составил 1100 млн. долл., а оборот шести стран ЕЭС с КНР едва превысил 600 млн. долл. В Коломбо призывает задуматься над тем, как сделать так, чтобы Европа (то есть ЕЭС) не осталась позади всех»<sup>5</sup>.

И «Европа» торопится. В Китай едет одна делегация бизнесменов за другой, на Кантонскую ярмарку прибывают сотни представителей фирм ФРГ, Англии, Франции,

<sup>4</sup> «Christlan Science Monitor», 16.11.1973.

<sup>5</sup> «Il Globo», 8.11.1973.

Италии, Бельгии, завязываются связи, подписываются долгосрочные контракты на покупку английских самолетов, западногерманского промышленного оборудования, итальянских автомобилей и т. п. Западноевропейские деловые круги опираются при этом на активную поддержку со стороны своих правительств. Как заявил в начале 1973 г. член кабинета министров Англии А. Рэйл, «правительство ее величества исполнено решимости и дальше поощрять наблюдаемые на протяжении последних девяти месяцев сенсационные улучшения отношений с КНР, особенно в области торговли»<sup>6</sup>.

Эта лихорадочная активность западноевропейского бизнеса совпадает со встречным желанием китайского руководства развивать экономические и научно-технические связи со странами Запада. Дело в том, что, свернув в первой половине 60-х годов широкое и внесшее огромный вклад в экономическое развитие Китая сотрудничество со странами социализма и провозгласив принцип «опоры на собственные силы», пекинские стратеги искусственно изолировали свою страну от мирового научно-технического прогресса. КНР стала все более отставать в этой области не только от технически передовых стран мира, но и от соседних развивающихся стран. Пытаясь сократить этот растущий разрыв, Пекин в последнее время принялся закупать оборудование и целые производственные комплексы в Японии и Западной Европе, старается завязать аналогичные связи с США.

Развивая экономическое и научно-техническое сотрудничество с Западом, китайское руководство преследует далеко идущие цели. Оно стремится заполучить передовую технологию и производственный опыт не только, а, скорее всего, не столько для общего подъема своей национальной экономики, сколько для форсированного развития отдельных ее отраслей, связанных с производством военной техники.

На этой почве и возникли взаимные экономические симпатии между Общим рынком и Пекином. Внешнеторговый оборот между ними, значительно сократившийся в 50-х — начале 60-х годов, вновь стал стремительно расти и увеличился за последние 10 лет в 2,8 раза.

#### Товарооборот между ЕЭС и КНР (в млн. долл.)

	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Экспорт из ЕЭС	115	107	231	321	408	372	299	350	333	297
Импорт в ЕЭС	105	140	195	248	233	226	268	255	280	330
Оборот	220	247	426	569	641	598	467	605	613	627

Источник к. «Aussenhandel. Monatstatistik». Brussel, SAEG, 1968, № 11; 1972, № 6, 1973, № 2.

Особенно бурно развиваются экономические связи в последние два года. «Одним из результатов энтузиазма Китая в отношении ЕЭС, — отмечает лондонский журнал «Экономист», — явилось то, что страны — члены Общего рынка оказались в числе получивших наибольшие выгоды от новой китайской политики открытых дверей». Но энтузиазм этот, как подчеркивает журнал, обусловлен не только отмеченными выше экономическими интересами Китая, но особенно соображениями и антисоветской стратегии Пекина и его надеждами на то, что Общий рынок превратится в политический и военный блок на Западе Европы<sup>7</sup>. И на этом стоит остановиться подробнее.

### Что импонирует Пекину в западноевропейской интеграции?

Интеграция — явление многогранное, комплексное. Оно представляет собой активный, обусловленный потребностями развития производительных сил процесс формирования обширных международных хозяйственных комплексов, в ходе которого происходит все более полное сращивание национальных хозяйств стран-участниц. Но в то же время это не стихийный процесс: он регулируется и направляется государственными или межгосударственными органами и, следовательно, охватывает не только область экономических отношений, но и правовые, политические и другие сферы надстройки. Так, для дальнейшего развития западноевропейской интеграции требуется все более тесное согласование национальной политики государств — членов ЕЭС в области налогов, движения капиталов, в валютной, бюджетной, социальной и других сферах экономики.

<sup>6</sup> «The Financial Times», 21.11.1973.

<sup>7</sup> «The Economist», 13.1.1973.

Но Пекин интересуется не эта сторона интеграции. Он проявляет солидарность с теми кругами в странах девятки, которые стремятся распространить координацию национальной политики на сферы, не имеющие прямого отношения к экономическим процессам, — на внешнюю политику и оборону. До тех пор пока эти попытки не выйдут из стадии теорий или проектов, пекинские руководители не испытывали к Общему рынку никаких симпатий. Их отношение стало меняться лишь после того, как такого рода проекты начали обретать реальные формы, то есть после встречи глав государств и правительств стран ЕЭС в конце 1969 г., которая положила начало координации внешней политики этих стран. Особенно радостно восприняли в Пекине известие о том, что следующая встреча «в верхах», состоявшаяся в Париже в октябре 1972 г., объявила главной целью стран — членов Сообщества «преобразование до конца нынешнего десятилетия... всего комплекса взаимоотношений между ними в Европейский союз»<sup>8</sup>. И хотя в самой декларации содержание этого заявления не уточняется, комментарию западной печати не оставляют сомнений о том, что речь идет о превращении ЕЭС из межгосударственной экономической организации в наднациональную политическую общность.

Идеологической основой этого курса служит тезис о том, что в современном мире, расколотом на два противостоящих друг другу военно-политических блока, возглавляемых двумя «сверхдержавами» — Советским Союзом и США, — страны Западной Европы неизбежно окажутся на задворках истории, если они не сумеют объединиться экономически и политически в своего рода «третью силу». Путь к такому объединению, согласно этой концепции, лежит через интеграцию. «Лишь в единстве Европа (Западная) сможет найти спасение и восстановить престиж, который она завоевала старыми традициями цивилизации, — писал итальянский еженедельник «Темпо» 3 февраля 1959 г. — Лишь в том случае, если она будет продолжать идти по избранному пути, Европа (Западная) поистине может стать силой — неважно, третьей или четвертой. Если единства не будет, то для нее возможно лишь положение вассала как в экономическом, так и в политическом отношении»<sup>9</sup>.

В различных вариациях этот мотив повторяют в течение многих лет деятели движения за Соединенные Штаты Западной Европы, движения федералистов и других подобных течений. Не видя глубоких перемен в политическом климате Европы, не желая считаться с благотворной тенденцией к разрядке и развитию атмосферы взаимного доверия и добрососедства, эти буржуазные политики упорно поклоняются идолам «холодной войны». На них-то и делают ставку пекинские стратеги, не упускающие случая подхватить и похвалить любое заявление таких деятелей о необходимости превращения ЕЭС в политический союз.

Надо сказать, что расширение Общего рынка и усиление его совокупного экономического потенциала создало определенные предпосылки, благоприятствующие активизации сторонников военно-политической интеграции стран Общего рынка.

Вступление в ЕЭС Англии, Дании и Ирландии создало новую политическую ситуацию: впервые с 1957 г. все три ведущие империалистические державы Западной Европы (Великобритания, ФРГ и Франция) оказались в рамках одного интеграционного объединения. Длившийся почти полтора десятилетия раскол Западной Европы на два соперничающих экономических блока — ЕЭС и ЕАСТ — удалось, наконец, преодолеть<sup>10</sup>. Сейчас западноевропейская девятка по своей совокупной экономической мощи приблизилась, а по отдельным показателям даже существенно превзошла Соединенные Штаты, не говоря уже о Японии. В 1972 г. население США составило 207 млн. человек, девятки — 252 млн. и Японии — 105 млн. человек; объем валового национального продукта (в неизменных ценах 1963 г.) — 811, 507 и 152 млрд. долл. соответственно; выплавка стали — 109, 128 и 89 млн. т; экспорт товаров — 43,5, 130,4 и 24,1 млрд. долл.; золотовалютные резервы — 13,2; 51,3 и 15,4 млрд. долл. и т. п. Это несколько худшие старые мечты о «третьей силе», которые сегодня в условиях обострения межимпериалистической борьбы западноевропейского монополистического капитала с американским и японским приобрели несколько иное содержание. Почувствовав себя экономическим гигантом, как пишет западная печать, расширенный Общий рынок не желает оставаться «политическим пигмеем» и плестись в фарватере американской внешней политики. Отсюда стремление к согласованию, а в дальнейшем и к полному единству действий в сфере внешней политики, в том числе в вопросах обороны.

Но пекинские «стратеги», как мы уже видели, поддерживают и поощряют сегодня не антиамериканский, а антисоветский аспект планов политической интеграции. Им

<sup>8</sup> "Europe", 22.X.1972.

<sup>9</sup> "Il Tempo", 3.11.1959.

<sup>10</sup> Правда, ЕАСТ после ухода из нее Англии и Дании продолжает функционировать в составе семи стран (Австрия, Норвегия, Исландия, Португалия, Швеция и Швейцария, и также Финляндия в качестве ассоциированного члена), но все они, за исключением Финляндии, заключили с ЕЭС соглашения о создании «зоны свободной торговли промышленными товарами» в составе 16 стран.

по душе такие махрово-реакционные деятели, как, например, лидер баварской партии ХСС Ф. П. Штраус, который еще в 1966 г. в своей книге «Программа для Европы» заявил, что с точки зрения Западной Европы, «красная опасность» — это прежде всего Советский Союз, а не Китай. Штраус приветствовал советско-китайские противоречия и подчеркнул, что Китай в свою очередь заинтересован в создании трудностей для Советского Союза у его западных границ. «Прагматическое мышление, очевидно, поможет попятать... что наши интересы и интересы Китая частично и временно сходятся». «Не возникает ли в силу этого необходимость, — вопрошает он, — превратить отношения треугольника Москва—Пекин—Вашингтон... в отношении четырехугольника с вовлечением Европы (имеется в виду ЕЭС. — Ю. М.), чтобы уравновесить соотношение сил в нашем духе? Но для этого необходимо политическое объединение нашего континента»<sup>11</sup>.

Ф. П. Штраус со свойственной ему грубой откровенностью выбалтывает замыслы тех реакционных сил в странах ЕЭС, которые хотели бы использовать антисоветский курс Пекина в целях давления на Советский Союз, торможения разрядки напряженности во всем мире, в том числе и в Европе. В этом заинтересованы, в частности, представители промышленных кругов Англии, ФРГ, Франции, Италии, стремящиеся сохранить высокий уровень военных заказов.

Расширение ЕЭС рассматривается этими кругами как важная предпосылка для создания самостоятельной, хотя и тесно связанной с НАТО оборонительной системы девятки, что обеспечило бы процветание военного бизнеса. В последние годы в этом направлении сделаны и некоторые конкретные шаги. В 1969 г. по инициативе Лондона в рамках НАТО оформилась так называемая «еврогруппа» в составе представителей ФРГ, Англии, Италии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Норвегии, Дании, Греции и Турции (Франция от участия в ней отказалась). В июне 1970 г. эти страны разработали «программу совершенствования обороны», направленную на улучшение качества вооружений западноевропейских стран. В начале 1973 г. были утверждены «принципы сотрудничества в области снаряжения». Но разрядка напряженности может свести это сотрудничество на нет. Отсюда зангравание с Пекином, который грубо и категорически отвергает какое бы то ни было ограничение вооружений и откровенно нагнетает напряженность в отношениях КНР с Советским Союзом.

Нет надобности доказывать, что планы превращения Общего рынка в военно-политический союз девятки находятся в глубоком противоречии с духом времени, идут вразрез с исторической тенденцией к разрядке напряженности и превращению Европы в континент мира и добрососедства. Поэтому западноевропейские поборники политической интеграции с такой радостью откликаются на любую поддержку их замыслов извне. Не будучи уверенными в победе своего курса и встречая все более активное сопротивление со стороны общественности девятки, они ищут союзников на стороне. Обращываясь к стороне соображения идеологического порядка, они охотно братаются с пекинскими провокаторами, откровенно заинтересованными в ухудшении политической атмосферы на Европейском континенте под флагом борьбы с «империализмом сверхдержав».

Пекин же со своей стороны готов поддержать любого правого деятеля независимо от его партийной принадлежности, если только он выступает за усиление военной конфронтации в Европе. Не удивительно поэтому, что сегодня правые органы печати в странах ЕЭС и китайская пропаганда часто поют в унисон и вторят друг другу. «Жэньминь жибао», например, с удовольствием отмечала, что министр иностранных дел Англии А. Дуглас Хьюм «предупредил, что опасно было бы «слишком оптимистически» смотреть на перспективы подлинного смягчения положения в Европе...» или что он призвал страны НАТО идти на совещание по европейской безопасности «с позиций силы». В свою очередь лондонский еженедельник «Экономист» с не меньшим удовлетворением пишет: «Китайцы рассматривают Европу (то есть ЕЭС. — Ю. М.) как потенциальную третью силу между двумя сверхдержавами, и всякий, кто выступает против «гегемонии сверхдержав», является другом Пекина. Но экономической интеграции, по мнению Чжоу Энь-лая, для этого недостаточно. Если Европа должна стать эффективной как третья сила, посоветовал он, то она должна также объединиться в политическом и военном отношении»<sup>12</sup>.

Пекинские лидеры зангравуют и с оппозиционными силами в Западной Германии, пытаясь, как известно, сорвать договоры ФРГ с ее восточными соседями. Поддерживая этот флирт и раскрывая его смысл, шпрингеровская газета «Вельт» писала, что «все еще существующий в ФРГ, несмотря на заключение восточных договоров, потенциал будущих конфликтов отвечает интересам китайской политики создания объединенного фронта против Москвы и максимальной изоляции Советского Союза»<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> F. J. Strauss, Entwurf für Europa. Stuttgart, 1966, S. 19, 96.

<sup>12</sup> "The Economist", 13.1.1973.

<sup>13</sup> "Die Welt", 12.X.1972.

Помимо двустороннего флирта с теми силами в ведущих странах девятки, которые добиваются превращения ЕЭС в военно-политический блок, Пекин делает ставку и на прямой союз с наднациональными институтами Общего рынка. Еще в 1972 г. он заявил о своем желании установить дипломатические отношения с ЕЭС и иметь своего постоянного представителя в штаб-квартире Общего рынка в Брюсселе. Совет министров ЕЭС со своей стороны объявил, что если КНР желает обменяться послами, он готов рассмотреть этот вопрос со всей серьезностью<sup>14</sup>. Этот шаг Пекина по достоинству был оценен высшими должностными лицами исполнительной комиссии Общего рынка. Не удивительно, что с января нынешнего года, как свидетельствует «Экономист», «Комиссия европейских сообществ почти не упускала возможностей соблазнить Китай посулами. Распространялось много слухов (без особых подтверждений) о том, что этим летом произойдет обмен, который, возможно, будет подразумевать дипломатическое признание ЕЭС Китаем»<sup>15</sup>. Тенденция к политическому сближению между Общим рынком и КНР продолжает развиваться.

\* \* \*

Все эти обстоятельства не могут не тревожить европейскую общественность, которая так долго и упорно добивалась прекращения холодной войны и создания условий для прочного и постоянного мира в Европе. Поползновения противников этого мира особенно опасны сейчас, когда начался исторический форум 35 государств по вопросам безопасности и сотрудничества народов.

Это понимают реально мыслящие люди во всех странах девятки независимо от их симпатий или антипатий к социализму.

Их настроения довольно четко выразил известный западногерманский политический обозреватель С. Хавнер. Касаясь политического флирта правых кругов ФРГ с Пекином, он пишет: «Подозрение в том, что Германия (Западная) плетет интригу с Китаем против Советского Союза, в первую очередь было бы смертельно для достигнутого с таким трудом германо-советского мира. И в одном у нас должна быть полная ясность: какими бы ценными ни были для Федеративной республики хорошие отношения с Китаем, они никогда не должны развиваться в ущерб ее отношениям с Советским Союзом, ибо последние имеют жизненно важное значение»<sup>16</sup>.

Да, мир и спокойствие в Европе имеют жизненно важное значение для всех. Не только для немцев, но и вообще для европейцев, и не только для европейцев, но и для народов всего мира. Никто и ничто не должно мешать начатому по инициативе социалистических стран и успешно развивающемуся многостороннему разговору, который призван вернуть Европе мир, безопасность и сотрудничество во имя процветания ее народов. События минувшего лета показывают, что несмотря на неизбежные в таком деле трудности, этот исторический разговор успешно продолжается, открывая перед Европой новые перспективы.

<sup>14</sup> "The Times", 5.VI.1972.

<sup>15</sup> "The Economist", 2.VI.1973.

<sup>16</sup> "Der Stern", 15.X.1972.

# Неприсоединившиеся страны и гегемонизм Пекина

*В. С. Котляров,  
кандидат исторических наук*

**Н**ачало 70-х годов ознаменовалось в мировой политике и международных отношениях важными позитивными сдвигами, коренным поворотом к разрядке международной напряженности и миру. Оздоровление политического климата в современном мире стало возможным благодаря настойчивой и конструктивной политике Советского Союза, других социалистических стран, поддержке всех миролюбивых и реалистически мыслящих сил.

Борьба за мир и борьба за национальное освобождение неотделимы друг от друга. Молодые национальные государства Азии, Африки и Латинской Америки, выступающие с прогрессивных позиций, вносят позитивный вклад в процесс радикального изменения международной обстановки к лучшему, что в свою очередь содействует их борьбе за утверждение независимости и социальный прогресс. Опираясь на всемерную помощь и поддержку мирового социализма и международного рабочего движения, они получили возможность для проведения своей самостоятельной национальной политики, что позволило им стать влиятельной силой современности. Сбываются слова великого Ленина, который говорил, что не за горами такой период всемирной истории, когда каждый народ станет практически решать «вопрос о судьбе всего человечества»<sup>1</sup>. Ныне на политической арене выступает около 150 суверенных государств и среди них 100 развивающихся стран или свыше двух третей населения несоциалистического мира. Ближится час освобождения народов 50 стран и территорий или почти 40 млн. человек, все еще находящихся в колониальной и полуколониальной зависимости.

Выступление молодых суверенных государств на политической арене с самостоятельной политикой содействовало превращению международных отношений в подлинно всемирные. Сходность социально-экономических структур, однотипность общественных процессов, совпадение позиций по важнейшим проблемам современности придают их внешней политике во многом сходный и типичный характер. В то же время известные различия в уровнях общественного развития при неодинаковых политических и исторических условиях оставляют определенный отпечаток и придают известное своеобразие политике каждой из этой группы стран, что значительно сказывается на всеобщем процессе их преобразований.

Несмотря на необычайную пестроту национальных курсов молодых государств, в их внешней политике совершенно четко и определенно различаются две основные тенденции, два характерных для них курса в мировой политике и международных отношениях. В основе одного из них заложены идеи позитивного нейтрализма и неприсоединения, важные элементы прогрессивной направленности, получившие широкое распространение в зоне освободительной борьбы. В основе другого — концепции блоковой антинациональной политики, открытой ориентации на союз с империализмом.

Подавляющее большинство развивающихся стран сделало свой выбор в пользу позитивно-нейтралистского курса неприсоединения, в сторону прогрессивной внешнеполитической ориентации и лишь незначительное меньшинство молодых государств связало себя с прямым участием в военно-политических группировках империализма, серьезно ограничившим их государственный суверенитет, возможности принятия самостоятельных решений и проведения национальной политики.

Политика позитивного нейтрализма и в более широком смысле неприсоединения представляет собой качественно новое явление в международных отношениях, возникшее в середине XX в. в результате распада колониальной системы империализма, образования молодых суверенных государств и выхода их на мировую политическую арену в условиях всемирного перехода от капитализма к социализму. Нейтрализм как госу-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 328.

дарственная политика освободившихся стран является выражением воли суверенных народов Азии и Африки, сбросивших иго колониального рабства и вставших на путь самостоятельного развития. Он коренным образом отличается от традиционного или постоянного нейтралитета Швеции, Швейцарии, Люксембурга и других европейских буржуазных государств, который возник в эпоху домнополистического капитализма и означает политическое и юридическое положение государств, не участвующих в войне и занимающих по отношению воюющих сторон одинаковую беспристрастную позицию. В отличие от традиционного нейтралитета политика позитивного нейтралитета молодых государств Азии и Африки как по своей социальной природе, политической направленности и идеологии, так и в юридически-правовом плане, представляет собой новый тип современных международных отношений.

Нейтрализм молодых освободившихся государств зародился и развивается в процессе борьбы угнетенных народов против колониализма и империализма за достижение политической независимости и укрепления государственного суверенитета и представляет собой одну из форм отстаивания своей независимости, как политической, так и экономической, против всяких попыток реставрации колониализма и иностранной зависимости. В основе нейтрализма развивающихся стран лежат антиколониальные, антиимпериалистические устремления народов, которым, по словам Дж. Неру, не было пути «назад к Западу с его колониализмом»<sup>2</sup>.

В самом широком политическом смысле слова нейтрализм освободившихся стран, политика неприсоединения есть не что иное, как выражение в наиболее общей форме через посредство всей системы надстроечных учреждений, принципов и целей, идейно-политических взглядов на внешний мир, мировую политику и международные отношения тех социально-политических сил национально-освободительного движения, которые в условиях борьбы двух противоположных общественных систем представляют один из активных отрядов мирового антиимпериалистического фронта.

В современном мире нейтрализм, политика неприсоединения являются внешним проявлением национально-освободительного движения на мировой политической арене и представляют собой своеобразную форму участия освободившихся стран в антиимпериалистической борьбе в международном масштабе. Эта жизнеспособная и весьма динамичная политика прошла в своем развитии ряд важных периодов.

Ее начальный этап характеризовался особенностями внутренней и международной обстановки с момента достижения угнетенными народами Азии и Африки своей независимости до Бандунгской конференции 1955 г., когда нейтрализм из разрозненных позитивных действий и акций отдельных стран постепенно стал перерастать, опираясь на силу и мощь мирового социализма, в интегрированную внешнеполитическую силу целой группы молодых национальных государств, объединенных общими интересами и целями национально-освободительной борьбы. Политика позитивного нейтралитета нашла свое выражение в их совместных выступлениях за полную ликвидацию позорной колониальной системы империализма, за прекращение огня в Корее, против угрозы новой мировой войны и сколачивания агрессивных блоков империализма, за объединение усилий в ООН в борьбе за мир, международную безопасность и равноправное сотрудничество.

Новая полоса в стремительном взлете нейтрализма охватывала период с середины 50-х и до начала 60-х годов, в течение которого в жизни народов Азии и Африки происходят значительные сдвиги. С одной стороны, в их внешней политике определился качественный поворот в сторону более тесного и широкого политического и экономического сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Развитие политических и внешнеэкономических связей и контактов с миром социализма серьезно ослабляло экономические позиции международного империализма в «третьем мире». С другой стороны, расширение сотрудничества с социалистическими странами способствовало упрочению политической независимости и суверенитета молодых государств, созданию в этих странах благоприятных условий для перерастания общенациональных революций в социальные, которые открывали перед ними перспективу некапиталистического пути развития<sup>3</sup>.

Последующий этап в становлении и росте нейтрализма развивающихся стран начался с Белградской конференции 1961 г., который продолжается до настоящего времени. Важнейшей отличительной особенностью этого этапа явилось перерастание нейтрализма молодых государств Азии и Африки в широкое движение неприсоединения, которое вышло за рамки двух континентов и объединяет ныне в своих рядах около 80 стран Азии, Африки и Латинской Америки. Главным социально-политическим содержанием политики неприсоединения этого периода было то, что борьба за национальное освобождение во многих странах «третьего мира» стала практически перерастать

<sup>2</sup> М. Brecher. *India and World Politics, Krishna Menon's Views of the World* London, Toronto, Bombay, 1968, p. 3.

<sup>3</sup> См.: «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм» 1964, стр. 67.

в борьбу против эксплуататорских отношений — как феодальных, так и капиталистических. Возникли в этот период революционно-демократические государства социалистической ориентации, расширилось сотрудничество с СССР и другими странами социалистического содружества, усилилась борьба за создание независимой национальной экономики, возрос отпор силам агрессии и войны. В последнее десятилетие, как отмечалось в Основном документе международного совещания братских партий 1969 г., продолжала возрастать в мировом революционном процессе роль антинимпериалистического движения народов Азии, Африки и Латинской Америки<sup>4</sup>.

Важный вклад в развитие теории и практики позитивного нейтралитета, принципов неприсоединения внесли видные деятели национально-освободительного движения народов Азии и Африки Дж. Неру, Гамаль Абдель Насер, Кваме Нкрума и др., которые непосредственно участвовали в выработке общей прогрессивной линии и согласованных позитивных действий афро-азиатских нейтралитетских государств в решении важнейших проблем мировой политики, исходя из коренных задач освободительной борьбы, имеющих как национальный, так и интернациональный характер. Касаясь внешней политики Индии, Дж. Неру не раз говорил, что она не является нейтральной в прямом смысле, а представляет собой позитивную и жизненную политику, вытекающую из борьбы Индии за свободу. Неру особенно подчеркивал, что когда «человеческая свобода или мир подвергаются опасности, мы не можем быть и не будем нейтральными; нейтральность в этом случае означает бы предательство того, за что мы боремся, и то, что мы теперь защищаем»<sup>5</sup>. Лидер индийского национально-освободительного движения дал решительную отповедь западным критикам политики неприсоединившихся стран, которые, по мнению стратегов холодной войны, должны были быть либо на той, либо на другой стороне. Неру считал отказ от участия в агрессивных блоках в пользу мира одним из фундаментальных принципов политики неприсоединения<sup>6</sup>.

Активный характер позитивной политики неприсоединения вытекал из борьбы народов афро-азиатских стран за национальное освобождение и социальный прогресс против империализма и неокOLONиализма. Характеризуя эту политику, президент Египта Насер видел в ее осуществлении не только поддержку права наций на самоопределение, но и обеспечение подлинной независимости бывших угнетенных народов<sup>7</sup>. Впоследствии он неоднократно подчеркивал, что политика неприсоединения направлена на то, чтобы не дать империализму ликвидировать свободу и превратить завоеванные народами независимость в простую формальность<sup>8</sup>. Политика неприсоединения вовсе не означает, что освободившиеся страны должны, по выражению К. Нкрумы, играть роль безучастного наблюдателя в мировых делах или вопросах, которые затрагивают их жизненные интересы, судьбы борющихся народов. Наша политика, говорил он, не является ни пассивной, ни нейтралитетской политикой<sup>9</sup>.

Позитивно-нейтралитетские идеи получили свое наиболее полное выражение в международных соглашениях и других документах, принятых на двусторонних и многосторонних встречах, региональных форумах и конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран. На Бандунгской конференции 1955 г. впервые были сформулированы десять принципов мирного сосуществования, отражавшие ленинские идеи отношений государств с различными социальными системами. На I Конференции неприсоединившихся стран в Белграде в 1961 г. впервые были изложены в обобщенной форме некоторые основные позитивные принципы этого движения, которые получили свое дальнейшее развитие в документах II Каирской конференции 1964 г. и III конференции, состоявшейся в Лусаке в 1970 г. В принятой на III конференции Декларации о неприсоединении, под которой поставили свои подписи свыше 60 глав государств и правительств неприсоединившихся стран, были впервые сформулированы и в наиболее концентрированном виде основные цели и задачи политики неприсоединения. Они включали в себя обеспечение международного мира и мирного сосуществования путем укрепления роли неприсоединившихся стран; борьбу против колониализма и расизма, урегулирование споров мирными средствами, прекращение гонки вооружений и вслед за этим — всеобщее разоружение, борьбу против существования военных союзов и пактов великих держав, борьбу против иностранных военных

<sup>4</sup> «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 310.

<sup>5</sup> S. N. D h a r. Nehru on Nonalignment. — "India and Foreign Review". New Delhi, June 15, 1964, p. 34.

<sup>6</sup> "The Belgrade Summit Conference of Nonaligned Countries, Information Department", Cairo—UAR, 1961.

<sup>7</sup> "President Gomal Abdul Nasser Speech to the General Cooperatives' Conference", Caiko, November 27, 1958, p. 54—55.

<sup>8</sup> "The Belgrade Summit Conference of Nonaligned Countries, Information Department", Cairo—OAR, 1961.

<sup>9</sup> К в а м е Н к р у м а. Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М., 1962, стр. 213.

баз и содержания иностранных войск на территории других стран, обеспечение универсальности и укрепление эффективности ООН, борьбу за экономическую независимость и сотрудничество между государствами на основе равенства и взаимной выгоды<sup>10</sup>. Неприсоединившиеся страны настойчиво выступали за ликвидацию очагов агрессии в различных частях мира, за вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий, за безусловный вывод всех иностранных вооруженных сил из Вьетнама.

Состоявшаяся в сентябре 1973 г. IV Конференция неприсоединившихся стран в Алжире, в которой участвовало около 80 национальных государств и 16 национально-освободительных движений, явилась новым свидетельством дальнейшего роста движения неприсоединения, возросшей популярности его позитивных идей, укрепления его антиимпериалистической и антиколониальной направленности. Принятые на конференции политическая и экономическая декларации и резолюции по жгучим проблемам современности служат ценным вкладом в дальнейшее развитие позитивных принципов и целей движения неприсоединения.

Однако, к сожалению, прогрессивная, антиимпериалистическая политика многих неприсоединившихся стран не всегда была достаточно твердой и последовательной в деле отстаивания декларированных принципов и целей движения, претворения в жизнь светлых идеалов и надежд борющихся народов. В движении неприсоединившихся стран наблюдались подчас противоречивые, а иногда и регрессивные явления и тенденции, выражавшие весьма сложную позицию молодых национальных государств на международной арене. Этот сложный и противоречивый характер политики неприсоединения молодых государств определяется сложностью и известной противоречивостью самих процессов внутреннего развития в них, сменой старых и возникновением новых социальных структур с тенденцией к консервации переходных форм и отношений, своеобразным и сложным этапом классового образования, появлением промежуточных массовых общественных групп и слоев.

Огромнейшее влияние на внешнюю политику освободившихся стран оказывает процесс классового образования, расслоения афро-азиатского многоукладного общества при одновременном функционировании традиционных и вновь создаваемых институтов политической надстройки, взаимоотношения старых и новых социальных сил, а в многонациональных государствах — наций и народностей, находящихся на различных ступенях общественного развития. В тех странах афро-азиатского мира, где буржуазия и рабочий класс остаются крайне неразвитыми, там на авансцену общественного развития выдвинулась такая массовая общественная группа, как средние городские слои, и это обстоятельство, нужно сказать, придает определенное своеобразие политике ряда неприсоединившихся государств. Представители и выходцы средних слоев входят в состав национальных правительств и нередко возглавляют их. Из них же в основном формируется государственный аппарат: постоянная армия и полиция (преимущественно офицерский корпус) и чиновничество, фактически несменяемое и привилегированное, стоящее над народом. Более того, в ряде молодых афро-азиатских государств переходного типа с неразвитой социально-классовой структурой появляется особый слой бюрократии, фактически осуществляющей публичную власть от имени народа. В. И. Ленин подчеркивал, что государственная бюрократия, как «наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*», тысячами крепчайших нитей связана в странах капитала с господствующим классом буржуазии<sup>11</sup>. В странах же «третьего мира», где местная буржуазия является слабой, бюрократия нередко превращается в так называемый правящий класс, или этакратию.

Однако под воздействием современного революционного процесса в условиях антиколониальной, антиимпериалистической борьбы значительная часть средних слоев в странах Азии, Африки и Латинской Америки, в первую очередь ее передовые патристически настроенные круги, революционно-демократические элементы встали на прогрессивные позиции. Они осуществляют определенные антифеодалные и антикапиталистические преобразования и проводят более последовательный антиимпериалистический прогрессивный курс на международной арене. В результате в молодых национальных государствах возникли своеобразные формы прогрессивного общественного развития — свыше десяти афро-азиатских стран вступили на путь некапиталистического развития. Они оказывают важное влияние на формирование позитивных принципов в движении неприсоединившихся стран и сдерживают в нем развитие негативных процессов и явлений, что усиливает его антиимпериалистическую направленность. В поддержку прогрессивного курса политики неприсоединения выступают революционно-демократические, коммунистические и рабочие партии, прогрессивные профсоюзы и массовые общественные организации молодых государств.

<sup>10</sup> См.: «Международные отношения и внешняя политика СССР». (Сборник документов, 1917—1957 гг.) М., 1957, стр. 259—260; приложение к журналу «Международная политика», Белград, 20.IX.1970, стр. 24—26.

<sup>11</sup> В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его г-г. Струве, 4-е изд., т. I, стр. 399—400.

В проведении политики неприсоединения заинтересована и национальная буржуазия, угнетаемая иностранным государственно-монополистическим капиталом в масштабах международного разделения труда. Широкая заинтересованность различных политических сил развивающихся стран в проведении курса на неприсоединение придает ему известное своеобразие и противоречивость в рамках их общенациональной политики.

Страны социалистической ориентации — Алжир, Бирма, Гвинея, Египет, Ирак, Йемен, Конго, Мали, Сирия, Сомали, Танзания совместно с Индией, Бангладеш и другими странами — составляют активное ядро прогрессивной политики неприсоединения, которое сплачивает всех его участников на широкой антиимпериалистической основе. Вместе с другими государствами Азии, Африки и Латинской Америки они образуют левое прогрессивное крыло неприсоединившихся стран.

Однако на правом фланге движения неприсоединившихся стран к началу 70-х годов группировались национальные государства с довольно сходной социально-классовой структурой и близкими внешнеполитическими позициями, для которых характерной была прозападная ориентация, тесное сотрудничество с империалистическими государствами, а в ряде случаев и с южно-африканскими расистскими режимами. В состав этой узкой группировки входили Либерия, Лесото, Габон, Индонезия (после 1965 г.), Иордания, Саудовская Аравия, Тунис и другие. Их непомерный национализм, принесение в жертву общих интересов ради частных и временных выгод создавали щель в единстве афро-азиатских и латиноамериканских стран, объединенных на принципах неприсоединения, которую враги независимости при первой же возможности пытались использовать в ущерб движению. Эта националистическая группировка афро-азиатских стран представляла консервативное крыло неприсоединения, ослабляла его прогрессивную, антиимпериалистическую направленность.

В то же время ряд нейтралистских государств, весьма разнородных по социально-политическому строю, располагался между левым и правым флангами движения, занимая в общем центристские позиции. К этой части нейтралистских государств относились Заир, Замбия, Марокко, Сенегал, ЦАР и др. В их действиях на международной арене порою проявлялись стремления уйти от прямой постановки острых политических вопросов, занять среднюю линию, встать на путь некоего промежуточного пути развития исходя из признания концепции «двух сверхдержав». Вместе с тем от них нередко исходила и позитивная инициатива, направленная на преодоление споров и разногласий, выработку и принятие взаимоприемлемых для всех сторон компромиссных решений.

Такое деление неприсоединившихся стран носит, естественно, условный и относительный характер, поскольку сама жизнь, развитие революционного процесса в зоне освободительной борьбы нередко вносит в расстановку политических сил «третьего мира» свои коррективы, порою весьма существенные. Тем не менее подобный анализ дает возможность увидеть сильные и слабые стороны движения, уяснить определенные тенденции его развития, оценить ближайшие перспективы этого сложного явления современной международной жизни.

Успехи движения неприсоединения, его позитивные акции на международной арене в интересах прочного мира, национальной независимости и социального прогресса неотделимы от активной внешнеполитической деятельности СССР, стран социалистического содружества, их твердой антиколониальной, антиимпериалистической позиции. СССР, братские страны социализма установили с молодыми национальными государствами отношения нового типа, основанные на ленинских принципах равноправия, взаимного уважения и взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела, солидарности в борьбе против империализма. Союз с силами национального освобождения — один из краеугольных камней ленинской внешней политики советского государства. «Всеми миру известно, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, — что, следуя заветам В. И. Ленина, наша партия, наш народ активно поддерживает национально-освободительную борьбу народов и прогрессивную политику освободившихся от колониального гнета стран»<sup>12</sup>.

Советский Союз решительно поддерживает прогрессивный курс неприсоединившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, направленный против неокolonизма, в защиту политической независимости, за экономическое освобождение от империализма, на борьбу за мир, социальный прогресс и укрепление солидарности со странами социализма и другими передовыми силами современности. Выступления СССР на стороне борющихся народов всегда имели решающее значение для пресечения военных авантур, развязанных империалистами в афро-азиатских странах в послевоенные годы.

Новым важным рубежом в укреплении союза сил мирового социализма и национальной независимости неприсоединившихся стран явился XXIV съезд КПСС.

<sup>12</sup> Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 67.

разработавший обширную Программу мира, в которой на первом месте стояли задачи ликвидации военных очагов в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Активная внешнеполитическая деятельность СССР направлена на обуздание агрессивных сил империализма и укрепление международной безопасности.

Наиболее крупным событием, которое оказало и будет оказывать воздействие на весь процесс разрядки напряженности, и не только в Азии, но и в других частях света явилась историческая победа народа Вьетнама над империалистической агрессией. Во время пребывания в СССР летом 1973 г. партийно-правительственной делегации ДРВ Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама тов. Ле Зуан с глубокой благодарностью говорил о мощной поддержке, большой и многосторонней помощи СССР, которую вьетнамский народ никогда не забудет<sup>13</sup>.

Неуклонно осуществляя курс XXIV съезда КПСС, Советский Союз решительно поддерживает национально-освободительное движение народов Бангладеш, национализацию крупнейшей на Ближнем Востоке «Ирак петролеум компани», содействует устранению серьезного очага напряженности в Индостане, последовательно проводит линию на поддержку законных прав арабских народов в борьбе против израильской агрессии.

Качественно новые отношения стали складываться между СССР и неприсоединившимися странами на основе широкой антиимпериалистической платформы борьбы за мир, национальную независимость и социальный прогресс. Это нашло свое выражение в подписании советско-египетского (27 мая 1971 г. в Каире), советско-индийского (9 августа 1971 г. в Дели) и советско-иракского (9 апреля 1972 г. в Багдаде) договоров о мире, дружбе и сотрудничестве, которые стали важным фактором упрочения мира и безопасности в Азии, Африке и во всем мире.

Важным вкладом в дело обеспечения мира и безопасности народов явились визиты Л. И. Брежнева в ФРГ, США, Францию и подписанные там соглашения, в том числе о предотвращении ядерной войны, отвечающие интересам не только советского народа, но и народов неприсоединившихся стран, всех прогрессивных сил мира. Советский Союз стремится распространить зону разрядки международной напряженности на весь мир и борется за то, чтобы благоприятные перемены приобрели необратимый характер. Исключительное значение приобретает в этой связи предложение СССР о создании в Азии системы коллективной безопасности, имеющей целью исключить войны и вооруженные конфликты, империалистическую агрессию и гарантировать условия для свободного развития и национального возрождения в регионе, чтобы в отношениях между азиатскими странами возродился дух доверия, взаимопонимания и добрососедства. Это отвечает интересам неприсоединившихся стран, соответствует их позитивным принципам и целям. «Мы предлагаем строить систему коллективной безопасности, — говорил тов. Л. И. Брежнев в Алма-Ате, — не на пустом месте. Многие принципы, на которых она могла бы основываться, провозглашены в исторических решениях Бандунгской конференции, другие отражены в ряде международных документов, касающихся Азии»<sup>14</sup>. Советские предложения встречают широкую поддержку азиатской общественности, желающей жить по законам мира и сотрудничества.

Хотя происходящие сейчас исторические перемены в международной жизни привели в политических кругах Запада к определенной переоценке ценностей, заставила многих их деятелей отойти от догм холодной войны, встать на почву реальных фактов, тем не менее склонность империализма к военным авантюрам и насильно, заложенная в самой его природе, не дает оснований для ослабления внимания по отношению к его замыслам и маневрам.

До последнего времени империализм решительно отказывался признавать за афроазиатскими и латиноамериканскими странами право на проведение своей национальной независимой политики. Он рассматривал эти страны как источник омоложения капитализма, его глубокий тыл и стратегический резерв, а следовательно, и как своих политических союзников в противоборстве с мировой системой социализма и освободительным движением. Его агрессивный курс определялся в отношении неприсоединившихся государств словами «кто не с нами, тот против нас». Идеологи и политики империализма третируют нейтралитет и неприсоединение как аморальную и близорукую политику, как заблуждение молодых государств, идущих-де не в ногу с временем.

Однако после того как откровенно враждебный антинейтралитетский курс с его односторонней блоковой ориентацией потерпел фиаско, стратеги империализма, вынужденные приспособливаться к переменам на международной арене, начинают выступать под видом поборников и защитников «подлинного нейтралитета», политики «равной удаленности» как от западного блока, так и социалистических стран с тем,

<sup>13</sup> «Правда», 11.VII.1973.

<sup>14</sup> «Правда», 16.VIII.1973.

чтобы увести молодые государства в сторону от активной антиимпериалистической борьбы, сбить их с позиций позитивного нейтралитета и направить на путь «промежуточного развития», помешать им устанавливать более тесные связи и контакты с миром социализма<sup>15</sup>.

Переход к более гибким и закамуфлированным формам и методам неоколониалистской стратегии в «третьем мире» отнюдь не означает, что агрессивные реакционные силы империализма отказались от своих традиционных приемов грубого давления, применения вооруженной силы, широкой подрывной деятельности. Сегодня они поддерживают и поощряют израильского агрессора, пытаются диктовать свою волю арабским народам, вооружают местную реакцию в Индокитае, помогают южноафриканским расистам, свергают законные правительства, нагло попирают волю чилийского народа. Они пытаются спасти от развала систему военно-политических блоков и союзов НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, нацеленных против народов неприсоединившихся стран, которые не раз становились жертвами их вооруженной агрессии и преступных войн. Только за последние четверть века против молодых национальных государств Азии, Африки и Латинской Америки непосредственно империализмом или с его помощью было развязано около 40 войн и вооруженных конфликтов крупных и средних масштабов.

Прогрессивному курсу неприсоединившихся стран, их позитивным акциям на международной арене противостоят также и политика китайского руководства, в основе которой лежат устремления навязать национально-освободительному движению свою идейно-политическую платформу и обеспечить за Китаем роль гегемона и лидера стран «третьего мира». Именно этой цели подчинена вся внешнеполитическая деятельность Пекина в отношении неприсоединившихся стран. Маоисты пытаются изолировать движение неприсоединившихся стран от других отрядов антиимпериалистической борьбы, и прежде всего от стран социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения. Они стремятся притупить его прогрессивный курс, подорвать его антиимпериалистическую направленность, столкнуть движение неприсоединившихся стран с позиций активной борьбы за мир, национальную независимость и социальный прогресс на путь «равновеликого противостояния» как миру капитализма, так и силам социализма или, иначе говоря, вывести его из борьбы двух мировых систем. Естественно, маоисты не могут объяснить свои внешнеполитические акции с позиций марксизма-ленинизма, поскольку их действия в корне противоречат принципам марксизма, классовому подходу к социально-общественным явлениям. Поэтому, чтобы оправдать свою внешнюю политику в «третьем мире», маоисты пытаются подвести под нее некую «теоретическую» основу путем разработки всевозможных теорий, концепций и доктрин мелкобуржуазного, националистического и расистского толка, нередко позаимствованных у апологетов империализма, которые сознательно затушевывают классовую сущность международных отношений, искусственно делят мир по различным формальным признакам. Так, например, в середине 50-х годов Мао Цзэ-дун и его ближайшие сторонники в КПК выдвинули свою внешнеполитическую «доктрину Моиро» для Азии, в которой под предлогом того, что азиаты сами должны решать свои дела, без иностранного вмешательства, протаскивалась раскольничья идея обособления Азии от революционной борьбы народов других континентов, и прежде всего от социалистических стран Европы. Антиимпериалистический лозунг «Руки прочь от Азии!», выдвинутый азиатскими странами против империалистического вмешательства в их внутренние дела, маоисты пытались повернуть против Советского Союза. Однако попытки маоистов «отлучить» Советский Союз с помощью данной доктрины получили на Бандунгской конференции, несмотря на закулисную воию эмиссаров Пекина, решительный отпор со стороны афроазиатских государств. Не случайно правительства Индии, Цейлона и ряда других неприсоединившихся стран, когда встал вопрос о созыве второй подобной конференции, высказались за приглашение на нее СССР как азиатской державы, настойчиво и последовательно отстаивающей справедливое дело борющихся народов<sup>16</sup>.

В середине 60-х годов Пекин выступил с новой гегемонистской идеей о создании под его эгидой «революционной организации объединенных наций» афро-азиатских, латиноамериканских, некоторых западноевропейских и североамериканских капиталистических стран на основании разработанной им теории «промежуточных зон», в основе которой лежали все те же внешнеполитические цели китайского руководства.

В эту «революционную организацию» Пекин рассчитывал привлечь лишь те молодые государства, правительства которых пошли бы в фарватере внешнеполитического курса китайского руководства. Эту авантюристическую затею китайских руководителей не поддержали правительства стран Азии, Африки и Латинской Америки, и

<sup>15</sup> См., например: J. W. Spanier. American Foreign Policy Since World War II, 4th rev. ed. New York, Washington, 1972; K. J. Holsti. International Politics, A Framework for Analysis, Englewood Cliffs, New Jersey, 1968.

<sup>16</sup> "Far Eastern Economic Review", Hong Kong, May 7, 1964, p. 295.

призыв Пекина объединяться в «революционную организацию объединенных наций» на маоистской, антисоветской основе остался гласом вопиющего в пустыне.

Анализ политики Пекина в отношении позитивного нейтралитета, движения неприсоединившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки показывает, что Пекин рассматривал и рассматривает прогрессивную, антиимпериалистическую направленность неприсоединения, то есть его основу, революционное содержание, как международное явление, несовместимое с его идеологией и практикой. И поскольку данный курс по своим целям и задачам идет вразрез с великодержавными устремлениями маоистов, он постоянно подвергался с их стороны грубым нападениям.

Маоисты сорвали проведение II Конференции афро-азиатских стран по типу Бандунга, за участие в которой Советского Союза высказалось подавляющее большинство молодых государств. Пекин пытался помешать проведению конференцией неприсоединившихся стран. Он подверг яростным нападениям лежащий в основе неприсоединения принцип мирного сосуществования, который журнал «Хунци» охарактеризовал как «непрерывное угождение, непрерывные компромиссы, непрерывные уступки империализму»<sup>17</sup>. Маоисты пытались на II Конференции неприсоединившихся стран противопоставить мирное сосуществование антиимпериалистической борьбе, разобщить ее участников.

В ходе III Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран яростное наступление маоистов против укрепления сотрудничества молодых государств с миром социализма, и в первую очередь с Советским Союзом, закончилось позорным провалом. Были отбиты также и маоистские атаки «слева», предпринятые ими с помощью фальшивой концепции «двух сверхдержав» с целью внушить молодым национальным государствам, что главная опасность исходит для них как от империалистических США, так и социалистического Советского Союза.

Этот же тезис маоисты пытались навязать IV Конференции неприсоединившихся стран, состоявшейся в сентябре 1973 г. в Алжире, сделать его лейтмотивом своего приветственного послания конференции. Однако уже в ходе самой конференции и после ее окончания большинство глав государств и правительств неприсоединившихся стран высказалось о непримлемости маоистского тезиса. О несостоятельности попыток Пекина поставить знак равенства между политикой СССР и США говорили президент Египта А. Садат, президент Сирии Х. Асад и другие участники алжирской встречи. «Советский Союз, — заявил, например, Х. Асад, — всегда выступал и продолжает выступать на стороне народов, борющихся за свободу, независимость и прогресс, оказывая им помощь и всестороннюю поддержку, в то время как США всегда занимали враждебную позицию по отношению к народам, их свободе и прогрессу. В свете этого недопустимо и нельзя ставить оба эти государства на одну доску»<sup>18</sup>.

Подход пекинского руководства к политике неприсоединения практически совпадает с политикой тех агрессивных сил империализма, которые хотели бы направить его развитие по пути «равного удаления», и особенно в той ее части, которая преследует антиимпериалистические цели. «Любая попытка столкнуть неприсоединившиеся страны с социалистическим лагерем, — справедливо отметил на Алжирской конференции глава правительства Кубы Ф. Кастро, — является глубоко контрреволюционной и направлена на защиту интересов империализма. Лишать нас дружбы с социалистическим лагерем — значит ослаблять неприсоединившиеся страны и оставлять их на милость пока еще мощных сил империализма»<sup>19</sup>.

IV Конференция в Алжире еще больше заострила антиимпериалистическую и антиколониальную направленность движения неприсоединения. Об этом наглядно свидетельствуют политическая декларация, принятая ее участниками, выступления большинства делегатов. Конференция со всей убедительностью продемонстрировала, что цели движения неприсоединившихся стран несовместимы с внешнеполитической деятельностью китайских лидеров. Маоисты, как свидетельствуют материалы X съезда КПК, стремятся и впредь выступать против коренных принципов политики позитивного нейтралитета, против разрядки напряженности и мира, против сотрудничества развивающихся стран с миром социализма. Ради достижения своих гегемонистских целей в «третьем мире» Пекин идет все дальше по пути сближения с агрессивными кругами империализма.

Однако неприсоединившиеся страны, несмотря на трудности и препятствия, которые создают на их пути империализм и маонизм, несмотря на сложность и противоречивость внутреннего развития самого движения, продолжают сохранять единство своих рядов и выступать с активных антиимпериалистических позиций, опираясь на силу и мощь мирового социализма. Неприсоединившиеся страны выступают на международной арене как позитивная сила, содействующая процессу разрядки напряженности и укрепления мира, процессу, который благодаря усилиям всех антиимпериалистических, прогрессивных сил современности приобретает необратимый и постоянный характер.

<sup>17</sup> «Хунци», 1962, № 5.

<sup>18</sup> «Правда», 13.IX.1973.

<sup>19</sup> Там же.

## Вьетнамская литература: наследие и традиции

*Н. И. Никулин,*  
кандидат филологических наук

Победа Вьетнама, увенчавшая длительную и кровопролитную борьбу за независимость, сейчас, как никогда ранее, приковывает внимание мира к этой древней стране и ее многовековой культуре. Прежде всего мы задумываемся, откуда берет исток воинское мужество и беспредельная стойкость этого миролюбивого народа, который сравнивает свою отчизну с коромыслом и двумя доверху наполненными рисом корзинами на нем. Корзины, наполненные рисом, — это плодородные долины Красной реки и Меконга. С ними связаны самые сокровенные думы вьетнамцев о мире, о счастливом труде, о светлом будущем родины. Во имя этого боролся вьетнамский народ в прошлом, ради этого совершают свои подвиги патриоты Вьетнама и в наше время.

Нынешний подвиг Вьетнама воплощает в себе все его историческое прошлое, его революционные традиции, многовековую культуру. Именно поэтому мы обращаемся к истории вьетнамской литературы, — живому свидетельству духовного богатства, благородства и мужества народа.

\* \* \*

Одним из глубинных истоков фольклорных и литературных традиций Вьетнама была донгшонская культура бронзового века (V—II вв. до н. э.), на памятниках которой — в рисунках и фигурках из бронзы — нашли отражение мифологические и другие народно-поэтические мотивы (мифы о всеильном солнце, птице лак, обожествленной жабе, предвещающей дождь, и др.). Судя по письменным источникам XIV—XV вв., древнейшая устная традиция была представлена циклом мифов о государе Драконе Лаке — первопрядке и первоучителе древних вьетнамцев, циклом повество-

ваний о легендарных государях Хунгов мифологических преданий (о борьбе Духа гор с Духом вод), сказок о богатырях (о Фэ Донге), волшебных сказок (о двух братьях и бетеде) и легенд.

Становление вьетнамской средневековой литературы в X—XII вв. — после освобождения от многовекового господства китайских феодалов, продолжавшегося с перерывами с конца II в. до н. э. по 939 г. н. э. — происходило в условиях влияния китайской культуры (во Вьетнаме литературным языком стал ханван — вьетнамизированный вариант вэньяня — древнего письменного китайского языка). Усвоил Вьетнам и некоторые элементы индийской культуры — через буддизм и благодаря посредничеству государства Тьямпа и Ангорской империи. В качестве предшественника художественной прозы возникают местные предания и жизнеописания: они дошли до нас в форме надписей на стенах буддийских храмов.

Поэзия X—XII вв., судя по дошедшим до нас произведениям, была тесно связана с буддийскими ритуалами. Стихотворения того времени представляют собой короткие поучения, «поэтические резюме» проповедей. Образы природы в них имели характер символов и аллегорий, а движение поэтической мысли было призвано проиллюстрировать тот или иной догмат буддизма. Торжественной приподнятостью, величавой монументальностью стиля отличаются произведения, отображающие укрепление вьетнамской государственности: стихотворное обращение к войскам полководца Ли Тхыонг Квета (1019—1105) и др.

В XIII—XIV вв. на смену существовавшему ранее взгляду на поэзию как на средство прямого выражения догматов буддизма или их иллюстрацию приходит представление о поэзии (она становится преимущественно пейзажной) как о символе, передающем человеческие эмоции, перемены в человеческом бытии, парадоксы жизни. Представление о мгновечности творческого акта, как бы соответствующего религиозному озарению, привело к формированию жанров поэтических миниатюр — четверостиший и восьмистиший. Для них характерна ассоциативность, а недосказанность, незавершенность стихотворения рассчитаны на читательское сотворчество. Эти жанры процветали в придворно-аристократической среде, авторами многих стихов были государи династии Чан (1225—1400). В этой же среде получил развитие прозапоэтический жанр (фу).

Конфуцианская тенденция в поэзии заявила о себе интересом к общественно зна-

Своим чертам личности и явлений жизни, а в поэтике — сложной системой символов, образов, намеков на письменные источники исторические аналогии — всем тем, что от конфуцианской учености. В поэзии конфуцианцев, сторонников реформ (Тю Дыонг Аня, Нгуен Фи Кхяня) во второй половине XIV в. впервые появляется тема протеста против социального гнета. Патриотические настроения запечатлены в стихах и ритмической прозе, созданной в период борьбы с монгольским нашествием в конце XIII в.: «Воззвание к военачальникам» (1280) Чан Хынг Дао, стихи Чан Куанг Кххая (1248—1294).

Ранние вьетнамские хроники (XIV в.) под влиянием буддизма во многом отходят от конфуцианских концепций истории и личности. Это проявляется в характере обрисовки исторических персонажей: на конфуцианские традиционные образы государя и мудрого советника налагаются буддийские наслоения, изменяющие первоначальную сущность этих образов.

Эволюция прозы шла от исторических сочинений, содержащих художественно выразительные характеристики, сюжеты и мотивы, к ранним формам новеллистики, оттапливавшейся от традиций историографии и жизнеописаний. Например, в «Собрании чудес и таинств земли Вьет» Ли Те Сюена (XIV в.) повествования о различных чудесах начинаются со ссылок на хроники.

Зародившаяся еще в XIII в. поэзия на живом разговорном языке выдвигает в начале XV в. великого поэта Нгуен Чая (1380—1442). Он явился главой литературного направления, отображавшего социальные противоречия, патриотические идеи, проникнутого глубоким интересом к жизни народа. Для укрепления позиций живого разговорного языка в литературе положительную роль сыграло литературное объединение «Собрание двадцати восьми звезд» во главе с императором Ле Тхань Тонгом (1440—1497). Но во второй половине XV в. конфуцианская тенденция в литературе становится официальной, усливаются нормативность образов, дидактические и придворно-панегирические элементы.

К концу XV в. и в XVI в. завершился процесс формирования жанра повеллы на ханване: в сборниках повелл «Сочинения, оставленные Тхань Тонгом» (конец XV в.) Ле Тхань Тонга и «Собрание рассказов об удивительном» Нгуен Зи (XVI в.) прозаическое повествование перемежается ритмической прозой и стихами, имеются концовки с авторскими правоучительными толкованиями. Персонажи повелл, как правило, люди простые, незнатные (школяр, юноша, рыбак), но они оказываются в необычных, чудесных обстоятельствах (попадают в Царство Цветов и т. п.).

В XVI в. придворная культура переживала упадок из-за бушевавших в стране междоусобиц. Против них смело выступил видный поэт и мыслитель Нгуен Бинь Кхи-

ем (1491—1585), автор лирико-философских стихов и ритмической прозы.

В начале XVII в. в связи с усилением контактов с Европой во Вьетнаме была создана латинизированная письменность, которой, однако, до второй половины XIX в. пользовались лишь вьетнамские католики и европейские миссионеры. Помимо богослужебных книг, они оставили мемуары, дневники (весьма обширный так называемый цикл Джироломы Майорики, созданный при участии многих вьетнамских католиков в 1634—1645 гг.), послания (например, Бенито Тхнена, написанные в 1659 г.), являющиеся одними из наиболее ранних памятников прозы на вьетнамском языке.

В XVII в. получают развитие различные жанры поэмы. Появляется жанр философско-лирической поэмы с характерными для него широкими обобщениями и аллегоричностью. Возникает жанр историко-эпической поэмы; наиболее известна «Книга Небесного Юга» анонимного автора, представляющая собой цепь поэтических рассказов о подвигах исторических лиц и легендарных героев Вьетнама.

Для XVIII — начала XIX в. характерны ренессансные явления, возросшее внимание к личности. У писателей и поэтов этого времени заметно сознательное стремление творчески развивать традиции, откликаясь на требования жизни. Если в прошлом тяготение к традициям нередко выражалось в крайних формах — призывах к простому подражанию: «Надлежит вам шаг за шагом следовать за древними, приняв их за образец», — наставлял учеников поэт Фунг Кхак Кхоан (1528—1613), то в XVIII в. авторитет древних авторов привлекается уже для оправдания и защиты нового в литературе. Ученый и литератор Ле Куй Дон (1726—1783) писал, что «люди минувших времен говорили: сочиняя стихи и прозу, делая записи о событиях, одного лишь опасайтесь — неизменности; хотели они сказать тем, что следует из слов и мыслей, принадлежащих древним, выковырять новое, а не брести старыми путями».

Зарождается жанр лирической поэмы — нгэм, обращенной к личности, внутреннему миру человека. Таковы «Жена воина, ушедшего в дальний поход» поэтессы Доан Тхи Дьем (1705—1748); «Жалобы королевской наложницы» Нгуен За Тхьеу (1741—1798). Наступает расцвет жанра повествовательной поэмы, отражавшей общественную и личную жизнь. Синтезом традиций этих жанров явилась поэма Нгуен Зу (1765—1820) «Стенания истерзанной души», выдающийся памятник вьетнамской классической литературы. В поэзии малых форм намечается интерес к оригинальной образности, расширяется тематика, захватывая быт, городскую жизнь. Двуплановые стихи поэтессы Хо Суан Хыонг (конец XVIII — начало XIX в.), испытавшей сильное влияние городской культуры, содержат сатирические образы буддийских монахов и ханжей-конфуцианцев. В прозе на ханване появля-

ются романы-хроники («Император Ле — объединитель страны» — роман, созданный литературным кружком семейства Нго), описания путешествий («Книга потаенного о западноокеанской вере во Христа»), воспоминания («Описание дел в достославной столице» Ле Хыу Чака), очерки, знаменующие собой расширение знаний о мире (очерки Ле Куй Дона).

Вторая четверть XIX в. — период «конфуцианской реакции», когда феодальные правители пытались восстановить пошатнувшийся авторитет конфуцианских этических догматов. Но существовало и оппозиционное течение потомков старых служилых родов, оставшихся верными свергнутой династии Ле (с Ле постоянно связывались утопические мечты о «золотом веке»). Жизнь они воспринимали пассивно, окрашивали ее под влиянием буддийского мироощущения в сумеречные тона, а действительность — как нечто нереальное. Однако наряду с этим существовало направление, в котором преобладали реалистические элементы. К нему примыкал поэт Нгуен Конг Чы (1778—1858), создатель напевных стихов жанра *качу*. Он выступал как певец конфуцианской этики доблести, но возвеличивал, по существу, высокие качества и возможности, заложенные в человеке вообще. Этому же направлению следовал поэт Као Ба Куат (1809—1855), который, познакомившись с западной цивилизацией, остро ощущал отсталость Вьетнама.

Литература второй половины XIX в. развивалась в условиях борьбы против колониальной агрессии, за освобождение Вьетнама. Поэтому общественно-политические позиции писателей, их место в этой освободительной борьбе, определили внутрилитературное размежевание. Усилилась просветительская тенденция, проявлявшаяся прежде всего в публицистике. Она была порождена идейным течением, представители которого выступали за социальные реформы. Просветители, резко критикуя ничемность ученых-книжников, противопоставляли им новый идеал деятельного человека, постигшего практические науки. Зародившаяся в тот период литература освободительного движения — ее основоположником был слепой поэт Нгуен Динь Тьен (1822—1888), — характеризовавшаяся высоким накалом патриотических чувств, вниманием к простому человеку, призывала народ к единству, к отпору захватчикам.

Пороки формировавшегося во Вьетнаме колониального, полуфеодального общества находят отражение и в сатирической поэзии.

Поэзия и публицистика начала XX в. выражали идеи просветительства, были проникнуты патриотическим и гражданским пафосом, выдвигали новый идеал — образованного человека, радующегося о благе отчизны. Острые сатиры направлялись против носителя феодальной идеологии — ученого-конфуцианца, противившегося передовым веяниям времени. Заметно раздвинулись и географические рамки литературы: дейст-

вне ряда произведений происходит в Европе и Америке. Вьетнамские журналы, издание которых начинается в начале второго десятилетия XX в., публиковали переводы произведений французской литературы, в частности труды западноевропейских просветителей XVIII в.

Начало XX в. — переходный этап в истории вьетнамской литературы, период столкновения старого с новым, решительной борьбы просветителей с феодальной идеологией.

После Великого Октября, как писал акад. Н. И. Конрад, вьетнамская литература торопится, догоняет другие литературы мира, ушедшие вперед в своей эволюции<sup>1</sup>. Быстрому развитию вьетнамской литературы на основе богатых национальных традиций в этот период способствует формирование рабочего класса и буржуазии, сопротивление французским колонизаторам, нарастающее национально-освободительное движение, а позднее и рабочее движение, руководство которыми принимает на себя созданная в 1930 г. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК).

\* \* \*

Своеобразие литературного процесса во Вьетнаме 20—30-х годов XX в. определялось рядом существенных факторов и причин. В условиях колониального гнета, когда сохранялись феодальные порядки, третирувалась национальная культура, подавлялась свободная мысль и царил жесточайшая цензура, литературное развитие, естественно, испытывало трудности, наталкивалось на преграды. Колонизаторы культивировали консервативные и реакционные тенденции в идеологии и литературе, преследовали передовых писателей, загоняли в подполье прогрессивную литературу.

Особенность вьетнамской революционной литературы состояла в том, что она зарождалась в среде политической эмиграции, во Франции, и выражала не только идеи социалистического преобразования общества, но и идеи национального освобождения. Она представляла собой детскую интернациональной солидарности народов колоний и международного коммунистического движения. Первые публикации революционных писателей Вьетнама были на французском, а с 1924 г. также и на русском языках. Это свидетельствовало об их стремлении выражать общие интересы всех угнетенных народов колоний и обращаться к интернациональной аудитории.

Зачинателями вьетнамской революционной литературы были видные политические деятели. У ее истоков стоял Хо Ши Мин (1890—1969), участник конференции в Туре (1920 г.), на которой было принято решение о создании Французской коммунистиче-

<sup>1</sup> Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, стр. 370.

кой партии. В 1921 г. с помощью французских коммунистов он организует в Париже межколониальный союз цветных народов, становится редактором газеты «Пария», в которой выступает как самый активный публицист и литератор. В начале 20-х годов Хо Ши Мин писал по-французски, следя за жанрами и формами, сложившимися во французской и русской литературах. Под впечатлением повестей Л. Н. Толстого он пишет свой первый очерк, «Париж», о крайне бедном квартале рабочих и безработных в богатой столице Франции, создает сатиру на марионеточного вьетнамского императора Кхай Диня («Инкогнито», 1923). Эти произведения были опубликованы в газете «Юманите». Тогда же на сцене рабочего клуба в предместье Парижа ставится сатирическая пьеса Хо Ши Мина «Бамбуковый дракон». Его публицистическая книга «Приговор французскому колониализму» (1925) рисует собирательный образ колонизатора, действующего во Вьетнаме и странах Африки: автор описывает зарварские забавы иностранцев (например, солдаты шутки ради с корабля «ошпаривали кипятком спины несчастных продавцов-разносчиков»), бесчеловечно равнодушные к «туземцам» («Сожгите-ка эту деревню, она не заплатила нам налогов...» — невзначай бросает колонизатор). В книге Хо Ши Мина угнетенные предстают не только как жертвы колониального разбоя, но и как борцы за освобождение. В главе «Рабы пробуждаются» рассказано о Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, о его слушателях, прибывших в Страну Советов из разных стран.

В статьях и очерках Хо Ши Мина образ В. И. Ленина создается в свете дальневосточных литературных и фольклорных традиций. Статья Хо Ши Мина «Ленин и колониальные народы» была напечатана в «Правде» 27 января 1924 г. Хо Ши Мину принадлежит книга художественно-публицистического характера на вьетнамском языке «Дневник потерпевшего кораблекрушение» (1930), в которой рассказывается и о вьетнамце и его друзьях, спасенных во время кораблекрушения русскими и похороненных в СССР. Своими глазами увидели они строительство новой жизни.

В книге прозаическое повествование перемещается стихами-обобщениями:

Россия миру чудо явила:  
революция превратила  
Работ  
в свободных людей<sup>2</sup>.

Хо Ши Мин отметил у советского народа огромную тягу к знаниям и высоко оценил значение культурной революции в СССР:

Книга — лекарство,

<sup>2</sup> Переводы стихов, после которых не указана фамилия переводчика, принадлежат автору статьи.

она от невежества исцеляет.  
Русские любят книгу —  
их родина процветает.

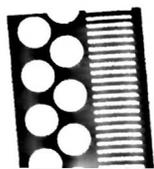
\* \* \*

Становление революционной поэзии в конце 20 — начала 30-х годов было отмечено стремлением выразить новое содержание средствами традиционной поэтической формы. Так, например, в стихотворении Нгуен Ван Хоана «Я страстно влюблен» (1930), которое было написано на острове-тюрьме Кон-дао, в одном ряду с образами древних вонгелниц (сестры Чынг, почтенная Чьеу), героев антиколониальной борьбы (Фан Динь Фунг, Хоанг Хоа Тхам) автор выводит образы Маркса и Ленина:

Вот уже больше десятка лет  
я страстно влюблен.  
Страстно влюблен в прошлое  
родных моих гор и рек.  
Страстно влюблен в дело  
мудрого Маркса,  
указавшего верный путь.  
Страстно влюблен в дело Ленина,  
озарившего нашу жизнь.  
Темница? Ее не страшусь я!  
И по-прежнему страстно влюблен.  
Страстно влюблен в знамя алое,  
реющее на ветру!

В начале 30-х годов наиболее значительным явлением революционной поэзии стали стихи и песни периода революционных выступлений крестьянских масс под руководством КППК, известных под названием «Гнетиньские советы» (1930—1931 гг.). Поэты-революционеры «Гнетиньских советов», в большинстве своем оставшиеся неизвестными, основывались в своем творчестве главным образом на ритмах и размерах народной песни. В афористических, лозунговых строках они открывали глаза трудовому народу на сущность мира угнетения, звали на борьбу с поработителями, которые «тиранят рабочих и крестьян, их жилища в прах превращают». «Двадцать миллионов серпов и молотов разве не в силах сбросить гнет?!» — восклицал безвестный поэт. Красноречивы сами названия произведений тех лет, отражавшие их проагандистскую направленность: «Агитационная песня», «Красный флаг с серпом и молотом».

В простоте и безыскусности революционной поэзии была подкупающая искренность и убежденность. Поэты утверждали веру в силы борющегося народа: «Бьют демонстранты в барабаны — трясется земля, содрогается небо». В это время революционные поэты считали, что главная задача поэзии состоит в том, чтобы поднять на борьбу трудовой народ, воспеть в своих произведениях революционные выступления масс. В стихотворении «Памяти Ленина» вождь большевистской партии и мирового пролетариата, основатель Советского государства предстает как гениальная



историческая личность, в его образе воплощаются лучшие черты борца за народное дело:

Гений Ленина зарею воссиял,  
Необычайны ум его и воля.

Опираясь на фольклорную традицию и традицию классической поэзии, поэты-революционеры порою, однако, пренебрегали художественной формой. Несмотря на их искренний революционный пафос, традиционная образность невольно противоречила фразеологии современной политической публицистики. В «Песне об Октябрьской революции в России» революционеры предстают словно эпические богатыри и лишь последняя из приводимых ниже строк возвращает нас к классовым битвам XX в.:

Двенадцать полководцев вольно  
разгулялись  
Средь вихря стрел, дождя пуль,  
гибель им нипочем.

Пришел смертный час буржуйм.

Автор песни обнаруживает знакомство и с мировой революционной поэзией (легко, например, узнать отголоски «Интернационала» в строках: «Не полагайтесь на святых и Будду, тот глупец, кто молит небеса о милости»), и с революционной публицистикой. Видимо, не случайно третья из приводимых ниже строк воспроизводит название знаменитой книги Джона Рида:

Волны революции разошлись по всей  
планете.  
Первыми подняли знамя рабочие и  
крестьяне России.  
Десять дней, которые потрясли мир,  
Сияют, словно пример, для всех друзей  
на пяти континентах.

Поэзия «Нгетинских советов», по образному выражению критика Хонг Тынгга, «была подобна мечу, который только что кончили закалять и вынули из огня: его клинок еще шероховат от окалины, он не отточен, но ему не занимать твердости и прочности».

Приход правительства Народного фронта к власти во Франции в 1936 г. оказал положительное влияние на политическую ситуацию во Вьетнаме. КПИК вплоть до осени 1939 г. могла действовать полулегально; последовала даже официальная (но, увы, не фактическая) отмена цензуры. Революционная литература получила возможность выйти из подполья, хотя нередко были запрет и конфискация негодных изданий. Она становится богаче и в идейно-художественном, и в тематическом, и в жанровом отношении. Образ коммуниста в художественных произведениях воплощается конкретнее, живее, разностороннее. В это время получают распространение документальные жанры: художественный репортаж «Тюрьма Контум» (1938) Ле Ван Хиена, мемуары

«Три года в Советской России» (1939) Чан Динь Лонга.

Повесть «Побег из тюрьмы» (1939) Кыу Ким Шона тоже воссоздавала реальный эпизод: побег из заключения группы коммунистов. Но в ней была уже выражена явная тенденция к художественному обобщению. То же можно сказать о рассказах, печатавшихся в легальных органах КПИК. Так, герой рассказа «Народный писатель» (1937) Ван Тхе Шона, модный буржуазный литератор Хонг Кхе, переживает нравственное и идейное обновление: осознав ничтожность своих прежних литературных опытов, он приходит к убеждению, что «мой долг, моя обязанность, мое высшее предназначение — бороться против своекорыстных богачей».

Революционная поэзия этого периода широко использует положительный опыт движения «Новой поэзии» (1932—1945), порывавшего с устаревшими нормами классического стихосложения. Она выдвигает поэта То Хыу (род. в 1920 г.). Его стихи освещают мечты о будущем, о человеке грядущего. В напевном стихотворении «На Ароматной реке» (1938) поэт создает образ «девушки для радости»:

По Ароматной реке  
Лодка скользит моя длинная...  
Небо прозрачное, синее,  
Лодка скользит моя длинная  
По Ароматной реке...

(Перевод А. Эфрон)

Но это стихотворение, начатое таким несколько печальным напевом, заканчивается строками, преисполненными оптимизма:

Девушка, больше не будешь ты петь  
о тоске.  
Разве тоскуют сады, возрождаясь  
в цветенье?  
Сгинут, как тучи, позор, нищета,  
униженье...  
Светлое завтра ты встретишь  
ликующим пеньем  
На Ароматной реке...

(Перевод А. Эфрон)

В стихах То Хыу звучит глубокая симпатия и сочувствие к обездоленному человеку:

Одежка — только дыры, не согреет,  
нет...  
Ветра резкие порывы не слабеют, нет...  
Бьет надсмотрщик, бьет до смерти —  
не жалост, нет...  
Отдохнуть никто, поверьте,  
не посмеет, нет.

(Перевод В. Сергеева)

В стихотворении То Хыу «Старый слуга» (1938) поэт, беседуя со старым слугой — жалким, забитым, человеком, повествует о

Советском Союзе — «державе братства» —  
 о лучезарной мечте:

Там нет государя, там нет чиновных господ,  
 отверженных нет там, слабых никто не бьет.

Создавая собирательный образ революционного народа, То Хыу в стихотворении «Вставайте!» (1938) словно вторит знаменитым словам одного из деятелей Французской революции — Марата: «Иные кажутся высокими, ибо ты, народ, согнут. Распряжись!» То Хыу, воспевая героиню революционного подвига, утверждает, что только в борьбе угнетенный человек обретает подлинное человеческое достоинство:

Вставайте! Есть права у бедняка.  
 Пусть — пуля в грудь, пусть — рот в кровавой пене.  
 Тела сраженных — тяжкие ступени,  
 Крут наш подъем в счастливые века.

(Перевод А. Ревича)

Лирический образ молодого революционера — несомненное достижение То Хыу: поэт стремится здесь воедино слить личное и общественное. В стихотворении «Иди вперед смелей!» (1944) он пишет:

Отчизна ждет. Иди, товарищ мой!  
 Отдай ей все как воин, как герой.  
 Земля родная мечется в оковах,  
 Земля зовет, зовет нас снова в бой!  
 Товарищ мой! Иди вперед смелей,  
 Свою судьбу с судьбой народа слей.  
 Глазами сотен павших поколений  
 Твой древний край глядит на сыновей!

(Перевод Г. Чиж)

То Хыу не чужда и сатира. К стихам этого жанра относится стихотворение «Палачу Ингао» (1938), хлесткое и беспощадное:

Старик, ты раньше головы рубил. —  
 Людей невинных ни за что рубил...  
 Но забывал о тех виновных,  
 Кто платье с позолотою носил..  
 Теперь арканом ловишь ты собак.  
 Виновны? В чем? Что лаяли не так?..  
 И снова ты забыл о тех собаках,  
 Что лижут каблук чужих вояк!..

(Перевод В. Серсеева)

Поэзия То Хыу, стремление поэта к разностороннему отражению действительности и ее противоречий, правде жизни, его поиски идеального героя предопределили новый шаг вьетнамской литературы на ее пути к социалистическому реализму.

В 40-е годы не менее значительным событием литературной жизни Вьетнама стал стихотворный цикл Хо Ши Минна «Тюремный дневник» и другие стихи, написанные

на ханване, его четверостишие «Величавый Пакбо», содержащее как аллгорию, характерную для вьетнамской поэтической традиции, так и патриотизм и интернационализм подлинного революционера-борца:

Дальние-дальние горы, дальние-дальние реки,

вознеслись удивительные кручи.  
 Здесь — животворная река Ленина,  
 а там — пик Маркса.

Обеими руками создаем будущее родных гор и рек.

Переводчик «Тюремного дневника» на русский язык поэт П. Антокольский отмечал: «Много рассказано в этих лаконичных и ярких четверостишиях о человеческих страданиях, о человеческой подлости и грубости. Дневник «густо населен»: тут и товарищи по заключению, и тюремщики. И всюду, во всем — изменчивая, текучая картина жизни: ее неприкрашенная трижды и трижды благословенная правда»<sup>3</sup>. В стихотворных миниатюрах Хо Ши Минна дань, отдаваемая традиции, органично сочетается с живой современностью, высокой искренностью чувств революционера:

В тюрьме не сыщешь роз и вина.  
 Лишь ночь одна благовоном полна.  
 Колдунья-луна глядит сквозь решетку,  
 Шлет узнику вдохновенье она.

(Перевод П. Антокольского)

Узник — лирический герой «Тюремного дневника» — это борец революции и мужественный, живой, богатый духовно «человечный человек».

В годы второй мировой войны в партизанском крае (в горах Вьет-Бака) было создано немало стихотворных произведений патристического и революционного содержания. Многие из них печатались в подпольных изданиях, но чаще всего распространялись устно. Эти стихи отличает гражданственность, публицистичность. Такова поэма неизвестного автора «Песнь Вьетмина» (1941), строки которой звучат как призыв, напоминая зачин «Марсельезы»:

Сыны Отчизны! Родина во прахе!  
 Клокочет ненависть к  
 японо-французским тиранам!

Автор поэмы в те нелегкие первые месяцы после нападения фашистских орд на СССР с твердой уверенностью писал:

Советский Союз — это мужество  
 беспримерное,  
 Красная Армия — Гитлеру смерти!

Тема героической борьбы советского народа была характерна для вьетнамской ре-

<sup>3</sup> П. Г. Антокольский. Встреча с Хо Ши Мином. — «Иностранная литература», 1966, № 6, стр. 284.

волюционной поэзии этого времени. Поэт-революционер Саунг Хонг в стихотворении «Смерть фашизму» (февраль 1942 г.) обращался к советским воинам: «Неукротимые богатыри! Подняв знамя с серпом и молотом, лавиной — вперед!», «Уничтожим фашистских тигров и пантер!»

Развитие революционной литературы во Вьетнаме происходило отнюдь не изолированно. Она, будучи по существу своему новаторской, все более синтезирует в себе достижения отечественной литературы, усваивает опыт передовых зарубежных художников слова, опыт советской литературы.

Первыми с советской литературой познакомились те вьетнамцы-литераторы, которым доводилось подолгу жить за рубежом — в СССР, во Франции. В самом Вьетнаме советская литература стала особенно популярной в 1936—1939 гг. Но тогда еще не было переводов на вьетнамский язык, читались главным образом книги, изданные на французском.

Настоящим подвигом в конце 30-х годов была работа над переводом на вьетнамский язык романа Горького «Мать». Его переводчик коммунист Нгуен Тхьонг Кхань (1917—1947) был брошен в тюрьму. Публикацию романа закончить не удалось, поскольку газета, в которой он печатался, распоряжением колониальных властей была запрещена.

Перевод переписывался от руки, затем драгоценные страницы, словно боевые прокламации, передавались из рук в руки. Если же сохранить их было никак нельзя, то содержание отрывков и глав романа передавалось из уст в уста. Исследователь русской и советской литературы Хоанг Суан Ни пишет, что от одного старого революционера ему доводилось слышать отрывки из романа «Мать»: «Стиль перевода мне показался старомодным, но трогаящим за душу, в нем были ритм и напевность, благодаря которым он легко запоминался наизусть»<sup>4</sup>. Вьетнамский критик Нь Фонг

<sup>4</sup> Хоанг Суан Ни. Максим Горький. Ханой, 1957, стр. 214.

вспоминает: «...мы стремились любым путем найти произведения советской литературы: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятую целину» М. Шолохова, «Разгром» А. Фадеева, «Чапаева» Д. Фурманова, «Не переводя дыхание» И. Эренбурга, стихи В. Маяковского и др. Эти книги мы передавали друг другу, они становились темой наших повседневных разговоров, а для некоторых из моих сверстников они сыграли решающую роль в выборе жизненного пути — пути самоотверженной борьбы за революционное дело нашей партии»<sup>5</sup>.

В 1936—1939 гг. для популяризации во Вьетнаме советской литературы много сделал критик-коммунист Хай Чьеу (1908—1954) и его единомышленники. Он опубликовал серию статей о М. Горьком, а также о французских писателях А. Барбюсе и Р. Роллане. Хай Чьеу принадлежит статья «Литература Советской России», написанная в 1936 г. Он постоянно указывал на пример советской литературы, защищал ее от нападок буржуазных писателей и называл Советский Союз «новым, светлым и дружелюбным миром», в котором «литература и искусство получают полное развитие и встречают всеобщее понимание»<sup>6</sup>.

Хай Чьеу, Буй Конг Чынг и другие коммунисты боролись за развитие вьетнамской литературы по пути социалистического реализма.

Великие национальные традиции гражданственности и самоотверженности, патриотизма и беззаветного служения революции, духовная мощь и художественное мастерство вьетнамской литературы — все это стало фундаментом нынешней социалистической культуры ДРВ, которая ставит перед собой важнейшую задачу — воспитание человека нового общества, кровно связанного с народом.

<sup>5</sup> Нь Фонг. Воспоминания о первом знакомстве с советской литературой. — «Вангге» («Литература и искусство»). 10.XI. 1967 г.

<sup>6</sup> Хай Чьеу. О литературе и искусстве. Ханой, 1965, стр. 85.

## Кодзики — Записи о делах древности

История японской письменной культуры сложилась так, что ее ранние памятники поддаются датировке: известно, что составление исторической хроники Нихонсёки (Анналы Японии) было закончено в 720 г. С 713 г. началось составление Фудоки — этнографических описаний японских провинций. Исключение составляет как раз Кодзики. Принятая в японской науке дата его создания — 712 г. — основывается на так называемом «Предисловии» составителя памятника О-но Ясумаро (ум. в 723 г.).

Однако авторский список Кодзики не сохранился, и старейшим из существующих является список, относящийся ко второй половине XIV в.

Исследование времени и условий создания Кодзики таит в себе значительные трудности, до сих пор не преодоленные до конца, несмотря на огромную работу японских ученых, продолжающуюся уже не одно столетие. Причина этого заключается не только в том, что время составления памятников отделено от нас многими веками — стоит, по выражению одного из исследователей, «по ту сторону облаков», — но и в сложности исторической обстановки в VII в., когда, как рассказывает Ясумаро, возник замысел этого свода. VI—VII вв. характерны острой борьбой родов за центральную власть, расприями внутри правящей верхушки. В ходе этой борьбы, осуществлявшейся путем заговоров и убийств, истребления целых родов, погибли в пожарах и были сожжены династийные хроники, предания — важнейшие материалы, уже существовавшие в записанном виде, и Кодзики предстает одним из старейших памятников, дошедшим до следующих поколений.

С 673 г. страной правил глава рода Сумэраги, принявший имя Тэмму — «небесный воин», и впервые титул тэнно — небесный правитель, император. Однако междоусобицы родов продолжались, вспыхивали мятежи непокорных иноплеменников хаято, тревожили двор и бунты крестьян. В таких условиях у Тэмму не могло быть ощущения прочности своей власти, она должна была стать священной в глазах всего народа, нужно было доказать, что императорский род якобы уходит корнями своего генеалогического древа в глубь веков, к его далеким предкам — богам, создателям страны Япония. На что можно было опереться в осуществлении такого замысла? Очевидно, на мифы и предания, рассказы о богах, в незапамятные времена создавших японские острова и все, что требовалось людям для жизни на них. Так должна была возникнуть какая-то связь между этими древнейшими преданиями и подлинными генеалогиями крупнейших родов, в первую очередь императорского рода. Согласно «Предисловию» Ясумаро, император Тэмму и явился инициатором составления такого свода, и, хотя в правление Тэмму его замысел не был осуществлен, исторические и политические обстоятельства, которые могли обусловить рождение подобного замысла, налицо.

Кому могло быть поручено дело, о котором идет речь? Человек, избранный для его осуществления, должен был обладать ученостью, познаниями в китайской письменности, чтобы прочитать имевшиеся записи, — ведь японского письма еще не существовало, в Японии писали по-китайски<sup>1</sup>. С другой стороны, он должен был знать и хранить в памяти древние мифы и сказания, то есть быть близким к фольклору. В «Предисловии» Ясумаро фигурирует некий Хиэда-но Арэ, обладающий и даром сказителя, и огромной памятью. С его слов, свидетельствует Ясумаро, и был им записан текст Кодзики.

Вопрос о том, существовал ли в действительности человек, по имени Хиэда-но Арэ (возможно, женщина-сказительница или жрица), заучивший и пересказавший по императорскому приказу письменные материалы, хранивший в памяти безымянные творения древних, конечно, интересен для исследователя. Но можно предположить, что эта работа осуществлялась на протяжении десятилетий многими людьми, в том числе и членами родов, где из поколения в поколение передавались семейные записи, и жрицами, и сказителями, а плоды их труда оказались приписанными одному человеку, в лице легендарного Арэ. Суть вопроса не в этом. Важно, что к моменту, когда историческая обстановка в Японии выдвинула задачу составления свода легенд, долженствовавшего укрепить центральную власть, подготовительная работа по его созданию была уже сделана.

<sup>1</sup> Однако японцы использовали при составлении Кодзики более простую систему графем, чем та, которая существовала тогда в Китае.

Весьма значительна историко-культурная роль Ясумаро. Ему должны были быть понятны задачи времени, диктовавшие составление свода, вся политическая обстановка, отношения между родами, задачи управления. Ему надлежало отобрать материалы, определить их ценность. Ясумаро выступал в своем труде историком и летописцем, и он сделал это в меру своего понятия истории, начав свою запись с сотворения мира.

Особую и труднейшую задачу составил для него способ записи материала. Текст памятника свидетельствует о том, что Ясумаро шел здесь путем поисков и открытий, облегчая этот путь для будущего читателя своего свода специальными примечаниями и указаниями, как следует читать тот или иной китайский иероглиф, использованный им для записи японского слова. Запись китайскими иероглифами как syllабемизми японских слов применялась в Японии и ранее. Известна, например, надпись на основании башни буддийского храма Гангодзи, относящаяся к 588 г., где подобным способом записано ритуальное имя принца-регента Сётоку; сохранились надписи на древних сооружениях, демонстрирующие попытки их авторов приспособить китайский язык к строю японского языка, например надпись на ореоле статуи бодисатвы-исцелителя Якуси-нёрай в храме Хорюдзи (607 г.)

Таким образом, в VII в. в Японии, пользовавшейся на протяжении приблизительно двух столетий китайским письмом, созрели условия для создания собственной письменности, и, как всегда бывает при возникновении исторически важной задачи, выдвинулись и люди, способные ее выполнить. Если сказителя Хиэда-но Арэ (принимая условно его существование) можно считать последней фигурой, связанной с эпохой преимущественно устного творчества японцев, когда важнейшим звеном для передачи древнейшего народного творчества являлась емкая человеческая память, то Ясумаро стоит на рубеже нового исторического периода — периода развития национальной письменной культуры Японии. Примененные им способы записи текста в свою очередь убедительно опровергают попытки отнести создание Кодзики к X в., когда в литературе уже широко применялась национальная азбука.

Кодзики состоит из трех книг. Первая из них содержит мифы, легенды, девять древнейших песен. Она повествует о богах. Во второй и третьей книгах рассказывается об «эпохе людей». В них содержатся генеалогии родов, рассказы об императорах, исторические легенды, сто четыре песни. Известно, какую значительную роль сыграли древние мифы с их поэтической образной формой в развитии повествовательной традиции в мировой литературе и искусстве.

Японские мифы, большая часть которых сохранилась в Кодзики, рисуют широкую картину жизни и быта древних японцев. Они рассказывают о зарождении ремесел и о трудовых процессах, о верованиях, обычаях и общественных установлениях и — в фантастической форме — о первых победах человека над природой. Начинаясь с космогонии — рассказа о сотворении мира, — мифы Кодзики повествуют о многочисленных богах синтоистского пантеона, действия которых совершаются вначале в «верхнем мире» — на Равнине Высокого неба, — а затем переносятся на землю и подземное царство, Страну смерти. В отдельных мифах, например в рассказе о братьях — богах Рыбаке и Охотнике, героями являются полубоги-полулюди, а действие перемещается с земли в подводное царство и обратно на землю. Среди богов-героев мифов фигурируют боги очага и огня, божева, на теле которых рождаются семена полезных для человека растений, боги-кузнецы и гранильщики камня, ткачихи и литейщики.

Во главе всего пантеона богов стоят «создатели» Японских островов — супружеская пара Идзанаги и Идзанами, а также старшая дочь Идзанаги Аматэрасу. Она выступает, по японской мифологии, первопродком династии японских императоров. Потомством Идзанаги и Идзанами являются и многочисленные боги — духи гор и рек, деревьев и морских течений, а также боги — духи рисовых посадок, орошения полей, боги обильной пицци и герой мифологического цикла, сын Идзанаги, Ярый бог ветра и моря Сусаноо.

Наряду со сказаниями о первопродках и этнологическими мифами в Кодзики есть и сказочные сюжеты — рассказы о пребывании в подводном царстве, о животных, помогающих человеку, о предметах, имеющих магическую силу. Помощниками и защитниками людей — этой «земной поросли людской», как они именуется в Кодзики, выступают и древние японские боги. Оптимистический характер носит миф о пребывании Идзанаги в подземном царстве и спасении из него. Здесь в споре с богиней Идзанами, ставшей обитательницей царства смерти, Идзанаги одерживает над ней верх: он обладает силой дать жизнь большому числу людей, чем может умертвить Идзанами, выступающая в этом мифе представительницей злых сил, вредящих человеку. И даже Сусаноо, непокорный сын, буян, разрушающий земледельческие сооружения по влечению своей старшей сестры Аматэрасу, виновный в тяжелейших с точки зрения установлений древнего общества грехах (например, обдиранье шкуры с живой лошади), в дальнейшем спасает девушку от восьмиглавого змея, то есть тоже становится защитником людей, как бы приобретает черты эпического героя.

Существенная черта жизни древней Японии — борьба племени Ямато, заселившего центральный остров, с аборигенами островов и другими — японскими и неапонскими — племенами — нашла отражение в цикле мифов Идзумо, воплотившись в фольклорном

сюжете о преследовании младшего брата старшими (рассказ о боге О-куниуси и его братьях), а также в мифе о братьях-богах Рыбаке и Охотнике, завершающем первую книгу Кодзики.

Песни, содержащиеся в первой книге свода, представляют собой любовные послания и ответы на них, вложенные в уста мифологических героев. Эти песни отличает метафорическая образность, четкий ритм, глубокая лиричность. Можно смело сказать, что они так же, как песни 2 и 3 книг Кодзики, послужили богатейшим арсеналом художественных средств для японской поэзии в ее дальнейшем развитии.

Мифы из Кодзики неоднократно пытались использовать в своих целях и реакционные классы Японии.

Книга Кодзики наряду с другими древнейшими произведениями сыграла немалую роль в идеологической подготовке буржуазной революции в Японии, в реставрации императорской власти. К Кодзики обращались и обращаются реакционные идеологи, выдвигая на первый план содержащуюся в них идею происхождения японской императорской династии непосредственно от богов-первопредков.

В мифах Кодзики отложились наслоения многих эпох. Циклизация мифов, их переосмысление в процесс передачи, обработка, которой они подверглись при составлении свода, привели к тому, что отделение древнейшей основы мифа от последующих напластованных стало чрезвычайно трудной задачей. Едва ли есть также возможность проследить и восстановить весь долгий путь развития японской мифологии. Но мифы, возникшие как важнейшая форма идеологии древних людей или, по словам Маркса, как бессознательно-художественная переработка природы, позволяют узнать многое о жизни самих этих людей, покорных и непослушных, в их действиях и поступках — черты человеческого общества. Японские мифы ярко раскрывают неповторимую страницу жизни человечества и вместе с тем несут в себе черты, роднящие их с древним искусством других народов. Герои мифологического эпоса Японии занимают свое место в истории мирового фольклора, которая без них не может считаться полной.

Ниже публикуются переводы отрывков из первой книги Кодзики.

*Е. М. Пинус,*  
кандидат филологических наук

## Записи о делах древности \*

### Из кн. I

(Из отр. VIII.) Тут Идзанаги — бог Влекущий к себе, желая увидиться со своей женой, Идзанами — богиней Влекущей к себе, отправился за нею в Страну Желтых вод \*\*. И вот, когда (она) вышла ему навстречу из дверей, преграждавших вход, бог Идзанаги молвил-сказал: «Моя возлюбленная женушка-богиня! Страна, что ты и я создавали, еще не до конца создана. Потому должно тебе вернуться», — так сказал. Тогда богиня Идзанами сказала в ответ: «Прискорбно (мне), что раньше не пришел. У уже отведала пищу с очага Страны Желтых вод \*. И все же, мой возлюбленный муженек-бог, смущена я тем, что ты явился сюда. Потому посоветуюсь-ка я с богами Страны Желтых вод о том, что намерена вернуться. Не изволь на меня смотреть», — так сказала \*. Так сказав, вошла обратно в свои покои, и очень много времени прошло, так что заждался (ее бог Идзанаги). И вот (он) выдернул толстый зубец из сияющего частого гребня, что держал пучок волос у него над левым ухом, зажег огонь и взглянул, войдя, а (у нее в теле) несметное количество червей копошилось-шуршало, в голове Громадина-гром сидел, в груди Огонь-гром сидел, в левой руке Молодой гром сидел, в правой руке Ударяющий (в землю) гром сидел, в животе Тьма-гром сидел, в тайных местах Разрыв-гром сидел, в левой ноге Грохот-гром сидел, в правой ноге Пригибающий (травы) гром сидел, всего восемь богов-громов явилось-было \*.

Тут бог Идзанаги при виде этого испугался и обратился в бегство, а богиня Идзанами, жена — «Ты мне стыд причинил», — сказала и пустила в погоню (за ним) фурий Страны Желтых вод. Тогда бог Идзанаги снял (с головы) черную сетку-кадзура и бросил ее и тут же родились (из нее) плоды дикого винограда. Пока (фурии) их подбিরали и пожирали, (он) дальше побежал, а они снова пустились в погоню, и на этот раз (он) вытащил сияющий гребень, что держал пучок волос над правым ухом, и бросил его, и тут же родились (из него) побеги бамбука. Пока (фурии) их выдерги-

\* Перевод публикуемых текстов Кодзики и комментарии принадлежат Е. М. Пинус.

\*\* То есть Страну мрака. — *Прим. перев.*

вали и пожирали, дальше побежал. Теперь тех восьмерых богов-гоома пустила в погоню, а с ними — воинство Страны Желтых вод, тысячу пятьсот числом. Тогда (бог Идзанаги) обнажил меч в десять пядей, что его опоясывал, и, размахивая им за спиной \*, дальше побежал, а они — снова за ним, и когда достиг прохода Ёмоцухира, сорвал три персика (с дерева), что у того прохода находилось, дождался (воинства) и атаковал (его), и все (они) обратно побежали. Тогда бог Идзанаги сказал тем персикам: «Бы! Как меня спасали, так же должны (вы) спасти земную поросль людскую, что обитает в Тростниковой равнине—Серединной стране, когда попадает она в пучину бед, и горевать и жаловаться станет!» — так сказал и пожаловал им имя О-каму-дзуми-но-микото — Великие-божественные-боги-духи, так (их) нарек.

Напоследок та богиня Идзанами, жена, сама пустилась в погоню. Тогда (бог Идзанаги) скалу, что лишь тысяче человек была бы под силу, к тому проходу Ёмоцухира предвинул-загородил (его), и когда (они) по обе стороны той скалы, друг против друга стоя, (свой) брак расторгали, богиня Идзанами сказала: «Мой возлюбленный муженек-бог! Раз ты так поступишь, я поросль людскую в твоей стране по тысяче в день душить стану», — так сказала. Тогда бог Идзанаги изволил сказать: «Моя возлюбленная женушка-богиня! Если ты так поступишь, я по тысяче пятьсот домиков для рожениц в день возводить стану», — так изволил сказать. Потому-то на тысячу человек, что непременно в день умирает, непременно по тысяче пятьсот человек в день нарождается.

И вот, той богине Идзанами дал имя: Ёмоцу-о-ками-Великое божество Страны Желтых вод она зовется. И еще сказал: «Из-за того, что в погоню пустилась, Великим божеством Погони нарекаю (тебя)», — так сказал. А еще скалу, которой загородил проход, Великий бог обративший вспять (богиню), нарек, а еще — Великий бог Двери, преградившей вход, — так тоже она зовется.

Потому тот проход, что звался Ёмоцухира, ныне проходом Ифуядзак в стране Идзумо зовется.

(Отр. XVII.) Тут Ягами-химэ сказала восьмидесяти богам: «Не слушаю я ваших слов, стану женой бога О-кунинуси», — так сказала. И вот тогда восемьдесят богов разгневались \*, сговорились убить бога О-кунинуси, отправились к подножию горы Тама, что в стране Хахаки и сказали (ему): «На этой горе красный кабан живет. Вот мы сгоним (его) вниз, а ты поджидай (внизу) и схвати (его). А если не поймаешь и не схватишь, непременно (он) тебя убьет», — так сказали, большой камень, с кабаном схожий, на огне раскалили и вниз скатили. Как только бог О-кунинуси пущенный (вниз) камень схватил, (он) о тот камень обжегся и умер.

Тут его мать-богиня, плача-горюя, поднялась на небо, пожаловалась Камимусуби — Божеству божественного Творения, и (та) тотчас же послала Кисагаи-химэ — Деву Ракушку, и Умуги-химэ — Деву Моллюска, с наказом оживить (бога О-кунинуси). Кисагаи-химэ поскоблила свою раковину, наскобленное собрала, Умуги-химэ приняла, помазала (им) раны, как материнским молоком, и вышел тут — весело пошел прекрассный молодец.

Тогда восемьдесят братьев-богов, увидев это, опять обманули бога О-кунинуси, увели его с собой в горы, свалили (там) большое дерево, загнали в то дерево стрелу, (бога О-кунинуси) туда затолкали, и тут же стрелу вытащили — (бога О-кунинуси) раздавили насмерть. И вот когда его мать-богиня снова в слезах искала его и нашла, тотчас она то дерево разломала, (бога О-кунинуси) вытащила-оживила и своему сыну наказала: «Если тут будешь здесь, тебя восемьдесят богов в конце концов погубят», сказала и послала его другой дорогой в страну Ки, к О-я-хико — Юноше-богу Большой кровли. Тут восемьдесят богов пустились в погоню, настигли (бога О-кунинуси), и только было нацелились стрелами (в него), как бог О-я-хико дал ему проскользнуть через развилку дерева и убежать и сказал: «Нужно (тебе) отправиться в Страну на Твердых корнях, где пребывает Сусаноо — Ярый бог-муж. Непременно тот Великий бог посоветует (что-нибудь) тебе», — так сказал.

(Отр. XVIII.) И вот, в точности, как было (ему) сказано, отправился (бог О-кунинуси) к богу Сусаноо, а дочь того бога, Сусэри-химэ — Ярая дева, вышла и увидела (его), обменялась с ним взглядом, супружески с ним соединилась, вошла обратно (в дом) и сказала своему отцу: «Прекраснейший бог явился», — так сказала. Тогда тот Великий бог вышел-взглянул, сказал: «Зовется он Асихара-сико-о — Безобразный муж с Тростниковой равнины», тут же (бога О-кунинуси) позвал-ввел и положил спать в пещеру со змеями. Тут его жена, богиня Сусэри-химэ, дала своему супругу шарф-талисман, отгоняющий змей, и сказала: «Если те змеи вознамерятся тебя укусить», трижды этим шарфом взмахни-отгни (их), — так сказала. И вот (он) сделал, как (она) научила, и змеи присмирели. Потому (он) невиндимо (ночь) проспал и вышел. И опять, на следующую ночь, (бог Сусаноо) поместил (его) в пещеру со стоножками и пчелами, (жена) дала шарф-талисман, отгоняющий стоножек и пчел, и, как прежде, научила его. Потому невиндимо вышел.

И вот на этот раз (бог Сусаноо) выпустил гудящую стрелу на широкую равнину и послал (его) искать ту стрелу. А когда (он) вышел на ту равнину, (бог Сусаноо) тотчас ее огнем запалил-окружил. Не знал (бог О-кунинуси), в каком месте

(с той равнины) выйти, а в это время мышь пришла и сказала: «Внутри поло-поло, снаружи узко-узко», — так сказала. А раз так было (ему) сказано, (бог О-кунинуси) и топнул в то место ногой и провалился, а пока там укрывался, огонь поверху прошел. Тогда та мышь, ту гудящую стрелу держа в зубах, вышла и (ему стрелу) поднесла. Перья на той стреле детки-мыши все объели.

Тут его жена Сусэри-химэ пришла в слезах, держа принадлежности для похорон, и отец ее, Великий бог, думая, что (бог О-кунинуси) уже умер, вышел на ту равнину, а (бог О-кунинуси) ту стрелу ему поднес. И тогда (он) повел его с собой в дом в просторный — в восемь столбов — покой ввел и заставил у себя в голове искать насекомых. И вот (бог О-кунинуси) поглядел, а там полно стоножек оказалось. Тут его жена взяла плоды дерева муку и красной глины и дала своему супругу. Тут (он) плоды того дерева раскусил-раздробил, красной глиной рот набил и выплюнул, а тот Великий бог уверился, что (он) стоножек раскусил-раздробил и выплюнул, с любовью в сердце о нем подумал и заснул. Тогда (бог О-кунинуси) того бога за волосы взял, к каждой балке того покоя (по волоску) привязал, скалой, что только пятьсот человек притащить могли бы, двери того покоя завалил, свою жену Сусэри-химэ на спину посадил, Меч долголетия, Лук и Стрелы долголетия, тому Великому богу принадлежащие, а еще его Небесное говорящее кото (цитру) с собой прихватил и убежал. Но тут Небесное говорящее кото задело за дерево, и по всей Земле звон пошел.

И вот, тот спавший Великий бог услышал-увидел и свои покои разметал-разнес. Но пока он волосы, привязанные к балкам, освобождал, (те) далеко убежали. Тут (бог Сусаноо), преследуя (их), достиг Прохода Страны Желтых вод, далеко-далеко (через Проход) заглянул, бога О-кунинуси позвал и сказал: «С этим Мечом долголетия и Луком и Стрелами долголетия, что у тебя есть, ты сводных братьев на гребень холма загони, а еще к стремнине реки их гони, (в нее) сбрось, (и тогда) ты богом-правителем Великой страны станешь, а еще богом-духом Земли людей станешь. Дочь мою Сусэри-химэ главной женой сделай, у подножия горы Ука, на скалах-корнях столбы дворца прочно утверди, до Равнины Высокого неба коньки крыши вознеси и (там) пребывай, ты, негодник!» — так сказал.

Потому, когда с теми Мечом и Луком (он) тех восемьдесят богов гнал-загонял, он (их) на каждый гребень холма загнал-уложил, в каждую стремнину реки загнал-сбросил, и впервые создал страну.

(Из отр. XXV.) Великая священная Амаэрасу — богиня Сияющая на небе повелела: «Страна обильных тростниковых равнин, тысячеосенних долгих пятисотенных молодых рисовых ростков — это страна, которой ведать надлежит моему дитяти, по имени Масакацу-а-кацукатихаяхи-амэно-осихомими — Богу Истинно побеждая завоевал я победу, быстро солнца бог небесных обильных рисовых ростков». Так поручив, велела ему спуститься с небес. Тут этот бог, стоя на Небесном плавучем мосту, сказал: «Страна обильных Тростниковых равнин, тысячеосенних долгих пятисотенных молодых рисовых ростков находится в большом беспорядке», — так сказал, снова обратно поднялся и Великой священной богине Амаэрасу (об этом) доложил. Тогда, по повелению Таками-мусуби — бога высокого священного Творения (и) Великой священной богини Амаэрасу, в долине Небесной Спокойной реки восемьсот мириад богов собралось-сошлось, Омоиканэ — богу Размышляющему наказали поразмыслить и сказали: «Этой Тростниковой равниной — Серединной страной (богиня Амаэрасу) наказала ведать своему дитяти. Потому-то (что не он ведает), думаем мы, много в этой стране развелось буйствующих земных богов, что быстро (как ветер) носятся. Какого бога пошлем, (чтобы к нам) повернуть их!» — так спросили.

Тут бог Омоиканэ и восемьсот мириад богов, посовещавшись, сказали: «Амэ-но-хохи — бога Небесного Рисового колоса, вот кого нужно послать», — так сказали. Потому бога Амэ-но-хохи и послали, а он вошел в милость у бога О-кунинуси и три года не возвращался, не докладывал. И вот, бог Таками-мусуби (и) Великая священная богиня Амаэрасу снова спросили всех богов: «Бог Амэ-но-хохи, что был послан в Тростниковую равнину — Серединную страну, долгое время не возвращается, не докладывает. Какого бога следует снова послать?» — так спросили. Тогда бог Омоиканэ сказал в ответ: «Нужно послать сына Амацукунитама — Небесного бога — духа страны, Амэ-но-вака-хико — Небесного молодого юнца», — так сказал. И вот, пожаловали (они) Амэ-но-вака-хико — Небесный Олений лук и Небесные Оперенные стрелы и послали (его). А бог Амэ-но-вака-хико, как только спустился в ту страну, сочтался с дочерью бога О-кунинуси, Ситатэру-химэ — Девой ниже Светящей, а еще замыслил ту страну заполучить и восемь лет не возвращался, не докладывал.

И вот тогда Великая священная богиня Амаэрасу (и) бог Таками-мусуби снова спросили всех богов: «Амэ-но-вака-хико долго не возвращается, не докладывает. Какого бога снова пошлем-спросим, по какой причине Амэ-но-вака-хико долго не возвращается?» — так спросили. Тут все боги, а также бог Омоиканэ сказали в ответ: «Фазана, по имени Накиме — Плачущая женщина, нужно послать» и тогда повелели (боги Фазану): «Отправляйся, спроси у Амэ-но-вака-хико: ты послан был в Тростни-

ковую равнину — Серединную страну для того, чтобы буйствующих богов той страны (к нам) повернуть-утихомирить. Почему восемь лет не возвращаешься, не докладываешь?» — так повелели.

И вот Накимэ спустилась с небес, уселась на густоветвистом дереве кацура, что (стояло) у ворот Амэ-но-вака-хико, и сказала в точности по повелению небесных богов. Тут Амэ-но-сагумэ — Небесная Мудрая женщина — услышала, что говорит эта птица, Амэ-но-вака-хико передала и сказала: «Крик этой птицы очень плохой \*. Потому нужно ее подстрелить», — так посоветовала, и Амэ-но-вака-хико тут же взял небесный лук из дерева хадзи (и) небесную Оленью стрелу, что (ему) пожаловали небесные боги, и того Фазана подстрелил.

И вот плач девы Ситатэру-химэ, жены Амэ-но-вака-хико, разнесся по ветру и достиг небес. Тут отец Амэ-но-вака-хико, Амацукунитама — Небесный бог — дух Страны, находившийся на небесах, а также его жена и дети услышали (этот плач), спустились (на землю) и, плача-горюя, тут же на том месте построили погребальный дом \*, Речному гусю поручили разносить (погребальные) приношения, Цапле вручили метлу, Зимородка приставили к священной пище, Воробья — к ступке, Фазана сделали плакальщиком — так сделали-определили и дней — восемь дней — ночей — восемь ночей — пели и танцевали.

(Отр. XXXIII.) И вот Ходэри — бог Светящий огонь, будучи Юношей Удачливым на море, добывал рыб с широкими плавниками, рыб с узкими плавниками, а Хори — бог Пригибающий огонь, будучи Юношей Удачливым в горах, добывал зверя с грубым волосом, зверя с мягким волосом. И вот бог Хори сказал своему старшему брату, богу Ходэри: «Обменяемся снастью», и трижды просил (об этом), но тот не соглашался. И все же в конце концов удалось (ему) кое-как обменяться. Но когда бог Хори морской снастью удил рыбу, (он) с самого начала ни одной рыбы не поймал и еще крючок упустил в море.

Тут его старший брат, бог Ходэри, свой крючок попросил и сказал: «И охотничья снасть — своя снасть-удача, и морская снасть — своя снасть-удача \*. Вернем теперь друг другу снасти», — и когда так сказал, его младший брат, бог Хори, ответил: «Когда я твоим крючком удил рыбу, (я) ни одной рыбы не поймал и в конце концов крючок упустил в море», — так сказал. Однако его старший брат силой требовал-настаивал. Тогда младший брат разломал меч в десять пястей, что (его) опоясывал, пятьсот крючков изготовил и (ему) поднес, но тот не взял. Снова тысячу крючков изготовил и (ему) поднес, но (тот) не принял: «Непременно свой прежний крючок получу» — сказал.

Тут, когда его младший брат, плача-горюя, на берегу моря был, явился Сио-цути — бог-дух Морских вод — и спросил: «В чем причина того, что Юноша Среднего неба плачет-горюет?» Когда так спросил, (тот) ответил: «Я со старшим братом обменялся снастью, (и я) его крючок потерял.. Так как (он) свой крючок просил, (я) множеством крючков возместил ему, но (он) не принял. «Непременно свой прежний крючок получу», — сказал. Потому плачу-горюю,» — так сказал.

Тогда бог Сио-цути молвил: «Я тебе — богу дам хороший совет», тотчас плотно сплетенную лодочку изготовил \* (его) в ту лодку посадил и дал (ему) поучение: «Когда я ту лодочку толкну-пущу (по волнам), плыви некоторое время. Будет твой путь счастливым. Когда, как сказано, по тому пути поплывешь, (окажется там) дворец. Подобно рыбеи чешуе построен, — это Вата-цуми — бога-духа Моря дворец. Когда ворот того бога достигнешь, окажется там, у колодца, густоветвистое дерево кацура. Вот на том дереве и усядешься, а дочь того морского бога (тебя) увидит и (тебе) даст совет», — так сказал.

И вот, когда бог Хори проплыл немного, как ему было наказано, стало в точности по словам того (бога), и (он) тут же на то дерево кацура взобрался и уселся (на нем). И вот когда служанка дочери морского бога Тоётама-химэ — Девы Обильных жемчужин, держа драгоценный сосуд, хотела зачерпнуть воды, на поверхности колодца тень оказалась. Взглянула вверх, (а там) прекрасный юноша сидит. (Она это) очень удивительным сочла. Тут бог Хори ту служанку увидел и попросил: «Хочу напиться», — так попросил. Служанка тут же зачерпнула воды, в драгоценный сосуд ее влила и поднесла. А (он) пить не стал, жемчужину (от ожерелья) со своей шеи отделил, взял (ее) в рот и выплюнул в тот драгоценный сосуд. Тут та жемчужина пристала к сосуду, и служанка не смогла ее оторвать. Потому с приставшей жемчужиной поднесла (сосуд) богине Тоётама-химэ.

И вот (Тоётама-химэ), тут жемчужину увидев, спросила служанку: «А не находится ли человек за нашими воротами?» Когда так спросила, (служанка) сказала в ответ: «Есть человек. Сидит на дереве кацура, возле нашего колодца. Прекраснейший юноша! Очень высокое (лицо), превосходит нашего государя. Тот человек попросил воды, (я) воду поднесла, а (он) пить не стал, эту жемчужину выплюнул в сосуд. Оторвать ее не могу, вот и принесла-подала с ней», — так сказала. Богиня Тоётама-

химэ (это) удивительным сочла, вышла-взглянула, тут же (его) полюбила, обменялась (с ним) взглядом и сказала своему отцу: «У наших ворот прекрасный человек находится», — так сказала.

Тогда морской бог сам вышел-взглянул и сказал: «Этот человек — дитя Небесного Юноши, Юноша Среднего неба», — так сказал, и тут же (его) внутрь позвал-авел, циновок из тюленьих шкур в восемь ярусов настелил, а еще циновок шелковых в восемь ярусов поверх настелил, бога Хори на них посадил, на сотни столов приданого припас, пиршество устроил и тут же свою дочь Тоётама-химэ (с ним) супружески соединил. И вот, пока три года не истекло, (бог Хори) жил в той стране.

(Отр. XXXIV.) Тут бог Хори вспомнил, что вначале произошло, и испустил глубокий вздох. А богиня Тоётама-химэ, его вздох услышав, своему отцу сказала: «Три года (он здесь) прожил, однако не было случая, чтобы вздохнул, а этой ночью глубоко вздохнуть изволил. Нет ли какой-нибудь причины?» — так сказала. Потому ее отец — Великий бог — своего зятя спросил: «Сегодня, как послушал (я), что говорит моя дочь — «Три года пребывает, однако не было случая, чтобы вздохнул, а этой ночью глубоко вздохнуть изволил» — так (она) сказала. Нет ли причины? А еще — по какой причине сюда пожаловал?» — так спросил.

Тогда (бог Хори) тому Великому богу подробно рассказал, как его старший брат утерянный крючок требовал. И вот морской бог всех морских рыб — с плавниками широкими, с плавниками узкими — созвал-собрал и спросил: «Нет ли рыбы, что взяла этот крючок?» — так спросил. И вот все рыбы сказали: «Недавно рыба Тай жаловалась, что (у нее) в горле колючка застряла и (она) не может есть. Конечно, эта (рыба) взяла», — так сказали. Тут поискали в горле у (рыбы) Тай, (а там) крючок оказался. Тут же его взяли-вытащили, вымыли-вычистили и богу Хори поднесли, и тогда тот бог-дух Моря (его) научил-сказал: «Когда этот крючок своему старшему брату будешь давать, сказать тебе (надо): «Этот крючок оботи-сусудзи-мадзити-урудзи» — вот что скажи и, (к брату) оборотись спиной, отдай. А после того, если твой старший брат высокое поле обрабатывает, ты, бог, низкое поле сооруди, если твой старший брат низкое поле обрабатывает, ты, бог, высокое поле \* сооруди. Если так делаешь, то, поскольку я водой ведаю, за три года твой брат непременно бедняком станет. Если (он) на то, что (ты) так сделал, разгневется и на тебя нападать станет, (ты) жемчужину Прилива вынь и утопи, если на это горевать-жаловаться станет, (ты) жемчужину Отлива вынь и его оживи, вот так (его) мучай-терзай». Так сказал, жемчужину Прилива, жемчужину Отлива — обе вместе — (ему) пожаловал, тут же всех крокодилов созвал-собрал и спросил: «Теперь Дитя Небесного Юноши, Юноша Среднего неба, изволит отправляться в Верхнюю страну. Кто (из вас) и за сколько дней (его) проводит и вернет-ся?» — так спросил.

И вот, пока каждый (из крокодилов) подсчитывал дни по длине своего тела, крокодил длиной в одно хиро, сказал: «Я за один день провожу и тут же обратно вернусь», — так сказал. Потому (морской бог) тому крокодилу в одно хиро наказал: «Если так, ты проводи. Когда будешь море пересекать, смотри не испугай (его)!» — так наказал, тут же (бога Хори) на шею того крокодила посадил и отправил. И вот, согласно тому, как обещал, (крокодил) за один день (бога Хори) проводил. Когда тот крокодил возвращаться собрался, (бог Хори) кинжал, что его опоясывал, отстегнул, на шею крокодилу повесил и отправил (его) в обратный путь.

Потому тот крокодил в одно хиро поныне Сахимоти — бог Владелец кинжала зовется.

(Отр. XXXV.) Тут дочь морского бога, богиня Тоётама-химэ, сама вышла (на сушу) и сказала: «Я уже тяжелой была, и сейчас пошло время мне родить. Как подумаю об этом — не должно дитя небесных богов быть рождено в море. Потому вышла-пришла», — так сказала. Тут тотчас же, на морском берегу, у кромки волн, дом для родов построили, кровлю перьями бакланов настелили. Только еще до конца (ее) не настелили, а (богиня Тоётама-химэ), не снеся нужды своего чрева, вошла в дом для родов. И вот, собравшись родить, своему супругу сказала: «Повсюду в чужих странах люди, когда приходит время родить, принимают облик своей (родной) страны. Потому я сейчас в прежнем (своем) облике родить собираюсь. Прошу (тебя): не изволь на меня смотреть», — так сказала. Тогда, слова ее удивительными сочтя, (он) тайком подсмотрел, как она родить собиралась, а она, обернувшись громадным крокодилом, ползала-извивалась. Тут (бог Хори), устранившись (этого) зрелища, убежал прочь. А богиня Тоётама-химэ, узнав, что (он) тайно подсмотрел, за стыд это сочла, свое дитя новорожденное оставила и сказала: «Я намеревалась всегда по морским путям, придти и (в море) возвращаться. Но (ты) облик мой тайно подсмотреть изволил, этого (я) очень стыжусь» — и тут же, морской проход загородив, (в море) вернулась-вошла. Из-за этого священное дитя, ею рожденное, нарекли Амацухико-киконагисатакэ-угаяфукиаэдзу — Небесный юноша — доблестный бог Баклановой крыши ненастеленной на морском берегу — так назвали.

И все-таки потом, хоть и досадовала (Тоётама-химэ) на то, что он подсмотрел, но, любовного томления не снеся, воспользовалась тем, что то священное дитя (нуж)

было) вырастить, и своей младшей сестре, Тамаэри-химэ — Деве Нанизывания жемчужин, дала поручение — поднести (богу Хори) песнь. В той песне (она) сказала:

«У жемчужин,  
Что красного цвета,  
Даже нить сверкает, однако,  
Жемчужинам белый подобный,  
Твой лик благородней гораздо», —

так сказала.

Тогда ее супруг сложил в ответ:

«Пока моя жизнь длится,  
Не забыть мне моей любимой,  
С которой мы спали вместе  
На острове, где ночуют  
Птицы моря — дикие утки», —

так сложил.

И вот бог Хихоходэми пребывал во дворце Такатихо пятьсот восемьдесят лет. Его священное погребение как раз к западу от горы Такатихо находится.

(Отр. XXXVI.) Имя священного дитяца, что родил этот бог, сочетавшись со своей теткой, богиней Тамаэри-химэ, (было) Ицусэ — бог Пяти стремнин. (Имя) следующе-го — Инахи — бог Рисовой пицци. (Имя) Следующего — Микэну — бог священной Пицци. Следующее (имя) — Вакамикэну — бог священной Молодой пицци. Другое имя — Тоёмикэну — бог Обильной священной пицци. Еще другое имя — Камуямато-иварэ-хико — Юноша-бог Иварэ из божественного Ямато.

(Всего четыре бога).

И вот бог Микэну, наступая на гребни волн, переправился в Вечное царство и (там) пребывает.

Бог Инахи вошел в море — страну своей матери — и (там) пребывает.

## Комментарии

К отр. VIII. Слова богини Идзанами о том, что она «отведала пицци с очага Страны Желтых вод», следует понимать в том смысле, что она стала обитательницей этой страны. По верованиям древних, кто однажды отведал пицци в стране мертвых, приобщился к нечистой подземной миру и уже не может вернуться в мир живых. На подобной идее построен греческий миф о Персефоне, присутствует она и в финском эпосе «Калевала», и в мифологических рассказах других народов.

Слова богини Идзанами «не изволь на меня смотреть» отражают определенное запрещение, табу, связанное с мертвыми. Подобное же табу, связанное с иной ситуацией (рождением ребенка), встретится далее, в рассказе о боге-Охотнике Хори и дочери морского бога Тоётама-химэ. В древнем японском молитвословии в Праздник Успокоения огня Идзанами скрывается в скале — уходит в подземный мир из-за того, что Идзанаги, нарушив ее запрет, взглянул на нее во время рождения ею бога огня.

Рассказ о страшных громах, «сидевших» в теле Идзанами, выражает представления древних японцев о загробном мире, их отвращение и страх перед всем, что связано со смертью. Вместе с тем образы Огня-грома, Тьмы-грома, Ударяющего (в землю) грома и др., вероятно, ассоциировались с природными явлениями: сильными громовыми ударами, грохотом, вырывающимся из-под земли, и пр.

Черная сетка кадзура, находившаяся на голове Идзанаги была у мужчин в древней Японии. Сеткой из вьющейся лозы или нанизанных на нить жемчужин, которой скрепляли волосы, она служила также украшением.

Рассказ о бегстве Идзанаги из царства смерти имеет многочисленные аналогии в фольклоре других народов. Он имеет и специальное наименование — «магическое бегство». Мотив бросания предметов, которые задерживают преследующих, встречается и в русских сказках.

Размахивая мечом за спиной, Идзанаги совершает магическое действие, цель которого — мучить, отгонять врага. Так же поступает и бог Хори в рассказе о братьях-богах: возвращая старшему брату его рыболовный крючок, он поворачивается к нему спиной.

Тростниковая равнина — Серединая страна — древнее поэтическое наименование Японии, фигурирующее в Кодзики. Вероятно, оно связано с тем, что Япония окружена морями, берега которых в древности представляли собой равнины, густо

поросшие тростником. Побег тростника, энергично пробивающийся из земли, символизируют в Японии жизненную силу — этот образ мы видим уже в начальных мифах Кодзики, рассказывающих о создании Вселенной. Выражение «Серединная страна» по-разному толкуется в комментариях японских исследователей: оно может быть связано с местоположением страны среди четырех морей, может выражать представление древних о Земле людей как о «среднем мире» по отношению к «верхнему миру» — обиталищу богов — и подземному миру.

Домик для роженицы (убуя) — отдельное помещение, где женщина разрешалась от бремени. Древние японцы, так же как и другие древние народы, рассматривали роды как нечистый акт, и сама женщина считалась в этот период «нечистой».

*К отр. XVII.* Слова о «буйствующих земных богах» имеют существенное значение в мифологии Кодзики. Речь идет здесь о том, что управление страной богом О-куниносуи незаконно с точки зрения высших богов — ведь он не является прямым потомком верховного божества, Аматэрасу. Нужно «утихомирить», т. е. привести к покорности, этих земных богов, тогда и воцарится порядок в Стране Тростниковых равнин. Характерно, что аналогичное высказывание мы видим в «Нихонсёки» («Анналы Японии», VIII в.): «В той стране есть множество богов, что, как светляки, светятся, а также есть буйные боги, что, как мухи, жужжат» (кн. I, «Век богов»), и это рассматривается как признак беспорядка. В мифологической форме здесь, видимо, нашла отражение борьба центрального племени Ямато с племенами (или родами), расселившимися в провинции Идзумо: именно Суса-но-о, спустившийся сюда после своего изгнания с Равнины Высокого неба и выступающий в дальнейших мифах как бог Идзумо, нарекает О-куниносуи Правителем Великой страны, т. е. передает ему управление Японией.

*К отр. XXV.* «Крик этой птицы очень плохой», то есть зловещий крик, предвещающий недоброе.

Весь рассказ о похоронах Амэ-но-вака-хико рисует древний погребальный обряд, для которого воздвиглось специальное помещение, перед мертвецом ставили пищу — колобки, рис для которых толкли в ступке, приглашалась «плакальщица» и т. д.

*К отр. XXXIII.* Выражение «И охотничья снасть — своя снасть — удача, и морская снасть — своя снасть — удача» похоже на устойчивую формулу. В ней заключена мысль о том, что каждому надлежит заниматься своим делом, и тогда ему будет сопутствовать удача. Снасть становится «счастливой» только в руках ее подлинного хозяина, на него и работает ее магическая сила, не передающаяся другому. Это верование лежит в основе настоящего требования старшего брата-Рыболова вернуть ему его рыболовный крючок, передача которого младшему брату не принесла тому удачи и заставила даже спуститься на морское дно. Сюжет мифа о братьях-богах, рассматриваемый обычно японскими комментаторами как отражение борьбы племен (в самом тексте памятника есть указание на то, что старший брат является предком рода Хаято), весьма вероятно, отразил также и важный процесс жизни древних японцев — разделение труда.

«Плотно сплетенные» лодки из бамбука или ветвей ивы употребляли в древности различные народы, натягивая поверх такого каркаса шкуры зверей.

Рассказ о пребывании бога Хори в подводном царстве — один из самых поэтических в Кодзики. Известно, что образное изображение в мифе дворцов морского бога, построенных кровля к кровле, подобно серебряным чешуйкам рыб, вдохновило художника Аоки Сигэру (1880—1911) на создание картин «Дворцы-чешуйки на морском дне» и «Счастье на море».

Наименование бога Хори Юношей Среднего неба в отличие от богов — обитателей Равнины Высокого неба говорит об иерархии богов в мифологии Кодзики.

*К отр. XXXIV.* Слова «обогни», «сусудзи», «мадзити», «урудзи», несомненно, имеют магическое значение — это заклинания, означающие «приносящий печаль», «неуверенный», «скудный», «глупый» крючок. Они имеют целью лишить рыболовный крючок его магической силы.

«Высокое поле» — это хорошо осушаемое поле, возделываемое на возвышенности. «Низкое поле» возделывается в низине, оно заливается водой.

Хиро — мера длины, равная приблизительно маховой русской сажени (1 м 81 см).

*К отр. XXXVI.* Бог Камуямато-иварэ-хико выступает во 2-й кн. Кодзики как «император» Дзимму — легендарный первый «император» Японии.

*К. Е. Черевко,*  
кандидат филологических наук

## К вопросу об изучении в СССР истории японской национальной культуры

### [О литературном памятнике Кодзики]

В последние годы отношения между СССР и Японией развиваются по восходящей линии. Это проявляется в активизации политических контактов между руководящими деятелями обеих стран. Все более широкое развитие получают торгово-экономические связи, большой удельный вес в которых занимают совместные проекты освоения природных богатств Сибири и Советского Дальнего Востока.

В этих условиях большое значение приобретают культурные контакты между СССР и Японией. Взаимное ознакомление с богатыми традициями, культурным наследием народов обеих стран в немалой степени способствует углублению взаимоотношений и достижению прочного взаимного доверия в интересах укрепления мира, безопасности и добрососедства на Дальнем Востоке.

Гуманистический характер литературы нашей страны в сочетании с ее высокими художественными достоинствами благодаря усилиям и талантам передовых японских литераторов начиная со второй половины XIX века завоевал признание японских читателей.

В Японии изучается русская историческая и художественная литература начиная с хроник Киевской Руси, «Житий святых», «Слова о полку Игореве», но особенно большое внимание уделяется русской литературе критического реализма и литературе советского периода. Произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького, А. Чехова, В. Маяковского, М. Шолохова, К. Паустовского, И. Эренбурга и других хорошо знакомы японскому читателю по многочисленным переводам.

В Советском Союзе также переводятся на русский язык и языки народов СССР как исторические памятники, так и произведения японских писателей прошлого и настоящего.

Советскими японоведами немало сделано в области изучения классического наследия японского народа, в том числе его наиболее значительных письменных памятников: Кодзики («Записи о делах древности») — 712 г., «Нихонсёки» («Анналы Японии») — 720 г.; «Фудоки» («Этногеографические описания») — первая половина VIII в., «Манъёсю» («Собрание мириад лепестков») — середина VIII в., «Такэтори-моногатари» («Повесть о бамбукосеке Такэтори») — IX в., «Отикубо-моногатари» («Повесть о прекрасной Отикубо») — XI в., «Гэндзи-моногатари» («Повесть о принце Гэндзи») — XI в. и некоторых других.

Изучением и частичным переводом Кодзики занимались советские ученые: акад. Н. И. Конрад, акад. Е. М. Жуков, д-р филол. наук Н. И. Фельдман-Конрад, д-р филол. наук Е. М. Колпакчи, д-р ист. наук С. А. Арутюнов, канд. филол. наук Е. М. Пинус и автор настоящей публикации.

«Нихонсёки» изучались в историческом плане акад. Н. И. Конрадом в связи с возникновением феодализма в Японии. Эти материалы помещены в «Хрестоматию по истории средних веков» под редакцией акад. С. Д. Сказкина (Москва, 1961 г.).

«Фудоки» исследовались в течение ряда лет д-ром филол. наук К. А. Поповым, который опубликовал на эту тему две монографии: «Идзумо фудоки» («Описание провинции Идзумо»), М., 1966 г., и «Кофудоки» («Древние фудоки»), М., 1970 г., а также несколько статей в сборниках по истории и филологии Японии.

Монументальную антологию стихотворений «Манъёсю» («Собрание мириад лепестков»), являющуюся сокровищницей поэтической мудрости японского народа, опубликовала на русском языке в 1972 г. в 3 книгах д-р филол. наук А. Е. Глускина, снабдив ее обширным научным комментарием.

«Такэтори-моногатари» («Повесть о бамбукосеке Такэтори») в переводе на русский язык с научным комментарием была опубликована дважды д-ром филол. наук А. А. Холодовичем в сборнике «Восток», М.—Л., 1935 г., и поэтессой-переводчицей В. Н. Марковой в одной книге вместе с «Отикубо-моногатари» («Повесть о прекрасной Отикубо»), М., 1963 г.

Роман «Гэндзи-моногатари» («Повесть о принце Гэндзи») частично был переведен и прокомментирован акад. Н. И. Конрадом.

Остановимся подробнее на одном из первых дошедших до нас японских письменных памятников Кодзики, фрагменты перевода из которого печатаются в данном номере журнала.

Кодзики — наиболее известный свод космогонических и исторических мифов, исторических преданий и хроник.

Как уже было указано в предисловии, Кодзики состоят из трех книг (свитков).

С филологической и этнографической точек зрения наиболее интересным является первый свиток, содержащий основной цикл мифов, преданий и стихотворений-песен. Достаточно богат по содержанию, в первую очередь фольклорными материалами, второй свиток, где мифы постепенно переходят сначала в легендарную, а затем в реальную историю. Менее интересен третий свиток, представляющий собой лаконичное изложение событий, касающихся главным образом правящей династии.

«Кодзики — не только величественный памятник национального эпоса, мифологического сказания и героической саги,— писал акад. Н. И. Конрад,— Кодзики — своя, родная, близкая каждому японцу книга... Кодзики — ключ не только к японской мифологии, но и к самой Японии, к самим японцам...»<sup>2</sup>.

Несмотря на то что мифологическое мировоззрение, основы которого получили в Кодзики законченное воплощение, сохранилось в сознании японского народа в виде отдельных пережитков, этот письменный памятник остался до сих пор как важный источник древней культуры.

Основными проблемами изучения Кодзики являются следующие: аутентичность памятника, датировка, источники, авторство, выработка критического текста по его известным спискам, язык и письмо (соотношение японского и китайского стилей), роль в истории японской литературы.

К. Курано, президент Научного общества по изучению Кодзики («Кодзики гакай»), издающего ежегодник по изучению Кодзики («Кодзики нэмпо»), обосновал подлинность известных списков памятника, проведя литературоведческий анализ его мифов и преданий, который позволил ему выявить исторически наиболее ранние формы литературного творчества японского народа. Позднее аутентичность памятника была подтверждена лингвистом С. Хасимото, который выявил систему фонем, специфическую для древнеяпонского языка.

Более сложным является вопрос об авторстве памятника и о его источниках. Большинство ученых склоняется в последнее время к тому, что им является Хиэда-но-Арэ — сказитель, принадлежавший к незнатному сословию писцов «тонэри».

Японский ученый-эрудит О-но Ясумаро не просто записывал декламировавшиеся этим сказителем «глаголы», как это традиционно считалось до недавнего времени, а творчески обрабатывал при этом огромную сырую массу рассказанных другими японцами мифов, преданий и исторических хроник.

Какие же способы записи текста имеются в Кодзики?

Во-первых, в этом памятнике используется «чисто китайский стиль» (дзюнсуй камбуи). Этим стилем, точнее, его разновидностью — высоким стилем ритмической прозы (бэйрэйтай), со строгим чередованием фраз, состоящих из 4 и 6 письменных знаков, записано «Предисловие к Кодзики»<sup>3</sup> и очень короткий фрагмент, посвященный Нинтоку.

Такого рода фрагменты можно было читать и понимать полностью по-китайски, но тем не менее рассматривать безоговорочно как текст на китайском языке их все же нельзя. Дело в том, что такие отрывки читались также по-японски, а их чисто китайский облик лишь выполнял функцию подчеркнутой авторитетности текста. Так, в «Предисловии» этот стиль, как нам представляется, используется для подчеркивания подлинности памятника, а в отрывке о Нинтоку, прослышавшем мудрецом, выполняет поэтическую функцию.

В этом отношении китайские стили записи текста в Японии существенно отличаются от таких письменных языков, которые служили для международного общения, как латинский, ибо эти тексты читаться на иных языках не могли.

«Можно, как я полагаю, вполне понять, что читаемый нами «китайский текст» («камбуи») представляет собой не иностранный язык,— пишет Т. Такэда,— а уже неотъемлемую часть японского национального языка»<sup>4</sup>.

Сам термин «китайский текст» («камбуи») в данном случае представляет собой сокращение от термина «стиль чтения по-японски китайского текста» («камбуи кундокутай»)»<sup>5</sup>.

Чтение таких текстов и их фрагментов оказывалось возможным, не говоря уже о морфемнографическом характере иероглифической письменности, благодаря использованию способа заучивания наизусть («ансё:сюги»)»<sup>6</sup>, введения ряда служебных слов

<sup>2</sup> Н. И. Конрад. Японская литература в образцах и очерках». Л., 1927, стр. 74.

<sup>3</sup> См.: Есио Ямада. «Кодзики гаисэцу» («Очерк Кодзики»). Токио, 1941, стр. 49—50.

<sup>4</sup> Такаси Такэда. Камбуи кайсяку-но гэнри-то о: ё («Принципы и практическое применение истолкования «китайских текстов»). Токио, 1965, стр. 25.

<sup>5</sup> Или даже, точнее, не китайского текста, а знаков китайского текста, знаков китайского письма, то есть китайских гетерогамм.

<sup>6</sup> См. Норико Накада. «Котэмбон-но кокугогакутэки кэнкю:» («Лингвистическое исследование книг со старыми пометками»). Ч. I. Токио, 1954, стр. 80.

в функции перестановочных знаков, изменяющих порядок чтения знаков письма по сравнению с порядком их записи, и в меньшей степени способ «фаньце», при котором сочетание китайских знаков рассматривалось как зашифровка японских знаков<sup>7</sup>.

В процессе чтения по-японски такие фрагменты, по сути дела, представляют собой отрывки текста, записанного знаками письма «чужого языка» (гетерограммами). В основном текст Кодзики, исключая «Предисловие», «чисто китайский стиль», по нашим подсчетам, встречается только в 5 из 112 фрагментов (разбивка на фрагменты по Харумити Исидзука), что составляет менее 4,5% (главным образом биографические сведения о вождях союза японских племен). Во-вторых, в Кодзики используется «японизированный китайский стиль» («вака камбун») или «видоизмененный китайский стиль» («хэнтай камбун»<sup>8</sup>).

Немаловажное значение как средство японизации Кодзики имеют также инкорпорированные в текст памятника глоссы — примечания о прочтении наиболее трудных мест по-японски, сосредоточенных в первом и втором свитке, а также пометы тонов, отличающихся от китайских тонов.

Полный текст Кодзики в переводе на русский язык не издавался.

Над переводами из Кодзики в последней четверти XIX в. работал русский историк В. Я. Костылев, однако эти переводы предисловия, первого свитка и самого начала второго свитка (последнее на 5 рукописных страницах) опубликованы не были (ИВАН, Л., ф. 65, список I, № 1 XIX—XX вв.). В. Я. Костылев при переводе ошибочно исходил из того, что Кодзики появилась как книга китайская, а отнюдь не японская (ф. 65, список I, № 16, стр. 18).

В 1972 г. «Предисловие к Кодзики» в переводе Н. И. Фельдман и несколько фрагментов из первого свитка в переводе Г. О. Монзелера были помещены в «Японской литературе в образцах и очерках» Н. И. Конрада (Л., 1927 г.); так, в советской литературе впервые была дана приведенная в начале статьи многоплановая характеристика этого памятника и намечены пути его изучения.

Несколько ранее вопрос о роли Кодзики в истории японской литературы затрагивался в очерке «Японская литература» С. Г. Елисеева, серия «Литература Востока», вып. 2, издательство «Всемирная литература», Пг., 1920.

Исследованию мифов Кодзики Е. М. Пинус посвятила статью «Древние мифы японского народа» в книге «Китай. Япония. История и филология» (к семидесятилетию академика Н. И. Конрада), М., 1967 г., а также раздел Кодзики в главе I, посвященной японской литературе, в книге «Литература Востока в средние века». Ч. I, изд-во МГУ, М., 1970. В последней работе излагается содержание первого свитка памятника и приводится его общая характеристика. В настоящее время подготовлена к изданию первая книга Кодзики, переведенная и научно прокомментированная Е. М. Пинус.

<sup>7</sup> Подробнее см.: К. Е. Черевко. Специфика литературного двуязычия в древней Японии. — «Народы Азии и Африки», 1959, № 2, стр. 107.

<sup>8</sup> Буквально — «превращенный в японский».

## Развитие стран Востока: общее и особенное

Дискуссия о путях общественного развития стран Востока, в особенности Китая, идет уже много лет. Стало очевидно, что проблемы общего и особенного в истории разных регионов и стран требуют глубокой теоретической разработки. В этой связи несомненный интерес вызывает книга Ю. В. Качановского «Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?»\*. Впервые предпринята попытка комплексного подхода к исключительно сложным и многоплановым проблемам, поднятым в современной дискуссии.

Рецензируемая работа подводит определенный итог предыдущим этапам дискуссии. Ю. В. Качановский показал несостоятельность попыток сконструировать еще одну, «азиатскую», формацию. Он подверг детальному анализу аргументы сторонников данной концепции, и в результате выяснилось, что теория так называемого «азиатского способа производства» не имеет ни своего собственного концептуального содержания, ни подтверждения в конкретно-исторических исследованиях. Следует признать обоснованным вывод автора: «Концепция азиатского способа производства уводит исследователей от действительного анализа сложных проблем истории и современного положения стран Азии, Африки, Америки. Вернее, эта концепция подменяет анализ проблем тезисом о законах развития «азиатских» обществ, якобы принципиально отличных от законов истории Европы» (стр. 243).

\* Ю. В. Качановский. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., изд-во «Наука», 1971.

Рассматривая проблемы общего и особенного в истории Запада и Востока, Ю. В. Качановский использует методiku сравнительно-исторического анализа. Сравнивая институты земельной собственности, классовую структуру, сельские общины, экономические функции государства в обществах Запада и Востока, находившихся на примерно одинаковых ступенях развития, автор отмечает, что коренных, принципиальных различий и, следовательно, особых законов истории для Азии не было, хотя здесь наблюдалось огромное разнообразие конкретных форм. Так, например, с помощью сравнительно-исторической методики, используя данные из истории Франции и России, автор опровергает положение некоторых авторов о якобы «диаметрально противоположном» соотношении категорий «класс» и «государство» в феодальной Европе и на средневековом Востоке (стр. 172—175).

В применении сравнительно-исторической методики автором сделаны лишь первые шаги, однако намеченное направление перспективно. Проблемы общего и особенного в истории разных стран нельзя решить путем произвольного выделения тех или иных специфических черт докапиталистических обществ Востока, ни тем более путем противопоставления Востока как целого Западу как целому. Только сравнительно-исторические исследования могут показать, что в действительности было особенного и что общего в истории стран Азии, Африки, Америки, Европы.

Автор считает, что, решая проблемы общего и особенного, мы должны опираться на мысль К. Маркса о «национальных способах производства»<sup>1</sup>. Каждый из них представляет собой конкретно-историческую вариацию, градацию определенного общечеловеческого способа производства или, как пишет автор, «исторического типа». Ю. В. Качановский считает, что на этой основе должна быть разработана внутренняя типология формаций и способов производства — деление их на разновидности и варианты (стр. 31—34, 108).

Историками накоплен огромный фактический материал. Сегодня, пожалуй, все согласны, что настало время, когда теоретическое осмысление нового материала крайне необходимо. Надо также учесть, что история как наука все более дифференцируется, в ней появляются все более узкие области специа-

<sup>1</sup> Речь идет о докапиталистических национальных способах производства. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 25, ч. 1, стр. 366.

лизации, а это вместе с тем порождает острую необходимость в обобщающем, можно сказать глобальном, подходе, когда всемирная история рассматривается как единый процесс.

При теоретическом обобщении существует опасность крайностей: либо догматизма, либо поспешного и необоснованного утверждения «новых» концепций. Наша научная общественность отклоняет обе эти крайности, как не способствующие установлению объективной истины. Так, справедливой критике за частичную модернизацию процессов общественного развития был подвергнут учебник по истории древнего Востока, вышедший в 1970 г., в котором не были учтены ни достижения конкретно-исторических исследований последнего десятилетия, ни теоретические положения, выдвинутые в ходе современной дискуссии<sup>2</sup>. С другой стороны, нельзя согласиться с попытками отдельных исследователей сконструировать «модели» развития без анализа конкретного документального материала и его глубокого философского осмысления.

Работа Ю. В. Качановского свободна от указанных крайностей. Автор не предлагает никаких окончательных решений, а стремится разобраться в путях развития дискуссии и в направлении исторических исследований.

Теоретические обобщения в области истории невозможны без использования данных целого комплекса наук: политэкономии, юридической науки, философии и др. Ю. В. Качановский владеет материалом разных отраслей исторической и других наук об обществе.

Нельзя не согласиться с выводами Ю. В. Качановского и о необходимости соблюдать точность понятийного аппарата, ибо без научного, аналитического подхода к общим понятиям и категориям невозможно успешное решение сложных исторических проблем.

Наиболее интересные разделы книги, рассматривающие соотношение конкретных фактов и общих законов в истории: глава «Как подойти к проблеме? О трех путях в философском осмыслении исторического материала» (стр. 13—28), разделы «Закономерности перехода от одной формации к другой», «Проблемы генеральной линии развития и отклонений от нее». Ю. В. Качановский подчеркивает, что законы истории реализуются «статистически, то есть через суммарное взаимодействие большого числа случайных фактов, можно сказать, как интегральная сумма множества случайных фактов, или, говоря очень удачными словами Н. И. Конрада, — «в больших линиях» (стр. 94). Таким образом, речь не идет о том, чтобы умозрительно открывать некие «законы» и искусственно навязывать их конкретному материалу. Позиция автора совершен-

но противоположная. «Думается, самое главное — проследить на конкретном материале, как суммируется, интегрируется множество самых разных случайных фактов в строго закономерный конечный результат, как из случайного и крайне разнообразного суммируется строго закономерное» (стр. 95). Вместе с тем Ю. В. Качановский решительно выступает против нигилизма по отношению к законам общественного развития, когда все внимание концентрируется на его случайных отклонениях, деформациях и зигзагах и игнорируется генеральная линия исторического процесса (стр. 96—97).

В книге трактуются также вопросы соотношения абсолютной и относительной истины в процессе познания исторической действительности. Категории исторической науки рассматриваются в ней как относительные истины, которые не должны быть застывшими, а по мере накопления нового документального, фактического материала развиваются, обогащаясь новым содержанием. Автор рассматривает такие категории, как «формация» и ее методологическое значение, взаимосвязь категорий «формация» и «модели» общественного строя, соотношение понятий «способ производства» и «формация», «универсалии» и «реалии».

По мнению автора, дискуссия о формациях имеет большое значение для дальнейшего развития общественной науки. «Главный вопрос сегодняшнего дня в том, каким конкретно путем приступить к разработке универсальных теорий докапиталистических формаций. На наш взгляд, ответ надо искать в анализе происходящей дискуссии. По-видимому, многие мнения и гипотезы, высказанные участниками спора, в будущем придется отклонить, но если, анализируя ключевые вопросы дискуссии, мы сумеем наметить правильный путь разработки теории, то это будет означать, что дискуссия оправдала свою цель, то есть принесла большую пользу. ...Итак, — пишет Ю. В. Качановский, — попробуем не спеша, шаг за шагом проанализировать ключевые моменты дискуссии» (стр. 16). В результате такого анализа дискуссии, проделанного автором, он пришел к выводам, которые сформулированы в главах: «О понятиях «рабовладение» и «феодализм»; «Какое избрать направление?»; «Единый общечеловеческий путь истории»; «Концепция особого азиатского способа производства и современные проблемы Азии, Африки, Латинской Америки».

Выводы Ю. В. Качановского о направлении дальнейших исследований, о невозможности в свете концепции «азиатского способа производства» решать актуальные проблемы истории Востока, о необходимости дальнейшей разработки теории формаций рабовладения и феодализма звучат убедительно. Главное достижение автора, по нашему мнению, состоит в том, что он, проанализировав весь ход дискуссии по этим вопросам в СССР и за рубежом и опираясь на новейшие данные исторической науки, совершил серьезную и в основном успешную попытку систематически

<sup>2</sup> См. рецензии на третье издание учебника по истории древнего Востока. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 5, стр. 133—146.

в обобщенно изложить современные научные концепции процесса исторического развития Востока на его докапиталистическом этапе.

Заслуживают внимания, в частности, и мысли Ю. В. Качановского о разных путях (вариантах) развития древних обществ, о разных формах взаимодействия между господствующим рабовладельческим укладом и родственным укладом производителей-собственников (стр. 220—226).

«Формации — и рабовладельческую и феодальную — автор мыслит не как застывшие структуры, а как системы развивающиеся, находящиеся в состоянии становления, эволюции или упадка. В этом плане интересна постановка вопроса о категории «предел» и ее значении для анализа существенных особенностей рабовладельческой формации, для выявления ведущих тенденций ее развития (стр. 226—227).

Рецензируемая работа посвящена докапиталистическим формациям, но, как справедливо отмечает автор, эти проблемы имеют самое прямое и актуальное отношение к современности. «...Это нужно не только историкам. Теоретический анализ в данной области имеет неопределимое значение для практики сегодняшнего дня в странах «третьего мира». Положение большинства этих стран характеризуется тем, что они — во второй половине XX в., в современном чрезвычайно быстром и сложном вихре событий, — живут в большей или меньшей степени в условиях еще докапиталистических обществ. Переживаемая большинством из них полоса развития в конечном счете есть переход от докапиталистических формаций к социализму» (стр. 166). В главе XV Ю. В. Качановский показал, что ни Ж. Шено, ни другие сторонники «азиатского способа производства» не смогли предложить гипотез и решений, которые отвечали бы реальности сегодняшнего дня в странах Востока. Пережитки феодализма, разбавляемые первобытнообщинным строем, реакционные социальные, религиозные и политические институты, тяжелое наследие колониальной эпохи, воздействие неоконформизма и прямая агрессия империализма, развитие национального капитализма, растущая сознательность и активность масс, страстное стремление масс покончить с отсталостью и зависимостью, рост влияния социалистических идей, экономические отношения, складывающиеся между развивающимися странами и империалистическими державами, отношения развивающихся стран и социалистических государств, переход ряда бывших колоний и полуколоний на путь строительства социализма — все эти факторы, переплетаясь друг с другом, взаимодействуя и противоборствуя, создают чрезвычайно сложную и противоречивую картину современного положения в обществах Азии, Африки и Латинской Америки.

К этим сложным явлениям никак нельзя относиться с предвзвешенными обобщениями «азиатского способа производства», ибо такой подход грозит опасностью схематичности.

Если Парэн полагает, что концепция особого «азиатского способа производства» может помочь теоретически объяснить «неравенство в развитии между разными народами земли, которое по сегодняшний день продолжает усугубляться», то мы, пишет Ю. В. Качановский, придерживаемся противоположного мнения: указанная концепция будет толкать исследователей на то, чтобы все огромное многообразие в основном свести к формуле лишь способа производства, в то время как в действительности там переплетаются элементы нескольких способов производства (стр. 271—272). С такой позицией нельзя не согласиться.

Среди востоковедных проблем современности важное место занимают вопросы общественного развития Китая. Полемизируя с Р. Гароди, автор решительно отклоняет тезис о том, что для Китая и других стран Востока якобы не подходит «фундаментальные законы» перехода к социализму, открытые К. Марксом и Ф. Энгельсом, что в Китае на основе пережитков «азиатского способа производства» будто бы имеет место особая, «китайская модель» социализма (стр. 272)<sup>3</sup>. По мнению Ю. В. Качановского, для понимания сложных процессов, происходящих в КНР, центральное значение имеет анализ борьбы за руководство в КПК и вообще за руководство страной между пролетарскими и мелкобуржуазными элементами (стр. 274).

В. И. Ленин в «Апрельских тезисах» писал об опасности мелкобуржуазной стихии, которая может захлестнуть сознательный пролетариат не только численно, но и идейно. Хотя с точки зрения численного соотношения рабочего класса, крестьянских и мелкобуржуазных масс ситуация в Китае менее благоприятна, чем в России полвека назад, зато значительно более благоприятна ситуация на мировой арене, где соотношение сил коренным образом изменилось в пользу социализма. Несомненно, что наиболее адекватные условия для решения социально-экономических, демографических и культурных проблем КНР были бы созданы упрочением и дальнейшим развитием социалистических преобразований, а не тем пагубным курсом, который навязали стране маоисты.

Книга «Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?» острополемична и по теме и по всему своему содержанию. Сегодня научные споры среди историков-марксистов далеко не редкость, и это хорошо, ибо в спорах рождается истина. Рецензируемая работа не свободна от недостатков. При определении способа производства автор включил также важные категории, как формы обмена и распределения, суверен, режим обмена, комплекс категорий, определяющих

<sup>3</sup> Аргументированную критику концепции Р. Гароди см. в ст. Э. Ф. Жданова «Китайская проблема» в авторском переводе Рюке Гароди. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2.

способ производства (см. стр. 29—30)<sup>4</sup>. Автор не рассматривает в своей книге вопросы, весьма важные для полного раскрытия темы. В частности, конкретная история стран Востока присутствует лишь в качестве примеров; дискуссия 30-х годов об общественно-

экономических формациях, имеющая большое научно-политическое значение, специально автором не рассматривается. Уделив много внимания разбору концепции «азиатского способа производства», Ю. В. Качановский очень мало места оставил для критики теории «вечного феодализма». Этой проблеме посвящено всего лишь несколько страниц.

<sup>4</sup> На этот недостаток книги Ю. В. Качановского обратил внимание В. Б. Меньшиков. См.: В. Б. Меньшиков. К вопросу о своеобразии исторического развития Китая. — «Общество и государство в Китае». М., 1973, стр. 334.

В целом рецензируемая книга является существенным вкладом в разработку сложных и актуальных проблем современной марксистской историографии.

*Л. С. Переломов*

## Дальний Восток во второй мировой войне\*

О второй мировой войне опубликована обширная литература как в Советском Союзе, так и за рубежом. В ряде книг освещаются военные события 1941—1945 гг. на Дальнем Востоке. Однако трактуются они советскими и иностранными авторами часто по-разному. Зарубежные читатели, к сожалению, редко имеют возможность ознакомиться с той многочисленной и разнообразной литературой, которая напечатана на русском языке.

В 1966 г. была опубликована монография А. М. Дубинского «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке». Этот капитальный труд получил высокую оценку в советской и зарубежной печати. В 1972 г. вышло новое, значительно переработанное издание этой книги на английском языке под названием «Дальний Восток в годы второй мировой войны»<sup>\*</sup>. В этом издании сделаны существенные дополнения, использованы материалы, ранее неизвестные широкому кругу читателей. Выход книги А. М. Дубинского — это значительный вклад в научное освещение тех исторических событий, которые связаны с войной на Тихом океане и разгромом империалистической Японии.

Изложение событий не ограничивается рассмотрением узкого круга вопросов, непосредственно связанных с войной на Тихом

океане, в книге дается широкий историко-политический, экономический и стратегический фон. Показано сложившееся положение на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны и образование антифашистской коалиции. Зарубежный читатель получает возможность ознакомиться с анализом хода второй мировой войны, с ее начала до капитуляции милитаристской Японии.

Советский ученый отнюдь не отрицает значения иностранных научных трудов, основанных на достоверных фактах, когда они отражают добросовестный подход исследователя. А. М. Дубинский подчеркивает, что в войне против фашизма мужественно сражались бок о бок с советскими воинами солдаты союзников — США, Англии, Франции и других стран. Однако автор обращает внимание читателей на различного рода фальсификации, распространенные на Западе, стремление некоторых западных историков умалить огромную роль вклада, внесенного Советским Союзом в освободительную борьбу народов Азии против колониализма своими победами над фашистской Германией и милитаристской Японией. Никакие попытки заставить народы Азии забыть об этом вкладе не могут рассчитывать на успех (стр. 12).

Очень важно, что большое внимание уделено как раз освещению роли сил народного сопротивления колонизаторам как на Дальнем Востоке, так и в странах Юго-Восточной Азии. Обстоятельно освещена роль Советского Союза в укреплении сил национально-освободительной борьбы, которую вели героический китайский, корейский, вьетнамский и другие народы в борьбе с японскими империалистами.

Немаловажное место в монографии отводится также освободительному движению в Индонезии, Малайе, Бирме, на Филиппинах.

С интересом будут прочитаны те странички монографии, которые рассматривают освободительную борьбу индийского народа, внутривосточное положение в Индии, сложившееся в годы второй мировой войны.

Народы Восточной и Юго-Восточной Азии, опираясь на могущественную поддержку антифашистских сил, высоко подняли в годы второй мировой войны знамя борьбы за свою

\* A. M. Dubinsky. The Far East in the Second World War. (An outline history of international relations and national liberation struggle in East and South-East Asia.) Moscow, "Nauka" Publishing House, 1972, p. 458.

свободу и независимость. «Народы Азии раз-  
начали пресловутый японский фашистский  
новый порядок» и его так называемую  
«теорию сопроцветания», не противопоставляя  
друг другу по расовому признаку, а  
спешив единство всех народов независи-  
мости от цвета кожи во имя победы сил про-  
гресса над силами реакции и колониализма.  
Важные факты, которые записаны в анналы  
истории» (стр. 365).

Разгром японского милитаризма, происхо-  
дивший в условиях возросшего влияния  
СССР на мировой арене, привел к коренно-  
му изменению положения в Восточной и  
Юго-Восточной Азии. Для народов этой зоны  
многого шара началась новая эра. Здесь  
уже в 1945 г. образовались Демократическая  
Республика Вьетнам, Индонезийская Респуб-  
лика и позднее — Корейская Народно-Демо-  
кратическая Республика и Китайская Народно-  
Демократическая Республика.

Освободительная миссия Советского Сою-  
за на Дальнем Востоке в годы второй миро-  
вой войны вовсе не исчерпывалась помощью  
к освобождению народов Дальнего Востока от  
вечного врага — империализма, но вклю-  
чала в себя самый важный фактор — содей-  
ствие здесь социальному прогрессу, револю-  
ционным изменениям в самом глубоком  
смысле.

Хотелось бы особенно остановиться на осе-  
щении в рецензируемой монографии интер-  
национальной помощи Советского Союза ки-  
тайскому народу, оказавшемуся в 1937 г.  
особенно трудном положении. Как извест-  
но, обстановка в этом году на японо-китай-  
ском фронте сложилась благоприятно для  
японского милитаризма и китайская армия  
крайне нуждалась в оружии.

Та часть исследования, которая посвяще-  
на Китаю, содержит много нового материа-  
ла. Используя его, автор стремится дать объ-  
ективное представление о позициях запад-  
ных держав и США в годы антияпонской  
войны китайского народа. В связи с пропе-  
гандами западных держав, осуществлявших по-  
литику попустительства агрессии, полным  
контрастом выступает бескорыстная помощь  
Советского Союза Китаю в его борьбе против  
японского империализма, за торжество  
китайской революции.

Мероприятия Советского правительства  
стали частью всемирного движения солидар-  
ности, организованного международным про-  
летариатом и демократической общественно-  
стью по оказанию помощи китайскому и ис-  
ламскому народам, первыми оказавшимися  
под ударом фашистских агрессоров. СССР  
по просьбе китайского правительства направ-  
ил значительную группу военных советни-  
ков. «В 1938 г. Советский Союз предоставил  
Китаю два займа на сумму 100 миллионов  
долларов на условиях 3% годовых. Данные  
займы должны были быть оплачены товарами  
в течение 5 лет... В 1939 г. Советский  
Союз предоставил Китаю новый кредит на  
сумму 150 миллионов долларов.

Эта помощь была бескорыстной, без каких-  
либо требований о гарантиях, она

не содержала никаких скрытых политиче-  
ских тенденций. Советско-китайский торго-  
вый договор от 16 июня 1939 г. также давал  
Китаю значительные выгоды и помогал ему  
справиться с большими трудностями япон-  
ской блокады» (стр. 59).

О масштабах помощи Китаю говорят хо-  
тя бы такие факты, приводимые в книге:

«В октябре 1937 г. советским транспортом  
в условиях больших трудностей были дос-  
тавлены оружие, боеприпасы, самолеты, зап-  
частни и другие военные грузы. Эти грузы на-  
правлялись в Китай морем, но большая часть  
из них направлялась сухопутным путем че-  
рез провинции Синьцзян и Ганьсу.

С октября 1937 до середины февраля  
1938 г. на советской Туркестано-Сибирской  
железнодорожной дороге использовалось 5640 товар-  
ных вагонов для перевозки китайцам воен-  
ных грузов. Далее эти грузы доставлялись  
5260 советскими грузовиками. Более 4000 со-  
ветских граждан работали в тяжелых усло-  
виях, помогая китайцам...» (стр. 34—35).

Лучшие советские летчики-добровольцы  
героически сражались в небе Китая, и нема-  
ло из них отдали свою жизнь, защищая неза-  
висимость китайского народа.

Представляют интерес разделы книги, ос-  
вещающие позицию гоминьдановского пра-  
вительства, которое своими реакционными  
действиями вынудило Советское правитель-  
ство к марту 1942 г. отозвать из Китая всех  
советников, прибывших из СССР. Более то-  
го, дальнейшая помощь китайскому цент-  
ральному правительству, особенно военны-  
ми поставками, могла быть использована во  
вред прогрессивным силам Китая.

Не оставлено без внимания и рассмотре-  
ние узконационалистического курса некото-  
рых лидеров Коммунистической партии Ки-  
тая (КПК). Автор подчеркнул, что именно  
этот курс привел к тому, что боевая актив-  
ность вооруженных сил, которыми руково-  
дил КПК, в борьбе против японских войск  
снизилась. Наиболее ярко это проявилось в  
1941 г. после начала Великой Отечественной  
войны (см. стр. 142).

На основе опубликованных в 1968 г. до-  
кументов госдепартамента США А. М. Ду-  
бинский довольно подробно проанализиро-  
вал деятельность американской миссии в  
Яньани во второй половине 1944 г. и в  
первые три месяца 1945 г. Эти страницы мо-  
нографии, несомненно, привлекут внимание  
читателей, так как они вскрывают национа-  
листические расчеты Мао Цзэ-дуна в ходе  
переговоров с американской миссией, при-  
бывшей в Яньань (см. стр. 283—287).

Специальное внимание в книге уделено  
анализу японского империализма, образова-  
нию его правящей верхушки, политическим,  
экономическим и военным методам порабо-  
щения завоеванных народов. Разоблачает-  
ся лживая пропаганда японских империали-  
стов периода войны, и в частности лозунги  
относительно «освободительной миссии» Япо-  
нии в Азии.

Со времени окончания войны на Тихом  
океане прошел большой срок — почти 30

лет. Не так уж много осталось в живых участников, свидетелей прошедших исторических событий. Напомнить о них, рассказать подлинную правду — такова одна из задач монографии.

Ценно, конечно, то, что иностранный читатель получает возможность узнать о почти неизвестных ему капитальных трудах не только советских специалистов старшего поколения, но и молодых ученых, а также о материалах советских архивов. Но важно еще и другое — книга «Дальний Восток в годы второй мировой войны» дает возможность глубоко поразмыслить над уроками второй мировой войны, которая стоила человечеству 50 миллионов убитых, десятков миллионов изуродованных людей, разрушения огромных ценностей мировой цивилизации.

А. М. Дубинский своим исследованием подчеркивает, что необходимо добиться исключения войны из жизни общества: это один из коренных вопросов нашего времени, и борьба против угрозы новой мировой войны «стала насущной задачей и потребностью широких народных масс, которые были, есть и всегда будут решающей силой истории» (стр. 366).

В заключении к книге отмечается, что развитие дружественных связей и деловых контактов между СССР и Японией, урегулирование их отношений на основе дружбы и взаимопонимания приобретает особо важное значение в наши дни. «Являясь непримиримым врагом японского милитаризма, принесшего столько лишений и страданий народам Азии, Советский Союз стремится к развитию добрососедских отношений со всеми государствами Дальнего Востока, в том числе и с Японией» (стр. 370).

Советский Союз остается последовательным приверженцем системы коллективной

безопасности в Азии, которая, как это подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПС Л. И. Брежнев, должна базироваться на отказе от применения силы в отношениях между государствами, на уважении суверенитета и неприкосновенности границ, невмешательстве во внутренние дела, на широком развитии экономического и иного сотрудничества, на основе полного равноправия и взаимной выгоды.

Издательство «Наука» публикацией монографии А. М. Дубинского на английском языке внесла полезный вклад в дело глубокого, подлинно научного освещения исторических побед Советского Союза, антифашистской коалиции и прогрессивных сил многих стран, боровшихся против империалистической агрессии, за завоевание национальной независимости.

Отмечая несомненные достоинства нового, переработанного издания книги «Дальний Восток в годы второй мировой войны», хотелось бы высказать некоторые критические замечания. Так, нельзя не пожалеть о том, что в книгу на английском языке не вошло обстоятельно написанное в 1966 г. введение (раздел «Развитие японского империализма и его агрессивные устремления»), имеющееся в русском издании, где автор убедительно полемизирует с японскими историками.

К сожалению, автор не касается вопроса об особенностях японского фашизма, его отличий от немецкого, не затрагивает также вопроса о геополитической сущности японской внешней политики.

В целом же книга очень полезна, и зарубежные читатели, которые познакомятся с нею, узнают много важного и нового о второй мировой войне, о войне на Тихом океане.

К. М. Попов

## Сингэки — знаменосцы нового японского театра

«Драма — это зеркало, в котором отражается человек с его добродетелями и пороками», — утверждал величайший драматург Японии Мондзаэмон Тикамацу (1653—1724). Не будет ошибкой сказать, что история японского театра явилась своего рода зеркалом развития всего японского общества с давних феодальных времен до нынешнего дня, когда Япония превратилась в одно из крупнейших капиталистических государств.

От древнего ритуального танцевального представления *бугаку* и мистерий *кагурэ* через театр масок *ноо*, кукольный жанр *никкё сибай* до всемирно известного *кабуки* и, наконец, *сингэки* (новая драма) — таков был многовековой путь японского театрального искусства, по-своему, но вполне адекватно отразившего социальные сдвиги в стране и духовную жизнь народа Японии во всем ее многообразии.

В течение длительного времени японский театр был как бы «вещью в себе». Вплоть до последней трети прошлого века за пределами изолированной от всего мира Японии почти ничего о нем не было известно. Более того, даже в начале двадцатого столетия в энциклопедическом двухтомнике «Япония и ее обитатели», изданном Брокгаузом и Ефронем в России, есть раздел о языке, литературе, архитектуре, изобразительном искусстве Японии и ни единого слова о театре.

В Советском Союзе побывали труппы Кабукидза (в 1928 и 1961 гг.) и кукольного театра Авадзи (1958 г.), представления которых имели возможность видеть зрители столицы и других городов. С этими и другими жанрами японского театрального искусства мы знакомы главным образом по литературе<sup>1</sup>.

Следует отметить при этом, что если в до-революционной России о японском театре почти ничего не было известно вообще, то в западноевропейской, американской и японской литературе вплоть до сегодняшнего дня преобладают исследования, посвященные традиционным жанрам, то есть кабуки, нёо, нингё сибай и т. п., а театр новой драмы (сингэки) намеренно замалчивается<sup>2</sup>. И это не случайно. Официальные круги Японии морально (и отчасти материально) поддерживают только старые, «безобидные», с их точки зрения, явления искусства, опасаясь взрывной революционной силы нового, демократического театра — сингэки<sup>3</sup>. Многие западные специалисты по японской культуре тоже делают вид, что «не замечают» сингэки.

Между тем японская прогрессивная общественность, вовсе не отрицая большой культурной ценности театральных форм прошлого, активно боролась за дальнейший прогресс японского театра, что и отразилось в появлении жанра сингэки в первом десятилетии двадцатого века.

И весьма симптоматично, что процесс количественного и качественного роста театров сингэки начался в 40—50-х годах, то есть после поражения империалистической Японии во второй мировой войне, в период бурного развития демократического движения народных масс Японии.

<sup>1</sup> См.: «Японский театр» (сб. под ред. Н. И. Коирада). Л., 1928; Н. И. Коирад. Театр Кабуки. Л.—М., 1928; «Кабуки» (сб.). М., изд-во «Искусство», 1965; М. Гундзи. Японский театр Кабуки. М., изд-во «Прогресс», 1969; «Театр и драматургия Японии» (сб.). М., главная редакция Восточной литературы, 1965; К. Одзак. Новый японский театр. М., изд-во иностранной литературы, 1960, и др.

<sup>2</sup> Любопытно, что в официальной публикации японского министерства иностранных дел «Япония сегодня», издаваемой для распространения за границей, в рубрике «Театр» (изд. 1971 г., стр. 111—112), сингэки даже не упоминается.

<sup>3</sup> Автор предисловия к советскому изданию книги «Кабуки» правильно указывает, что в Японии до сих пор «искусственно поддерживаются, по существу, музейные формы театрального искусства. Столь строгое и упорное сохранение традиций в японском театре объясняется особенностями его исторического развития, очень сильной феодальной спецификой театра в прошлом и многими пережитками феодализма в его структуре в настоящем» («Кабуки». М., изд-во «Искусство», 1965, стр. 6).

Советское театроведение в отличие от западного с пристальным интересом относится к деятельности японских театров сингэки. Но к сожалению, и у нас еще мало публикаций о театрах этого жанра. Помимо немногих статей в периодической печати на эту тему, несколько лет назад на русском языке была опубликована работа К. Одзак. Поэтому следует всячески приветствовать тот факт, что в настоящее время издана монография К. Сато о сингэки, специально написанная для советских читателей<sup>4</sup>.

Примечательна творческая биография автора этой интересной книги. Первый в Японии театровед — Кёоко Сато, получила ученую степень кандидата искусствования в СССР. Закончив Московский государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского, она в 1968 г. защитила диссертацию, которая и стала основой ее книги о сингэки.

По возвращении на родину К. Сато опубликовала в японской печати (главным образом в журнале «Театро») ряд научных статей о наиболее значительных явлениях советской театральной жизни. Наряду с этим она перевела на японский язык такие пьесы, как «Мистерия-буфф» В. Маяковского, «Тень» Е. Шварца, «Шестое июля» М. Шатрова, «Драматическую песню» (инсценировка по роману Н. Островского «Как закалялась сталь»). Почти все эти пьесы с успехом прошли в японских театрах сингэки. И особенно приятно отметить, что в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина впервые на театральной сцене в Японии был создан образ великого вождя в исполнении талантливейшего актера театра Мингэй Осаму Такидзава.

В сравнении с книгой К. Одзак работа К. Сато выгодно отличается более четкими идеологическими позициями, более строгим и объективным анализом; здесь значительно лучше показано глубокое влияние русской и советской драматургии, а также советских режиссерских методов на становление и развитие театров сингэки.

Характеризуя каждый из современных театров жанра сингэки, а именно Хайюдза (Театр актеров), Мингэй (Театр народного искусства), Бунгакудза (Литературный театр), Гайдзюцудза (Художественный театр) и ряд других, авторов прослеживает историю их создания, формирование репертуара, их успехи и трудности. В книге показана деятельность таких выдающихся режиссеров, заложивших основы движения сингэки, как Сеё Цубоути (1859—1935), Сададзи Итикава (1880—1940), Каору Осанай (1881—1928), Писи Хидзиката (1898—1959)<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> См.: Кёоко Сато. Современный драматический театр Японии. Очерки. М., изд-во «Искусство», 1973.

<sup>5</sup> Писи Хидзиката, будучи потомственным графом, тем не менее с головой окунулся в театральное движение, возглавив его левое крыло. Посетив СССР, он усиленно изучал режиссерский опыт Московского

Наряду с этим читатель знакомится с работой и творческой биографией современных руководителей театров сингэки — известных режиссеров Корэя Сэнда, Дзюкити Уно и др.; многих видных актеров, а также драматургов, работающих для сингэки.

Все эти люди — бескорыстные энтузиасты, делающие свое благородное дело в условиях немалых материальных трудностей. Ведь, кроме театра Хайюдза, имеющего свое скромное здание, все остальные театры сингэки до сих пор вынуждены показывать представления на сценах временно арендуемых помещений. Чтобы обеспечить минимальную финансовую базу для своих театров и сохранить их существование, режиссеры и актеры добровольно жертвуют часть своих заработков, добытых «на стороне» — от выступлений в кино, на радио и телевидении.

Характерно, что в «большой» японской буржуазной прессе можно всегда найти рекламу и рецензии на представление кабуки, ноо, кукольных театров и даже на ревю и стриптизы, но не на спектакли трупп сингэки, которых в последнее время в Японии насчитывалось более сорока.

И все же именно эти театры пользуются популярностью у трудящихся, передовой интеллигенции, студенчества. Об этом и мечтали вдохновители движения сингэки. Они хотели «создать такой театр, который расказал бы зрителям о новых настроениях, современных идеалах. Мечтали они также и о том, что их зрительный зал заполнят не только интеллигенты, но и простые японские труженики», — пишет Сато и цитирует в связи с этим слова Каору Осанай: «Это театр для народа» (стр. 21).

Автор дает содержательный анализ репертуара всех основных театров сингэки, включающего и оригинальные пьесы японских авторов, и переводные произведения зарубежной драматургии.

В поисках своего пути и своего творческого лица эти театры имели не только вдохновляющие успехи, но и крупные неудачи, срывы, ошибки. Однако в отличие от застывшего искусства «музейных» жанров сингэки всегда оправдывали свой девиз: только вперед!

Это особенно характерно для двух ведущих театральных трупп — Хайюдза и Мингэй. По поводу первой из них, представляющей собой крупнейший коллектив сингэки, К. Сато пишет, что для него характерно стремление закрепиться на позициях реалистического искусства, добиться своего твор-

театра Революции, Вс. Мейерхольда и систему К. С. Станиславского. В 1934 г. Хидзиката выступил на I съезде советских писателей с речью, в которой гневно обличал японский милитаризм. За этот смелый шаг он был лишен графского титула и после многих лет эмиграции по возвращении на родину заключен в тюрьму. Выйдя из заключения после поражения Японии, он продолжал свою режиссерскую деятельность.

ческого обогащения приемами и средствами классического национального наследия. «Путь Хайюдза лежит через творческий поиск, эксперимент большого диапазона — от театра «переживания» до «эпического театра», соединяющего со специфичной национальной, театральной традицией. В этом сказалось живое, плодотворное воздействие мирового театра на современное японское театральное искусство. Результаты творческой деятельности Хайюдза — показатель его зрелости, умения и способности собственными силами решать сложные проблемы создания современных форм театрального искусства» (стр. 70).

Высокую оценку К. Сато дает также коллективу Мингэй:

«Прочно оставаясь на реалистических позициях, создавая жизненные, правдивые спектакли с сильным социальным звучанием, театр неустанно ищет новое в искусстве, созвучное времени, запросам современных зрителей. Несмотря на отдельные неудачи, коллектив театра Мингэй, возглавляемый талантливым художником Дзюкити Уно, занимает значительное место в театральной жизни страны. Мингэй — один из лучших театров сингэки, достойно представляет демократическое направление в современном искусстве Японии» (стр. 94).

Касаясь деятельности третьего по счету ветерана движения сингэки — Бунгакудза, Сато отмечает, что этот самый старший по возрасту коллектив из семьи сингэки, увлечен шаг за шагом творчеством твердым и уверенным шагом, чем Хайюдза или Мингэй (стр. 95). Долгое время он пытался превратиться в цитадель «чистого», аполитичного искусства, особенно в довоенный период и в годы войны. После полосу шатаний и неудач Бунгакудза поставил пьесу Каору Моримото «Жизнь женщины»<sup>6</sup>, которая имела большой социальный подтекст; именно эта постановка стала своего рода этапом в судьбе Бунгакудза. Спектакль имел колоссальный успех, и это вновь поставило перед театром вопрос: с кем вы, мастера искусства?

В связи с этим был бы весьма поучительным рассказ еще об одном крупном представителе движения сингэки — труппе Дзэнсиндза «Вперед», история которого начинается в мае 1931 г., когда группа молодых актеров театра кабуки во главе с Т. Каварадзакки и К. Накамура создала собственный ансамбль. Поначалу ставились спектакли в стиле кабуки, а позднее наряду с ними и пьесы в стиле сингэки. В послевоенный период коллектив Дзэнсиндза объявил себя творческой коммуной и стал работать под эгидой Коммунистической партии Японии.

Остается пожалеть, что К. Сато не включила в свою книгу очерк о Дзэнсиндза, ви-

<sup>6</sup> Напомним, что эта пьеса с успехом шла несколько лет назад в постановке режиссеров Н. Охлопкова и И. Окада на сцене Московского академического театра им. В. Маяковского.

измо, на том основании, что этот театр якобы не соответствует критерию «чистого» сингэки (такого взгляда придерживаются и некоторые другие японские театроведы), хотя его связь с движением сингэки несомненна<sup>7</sup>.

Опираясь на четкие политические позиции, театр Дзэнсиндза за годы своего существования добился больших творческих успехов.

«Посвятив себя благородной цели служения народу, театр Дзэнсиндза неустанно ищет пути к созданию нового, подлинного народного театрального искусства. Бережно храня традиции японского национального театра, актеры Дзэнсиндза делают все, чтобы приблизить свое искусство к народу»<sup>8</sup>.

Деятельность Дзэнсиндза, так же как и Хэйдзюдза, Мингэй и большинства других театров «новой драмы», свидетельствует о том, что сингэки — это революционный поворот в японской театральной жизни, где до того господствовали чисто феодальные формы театра.

III можно лишь удивляться тому, с каким упорством до сих пор официальная наука в Японии пытается скрыть этот факт. Вот один из многочисленных примеров. Давая характеристику театрам сингэки, авторы объемистого тома «Япония, ее страна, народ и культура», изданного Японской национальной комиссией ЮНЕСКО в 1958 г., приводят в качестве их характерных черт шесть признаков. В числе таких признаков: отрицание коммерческого подхода к искусству; включение в репертуар наряду с японскими зарубежных пьес; признание за драмой не только сценической, но и литературной ценности; повышенная роль режиссера, который в сингэки определяет линию театра; использование западной театральной техники<sup>9</sup>. Итак, все, кроме главного — поворота театров сингэки лицом к народным массам; пропаганда средствами сцены новых, демократических идеалов, прогресса, гуманизма.

Ведь именно этим и можно объяснить необычайную популярность и поразительную жизнеспособность сингэки!

К такому выводу логично приводит читателя и рецензируемая книга К. Сато, причем несомненной заслугой автора является то, что Сато на большом фактическом материале показывает благотворное влияние русской и советской драматургии в судьбах нового японского театра.

Не впадая в преувеличение, можно сказать, что с самого начала зарождения театров сингэки русская классика стала их «доброй феей». Еще осенью 1913 г. видный японский театральный деятель Хогэцу Симамура и крупнейшая драматическая актриса

того времени Сумако Мацуи создают художественный театр (Гэйдзюудза). И что же? Среди первых его постановок — инсценировки романов Л. Н. Толстого «Воскресение» и «Анна Каренина», драма «Живой труп», а также инсценировка романа И. С. Тургенева «Накануне».

«По свидетельству современников и прессы, эти спектакли имели грандиозный успех», — пишет Сато. И это понятно, если учесть, что произведения великих русских классиков, пронизанные светлыми идеями гуманизма, прозвучали в затхлой атмосфере полуфеодальной, монархической Японии того времени...

«Весьма любопытный и красноречивый факт — выбор пьес, рассчитанных на большую популярность у японского зрителя, — выпал на произведения русских авторов. Руководители театра Гэйдзюудза не ошиблись. Русская классика вызвала огромный интерес у публики, это было убедительным доказательством большой любви японского народа к русской литературе» (стр. 15).

Читая книгу Сато, мы видим, что на творческом пути театров сингэки многозначительными вехами стали постановки наряду с произведениями Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева пьес Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, А. М. Горького. Новую живую струю в сценическую деятельность сингэки влила произведения советских авторов — это пьесы А. В. Луначарского и В. Маяковского, Л. Леонова и М. Булгакова, С. Третьякова и В. Киршона, а позднее — А. Корнейчука, К. Симонова, А. Арбузова и многих других.

Целый этап в развитии японского демократического театрального искусства, конечно, составил период существования Союза театральных коллективов Японии (ПРОТ, то есть Пролетарский театр), возглавлявшегося коммунистами и близкими к ним левыми деятелями культуры. ПРОТ открыто солидаризировался с курсом Советского Союза в области строительства новой, социалистической культуры и, несмотря на некоторые свои левачьи ошибки, сыграл большую положительную роль.

«Нельзя согласиться с точкой зрения некоторых исследователей сингэки, — резонно замечает Сато, — полностью отвергающих всю деятельность ПРОТ, считающих его тормозом на пути развития нового японского театра. Благодаря опыту пролетарских театров сингэки в послевоенный период смог найти более правильное решение проблемы «сингэки и народ», которую в свое время решал Пролетарский театр» (стр. 32).

И если сегодня с полным основанием можно засвидетельствовать, что демократическое, прогрессивное творчество театров сингэки полностью возобладавало в сфере нового драматического искусства Японии, то немалая заслуга в этом русской и советской драматургии.

Исследование К. Сато убедительно подтверждает этот важный исторический факт.

Д. М. Дубровский

<sup>7</sup> См. статью Л. Д. Гришелевой «Дзэнсиндза» в сборнике «Театр и драматургия Японии», М., 1965, стр. 123—162.

<sup>8</sup> Там же, стр. 151—152.

<sup>9</sup> «Japan, Its Land, People and Culture», Ed. by Japanese National Commission for UNESCO, Tokyo, 1958, p. 825—831.

## На всемирном конгрессе миролюбивых сил

**В** всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве со всей очевидностью показало, что движение сторонников мира вступило на новую, более высокую ступень развития. По широте представительства, важности обсуждавшихся проблем, принятым документам московский конгресс по праву называют первой Генеральной ассамблеей народов. Конгресс проходил в исторический момент перехода к новому этапу в международных отношениях, характеризующему поворотом от холодной войны к разрядке напряженности, к сотрудничеству, к мирному сосуществованию государств с различным социальным строем.

Глубокий и всесторонний анализ современной международной обстановки содержался в выступлении на московском конгрессе миролюбивых сил Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Оценивая вклад миролюбивых сил в разрядку международной напряженности, Л. И. Брежнев отметил: «Длительная и упорная борьба народов против возникновения новой мировой войны, за прочный мир и международную безопасность ознаменовалась в последние годы серьезными успехами»<sup>1</sup>. В документах конгресса также отмечается, что многое уже сделано для укрепления всеобщего мира: идея мирного сосуществования завоевывает все большее признание; в Европе сделан решительный шаг от вооруженной конфронтации к разрядке и мирному сотрудничеству; положен конец длительной войне во Вьетнаме; заключены важные соглашения, отвечающие интересам мира, в том числе о предотвращении ядерной войны и др.

Столь знаменательные сдвиги на мировой арене стали возможны благодаря общему изменению в соотношении сил на земном шаре в пользу мира и социализма, они связаны с принципиальной и последовательной миролюбивой внешней политикой Советского Союза, других социалистических государств. Значительный вклад в дело достижения всеобщего мира внесли также государства, сбросившие колониальное иго и

<sup>1</sup> Л. И. Брежнев. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. — «Коммунист», 1973, № 15, стр. 5.

добившиеся национальной независимости. Миролюбивые силы, национальные и международные организации вели все эти годы неустанную борьбу за мир и разрядку напряженности.

Однако на земном шаре еще не спокойно. Имперализм, противники мира и поборники холодной войны продолжают свою подрывную деятельность против свободы и безопасности народов. Сторонники мира, собравшиеся в Москве, считают своей главной задачей сегодня всеми силами содействовать начавшемуся продвижению к миру и безопасности, сделать разрядку напряженности явлением стойким, прочным, необратимым.

Делегаты московского конгресса пришли к выводу, что совместными усилиями можно и нужно добиться решения тех жизненных задач, которые выдвинуты борьбой за укрепление мира. Это, прежде всего, добиться урегулирования на справедливой основе существующих конфликтов, прекратить гонку ядерных и других вооружений, покончить с остатками колониализма, способствовать развитию экономического и иных форм сотрудничества между государствами, создать систему коллективной безопасности в Европе, а затем в Азии.

На Всемирном конгрессе миролюбивых сил большое место было уделено проблемам Азии и Дальнего Востока. Достаточно отметить, что в пяти из четырнадцати комиссий конгресса, таких, как «Мир и безопасность в Азии», «Индокитай», «Ближний Восток», «Национально-освободительное движение, борьба против колониализма и расизма», «Развитие и экономическая независимость», предпочтение отдавалось странам Азии. Естественно, что и в других комиссиях: по разоружению, экономическому и научно-техническому сотрудничеству, социального прогресса и прав человека, в той или иной мере также затрагивалось положение в Азии.

Во всех комиссиях обсуждались не только специальные, региональные проблемы, но и общие, глобальные, среди которых особое внимание было уделено вопросу о неделимости мира в современную эпоху, о взаимосвязи и воздействии процессов, происходящих в одних районах земного шара на обстановку в других. Делегаты конгресса, прибывшие из стран Азии, констатировали, что разрядка международной напряженности, достигнутая в Европе, сказывается и на Азиатском континенте, несмотря на различия в обстановке, задачах и условиях борьбы народов. Большинство делегатов справедливо отмечали, что надо подчеркивать не отличия, а общие моменты, которые объединяют народы Азии, Европы и других континентов, преследующих единую цель — упрочение мира на земле.

Делегаты конгресса на пленарных заседаниях и в комиссиях неоднократно подчер-

квали мысль о том, что принципы мирного сосуществования и мирного сотрудничества внедряются повсюду, в том числе и в Азии. Комиссия «Мир и безопасность в Азии» пришла в результате откровенных дискуссий к выводу, что в отношениях между государствами Азии следует «исходить из общепризнанных начал мирного сосуществования и международной безопасности, принимая во внимание выдвинутые конструктивные идеи и принципы»<sup>2</sup>. Подробнее об этих принципах говорится в заключительном докладе комиссии, представленном конгрессу. В нем, в частности, указывается на то, что комиссия серьезно изучила предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии и пришла к заключению, что такая система могла бы основываться на следующих принципах:

отказ от применения силы в отношениях между государствами и решение всех спорных вопросов мирными средствами; недопустимость территориальных захватов путем агрессии;

уважение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ;

невмешательство во внутренние дела;

признание и безоговорочное уважение права каждого народа распоряжаться своей судьбой и осуществлять социально-экономические преобразования;

признание неотъемлемого и суверенного права каждой страны на владение своими природными ресурсами;

развитие экономического, культурного, научного и других форм сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды.

Признание этих принципов всеми азиатскими государствами, независимо от различий в их политических и социальных системах, способствовало бы в значительной мере появлению такого климата в Азии, который создаст благоприятные условия для принятия совместных мер по обеспечению безопасности и прочного мира на этом континенте.

В комиссиях конгресса отмечалось, что народы Азии и Дальнего Востока уже добились крупных успехов в борьбе за мир и воплощение в жизнь принципов мирного сосуществования в условиях коллективной безопасности. Комиссия по Индокитаю с полным единодушием приветствовала борьбу и победы народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, расценив их как чрезвычайно важный вклад в общую борьбу за мир. Заключение Парижского соглашения по Вьетнаму и Вьетъянского соглашения, а также протокола к нему по Лаосу было расценено как крупный успех патриотических сил, за-

ставивших империализм пойти на существенные уступки и открывших путь для справедливого политического урегулирования в этой части мира.

Наряду с поисками путей к стабильному миру в Юго-Восточной Азии в комиссиях конгресса указывалось также на то, что и на Дальнем Востоке ведется борьба за мирное решение корейской проблемы, не менее сложной и острой, чем индокитайская. Выдвинутая КНДР программа мирного объединения страны из пяти пунктов расценена участниками конгресса как основа для решения этой проблемы.

При обсуждении вопросов мира и безопасности в Азии делегаты конгресса подчеркивали в своих выступлениях, что укрепление дружественных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами представляет собой важнейший фактор консолидации всех прогрессивных сил. Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Индией и Советским Союзом, Договор о дружбе между Индией и Бангладеш, Договор между Ираком и Советским Союзом, Совместное заявление Советского Союза и Бангладеш, индийско-монгольская декларация — все эти документы рассматривались как проявление новых тенденций в Азии, направленных на укрепление мира в условиях коллективной безопасности.

Единодушно одобрив принципы системы коллективной безопасности, комиссия «Мир и безопасность в Азии» подчеркнула в своем заключительном докладе конгрессу, что эта система открыта для всех стран Азии, без какого-либо исключения, и не направлена против кого-либо из них. Система коллективной безопасности в Азии, подчеркивается в докладе комиссии, это не военный союз в какой-либо форме, наоборот, она неотделима от борьбы за ликвидацию двусторонних и многосторонних империалистических военных пактов, военных баз, против размещения иностранных войск в странах этого континента.

Комиссия «Мир и безопасность в Азии» обратилась с призывом к КНР предпринять совместно с другими странами усилия, направленные на обеспечение длительного мира на этом континенте. Однако, как известно, политика Пекина идет вразрез с общим стремлением народов Азии и Дальнего Востока к миру в условиях коллективной безопасности. Китайские руководители выдвигают различные абсурдные предлоги о будто бы имеющемся стремлении «изолировать» КНР, твердят о несуществующей «угрозе с севера», дабы саботировать дело укрепления мира в Азии.

В выступлениях участников конгресса была разоблачена крайняя беспринципность внешней политики руководства КНР, его двурушничество, зангрявание с силами реакции и империализма, указывалось также на то, что оно оказалось в лагере противников мира, стало орудием в руках реакции и империализма. Вместе с тем на конгрессе было выражено пожелание, чтобы руковод-

<sup>2</sup> «За международную безопасность и разоружение, за национальную независимость, сотрудничество и мир. Коммюнике Всемирного конгресса миролюбивых сил». — «Правда», 3. XI. 1973.

ство КНР трезво взглянуло на меняющуюся обстановку, на свою роль в мире и пересмотрело пагубную для Китая политику. Мирлюбивые силы мира отнюдь не намерены «изолировать», либо «исключать» Китай из международной жизни, от сообщества стран и народов нашей планеты. «Что касается Советского Союза, — подчеркнул Л. И. Брежнев на конгрессе, — то, повторяю еще раз, мы приветствовали бы конструктивный вклад Китая в оздоровление международной атмосферы и развитие лояльного и равноправного мирного сотрудничества между государствами»<sup>3</sup>.

Важное место в работе комиссии конгресса было уделено вопросу о ликвидации иностранных военных баз и необходимости вывода иностранных войск с территорий азиатских государств. Империалистическая политика создания военных блоков, поддержка реакционных режимов в Азии, попытки установления неокolonиального господства — все эти действия квалифицировались участниками конгресса как создающие угрозу миру и безопасности на Азиатском континенте.

В комиссиях конгресса состоялся обмен мнениями о благотворном влиянии борьбы за мир на национальное и социальное освобождение народов, о положительном воздействии разрядки международной напряженности на развитие национально-освободительных движений в странах Азии, Африки и Латинской Америки. На конгрессе подчеркивалось, что политика мирного сосуществования ни в коей степени не противоречит борьбе за национальное и социальное освобождение народов. Наоборот, она способствует ее развитию, так как создает благоприятные международные условия для продвижения вперед дела социального прогресса всех стран и народов. Делегаты подвергли сокрушительной критике протаскиваемый реакционной буржуазной пропагандой и «левыми» тезис о «несовместности» борьбы за мир с борьбой против империализма, за нацио-

нальное и социальное освобождение народов.

Наряду с обсуждением острых политических проблем Азии и Дальнего Востока на конгрессе значительное место было уделено также экономическому и социальному прогрессу развивающихся стран, расширению их сотрудничества в области просвещения и культуры. Представители стран Дальнего Востока, в частности делегаты от МНР, в комиссии «Развитие и экономическая независимость» говорили о важности становления развивающихся стран на некапиталистический путь развития. Делегат от Монголии убедительно показал на примере своей страны, что этот путь является гарантией экономического и социального прогресса. Представитель КНДР в той же комиссии указывал на необходимость строить экономику таким образом, чтобы не допустить иностранного империалистического вмешательства во внутренние дела развивающихся государств.

Необходимо отметить, что Всемирный конгресс получил многочисленные поздравления видных политических, государственных и общественных деятелей мира, в том числе стран Азии и Дальнего Востока. Председатель Патристического фронта Лаоса принц Суфанувонг обратился со словами приветия к участникам конгресса. В своем послании он отметил, что конгресс собрался в момент, когда происходят позитивные изменения на мировой арене, и ознаменует собой, несомненно, важный этап в борьбе народов за мир, национальную независимость, свободу и прогресс.

Делегаты конгресса в своих выступлениях на пленарных заседаниях и в комиссиях неизменно подчеркивали выдающийся вклад Советского Союза, КПСС, ее Центрального Комитета, лично Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева в дело сохранения мира, достижения разрядки международной напряженности. С высокой трибуны конгресса делегаты выражали свою глубокую признательность Советскому Союзу за его последовательную борьбу за мир, за поддержку справедливой борьбы народов за национальное и социальное освобождение.

*Г. Г. Кадымов*

## XXIX Международный конгресс востоковедов

Париж. 16—22 июля 1973 г.

**XXIX** Международный конгресс востоковедов (далее XXIX МКВ) был проведен в Париже в ознаменование 100-летия Первого конгресса востоковедов, который со-

стоялся в Париже в 1873 г., 150-летия со дня основания Азиатского общества Франции и 150-летия расшифровки Ж. Ф. Шампольоном египетской иероглифической письменности.

Организационный комитет конгресса, состоявший из 42 человек, возглавляли президент Азиатского общества академик Р. Лабат (председатель оргкомитета), директор Дальневосточного института академик Ж. Филлозо (зам. председателя Оргкомитета), профессор И. Эрвье (генеральный се-

етарь) и другие. Активную роль в организации и проведении XXIX МКВ играли авиационные востоковеды Л. Базен, П. Девицкая, Р. Гиршман, В. Елисеев.

В работе XXIX МКВ приняло участие свыше 3500 делегатов и гостей из 53 стран мира, представивших около 1320 докладов. Для сравнения можно указать, что в работе XXXVI МКВ в Дели участвовало 1380 делегатов и гостей, представивших около 600 докладов, а на XXVIII конгрессе в Канберре было около 1100 делегатов и гостей, представивших 595 докладов.

Делегатов на конгресс направили Венгрия, ЦР, Польша, Болгария, Румыния, Югославия, Монголия, КНР.

В работе Конгресса принимали участие востоковеды США, Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Франции, ФРГ, Италии, Дании, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Норвегии, Финляндии, Швеции, Голландии, Ирландии, в числе которых было много видных зарубежных ученых.

В дни работы XXIX МКВ функционировали многочисленные специальные выставки: «Сокровища культуры Востока» в Национальной библиотеке; «Искусство народных художников Индии» в Музее Человечка; «Иранская бронза X—XVII вв.» в Музее декоративного искусства; фотовыставка «Современная Япония» в Музее кино; «Современная китайская живопись»; «Древнее китайское искусство», а также «Сокровища китайского искусства», развернутая в так называемом Малом дворце Парижского университета. На последней продемонстрированы памятники древней и средневековой китайской культуры, открытые во время археологических раскопок, проведенных за последние годы в КНР.

В кинозале Музея Гимет была организована демонстрация тематических кинофильмов: «Восток и ислам», «Афганистан, Индия, Непал», «Юго-Восточная Азия и Дальний Восток». Здесь же состоялся концерт музыки стран Дальнего Востока.

Крупнейшие востоковедные издательства зарубежных стран (США, Англии, Голландии, Франции, Индии и др.) в дни работы XXIX МКВ широко демонстрировали свою книжную продукцию.

Работа Конгресса проводилась в одиннадцати основных секциях: Древнего Ближнего Востока; Христианского Востока; гебранстики; арабистики и исламоведения; иранистики; центрально-азиатских исследований, включая монголоведение и тюркологию; индологии; Юго-Восточной Азии; китаеведения; японоведения и корееведения; библиографического дела и библиографии. Эти секции делились на 18 главных и значительное число небольших подсекций.

Самой крупной по числу участников и количеству представленных докладов была секция индологов (184 доклада); за ней следовали тематические секции и подсекции: арабистики и исламоведения — 174 доклада; китаеведения — 173; Юго-Восточной Азии — 200; иранистики — 111; тюркологии — 60;

японоведения — 57; корееведения — 52; монголоведения — 22. На секциях Древнего Ближнего Востока, Христианского Востока и гебранстики было заслушано 165 докладов.

В рамках Конгресса были проведены две специализированные конференции по темам: «Расшифровка текстов и языков» и «Современная литература стран ЮВА». Помимо этого, было проведено 13 семинаров, в том числе на тему: «Вклад Востока в языки и цивилизацию Юго-Восточной Европы».

Пять семинаров было посвящено изучению различных аспектов китайской культуры и теме «Китайцы Юго-Восточной Азии». То, что китайской тематикой<sup>1</sup> занимались в целом 5 семинаров из 13, свидетельствует о большом внимании зарубежной ориенталистики к углубленному изучению проблем Китая. Активно участвовавшие в работе семинаров и секции китаеведения представители Тайваня неоднократно выступали с докладами, носившими антикоммунистический характер.

На XXIX Конгрессе был создан ряд новых тематических подсекций, которых не было на предыдущих конгрессах. Среди них: подсекция Китайской Народной Республики, современной китайской истории, тибетологии (на этих трех подсекциях был представлен и обсужден 81 доклад); курдоведения; дравидологии; по изучению Мальты; сириологии; арменистики; современной персидской литературы.

Многие доклады, представленные на XXIX МКВ зарубежными исследователями, помимо научной, имели и определенную практическую ценность, поскольку они содержали интересную информацию о работе тех или иных востоковедных центров, а также хорошо аргументированную оценку современного социально-политического положения отдельных стран Востока и возможной трансформации этого положения в будущем.

В дни работы XXIX МКВ было создано несколько новых международных востоковедных организаций, в том числе Международная ассоциация по изучению Корен, Международная ассоциация дравидологии, Международная ассоциация санскритологии, Международная ассоциация по изучению цивилизаций Центральной Азии (в ее руководство вошел академик Б. Г. Гафуров).

Исполнительный комитет Международной ассоциации востоковедов принял решение проводить международные конгрессы востоковедов один раз в пять лет. В перерывах между ними будут организовываться международные встречи востоковедов более узкой специальностей (индологов, иранистов, тюркологов, японистов, арабистов, корееведов и т. п.).

<sup>1</sup> Подробно работа секции китаеведения рассматривается в статье чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковского «XXIX Конгресс востоковедов: дискуссия о современном Китае» (см. стр. 61).

Место проведения очередного XXX МКВ будет определено Консультативным комитетом в рабочем порядке, поскольку окончательно в дни работы XXIX МКВ этот вопрос участниками Конгресса решен не был. Консультативный комитет на своем заседании избрал местом проведения следующего Конгресса Мексику, хотя это решение встретило возражение делегатов СССР, других социалистических стран и многих государств Востока. Поэтому организаторы XXIX МКВ, в нарушение традиций Конгрессов востоковедов, не поставили этот вопрос на голосование пленарного заседания XXIX МКВ, и вопрос был отложен.

Советскую делегацию на XXIX МКВ возглавлял академик Б. Г. Гафуров. В ее состав входили представители основных востоковедных центров РСФСР, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении. Делегация активно участвовала в работе XXIX МКВ. Все представленные ею доклады были посвящены актуальной востоковедной тематике.

Содержательные выступления, освещающие основные этапы отечественного востоковедения или его отдельных направлений, а также вклад советских востоковедов в мировую ориенталистику, представили Конгрессу академик Б. Г. Гафуров, чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононов, Н. А. Халфин и В. В. Цыбульский. Актуальным проблемам китаеведения посвятили свои доклады чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский, В. И. Акимов, Е. Н. Коновалов, В. С. Мясников, М. В. Сафронов.

Изучение истории Древнего Востока получило освещение в обстоятельных докладах академика Б. Г. Гафурова, Г. М. Бонгард-Левина, Т. Н. Савельевой, Г. Х. Саркисяна, а средневековой истории стран Востока — в докладах О. Ф. Акимовкина и Е. И. Кычанова.

Значительный интерес вызвали у участников Конгресса доклады С. И. Ходжаш и В. Г. Луконина о некоторых проблемах истории культуры народов Востока и доклады Н. А. Баскакова и В. М. Алпатовой о спорных вопросах восточного языкознания.

Наибольшее число докладов, представленных советскими участниками Конгресса, было посвящено проблемам современности — социально-экономическому и политическому развитию стран Востока, их идеологии и культуре, национальным проблемам на Востоке, международным отношениям. Доклады, связанные с этой актуальной тематикой, представили Ю. В. Ганковский, Л. М. Демин, И. С. Казакевич, И. А. Латышев, А. П. Марков, Л. И. Мирошников, Г. И. Подпалова, Л. Р. Полонская. Вопросам становления и развития современных литератур народов Востока посвятили свои доклады Б. М. Гусейнов, Д. С. Комиссаров, Ю. Н. Кочубей, Е. П. Челышев.

Советские востоковеды Б. А. Джамгерчинов, Д. Д. Лубсанов, А. М. Мирзоев, И. М. Муминов, Б. П. Пальянова представили Конгрессу ряд докладов, посвященных

важным проблемам истории — истории культуры и истории социалистического строительства в республиках Советского Востока.

Внимание участников Конгресса привлекли доклады, посвященные актуальным общим вопросам современного Востока, представленные О. К. Дрейером, М. А. Дробашевым, Г. Ф. Кимом, В. Ф. Ли. Обсуждение этих докладов было вынесено на заседание специальной подсекции.

Иностранные ученые указывали, что доклады советских делегатов дали им возможность ознакомиться с последними достижениями советской науки, и выражали пожелания, чтобы советские востоковедные работы значительно шире и более оперативно переводились на иностранные языки. Высказывались также пожелания о расширении сотрудничества между советскими и зарубежными востоковедческими центрами, расширении обмена аспирантами, взаимными научными командировками, об организации и проведении совместных научных работ.

Неизменное внимание привлекали также доклады ученых других социалистических стран, посвященные актуальным проблемам востоковедения и выполненные на высоком научном и методологическом уровне.

В заключение можно сказать, что XXIX МКВ продемонстрировал активизацию востоковедных исследований, а также наличие процесса дифференциации в проведении их. Этот процесс не только усилил профессионализацию востоковедов, но и упрочил комплексный характер востоковедной науки и тем самым обеспечил ее дальнейший прогресс. В востоковедении сейчас закладываются основы плодотворного сотрудничества с точными науками, что открывает новые возможности для развития экономических, демографических и других актуальных исследований, для прогнозирования социальных процессов на Востоке, резко улучшения лексикографической, научно-информационной и библиографической работы.

Работа XXIX МКВ показала также, что, хотя прогрессивные, гуманистические направления в мировом востоковедении и завоевывают все новые позиции, консервативно настроенные буржуазные ученые не упускают возможностей для пропаганды ненаучных, враждебных плодотворному международному сотрудничеству идей. И хотя отпор, который они получают, заставляет их обычно маскировать свои взгляды, борьба с антинаучными, антигуманистическими и антимарксистскими акциями и выступлениями остается важной задачей не только советских, но и всех прогрессивных востоковедов мира.

XXIX Международный конгресс востоковедов вновь подтвердил, что востоковедение Советского Союза и других социалистических стран занимает сегодня ведущие позиции в мировом востоковедении, определяет магистральные пути развития этой науки.

*В. Н. Игнатов*

# Пятая конференция писателей стран Азии и Африки

**В** политическом климате планеты под воздействием политики мирного сосуществования сегодня происходят знаменательные перемены. Разрядка напряженности, как следствие осуществления советской Программы мира, вдохновляет все миролюбивые силы на дальнейшее упрочение мира на земле. Конкретный вклад в осуществление этой идеи вносят общественные движения, организации, заинтересованные в ослаблении напряженности.

Решимость всемерно содействовать тому, чтобы процесс разрядки напряженности, отвечающий жизненным интересам народов, развивался еще успешнее, продемонстрировали афро-азиатские литераторы, собравшиеся в начале сентября в Алма-Ате на Пятую конференцию писателей стран Азии и Африки.

В этой представительной встрече приняли участие посланцы 55 стран двух континентов, а также почетные гости — представители писательских организаций 13 стран Европы и Америки, ряда международных организаций.

Конференция приняла ряд резолюций: по Индокитаю, где приветствуется подписание Парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме; о продолжающейся израильской агрессии против арабских стран; о солидарности с освободительной борьбой народов Африки; о поддержке борьбы чилийского народа против реакции.

В Алма-Ате собрались художники, объединенные не только любовью к слову, но и глубокой заботой о судьбах народов. Вот почему с трибуны конференции звучали речи сердечной признательности и поддержки крупнейшим внешнеполитическим акциям, инициатором которых является Советский Союз.

Участники алмаатинской встречи горячо и единодушно откликнулись на призыв Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Н. Брежневца, содержащийся в его приветственном послании конференции: «Содействовать тому, чтобы процесс разрядки напряженности, отвечающий жизненным интересам народов, охватил весь земной шар...»

Эта идея близка и понятна участникам конференции, о чем они четко и определенно заявили в Общей декларации: «Мы поддерживаем все усилия, направляемые на разрядку международной напряженности, и

в особенности последние акции Советского Союза».

«Нынешняя международная обстановка создает благоприятные условия для великого дела — превращения Азии и Африки, как и Европы, в зоны мира», — заявил, открывая конференцию, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

Мысль эту выдвинул в своем выступлении и член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев. Он подчеркнул, в частности, что «здесь, на конференции писателей стран Азии и Африки, уместно напомнить, что недавно в этом же зале Леонид Ильич Брежнев говорил об особой важности обеспечения безопасности в Азии на коллективных началах». Создание системы коллективной безопасности, отметил тов. Д. А. Кунаев, — дело непростое, тем более, что на этом континенте и за его пределами есть силы, заинтересованные в сохранении отчужденности между азиатскими странами. Обеспечение системы коллективной безопасности в Азии требует совместных усилий азиатских стран. «По нашему убеждению, — сказал тов. Д. А. Кунаев, — достижению этой цели могут активно содействовать общественные силы континента, в том числе прогрессивные писатели».

Поддерживая миролюбивую внешнеполитическую инициативу Советского Союза, гости Алма-Аты, писатели Азии и Африки, участвуя в насущных, главнейших заботах века, высказывались в поддержку идеи создания системы коллективной безопасности в Азии.

И естественно, что первым голосом в поддержку предложения СССР стал голос представителя Южного Вьетнама. Поэт и воин Тху Бон, участник 39 крупных военных операций, лауреат премии «Лотос» 1973 г., заявил: «Коллективная безопасность в Азии, с призывом к которой выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, — огромное, мировых масштабов дело, это в интересах всех народов земли. Мы истосковались по ясному небу, спокойной земле, воскликнул Тху Бон. Мы хотим, чтобы наши дети слушали колыбельные, а не разрывы бомб».

Мирно трудиться на своей земле хотят и индийцы. «Для нас, жителей Азии, мир — вопрос жизни, — заявил видный индийский общественный деятель и писатель Субхас Мукерджи. — Превращение общими усилиями Азии в подлинную зону мира — это жизненная необходимость. Именно поэтому мы собрались в Алма-Ате — выполнить миссию, возложенную на нас литературами и народами наших стран».

О важности укрепления мира во всем мире, и в частности о ликвидации конфликтов в Южной Азии, говорил и выдающийся пакистанский поэт Фанз Ахмад Фанз. «Эра непонимания, недоверия и конфронтации сменяется более счастливой и разумной эрой добрососедских отношений. Мы чувствуем, — продолжал Фанз Ахмад, — удовлет-

ворение оттого, что страх ядерной катастрофы в настоящее время ослабился ввиду достижения ослабления международной напряженности. Это стало возможным благодаря постоянно растущим силам стран социалистического содружества и настойчиво проводимой ими политики, направленной на достижение мира и мирного сосуществования».

С большим интересом было выслушано выступление делегата Монголии Ладонгийн Тудэва, отметившего, что борьба за афро-азиатскую солидарность сегодня затрагивает интересы не только народов двух материков, она отвечает интересам всех людей доброй воли и является важной частью борьбы народов за мир.

Благодаря конструктивным и последовательным внешнеполитическим действиям братских стран социалистического содружества, сказал он, наступает оттепель в международном климате и тает лед холодной войны. Этот процесс оздоровления международной обстановки создает самые благоприятные условия для разрядки напряженности и в Азии, и в других районах земного шара. Создание в Азии системы коллективной безопасности, основные принципы которой четко и ясно сформулировал товарищ Л. И. Брежнев, является неотъемлемой частью дела укрепления всеобщего мира и безопасности народов нашей планеты. Монгольские писатели, как и весь наш народ, считают создание такой системы уже назревшей необходимостью и видят в ней самый реальный путь к прочному миру и спокойствию в Азии.

Наша страна, сказал далее Л. Тудэв, делает все для того, чтобы развивать дружественные отношения и взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами, в том числе и со своим южным соседом КНР, с которым наша республика имеет общую границу на протяжении нескольких тысяч километров. Однако, к великому нашему сожалению, нынешнее руководство КНР, выдавая себя за «истинного друга» малых и средних стран, проводит великодержавно-шовиннистическую политику в отношении стран Азии и Африки. Об этом говорят факты открытой антимонгольской политики Пекина, его продолжающееся посягательство на территориальную целостность МНР и неуважение к ее суверенитету, попытки вмешательства в дела нашей страны.

Пекинские руководители нагнетают напряженность в отношениях с соседними странами, выступая против могучего процесса оздоровления международной обстановки, всячески противодействуя идее соз-

дания системы коллективной безопасности в Азии.

Маоистское руководство Китая, прикрываясь лживыми лозунгами, выступает против мирного сосуществования государств с различным общественным строем, против всеобщего разоружения, против демократических прав народа. И первыми жертвами циничного шовинизма в этой стране стали представители творческой интеллигенции.

Опасность и вредность великодержавно-шовиннистического курса Пекина состоят в том, что он направлен против идей гуманизма, братства и дружбы народов. Этот курс вновь нашел свое официальное подтверждение в документах только что состоявшегося X съезда КПК.

Но мы верим в то, сказал в заключение Л. Тудэв, что в конечном итоге объективные интересы народа Китая должны возобладать над субъективными измышлениями маоистов.

Об ответственности писателей в борьбе за мир говорили и генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки Юсеф эс-Сибби, и представитель Республики Шри Ланка Гунассена Витана, и писатель из Южной Африки Алекс Ла Гума, и литератор из Туниса Ларусси Метуи, и член Всемирного Совета Мира, известный аргентинский писатель Альфредо Варелла, отметивший, что весь ход конференции в Алма-Ате свидетельствует о поддержке писателями идей борьбы за мир и безопасность народов. Мастера слова из ДРВ в Алжира, Афганистана и Бангладеш, Сенегала и Малайзии, Сирии и Японии, Турции и Филиппин — многочисленные посланцы двух континентов продемонстрировали свою решимость отстаивать дело мира.

Алмаатинская конференция, состоявшаяся накануне Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, показала, что мысли, высказанные Л. И. Брежневым в его речи, произнесенной в Алма-Ате, вызвали одобрение всех честных людей, живущих на просторах Азии. Вот почему работа Пятой конференции писателей стран Азии и Африки была озарена светом великих событий, происходящих сегодня в мире. Вот почему самым главным из всех вопросов, которые обсуждали ее участники, стал, как верно заметил монгольский поэт Бэгзийн Явуухулан, вопрос о сохранении мира на земле, о превращении Азии в континент коллективной безопасности. Встреча писателей в Алма-Ате является, несомненно, одним из значительных этапов на пути к достижению этой благородной цели.

*Р. С. Белоусов*

## Новые книги

Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. Сборник статей. М., «Наука», 348 стр., 3200 экз., 1 р. 45 к.

Сборник подготовлен на базе материалов научной конференции, состоявшейся в Институте востоковедения АН СССР. Ряд статей данного сборника посвящен проблеме союза рабочего класса с крестьянством как одной из важнейших общих закономерностей революционного движения. В книге освещаются борьба между пролетариатом и буржуазией за крестьянство, роль союза рабочего класса с крестьянством в условиях социалистического строительства, раскрывается всеобщее значение ленинизма, ленинского учения о классах: показано, к каким тяжелым последствиям приводит измена ленинским идеям и принципам. Несколько статей посвящены роли армии в классовой и политической борьбе стран Востока.

Культура народов зарубежной Азии. (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. 29), Л., «Наука», 1500 экз., 1 р. 68 к.

В XXIX томе «Сборника Музея антропологии и этнографии» читатель найдет публикации коллекционных материалов, представленные по региону, включающему зарубежные народы Азии. В книге содержатся интереснейшие материалы о маньчжурах и японцах, народах Камбоджи, Шри Ланка (Цейлона), Индонезии. Сборник иллюстрирован хорошо выполненными рисунками, фотографиями, таблицами.

Твоим именем... Очерки вьетнамских писателей об СССР. Сост. и пер. М. Ткачева. Алма-Ата, «Жазушы». 136 стр. с илл., 12 000 экз., 40 к.

Вьетнам: интернационализм в действии. Изд-во АПН. — На англ. яз.

Аносова Л. А. Промышленность Демократической Республики Вьетнам. 1954—1965. М., «Наука», 104 стр., 2700 экз., 56 к.

Книга посвящена процессам экономического строительства в ДРВ с 1954 г. до начала американской агрессии.

Вольский Д. Большая победа вьетнамского народа. Изд-во АПН. — На франц. яз.

Высоцкий С. и Глазунов И. Дни и ночи Вьетнама. Путевой дневник. «Прогресс». — Издано на англ. и франц. яз.

О героической борьбе народа Вьетнама против американской агрессии рассказывает эта книга. На протяжении всей книги авторы стараются показать народ Вьетнама в бою и в труде.

Много тысяч миль прошагали авторы этой книги по фронтовым дорогам Вьетнама, стараясь как можно больше узнать об этой героической стране, о мужественных вьетнамских людях.

Русско-вьетнамский политехнический словарь. Около 80 000 терминов. Москва, «Сов. энциклопедия» — Ханой, «Наука и техника», 879 стр., 55 000 экз., 3 р. 77 к.

Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна. «Прогресс». — На исп. яз.

Серебряков Е. А. Лу Ю. Жизнь и творчество. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 216 стр., 1270 экз., 1 р. 01 к. — Исследование творчества одного из крупнейших поэтов Китая Лу Ю (1125—1210).

Наумов И. Н. Продовольственная проблема в Китае. М., «Наука», 247 стр., 4600 экз., 94 к.

Книга посвящена исследованию одной из важнейших сторон экономической жизни КНР — изучению ее продовольственного положения. Автор затрагивает проблему народонаселения в Китае и воздействие ее на экономическую и духовную жизнь этой страны.

В настоящей работе дается глубокий анализ продовольственного кризиса в Китае, его возникновение, развитие, пути и перспективы преодоления.

Ширендыб Б. Избранные произведения. Пер. с монгол. М., «Наука», 339 стр. с портр. 1600 экз., 1 р. 68 к.

Данная книга представляет собой сборник статей, докладов и выступлений академика Б. Ширендыба, опубликованных в СССР и МНР в разное время.

Б. Ширендыб — автор таких крупных научных трудов, как «История Монгольской народной революции и образование Монгольской Народной Республики» (М., 1956), «Монголия на рубеже XIX—XX вв.» (Улан-Батор, 1967), «История Монгольской народной революции 1921 года» (Улан-Батор, 1970; М., 1971), удостоенная Государственной премии МНР. Книга Б. Ширендыба «Минуя капитализм» издана на монгольском, русском, английском, французском, немецком, испанском и арабском языках. Работы, включенные в сборник, тематически делятся на три раздела:

- I. Вопросы истории МНР.
- II. Вопросы организации науки в МНР.
- III. Общественно-политические проблемы.

Моника Варненска. Репортаж из Сайгона. Авториз. перевод с польск. Я. О. Немчинского. М., «Прогресс», 335 стр. с илл., 1 р. 07 к.

Имя польской журналистки и писательницы Моника Варненской хорошо известно в Советском Союзе. У нас опубликованы такие ее книги, как «Тревога на рисовых полях», «Война в джунглях», «Четвертая зона» и др. Все эти книги посвящены Вьетнаму. За боевые репортажи, гневные статьи в защиту вьетнамского народа М. Варненска удостоена ряда наград, в том числе премии «Гран при» Международной организации журналистов.

«Репортаж из Сайгона» новая работа талантливой польской писательницы, посвящается она актуальной теме сегодняшнего дня — агрессии США во Вьетнаме. Показывая смерть и разрушения, принесенные американскими интервентами во Вьетнам, М. Варненска заявляет, что она на стороне вьетнамского народа, против геноцида и «грязной войны».

В. И. Павлов. Социально-экономическая структура промышленности Индии. Исторические предпосылки генезиса капитализма (конец XVIII — середина XIX в.). М., «Наука», 391 стр., 1300 экз., 2 р. 40 к.

В книге исследуются такие проблемы социально-экономической истории Индии в новое время, как производительность труда и условия производства прибавочного продукта в земледелии и ремесле, система перераспределения этого продукта через налоговый и торговый механизм и т. д.

Красная лягушка. Новеллы япон. писателей. Сост. А. А. Бабинцев и Д. П. Бугаева. М., «Наука», 142 стр. (Современная восточная новелла). 30 000 экз., 39 к.

Жанр короткого рассказа уже стал характерен для писателей Японии. Ясуока Сётаро, Симаки Кэнсаку все чаще обращаются к нему. Японская промышленность развивается бешеными темпами, простым людям все труднее и труднее найти работу. О чем думает современный японец, как ему живется в этом мире, где все люди так разобщены, — вот в чем задача прогрессивных писателей Японии.

Доброе дело. Рассказы писателей Малайзии и Сингапура. Переводы. Сост. и предисл. Б. Б. Парникеля. Алма-Ата, «Жазушы», 103 стр., 37 000 экз., 25 к.

Сборник состоит из двенадцати коротких рассказов писателей Малайзии и Сингапура. Разные авторы, разные языки, разные поколения, но объединяет их одно — они пишут о жизни бедняков независимо от того, к какой национальности они принадлежат.

# СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» за 1973 год

## Статьи

ВЛАДИМИРОВ О. Е. О некоторых особенностях современного положения в Китае, № 3

ГАЛКИН И. А., ИВАНОВ С. И. Победа правого дела, № 2

ИВКОВ И. И. За мир и безопасность народов Азии на коллективной основе, № 1

МАРТЫНОВ А. А. Коллективная безопасность в Азии — насущная проблема, № 4

Победа сил мира и прогресса, № 1

## «Круглый стол» журнала

Актуальные проблемы современного Китая, № 1

Пекин против смягчения международной напряженности, № 4

## Экономика и политика

АНДРЕЕВ М. А. Азиатский банк развития: ревизия конструктивной цели, № 4

БАЗАРГАРЬД Д. Великоханьский шовинизм и судьбы Внутренней Монголии, № 4

ВАСИЛЬЕВ В. А. В интересах мира и национального согласия, № 2

ГОРИН В. Е. Проблемы металлургической промышленности Китая, № 3

ГУДОШНИКОВ Л. М. Об особенностях становления современного политического механизма КНР, № 2

ДАЛЬНЕВ М. И. Некоторые проблемы Малайзии, № 2

ДАЛЬНЕВ М. И., НЕДЕЛИН В. А. «Культурная революция» в КНР, ее причины и последствия, № 3

ДМИТРИЕВ Ю. Д. После визита премьерера Танаки в Пекин, № 1

ДМИТРИЕВ Ю. Д. СССР и Япония: полезный диалог, № 4

ДОЛГОРУКОВ П. Д. СССР — Япония: торгово-экономическое сотрудничество в действии, № 3

ДУБИНСКИЙ А. М. Импералистическая политика США в Юго-Восточной Азии и позиция китайского руководства, № 2

ДУДИНСКИЙ И. В., БУДАЕВ В. Ш. Экономическое развитие Монголии в условиях социалистической интеграции, № 2

КОСТИКОВ Е. Д. Великодержавные амбиции и пограничная политика пекинского руководства, № 1

КОСТИКОВ Е. Д. Политическая картография на службе великодержавного национализма, № 4

КУКУШКИН К. В., ТИМОШИН В. Г. Новое подтверждение антисоциалистического курса китайского руководства (о X съезде КПК), № 4

ПАМОР А. П., ЕЛИН И. М. О характере изменений в экономической политике маоистов, № 1

ПЕВЗNER Я. А. Экономика Японии сегодня и завтра, № 2

ПОПОВ К. М. ЭКАДВ: свет и тени, № 3

ПФЕФФЕР Л., ЭБЕР А. Особенности положения «переходного социального слоя» в Китае, № 4

СЕРГЕЕВ В. А. Экономическое сотрудничество СССР с развивающимися странами Азии, № 3

СЛАДКОВСКИЙ М. И. XXIX Конгресс востоковедов: дискуссия о современном Китае, № 4

ЮРКОВ С. Г. 24 года КНР: итоги и проблемы, № 4

ЯНАЕВ Г. И. Подрывная деятельность маоистов в международном молодежном движении, № 4

## Идеология

АРЗАМАСЦЕВ А. М. Мелкобуржуазная сущность маоистских концепций социального равенства, № 4

БУРЛАЦКИЙ Ф. М. Противоречивые обоснования противоречивой политики, № 1

КЛИМ Г. Ф. Национализм, пролетарский интернационализм и революционный процесс на Востоке, № 1

КОВАЛЕВ Е. Ф. «Китайская проблема» в извращенном толковании Роже Гауди, № 2

КРИВЦОВ В. А. Маоизм и конфуцианство, № 3

ПЕРЕЛОМОВ Л. С. О сущности легизма, № 2

ПОСПЕЛОВ Б. В. Японские китаеведы об «идейно-философском» содержании маоизма, № 3

СИДИХМЕНОВ В. Я. Антиленинская сущность «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата», № 3

### История и археология

ГЛУНИН В. И. Борьба за единый национальный фронт в Китае (к 50-летию III съезда КПК), № 3

ГРИГОРЬЕВ А. М. Важная веха в истории КПК, № 2

ЕФИМОВ Г. В. Истоки китайского милитаризма, № 1

ИСКАНДАРОВ Б. И. Из истории народов Памира, № 1

КАРТУНОВА А. И. Интернациональная помощь рабочему классу Китая (1920—1922 гг.), № 1

ЖРУЧИННИН А. Г. Борьба за социалистическое развитие Китая и Советский Союз, № 1

ЖУКУШКИН К. В. Апология пекинского гегемонизма, № 1

ИШКИФОРОВ В. И. Перекраивание истории маоистами, № 2

ИШКИФОРОВ В. И. Гипотезы и историческая реальность, № 3

СОТТО БРАУН. Как Мао Цзэ-дун шел к власти, № 4

ТИТОВ А. С. Поражение Мао Цзэ-дуна на совещании в Пинду, № 2

ШАВКУНОВ Э. В. Советские ученые о чжурчжэнях, № 3

### Мир глазами ученого

ЛАТЫШЕВ И. А. Япония наступает: новое в японо-американских экономических отношениях (письмо из США), № 2

ЛАТЫШЕВ И. А. Япония наступает: новое в японо-американских экономических отношениях (второе письмо из США), № 3

### Культура

ИБЕЛОУСОВ Р. С. Слова подлинных доброжелателей, № 2

ГОЛУБЕВ И. С. Обвинители и защитники Су Ши. К вопросу о судьбе национального литературного наследия в Китае, № 1

ЖЕЛОХОВЦЕВ А. Н. Фальсификации продолжают, № 2

НИКУЛИН И. И. Вьетнамская литература: наследие и традиции, № 4

ТЕПЛИЦКИЙ М. Г. Видимость перемен и реальные факты, № 1

ФЕДОРЕНКО И. Т. Бессмертие Цю Юаня. К 2250-летию со дня смерти поэта, № 2

СОФРОНОВ М. В. II ценное наследие, и тяжкое бремя (о связях китайской письменности и культуры), № 3

ЭПДЛИН Л. З. Об отражении общественного сознания в литературе средневекового Китая, № 3

### Публицистика

ВОРОНЦОВ В. Б. «Дело Америкэша», № 1.

ГЕНРИ ЭРИСТ. Чего хотят во дворце Чжуннаньхай?, № 3

ИЛЬИНСКИЙ М. М. Геронческий Ханой (записки журналиста), № 1

### Документы, публикации

Кодзики — Записи о делах древности. К вопросу об изучении в СССР истории японской национальной культуры, № 4

ЛУ СИНЬ. Из болтовни выздоравливающего, № 3

Резолюция VI съезда КПК о крестьянском движении, № 2

### Комментарии

АПАЛИН Г. В. Саморазоблачение китайских руководителей в ООН, № 1

КОТЛЯРОВ В. С. Неприсоединившиеся страны и гегемонизм Пекина, № 4

КУДРЯВЦЕВ В. Л. Реальный путь к добрососедству, № 2

ПЕТУХОВ В. И. Проблемы Европы и политика Пекина, № 2

СЕМЕНОВ В. А. Европейская безопасность и позиция КНР, № 1

ТКАЧЕНКО В. П. Корейский народ строит социализм (к 25-летию провозглашения КНДР), № 3

МИХАПЛОВ Ю. И. Китай и западноевропейская интеграция, № 4

ЯКОВЛЕВ А. Г. Азиатская конференция по вопросам безопасности и сотрудничества, № 3

### Критика и библиография

АНТИПОВСКИЙ А. А. Вульгаризация исторической науки в КНР, № 2

- ДВОРЯНКОВ Н. А. Новая книга о японской поэзии, № 1
- ДУБРОВСКИЙ Д. М. Сингэки — знаменосцы нового японского театра, № 4
- КРИВЦОВ В. Н. Ученый, педагог, литератор, № 3
- МАРКОВ А. П. Опасные спекулянты, № 2
- МУНКУЕВ Н. Д., ЦАПЛИН Ф. С. Борьба монгольского народа против маньчжурского владычества, № 1
- МЯСНИКОВ В. С. Подъем и падение Цинской империи, № 3
- ПЕРЕЛОМОВ Л. С. Развитие стран Востока: общее и особенное, № 4
- ПЕТРОВ В. В. О китайской поэзии 20—30-х годов, № 2
- ПОПОВ К. М. Дальний Восток во второй мировой войне, № 4
- ПОСПЕЛОВ Д. М. Правда об истории американской агрессии в Индокитае, № 2
- СОРМОВЦЕВ А. Н. К проблеме «наксалитов» в Индии, № 3
- ХОДЖАЕВ М. Ценный исторический источник, № 1
- ЦАПЛИН Ф. С. Татаро-монголы в Азии и Европе, № 3
- ЕФИМОВ Г. В. Чжан Тай-лэй — герой китайской революции (к 75-летию со дня рождения и 45-летию со дня гибели), № 3
- ИГНАТОВ В. Н. XXIX Международный конгресс востоковедов, № 4
- ИОАНИСЯН Г. Т. Расширение контактов, № 3
- ЛОГУНОВА В. В. Вопросы развития восточных литератур, № 2
- ОШАНИН И. М. Работа над Большим китайско-русским словарем, № 1
- СОРОКИН В. Ф. В Наньянском университете, № 3
- ХАМРАЕВ М. Великий поэт уйгурского народа, № 3
- ЧЕРЕВКО К. Е. Памятник японо-русской дружбы, № 3
- ЮМАШЕВ Ю. В. Пятая молодежная, № 3
- Великий сын монгольского народа (к 80-летию со дня рождения Сухэ-Батора), № 1
- Международная конференция в Ташкенте, № 1
- Юбилейное заседание, № 1

#### Отвечаем на вопросы читателей

- ФЕТОВ В. П. Очередной кризис в Пекине: падение Линь Бяо, № 2

#### События, цифры, факты

№ 1, 3

#### Новые книги

№ 1, 2, 3, 4

#### Научная жизнь, сообщения

- БЕЛОУСОВ Р. С. Пятая конференция писателей стран Азии и Африки, № 4
- ВИНОГРАДОВ Т. В. Историография стран Дальнего Востока, № 2
- ГЛУНИН В. И. Из истории политической борьбы китайского рабочего класса (к 50-летию забастовки на Пекин — Ханькоуской железной дороге), № 1
- ДОБРЫНИН К. А. Научная конференция «Общество и государство в Китае», № 2

Сдано в производство 28. IX. 1973 г. Подписано к печати 17. XI. 1973 г.  
 А 11592 Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. л. 6<sup>1</sup>/<sub>2</sub>. Печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 19,61.  
 Изд. № 16 885. Цена 50 коп. Заказ 2025. Тираж 12700.  
 Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета  
 Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной  
 торговли  
 Москва Г-21, Zubovskiy bul'var, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома  
 при Государственном комитете Совета Министров СССР  
 по делам издательств, полиграфии и книжной торговли  
 г. Чехов, Московской области

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
19	2сн.	напортив	напротив
84	14сн.	прекращение	противопоставление
110	таблица	олландия	Голландия
136	15 сн.	Джу Дэ	Чжу Дэ
139	8 сн.	Первого	Генерального
150	16 сн	Цин	Цинь
150	17 сн.	Цин Ши-хуаном	Цинь Ши-хуаном
151	1 сн.	Цин	Цинь
186	16 сн.	1972	1927